N 34/57
T. 1

2851

N 34/57

ПУТЕШЕСТВІЕ

по

СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКИМЪ СОЕДИНЕННЫМЪ ШТАТАМЪ,

КАНАДѢ И ОСТРОВУ КУБѢ.

ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО

СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКИМЪ СОЕДИНЕННЫМЪ ШТАТАМЪ,

КАНАДѢ И ОСТРОВУ КУБѢ.

N 84/57

ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО

СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКИМЪ ШТАТАМЪ,

КАНАДѢ

И ОСТРОВУ КУБѢ

АЛЕКСАНДРА ЛАКІЕРА.

ТОМЪ I.

СЪ КАРТОЮ ОПИСАННЫХЪ СТРАНЪ.

ПУБЛ. БИБЛ. ИМЕНИ Е. И. ЛЕНИНА С. С. С. Р.
Ф. 32-3049

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ К. ВУЛЬФА.
1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ. Декабря 30-го, 1858 года.

Цензоръ *И. Гончаровъ.*

2024387956

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Начавъ свое путешествіе по Америкѣ съ Бостона, куда я, въ 1857 году, прибылъ изъ Европы, я проѣхалъ восточные штаты Сѣверо-Американскаго Союза, затѣмъ перебрался въ центральные и, наконецъ, по Миссисипи спустился въ Новый-Орлеанъ. Отсюда, обозрѣвъ островъ Кубу, я возвратился въ Сѣверную Америку и окончилъ свое странствіе по ней пребываніемъ въ Вашингтонѣ. Ели къ этому прибавить Канаду, то исчислены вкратцѣ тѣ части Новаго Свѣта, которыхъ описаніе предлагаю отечественнымъ читателямъ.

Отрывки изъ путевыхъ моихъ очерковъ, напечатанные въ журналахъ, могли показать, съ какой точки зрѣнія я смотрѣлъ на описанныя страны. Здѣсь мнѣ остается прибавить, что главною моею заботою было изучить учрежденія и познакомиться съ внутреннимъ бытомъ страны и общества. Личныя наблюденія служили главнымъ для меня источникомъ. Съ этою цѣлью я углублялся внутрь страны, живалъ на плантаціяхъ и фермахъ, говорилъ съ американцами; но въ тоже время немогъ и не долженъ былъ пренебрегать газетами, нѣкоторыми оффиціальными и частными источниками, хотя

правиломъ у меня всегда оставалось описывать только то, что видѣлъ и въ чемъ могъ удостовѣриться на мѣстѣ.

Исключеніе сдѣлано мною въ пользу исторіи колоній, въ послѣдствіи штатовъ Сѣверной Америки, войны ихъ съ Англіею и, наконецъ, изложенія въ общихъ чертахъ современной американской конституціи, ея выгодъ и значенія. Такое отступленіе отъ принятаго начала объясняется желаніемъ высказать за одинъ разъ то, что иначе приходилось бы повторять неоднократно при разныхъ случаяхъ. Впрочемъ, предметъ самъ по себѣ такъ важенъ и мало у насъ извѣстенъ, что не-совсѣмъ подробное разсмотрѣніе конституціи Сѣверо-американскаго Союза въ сочиненіи, имѣющемъ главнымъ образомъ въ виду ознакомить читателей съ его учрежденіями, могло бы, и очень справедливо, быть причтено къ его недостаткамъ.

Во всякомъ случаѣ, еслибы предлагаемое «Путешествіе» и не имѣло никакихъ *другихъ достоинствъ*, оно останется у насъ первымъ описаніемъ юной и малонаселенной страны, которая имѣетъ много общаго съ Россіею и во многихъ отношеніяхъ любопытна. Въ иностранныхъ литературахъ объ Америкѣ, ея исторіи, географіи, нравахъ и учрежденіяхъ написаны цѣлыя библіотеки. Наша же не можетъ указать ни одного серьезнаго сочиненія о Новомъ Свѣтѣ, а между тѣмъ ближайшее знакомство съ нимъ и занимательно и полезно.

А. Л.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА.

ГЛАВА I. Цѣль путешествія въ Америку. — Параходъ «Европа». — Общество на немъ. — Отъѣздъ изъ Ливерпуля. — Что такое американецъ? — Прибытіе въ Галифаксъ. — Бостонъ. — Вліяніе Массачузета на весь Союзъ. — Внѣшній видъ Сѣверной Америки. — Географическое и нравственное различіе между сѣверными и южными штатами. стр. 1—16

ГЛАВА II. Историческій очеркъ колоній въ Новомъ Свѣтѣ. — Открытіе Америки. — Притязанія Испаніи и Англіи на новый континентъ. — Дикіе. — Догадка о ихъ происхожденіи. — Поселенія въ Виргиніи. — Колоніи Новой Англіи. — Массачузетская конфедерація. — Мариландъ. — Нью-Іоркъ. — Новый Джерсей и Пенсильванія. — Каролина и Георгія. . 17—81

ГЛАВА III. Исторія союзной конституціи. — Билль о правахъ колоній. — Континентальный конгрессъ и конфедерація. — Конституція Союза. — Ея важность для исторіи Сѣверной Америки. — Раздѣленіе конгресса. — Составъ, права и обязанности его. — Палата депутатовъ и сенатъ. — Президентъ Соединенныхъ Штатовъ. — Союзный Судъ и объѣздъ судей. — Внутреннее устройство отдѣльныхъ штатовъ. — Вопросъ о распаденіи ихъ. — Исторія новыхъ штатовъ. — Народонаселеніе Союза . . . . . 81—114

ГЛАВА IV. Бостонъ. — Гавань. — Исторія чемодана въ таможнѣ. — Американская гостинница. — Воскресенье. — Назидательныя книжки. — Церкви пуританъ и другихъ сектъ.

— Законы противъ роскоши, неуваженія къ воскресенью и употребленія крѣпкихъ напитковъ.—Голубые законы Новой Англіи. — Общественныя молитвы пуританъ. — Мѣстоположеніе Бостона — Историческіе въ немъ памятники. — Бостонскія городскія школы.—Ихъ число и устройство.— Харвардъ Колледжъ и университетъ. — Суды. — Присяжные. — Адвокаты. — Объѣзды судей.—Тюрьмы и исправительныя заведенія. . . . . 115—190

ГЛАВА V. Нью-Йоркъ. Отъѣздъ изъ Бостона. — Американская желѣзная дорога и параходъ. — Нью-Йоркскій портъ. — Бродвей. — Образъ жизни въ Нью-Йоркѣ. — Переселенцы изъ Европы. — Ихъ бѣдность и движеніе на западъ. — Вліяніе народа на выборы. — Подкупность чиновниковъ. — Сроки служенія. — Организація городскаго управленія. — Школы для бѣлыхъ и цвѣтныхъ. — Газеты. — Журналы. Библіотеки и ученыя общества Нью-Йорка 191—241

ГЛАВА VI. Нью-Йоркъ *(продолженіе)*. Торговля. — Кораблестроеніе. — Банки и банкиры. — Сборы съ городскихъ имуществъ. — Водопроводы. — Полицейское управленіе. — Милиція. — Пожарные. — Суды и тюрьмы Нью-Йорка. — Островъ Блаквелль. — Богадѣльня. — Тюрьма — Рабочій домъ. — Убѣжище для молодыхъ преступниковъ. — Домъ умалишенныхъ. — Бруклинъ и Гринвудское кладбище . . . . . 241—284

ГЛАВА VII. Отъ Нью-Йорка по Худсону до Монреаля. Рѣка Худсонъ. — Догадка объ его образованіи. — Историческое значеніе Худсона. — Сингъ-сингская тюрьма. — Клинтонъ-Пойнтъ. — Вестпойнтская военная академія. — Ольбани и правительство штата. — Троя. — Озеро Шамплэнъ. — Канадцы; языкъ и деревни ихъ. — Ренты и сеньеріи — Рѣка Св. Лаврентія. — Монреаль. — Исторія Канады. — Парламентъ и управленіе Канады. — Католическія школы. — Церкви. — Образъ жизни. — Ла-Шинъ. — Тысяча острововъ . . . . . 285—326

ГЛАВА VIII. Отъ Квебека до Ніагарскаго водопада. Рѣка Св. Лаврентія. — Квебекъ. — Брилліантовый мысъ. — Крѣпость. — Суды. — Семинарія. — Водопадъ Монморанси. — Деревня Бо-поръ. — Индѣйцы деревни Лоретъ. — Рѣка Оттава. — Байтоунъ или Оттава-Сити. — Его окрестности. — Канадскій лѣсъ и его обитатели. — Лѣсная промышленность. — Сплавъ лѣса. — Дикіе и ихъ характеръ. — Прескотъ и Огденсбургъ. — Кингстонъ. — Озеро Эри. — Торонто. — Ніагарскій водопадъ и его окрестности . . . . . 326—374

ГЛАВА I.

Цѣль путешествія въ Америку.—Пароходъ «Европа».—Общество на немъ.—Отъѣздъ изъ Ливерпуля.—Что такое Американецъ?—Прибытіе въ Галифаксъ.—Бостонъ.—Вліяніе Массачюзета на весь Союзъ.—Внѣшній видъ Сѣверной Америки.—Географическое и нравственное различіе между сѣверными и южными штатами.

I.

Наконецъ, думалъ я про себя, стоя въ Ливерпулѣ на пароходѣ «Европа», увижу я край, который увидѣть мнѣ такъ давно хотѣлось. Путешествовать по Америкѣ давно составляло предметъ моихъ мечтаній. Тѣмъ не менѣе совершенно естественъ былъ вопросъ, который мнѣ предлагали провожавшіе меня соотечественники: зачѣмъ я ѣхалъ за океанъ? Было-ли это путешествіе слѣдствіемъ одной любознательности? Если такъ, то стоило-ли удовлетвореніе ея тѣхъ безпокойствъ, издержекъ и опасностей, съ которыми соединено двѣнадцатидневное, при благопріятныхъ даже обстоятельствахъ, плаваніе по океану? Нельзя-ли было удовлетворить пытливость ума чтеніемъ чужихъ путешествій? Собесѣдники мои нисколько не противорѣчили мнѣ, что страна, которую посѣтить я собирался, представляетъ много чрезвычайно-любопытнаго, они соглашались, что готовы были послѣдовать моему примѣру; но вопросъ оставался

все еще не разрѣшеннымъ. Я видѣлъ, что нельзя отдѣлаться отъ нихъ общими фразами въ родѣ той, что хочу посмотрѣть, какъ живутъ янки, какъ, пользуясь свободою, стрѣляютъ другъ въ друга изъ револьверовъ, какъ они богатѣютъ, и пока мы стояли на широкомъ Мерсеѣ, ожидая морскаго прилива, я могъ развить предъ ними вкратцѣ свои мысли и соображенія.

Не могу сказать, чтобы я ѣхалъ за океанъ для торговыхъ предпріятій, для открытія новыхъ земель или для заведенія колоніи на дальнемъ Западѣ; меня не занимаетъ спеціально растительность мало-извѣстнаго у насъ края. Хотя каждой изъ этихъ цѣлей въ отдѣльности было бы совершенно достаточно для того, чтобы оставить на время Старый Свѣтъ, но всѣ онѣ, утверждалъ я, должны подчиниться одной общей цѣли: рѣшить для себя вопросъ, какъ этотъ младшій въ семьѣ человѣчества братъ успѣлъ такъ далеко оставить за собою старшихъ братьевъ въ торговлѣ, мореплаваніи и вообще производительной дѣятельности? Почему и теперь уже Сѣверо-Американскіе Штаты во многомъ служатъ образцомъ для Европы, когда, можно сказать, отъ начала существованія Америки до сихъ поръ прошло всего полстолѣтія? Чтоже обѣщаетъ будущее этой занимательной страны? Какую пользу, какое назиданіе можемъ мы извлечь для себя изъ великаго опыта, представляемаго страною, съ которою сношенія если до сихъ поръ вовсе не начинались по отдаленности, современемъ, можно предвидѣть, примутъ огромные размѣры чрезъ Тихій океанъ? А какъ въ тоже время Американскій Союзъ дошелъ до своихъ учрежденій? Какъ держатся они? Гдѣ зерно того демократическаго равенства, которое вовсе непонятно для европейца? И послѣ пребыванія въ Англіи даже вопросы эти были для меня неразрѣшимы. Между тѣмъ исторія ясно говорила, что Америкѣ

суждено дать своему населенію такія учрежденія, до которыхъ Европа стремилась, но не могла дойти. Конечно, переселенцы, шедшіе въ новый міръ, принадлежали къ той–же расѣ, которою заселены сѣверная и средняя полосы Европы, расѣ, стоявшей всегда въ главѣ движенія человѣчества на пути просвѣщенія, нравственнаго развитія и матеріальныхъ усовершенствованій. Но на старомъ континентѣ шествіе впередъ было не всегда безпрепятственно: напротивъ, встрѣчались историческія помѣхи со стороны прошедшаго, давшаго многимъ отношеніямъ сложиться такъ, что изъ–за нихъ не было другаго выхода, какъ отказаться отъ своего прошедшаго и перенесть дѣятельность на новую почву, въ страну еще не початую, гдѣ всякая живая мысль могла безпрепятственно пустить корни и принесть плодъ. Почва была еще не воздѣлана, но богата; и пахарь по своей дѣятельности, твердости и терпѣнію былъ самою природою предназначенъ для извлеченія изъ ея нѣдръ зарытыхъ въ ней сокровищъ.

Вѣрна–ли была такая мысль, во время отъѣзда изъ Европы еще только теоретическое предположеніе, должны показать мои очерки Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Въ то время, по крайней мѣрѣ, Америка представлялась мнѣ свѣтившеюся вдали точкою, долженствовавшею разъяснить многое, чего не разрѣшало пытливой любознательности ни прошедшее, ни настоящее Европы.

Прибытіе англійской почты на небольшомъ пароходикѣ было сигналомъ къ скорому отходу нашего великана, сбиравшагося, незнаю, въ который разъ, переплыть океанъ. Съ нетерпѣніемъ горячаго коня ждалъ нашъ пароходъ, когда на цѣлые десять дней пустятъ поводъ и дадутъ ему, незнающему устали, свободу. Помощнику капитана сдавались цѣлые полчаса мѣшки и сундуки, связки, кипы га–

зетъ, письма, посылки. Какая бездна! и все это за три, за четыре дня, а можетъ-быть и менѣе. Какъ Англія, такъ и Американскіе Штаты пользуются всякимъ отходомъ пароваго судна для того, чтобы поручить ему свои депеши, письма и посылки. Бременская, Гаврская, Гамбургская, Соутгемптоунская компаніи—всѣ перевозятъ почту, но компанія, которой принадлежитъ пароходъ «Европа», имѣетъ особый договоръ съ правительствами о перевозкѣ почты. Пароходъ назывался почтовымъ, *Mailsteamer*, и въ этомъ качествѣ представлялъ для пассажировъ и груза большія обезпеченія. Онъ содержится лучше другихъ, капитанъ осторожнѣе и, слѣдовательно, рискуешь менѣе. Пароходъ дѣйствительно былъ огромный, устроенъ отлично: удобство, чистота и роскошь были видны повсюду. По счастію, на пароходѣ оказался молодой американецъ, возвращавшійся домой. Съ нимъ меня познакомили мои соотечественники и онъ обѣщалъ имъ руководить новичка въ новомъ царствѣ, куда меня бросала судьба. По предварительномъ осмотрѣ парохода, оказалось, что въ первомъ классѣ—полный комплектъ пассажировъ, было занято 200 мѣстъ; но видя огромные запасы зелени, рыбы и мяса, слыша со всѣхъ сторонъ блѣяніе овецъ, мычаніе воловъ, среди самой разнообразной живности, куръ, индѣекъ, ждавшихъ своей очереди, чтобы кормить огромную компанію, нечего было опасаться за благосостояніе ея во время переѣзда. Дойная корова спокойно стояла на отведенномъ ей на палубѣ почетномъ мѣстѣ, и, повидимому, такъ же привыкла къ морскимъ путешествіямъ, какъ въ населенныхъ графствахъ Англіи стада овецъ привыкаютъ къ свисту паровоза.

Мы были еще въ гавани, еще англійскій почтовый чиновникъ въ красномъ мундирѣ отсчитывалъ тюки и посылки, когда мой новый знакомый, мистеръ М*, повелъ меня

въ столовую, помѣщавшуюся на палубѣ въ особой бесѣдкѣ, и объяснилъ мнѣ, что надобно занять мѣста для обѣда на все время странствія, что потомъ не доберешься до него и все будетъ занято. Я рѣшился не отставать отъ своего вожатаго, родомъ ирландца, но уже не въ первый рязъ переплывавшаго океанъ, чтобы устроить свои дѣла въ Новомъ Орлеанѣ на Южномъ Миссисипи. Здѣсь собственно его домашній очагъ, *home*, но чтобы избѣгнуть опасности желтой горячки, опустошающей всякое лѣто южные штаты Союза, и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы скрѣплять торговыя связи съ континентомъ, мистеръ M* ежегодно переплывалъ океанъ и привыкъ къ пароходу, какъ будто къ своей конторѣ. Ирландская основа происхожденія становилась уже не совсѣмъ ясною подъ оболочкою судорожной и постоянно требовавшей пищи дѣятельности, по которой его можно было признать за чистаго янки. Его обличали, впрочемъ, добрый, веселый нравъ и частый смѣхъ. Самъ M* называлъ себя американцемъ, потому что пробылъ въ Штатахъ гораздо болѣе двухъ лѣтъ и принятъ въ число американскихъ гражданъ (*naturalised*).

За такого путеводителя, который дѣйствительно оказалъ мнѣ во время путешествія по Соединеннымъ Штатамъ не одну услугу, я отъ сердца благодарилъ русскихъ, которыхъ оставлялъ въ Ливерпулѣ. Еще поклонъ, еще послѣднія слова прощанія, еще взмахъ платка, и на нѣсколько дней мы отдѣлены отъ земли. Теперь, когда все это прошло, не хочется повторять грустныхъ мыслей о томъ, что могло бы случиться на пути, не хочется вспоминать про страхъ, который невольно вкрадывается въ сердце, когда со всѣхъ сторонъ, особенно въ первые дни плаванія, долетали разсказы о недавнихъ несчастіяхъ то на одномъ, то на другомъ пароходѣ, и когда вздохи и крики служатъ предтечами

болѣзни. Волна играетъ кораблемъ по произволу; кажется, вотъ еще одинъ всплескъ ея, и скорлупы, которой ввѣрили себя десятки, сотни людей, цѣлыя семейства, какъ небывало... Но ко всему привыкаешь, и скоро жизнь на пароходѣ становится болѣе разнообразною и болѣе сносною. Завтракъ, обѣдъ и ужинъ остаются, правда, точками раздѣленія дня, за ними стараются провесть какъ можно болѣе времени, чтобы оставалось меньше для скуки. Въ промежуткахъ кто гуляетъ на палубѣ, кто садится играть въ шахматы, кто въ карты, кто переноситъ и на пароходъ страсть къ книгамъ и пользуется богатою библіотекою стимера. Леди любятъ мечтать и на пароходѣ, смотрѣть на остающуюся за нимъ пѣну. Измѣнчивая стихія хранитъ серебристый слѣдъ, пока онъ не сольется съ массою водъ. О комъ думаетъ эта черноокая испанка, обратившись лицемъ къ Европѣ: жалѣетъ ли она чего нибудь, оставленнаго въ Старомъ Свѣтѣ, или радуется тому, что ждетъ ее въ Новомъ? Интересно было-бы разобрать привязанности, желанія, надежды каждаго изъ пассажировъ; времени для того было бы довольно. Если справедливо, что всякое путешествіе сближаетъ людей, вовсе незнакомыхъ, тѣмъ болѣе справедливо это въ морскомъ путешествіи, когда кромѣ обыкновеннаго сожительства сводятъ общія опасности и общее томленіе по стихіи, сродной человѣку. А общая болѣзнь? Страданія ближняго на пространствѣ, гдѣ ихъ нельзя ни скрыть, ни убавить? Подъ конецъ странствія невольно сдѣлаешься съ большинствомъ, по крайней мѣрѣ, до того близкихъ, какъ близки товарищи по школѣ, подвергавшіеся однимъ страданіямъ, однимъ лишеніямъ и оживлявшіеся однѣми надеждами.

Общество наше состояло по большей части изъ американцевъ. Но что такое американецъ и даетъ ли слово это

какую нибудь идею о характерѣ народа, какъ напримѣръ названія: французъ, русскій или нѣмецъ? Я не шутя говорилъ своему товарищу по каютѣ, называвшему себя американцемъ изъ Шикаго, родомъ нѣмцу, дурно говорившему по англійски, что американецъ, по моему, или здѣшній коренной житель, котораго бѣлый некстати назвалъ индѣйцемъ, или родившійся въ Новомъ Свѣтѣ потомокъ европейцевъ. Но нѣтъ! почетнаго имени «американецъ» никто не отвергаетъ, и всякій, называя себя сыномъ Америки, дорожитъ объемомъ правъ, которыми онъ въ этомъ качествѣ пользуется, какъ самостоятельный и независимый гражданинъ. Можно ли, впрочемъ, обвинять его за такое предпочтеніе имени, которое ему дорого, и само по себѣ, и по тѣмъ выгодамъ, которыя съ нимъ связаны? Но это стремленіе войти въ число американскихъ гражданъ объясняетъ, почему общество американцевъ представляетъ такое смѣшеніе разныхъ степеней воспитанія, понятій, сужденій, какого, конечно, не представитъ никакая другая народность. И это тѣмъ чувствительнѣе на пароходѣ, что всѣ вмѣстѣ, что никакія отличія не разсѣкаютъ общества на слои, не сливающіеся между собою, что всѣ считаютъ себя равными по своимъ общественнымъ правамъ и слѣдовательно уступки въ пользу почестей, службы, богатства никто не ждетъ. Въ своемъ кругу каждый займетъ принадлежащее ему мѣсто, но въ обществѣ всѣ равны, всякій имѣетъ право на уваженіе не болѣе, не менѣе своихъ собратовъ. Въ этой смѣси также самостоятельно и независимо подаетъ свой голосъ иногда о предметѣ первой важности бѣдный работникъ, какъ испытанный временемъ ученый его согражданинъ, и не было бы большей обиды для американца, какъ если бы его прервали замѣчаніемъ, что разсужденіе не по его силамъ и понятіямъ. Можно-ли привыкнуть къ этой

смѣси? Пріятна ли она для человѣка, вынесшаго изъ Европы извѣстныя понятія о кастахъ и отличіяхъ? Это вопросъ, но фактъ тотъ, что всякій человѣкъ равенъ другому по своему праву толковать и разсуждать; нисшихъ нѣтъ, а есть только богатые, бѣдные, и послѣдніе служатъ первымъ, пока не разбогатѣютъ. Въ Европѣ различія отъ колыбели до могилы, и есть предѣлы, которыхъ перейти нельзя и думать. Въ Америкѣ этихъ препятствій нѣтъ и долго, по крайней мѣрѣ, не будетъ.

Какъ всегда и вездѣ, на пароходѣ образуются свои кружки изъ людей, болѣе сходящихся по воспитанію, образу мыслей; но общее: *good morning, sir! very fine day, sir!* слышится долго поутру на палубѣ, въ столовой, въ коридорахъ. Иногда этимъ интереснымъ воззваніемъ и оканчивается весь разговоръ; но урочныя слова непремѣнно произносятся каждому, въ слѣдствіе того же начала равенства.

На пароходѣ *Европа* оказались граждане и сѣверныхъ и южныхъ штатовъ Америки, и нескончаемые споры между тѣми и другими относительно вопроса о рабствѣ были тѣмъ жарче, что вмѣстѣ съ нами ѣхали дочери автора Онкля Тома Бичеръ-Сто. Тогда какъ владѣльцы рабовъ, граждане южныхъ штатовъ, не могли равнодушно пройти мимо дочери той, которая въ Онклѣ Томѣ вывела продѣлки плантаторовъ съ принадлежащими имъ неграми, аболисіонисты, янки, жители наоборотъ сѣверныхъ штатовъ, уважали въ дочеряхъ талантъ и дарованіе ихъ матери. И на пароходѣ, какъ вездѣ, этотъ живой вопросъ былъ яблокомъ раздора, но большинство было на сторонѣ гонителей рабства. Мы еще были на вольномъ морѣ, на кораблѣ, въ половину принадлежащемъ Англіи, и южные штаты должны были уступить, хотя обѣ стороны остались, какъ всегда, при своихъ мнѣніяхъ, отъ

которыхъ отступиться нельзя безъ собственнаго раззоренія и ослабленія.

Однообразная жизнь, которая видоизмѣнялась перемѣною мѣста лежанія то въ каютѣ, то на палубѣ, болѣе или менѣе дурнымъ состояніемъ здоровья, для меня проходила среди картъ Америки. На пароходѣ было нѣсколько американцевъ, которые для разныхъ цѣлей и въ разныя времена странствовали по Соединеннымъ Штатамъ, и благодаря ихъ указаніямъ, я могъ уже на пароходѣ рѣшиться, какому слѣдовать пути и гдѣ остановиться. Американцы, убѣждая европейца не пугаться разстояній, не хотятъ согласиться, что, напримѣръ, отъ Бостона до Миссисипи, или отъ С.-Луи до Новаго Орлеана далеко, хотя каждое изъ этихъ мѣстъ отдалено отъ другаго болѣе, чѣмъ на 2,000 англійскихъ миль. «Вотъ посмотрѣли бы вы», говорилъ мнѣ одинъ, «какъ путешествовали въ былое время, когда не было ни пароходовъ, ни желѣзныхъ дорогъ, когда кое-гдѣ въ лѣсу виднѣлись блокгаузы, сколоченные первыми переселенцами изъ бревенъ, покрытые сучьями и листьями, и какая нибудь допотопная карета (*stage*), запряженная парою невзрачныхъ лошадей, перевозила, чуть не шагомъ, по бревенчатымъ дорогамъ (*plankroads*), или, что еще хуже, надо было пробираться верхомъ на далекихъ разстояніяхъ. Что были тогда за дороги!—Теперь дѣло иное, ѣздить легко, удобно, скоро, поѣзды желѣзныхъ дорогъ приноровлены къ нуждамъ каждаго, можно ѣздить и днемъ и ночью, и что-же мудренаго, что для окончанія какихъ нибудь счетовъ на дальнемъ Западѣ съ фермеромъ, въ окрестностяхъ Шикаго, къ нему переносится купецъ изъ Нью-Йорка своимъ собственнымъ лицомъ? Отъ того всѣ поѣзды всегда полны, компаніи въ выигрышѣ и весь Союзъ изрѣзанъ рельсами,»

На счетъ пароходовъ собесѣдникъ мой относился еще выгоднѣе и похваламъ его не было конца.

Для меня эти свѣдѣнія были важны потому, что я могъ разсчитывать увидѣть всѣ или по крайней мѣрѣ главные американскіе штаты, не рискуя ничѣмъ, кромѣ развѣ жизни, и подвергая себя большей или меньшей возможности быть изувѣченнымъ. Но, гдѣ-же и не подвергаешься опасности?

Къ вечеру, когда общество было въ добромъ расположеніи духа и когда болѣзнь щадила насъ, начинались пѣсни, игры, и столовая обращалась въ салонъ, гдѣ каждый забавлялъ себя какъ могъ. Разумѣется, самый интересный разговоръ всегда вертѣлся около того, сколько пройдено миль, скоро-ли отмели Ньюфаундленда, въ слѣдствіе того соображенія, когда можемъ прибыть на мѣсто, споры, пари, будто они въ самомъ дѣлѣ сколько-нибудь могли подвинуть насъ впередъ. Встрѣча корабля была событіемъ, вызывавшимъ всѣхъ на палубу; наводились зрительныя трубы, выкидывались сигналы... однимъ словомъ, всякій изъ насъ, послѣ нѣсколькихъ дней плаванія, обратился въ моряка, забывшаго, что есть другая стихія, кромѣ воды, и такъ какъ почти все время погода была довольно тихая и сносная, всѣ, за малыми исключеніями, чувствовали себя недурно, и вообще поѣздка наша чрезъ океанъ не оставляла дурнаго впечатлѣнія.

По воскресеньямъ убирались всѣ другія книги, кромѣ библіи, служебниковъ и молитвенниковъ. Карты, шахматы и прочія игры изгонялись, какъ недостойныя развлеченія, и тотчасъ послѣ завтрака капитанъ въ своемъ парадномъ мундирѣ занималъ мѣсто по срединѣ столовой. Въ залу входили матросы, небывшіе на вахтѣ, занимали мѣста, и начиналась молитва въ слухъ, на которую отвѣчали прихожане; но и послѣ молитвы большая часть дня проводилась за чтеніемъ Священнаго Писанія и на пароходѣ царила такая-же

тишина, какая бываетъ по воскресеньямъ въ иномъ людномъ городѣ Англіи или Сѣверной Америки.

На девятый день плаванія стали открываться берега Ньюфаундленда, и хотя до перваго мѣста нашей высадки, до Галифакса, оставалось еще плыть болѣе сутокъ, радость была въ родѣ той, какую испытывалъ, воображаю я, Христоферъ Колумбъ, увидѣвъ впервые Новый Свѣтъ. Иной былъ здѣсь дома, другой ѣхалъ на свиданіе къ своимъ, третій имѣлъ въ виду выгодныя денежныя операціи, и для всякаго окончаніе путешествія было предѣломъ тревожныхъ ожиданій. Немудрено, что весь пароходъ былъ на ногахъ, несмотря на то, что было далеко за полночь, когда онъ сталъ входить въ глубокій заливъ, у котораго находится Галифаксъ, главный городъ Новой Шотландіи *(Nova Scotia)*, одной изъ англійскихъ провинцій въ Сѣверной Америкѣ.

Подходя къ городу, мы видѣли, какъ засвѣщались газовые фонари на сонныхъ улицахъ, открывались таможня, почта, и капитанъ объявилъ намъ, что мы можемъ пойти на берегъ, но что чрезъ два часа снимемся. Ими мы воспользовались для того, чтобы убѣдиться, что мы стоимъ на твердой землѣ, бродили по улицамъ, взлѣзали даже на скалу, на которой расположена крѣпость, и вообще въ полумракѣ могли удостовѣриться въ томъ только, что городъ служитъ передовымъ укрѣпленіемъ для англійскихъ владѣній въ Америкѣ, что въ портѣ Галифакса, одномъ изъ удобнѣйшихъ и наиболѣе защищенныхъ отъ вѣтра и бурь, стояло много кораблей; а зачѣмъ разсыпаны форты на протяженіи всего залива, зачѣмъ охраняется такъ тщательно галифакская крѣпость, легко объясняется опасеніемъ Англіи, что если она еще когда-нибудь столкнется враждебно съ Америкою, Штатамъ всего ближе обратиться къ сосѣднимъ владѣніямъ Великобританіи и тѣмъ нанесть ударъ сопернику.

На разсвѣтѣ, покидая городъ, мы могли еще болѣе разглядѣть его выгодное и красивое мѣстоположеніе. Большая часть домовъ въ нижнемъ торговомъ городѣ, деревянные, и среди ихъ кажутся огромными каменныя правительственныя зданія, которыхъ здѣсь много, такъ какъ въ Галифаксѣ сосредоточено главное управленіе Новою Шотландіею. Въ главномъ зданіи, такъ-называемомъ *province building*, помѣщаются палаты провинціальнаго парламента, высшій судъ, разныя правительственныя установленія и публичная библіотека города. Шпицы церквей разныхъ исповѣданій и разныхъ стилей, общій колоритъ города, ничѣмъ не отличающагося отъ любаго мѣстечка Англіи, невольно переносили мысль по ту сторону океана, въ Старый міръ. Только черное населеніе поражало непривычный къ цвѣтной кожѣ глазъ. Впрочемъ, американецъ Соединенныхъ Штатовъ вовсе не причисляетъ къ разряду американцевъ англичанина Новой Шотландіи, Ньюфаундленда, Новаго Брунсвика: тутъ, говоритъ американецъ изъ Нью-Йорка, на другой почвѣ и подъ другимъ градусомъ широты таже Англія, таже старая Англія, которой въ противоположность близь лежащіе штаты Сѣверо-Американскаго Союза назвали себя Новою Англіею.

Переѣздъ отъ Галифакса до Бостона, куда назначался нашъ пароходъ, сравнительно по крайней мѣрѣ былъ не дологъ, и всего чрезъ двѣнадцатъ дней по отъѣздѣ изъ Европы мы увидѣли высоты, образующія входъ въ Бостонскую губу, а за нимъ скоро показался и самъ Бостонъ столица Массачюзета; онъ служитъ если не правительственнымъ, то нравственнымъ центромъ для сѣверныхъ штатовъ, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ Новой Англіи, *New England*. Вліяніе ея на судьбу и устройство всего Союза Сѣверо-Американскихъ Штатовъ чрезвычайно важно. Въ Бостонѣ

зарождались идеи, которыя потомъ проходили по всѣмъ штатамъ, вездѣ принимались съ восторгомъ, и примѣнялись къ народной жизни. Для объясненія какъ этого, такъ и многихъ другихъ вопросовъ, которые себѣ задаешь при видѣ современнаго состоянія Америки, необходимо обратиться къ географическому положенію тѣхъ странъ, которыя носятъ общее названіе Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, и затѣмъ вспомнить ихъ прошедшее, чтобы, руководствуясь имъ, понять необходимость настоящаго.

II.

ВНѢШНІЙ ВИДЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКИ.

Чѣмъ болѣе страна соприкасается съ моремъ, чѣмъ глубже врѣзываются въ твердую ея поверхность глубокія судоходныя рѣки, тѣмъ менѣе она отдѣлена отъ остальнаго міра и тѣмъ наоборотъ вѣрнѣе и производительнѣе ея сношенія съ другими частями Свѣта. Моря соединяютъ, горы раздѣляютъ, давно доказанная истина. Но еслибы и для нея необходимы были доказательства, достаточно сослаться на Африку: она навсегда осталась въ первоначальномъ состояніи варварства и невѣжества, именно потому, что огромный континентъ отдѣленъ горами отъ моря, а недостатокъ большихъ рѣкъ и заливовъ лишаетъ его возможности принимать участіе въ развитіи всего человѣчества. Нѣсколько выгоднѣе положеніе сѣверныхъ береговъ Африки, и именно потому-то и въ древности пользовались они нѣкоторымъ значеніемъ, и теперь на нихъ обращено вниманіе Европы. За Атласомъ всегда было царство тьмы и невѣжества.

Совершенно другую крайность представляетъ Сѣверная Америка. Вся изрѣзанная бухтами, заливами, вдающимися далеко въ твердую землю, она самою природою назначена

для высокихъ цѣлей. Тянущіяся по всему материку и сливающіяся въ разныя стороны рѣки, какихъ не встрѣчаешь въ другихъ краяхъ міра, не только оплодотворяютъ страны, ими орошаемыя, но въ тоже время несутъ на себѣ цѣлые флоты кораблей, съ плодами земли и человѣческой промышленности. Прежде, чѣмъ были проведены искусственныя дороги, естественные пути сообщенія уже существовали. Человѣку оставалось только дополнить то, что не было сдѣлано природою, оставалось провести каналъ, гдѣ рѣка была мелка и несудоходна, расчистить пороги, если они мѣшали судоходству. Необычайныя выгоды для сообщеній и торговли представляла цѣпь сѣверо-американскихъ озеръ: начинаясь отъ дальняго запада и уклоняясь прихотливыми своими разливами то на сѣверъ, то на югъ, они перерѣзываютъ всю сѣверную половину Штатовъ и истекаютъ въ Атлантическій океанъ рѣкою Св. Лаврентія.

Завидное сочетаніе водъ и земли, равномѣрное распредѣленіе ихъ по всѣмъ частямъ Союза, представляютъ выгоды, единственныя на Земномъ шарѣ. Вѣрность сказаннаго лучше всего доказываютъ слѣдующія цифры. Простираясь отъ *В.* къ *З.* на 2,900 и отъ *С.* къ *Ю.* на 1,730 миль, штаты Сѣверной Америки образуютъ неправильный треугольникъ, съ огромными полуостровами, въ родѣ дорогихъ привѣсковъ. Внутренность этого огромнаго материка въ 3,306,834 квадратныхъ мили также не сплошная масса равнинъ и не сцѣпленіе горъ, а сочетаніе тѣхъ и другихъ.

Глядя на карту Америки, нельзя не замѣтить по теченіямъ ея рѣкъ двухъ покатостей, расходящихся въ одной линіи—одна къ сѣверу, другая къ югу. На рубежѣ между ними стоитъ цѣпь озеръ, или, вѣрнѣе, внутреннихъ морей, происхожденіе которыхъ составляетъ до сихъ поръ загадку для географіи. Тогда какъ первая наклонность къ сѣверу

простирается до полюса, и восточнымъ своимъ концомъ упирается въ Атлантическій, а западнымъ въ Тихій океанъ, другая спускается къ югу и, имѣя основаніемъ своимъ тѣже озера, вершиною касается тропиковъ.

Вторая больше первой, и также въ свою очередь раздѣляется двумя цѣпями горъ на покатости: Алеганами на восточную, и Скалистыми горами, *Rockymountains*, на западную, направляющуюся къ Тихому океану. Съ реберъ каждой изъ этихъ цѣпей горъ скатываются къ морямъ большія судоходныя рѣки. По долинѣ между означенными возвышенностями, пространствомъ въ 1,341,649 квадратныхъ миль, вьется Миссисипи съ притоками съ обѣихъ сторонъ. Направляясь къ югу, къ Мехиканскому заливу, Миссисипи протекаетъ 2,500 миль, собирая въ себѣ десятки огромныхъ рѣкъ, немногимъ уступающихъ главному потоку, къ которому стремятся. Миссури самъ протекаетъ 2,500 миль, Аркансасъ 1,300, Красная рѣка 1,000, Иллинноисъ, рѣка Св. Петра и др. отъ 1,000 до 800 миль.

Но кромѣ рѣкъ, прорѣзывающихъ, подобно жиламъ, все тѣло Сѣверной Америки, чрезвычайную для нея выгоду составляетъ то, что изъ 10,000 миль границъ, однихъ морскихъ 4,400 и по озерамъ 1,500. Понятно, чѣмъ народъ, которому суждено было заселить эту страну, долженъ былъ двинуться впередъ и въ чемъ собственно его призваніе. Ни французы, ни испанцы не поняли, что земля, которую они открыли и отчасти заселили, была предназначена для дѣятельнаго, торговаго поприща. Вмѣсто колоній, они везли сюда войско и думали только о томъ, чтобы, раскопавъ рудники, обогатиться ими. Послѣдствія этой системы извѣстны. Англичане и голландцы были здѣсь совершенно на мѣстѣ, они оттѣснили отъ береговъ Атлантическаго океана первыхъ владѣльцевъ здѣшнихъ мѣстъ и торговлею обогатили себя,

возвысили новый край и привлекли сюда милліоны колонистовъ, мирныхъ дѣятелей изъ всего Свѣта.

Съ другой стороны, различіе климата въ обѣихъ половинахъ сѣверо-американскаго континента не могло не имѣть вліянія на характеръ и дѣятельность обитателей каждой изъ нихъ. Тогда какъ въ сѣверной половинѣ климатъ холоденъ и суровъ, огромные лѣса тянутся почти отъ одного края материка до другаго, чередуясь съ каменными породами, человѣкъ трудолюбивъ, разсудителенъ, отваженъ и предпріимчивъ; во второй, защищенной горами отъ сѣвернаго вѣтра, произведенія земли роскошны, зелень густая, климатъ нѣжитъ и ослабляетъ человѣка. Вмѣсто лихорадочной дѣятельности янки, жителя Новой Англіи, незнающаго покоя, требующаго труда, предпріимчивости, являются лѣнь, изнѣженность, неразвитость, и нисколько не оправдывая здѣсь негровъ, какъ установленія, противнаго божескимъ и человѣческимъ законамъ, скорѣе понимаешь существованіе ихъ въ южныхъ, чѣмъ сѣверныхъ штатахъ. Тогда какъ въ послѣднихъ давно уже не существуетъ болѣе рабства, въ первыхъ оно еще держится и будетъ держаться долго. Поэтому далѣе, между двумя половинами Американскаго Союза, при всемъ единствѣ ихъ политическаго устройства, есть точки раздора, въ которыхъ они сойтись не могутъ, и вовсе не произволъ людской, не случай были причинами, что и сама колонизація, первоначальное устройство разныхъ концевъ Союза, шла не одинаковымъ путемъ. Напротивъ, каждый штатъ, прежде чѣмъ достигъ до общихъ всему Союзу убѣжденій и сообразно съ ними устроилъ свое правленіе, долженъ былъ пройти по разнымъ степенямъ развитія идеи, занесенной изъ Стараго Свѣта.

ГЛАВА II.

Историческій очеркъ колоній въ Новомъ Свѣтѣ.—Открытіе Америки.—Притязанія Испаніи и Англіи на новый континентъ.—Дикіе.—Догадка о ихъ происхожденіи.—Поселенія въ Виргиніи.—Колоніи Новой Англіи.—Массачюзетская конфедерація.—Мерилендъ.—Нью-Іоркъ.—Новый-Джерсей и Пенсильвэнія.—Каролина и Георгія.

I.

Какіе народы перенесли въ Америку свою дѣятельность и свои силы? Какія политическія понятія перешли съ ними и какимъ измѣненіямъ подвергались они на новой почвѣ?—Вотъ вопросы, которые должны были занимать каждаго, кто приступалъ къ изученію прошедшаго Соединенныхъ Штатовъ. Для путешественника они имѣютъ еще другой интересъ: они служатъ для него самымъ вѣрнымъ, если и не единственнымъ средствомъ для правильнаго объясненія, почему возможно существованіе настоящаго. Лучшіе историки Соединенныхъ Штатовъ посвящали этому предмету свои ученые труды. Я назову Робертсона [1], Банкрофта [2], Лабулэ [3],

[1] *Robertson. «History of America». IX.*

[2] *Bancroft. «History of the United States from the discovery of the american continent». Vol. I.*

[3] *Edouard Laboulaye. «Histoire Politique des États-Unis». T. I Paris. 1855.*

Стори [1], наконецъ Токвиля [2], котораго книга объ Америкѣ считается самими американцами за лучшее описаніе устройства и учрежденій Союза.

Выборъ предмета для изслѣдованія, впрочемъ, самый естественный: поселенцы, оставлявшіе для Новаго Свѣта свои прежнія жилища, не были какіе–нибудь бѣдные скитальцы, искавшіе себѣ пріюта; напротивъ, по большей части средняго класса, трудолюбивые работники, зажиточные купцы, иногда знатные, богатые и сильные, они оставляли Старый Свѣтъ, чтобы найти болѣе простора новымъ идеямъ, новымъ понятіямъ, религіознымъ и политическимъ, не находившимъ себѣ сочувствія въ той средѣ и томъ обществѣ, для котораго рѣзкое удаленіе отъ принятыхъ началъ было грѣхомъ и преступленіемъ. Не могли, разумѣется, переселенцы вдругъ отказаться отъ своихъ старыхъ обычаевъ, и разрѣшенію представляется вопросъ: какими путями могли они дойти до тѣхъ началъ религіозной и политической независимости, до того равенства правъ, какого не представляетъ никакое другое общество? Какъ держится эта, съ виду по крайней мѣрѣ, несложная машина, которой подражать однако нѣтъ возможности? Значитъ, въ самомъ организмѣ народа скрыты пружины, которыя были–бы не пригодны для всякаго другаго, кромѣ того, кто ими пользуется. Одна исторія можетъ достаточно освѣтить подобные вопросы.

Въ правѣ–ли былъ папа Александръ VI распоряжаться материкомъ Америки, когда онъ, извѣстною буллою 1493

---

[1] *Story. «A familiar exposition of the constitution of the United States.» New-York. 1857.*

[2] *Alexis de Tocqueville. «La democratie en Amerique».* Въ американскомъ переводѣ: *«Democracy in America, translatedby Henry Reeve, 4 edition, New-York. 1845. 2 vol.*

года, давалъ Испаніи и Португаліи исключительное право на открытыя Христофоромъ Колумбомъ и его спутниками земли въ Новомъ Свѣтѣ и на все пространство отъ одного полюса до другаго? Обязаны ли были другіе народы покоряться закону, исходившему отъ духовнаго главы католическаго міра? Цѣль папы при этомъ была—обращеніе въ христіанство язычниковъ, которыхъ европейцы встрѣтили въ новооткрытыхъ земляхъ; но сами Европейцы поняли это иначе. Они руководились надеждою найти здѣсь несмѣтныя богатства, и первые разсказы про чудеса, встрѣченныя въ Новомъ Свѣтѣ, про открытые въ немъ рудники, влекли сюда, конечно, болѣе, чѣмъ та святая цѣль, которую имѣлъ въ виду папа.

Болѣе ли права, впрочемъ, имѣла Англія, когда стала доказывать и поддерживать оружіемъ притязанія свои на всѣ земли, которыя видѣлъ въ 1496 году мореплаватель Жанъ-Кабо? Родомъ венеціанецъ, онъ долго жилъ въ Бристолѣ и получилъ отъ англійскаго короля Генриха VII привилегію брать подъ покровительство Англіи всѣ страны и народы, которые встрѣтитъ внѣ зависимости отъ бѣлыхъ. Онъ счастливо доплылъ до Ньюфаундленда, но не высадился на берегъ, опасаясь дикихъ, и плылъ параллельно землѣ вплоть до Флориды; и этого взгляда, брошеннаго съ корабля и на разстояніи нѣсколькихъ миль отъ неизвѣстнаго материка, было для Англіи достаточно, чтобы опираться на него, какъ на неопровержимое право, во всѣхъ своихъ войнахъ съ Испаніею и впослѣдствіи Франціею за владѣнія въ Америкѣ.

Независимо отъ претендентовъ на Новый Міръ, были въ немъ еще туземцы, иная раса, заселявшая весь материкъ и прилежащіе острова, туземцы, за которыхъ была давность владѣнія или по крайней мѣрѣ давность поселенія.

*

Самъ собою возникаетъ вопросъ: были–ли бѣлые въ правѣ лишать такъ–называемыхъ дикихъ, индѣйцевъ ихъ земель и лѣсовъ? или было справедливѣе отвести имъ изъ прежнихъ владѣній такіе участки, чтобы они могли жить плодами своей охоты и своего труда? Бѣлые поступали иначе: видя, что туземцы не имѣютъ ограниченнаго извѣстными предѣлами владѣнія, что битвами рѣшались споры разныхъ племенъ на мѣста поселенія и на лѣса, гдѣ они охотились, европейцы занимали земли подлѣ моря и рѣкъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ вступали они съ дикими въ договоры, обыкновенно же подтверждали свои требованія оружіемъ и силою, а прежніе владѣльцы спасались въ далекіе лѣса и бѣжали во внутрь страны, пока и до этихъ худшихъ и болѣе удаленныхъ отъ естественныхъ путей сообщенія мѣстъ не доходили бѣлые, и наконецъ загнали ихъ на далекій западъ. Но и здѣсь ихъ не оставятъ въ покоѣ и индѣйцамъ нѣтъ другаго выбора, какъ отказаться отъ своего прошедшаго, поселиться въ деревняхъ, подобныхъ тѣмъ, какія теперь встрѣчаются въ Канадѣ, или бѣжать по мѣрѣ того, какъ приближается бѣлый, истребляющій все, что не хочетъ подчиниться его цивилизаціи и трудиться вмѣстѣ съ нимъ или для его пользы.

Если бы въ истребленіи индѣйцевъ было менѣе кровавыхъ страницъ, нельзя бы было ничего сказать противъ стремленія бѣлыхъ оттѣснить съ пути цѣлый народъ, мѣшавшій общему развитію. Доказывать противное, значило бы требовать, чтобы изъ ложнаго пониманія не существовавшаго никогда у дикихъ права собственности или даже права владѣнія, огромное населеніе оставалось въ небреженіи и невѣжествѣ и въ то же время отнимать у бѣлаго населенія, болѣе развитаго, возможность приносить пользу распространеніемъ просвѣщенія. Повторяю, если не всегда бѣлый былъ снисходителенъ къ дикому, справедли–

вость не была нарушена, и не смотря на всѣ амулеты, которыми дикій хочетъ предохранить себя отъ вреднаго, по его мнѣнію, вліянія европейца, бѣлый свободно вступаетъ въ его среду и продолжаетъ вносить въ нее или новый порядокъ вещей или гибель.

Загадкою во всякомъ случаѣ остается для исторіи начало народа, который, отличаясь отъ другихъ расъ, населяетъ весь материкъ Сѣверной и Южной Америкъ. У всѣхъ этихъ племенъ, не смотря на ихъ враждебныя отношенія, непозволявшія имъ вступать въ родственныя между собою связи, типъ лица общій, тѣже выдавшіяся скулы, тѣ же тупыя черты, темнокоричневый цвѣтъ кожи, щетинистые черные волоса, атлетическое сложеніе, наконецъ тѣже нравственныя отличія характера. Дикій смѣлъ, отваженъ, любитъ охоту, потому что съ нею онъ независимъ, а свобода и независимость—величайшія для него блага. Подобно всѣмъ первоначальнымъ народамъ, коренные жители Америки отличались, въ эпоху прибытія сюда европейцевъ, своимъ гостепріимствомъ, вѣрностью данному слову, но въ тоже время они неумолимы и безчеловѣчны во время войны. Постыдное бѣгство или жизнь послѣ пораженія считались позорными. Отличительныя черты своего характера до сихъ поръ сохранили дикіе дальнихъ территорій Орегона и Айова, куда еще мало или вовсе не проникалъ бѣлый.

Исторія не оставила положительныхъ свидѣтельствъ, какимъ путемъ пришло сюда это многочисленное населеніе. Между тѣмъ есть темное преданіе, что оно двигалось отъ запада къ востоку, и новѣйшія изслѣдованія относительно сродства языковъ, общности типа, сходства религіозныхъ вѣрованій и убѣжденій, наконецъ военнаго устройства, заставили искать сродства дикихъ индѣйцевъ съ тунгусами, монголами, татарами и другими кочующими народами Сѣ-

верной Азіи. Гумбольдтъ, въ своихъ *Essais politiques*, и Прескотъ, въ «Исторіи покоренія Мехики Кортесомъ», доказываютъ или лучше подтверждаютъ то, о чемъ говорили прежде нихъ. Если, наконецъ, принять, что тянущіеся по всему теченію Охайо курганы сдѣланы руками человѣка, то опредѣляется и путь, по которому дикіе, перешедши чрезъ Беринговъ проливъ на новый континентъ, двигались отъ притоковъ Миссисипи къ Атлантическому океану.

На свободѣ, никѣмъ не стѣсняемые, дикіе легко разошлись по огромному пространству всей Америки, и сохранившееся по общему отзыву сходство во всѣхъ нарѣчіяхъ, на которыя распался языкъ, свидѣтельствуетъ, что народъ, которому онъ принадлежитъ, не былъ покоренъ другимъ, и насильственно не внесены въ него чуждыя ему стихіи. Вообще, на языкъ индѣйцевъ Сѣверной Америки стали въ новѣйшее время обращать больше вниманія. При помощи этого источника, которому исторія уже обязана не однимъ счастливымъ результатомъ, можетъ объясниться многое въ судьбѣ загадочнаго народа.

Во всякомъ случаѣ, европейцы могли заимствовать отъ дикихъ очень мало, и обязаны имъ развѣ средствомъ разводить маисъ, сохранившій до сихъ поръ въ Америкѣ названіе *Indian corn*, и умѣніемъ печь изъ него хлѣбъ. Въ учрежденіяхъ своихъ, переселенцы изъ Европы были предоставлены своимъ собственнымъ средствамъ и силамъ, и очевидно надобно обратиться къ средѣ, въ которой они жили и изъ которой вышли, чтобы узнать, какихъ началъ они держались при устройствѣ своего новаго отечества. Оторваться отъ стараго порядка, въ общихъ его чертахъ, не было возможности, да и не представлялось надобности, потому что оно было сообразно съ народнымъ духомъ и вытекло изъ исторіи, отъ которой убѣжать нельзя; но за то можно было

оставить за океаномъ стѣсненія свободы религіозной, личной и политической. На новой почвѣ протеста со стороны прошедшаго быть не могло и народу предоставлена полная свобода высказаться и выразить свои желанія и ожиданія. Событія еще такъ свѣжи, такъ близки къ намъ, что можно добраться до многаго, что потерялось, при началѣ другихъ государствъ, въ болѣе отдаленную эпоху. Да и теперь представляется возможность слѣдить за образованіемъ и развитіемъ новыхъ государствъ, до сихъ поръ продолжается ихъ твореніе и можно присутствовать при самомъ его процессѣ.

Всѣ штаты теперешняго Американскаго союза, кромѣ Нью-Йорка и Делавара, были первоначально заселены англичанами, и если основаніе Нью-Йорка было положено голландцами и въ Делаваръ впервые пришли шведы, провинціи этѣ скоро послѣдовали общей участи и также стали англійскими. Кромѣ общаго притязанія Англіи на весь сѣверный материкъ Америки отъ Канады до Флориды, большинство англо-саксенской расы и ея упругость во всѣхъ странахъ, гдѣ ей приходится основывать колоніи, имѣли послѣдствіемъ, что и не англійскаго происхожденія поселенцы покорились чуждымъ имъ учрежденіямъ и законамъ, и безъ преувеличенія можно видѣть въ Сѣверной Америкѣ продолженіе развитія Англіи и ея учрежденій. Это всего яснѣе изъ исторіи колоній.

II.

ВИРГИНІЯ.

Англія не скоро воспользовалась открытіемъ мореплавателя Кабо. Генрихъ VII, союзникъ Фердинанда и Изабеллы, немогъ оспаривать папской буллы, клонившейся въ ихъ пользу. Генрихъ VIII былъ занятъ то войной, то ре-

формою въ церкви, и потому только въ правленіе королевы Елисаветы были сдѣланы опыты колонизаціи въ большихъ размѣрахъ. Во главѣ перваго подобнаго предпріятія стоялъ извѣстный Вальтеръ Ралей *(Sir Walter Raleigh)*, любимецъ королевы. Ему не трудно было получить уступку на земли, которыя не только раздавать ничего нестоило, но и въ существованіи которыхъ не были положительно увѣрены. Въ слѣдствіе того, грамота, которою дѣлалась уступка, была одна изъ самыхъ неопредѣленныхъ. Самъ Ралей былъ названъ лордомъ-вотчинникомъ, съ неограниченными правами господства и только въ феодальной зависимости отъ англійской короны. Она требовала себѣ одну пятую часть золота и серебра, которые могли-бы быть открыты въ этомъ краѣ. Права будущихъ поселенцевъ не были опредѣлены: они оставлены на взаимное ихъ соглашеніе съ самимъ Ралеемъ.

Первая экспедиція была отправлена для развѣдки, и отзывы увидѣвшихъ впервые этотъ край были до того увлекательны, что королева, въ память того, что была не замужемъ, дала будущей провинціи названіе *Виргинія*. Она далеко, впрочемъ, простиралась за предѣлы штата этого имени и обнимала всѣ теперешніе южные штаты Союза.

Но изъ трехъ экспедицій, которыя на свои деньги и своими средствами снаряжалъ Ралей, не удалась ни одна, и съ 1584 года, когда онъ получилъ грамоту на уступку земель, вплоть до смерти королевы Елисаветы, не было оставлено въ Виргиніи ни одного прочнаго европейскаго поселенія. Король Іаковъ I смотрѣлъ на Ралея иначе: онъ былъ обвиненъ въ государственной измѣнѣ и посаженъ въ Тоуеръ, гдѣ оставался двѣнадцать лѣтъ. Здѣсь онъ постоянно работалъ надъ своими планами колонизаціи Америки, писалъ, трудился, и когда наконецъ онъ могъ оставить мѣсто

заключенія, отправился въ Гвіану, думая найти въ ней Эльдорадо; но также ошибся, и на возвратномъ пути разорилъ и ограбилъ испанское поселеніе С.-Томасъ, и въ 1618 году погибъ на эшафотѣ. Превратности судьбы преслѣдовали его до гроба, ему не удалось осуществить давно задуманнаго плана, но тѣмъ не менѣе опыты Ралея не остались безплодными, и въ правленіе того-же Іакова I составились компаніи, имѣвшія цѣлью мирное распространеніе англійскихъ поселеній на новомъ континентѣ.

Между тѣмъ въ 1606 году была раздѣлена между двумя компаніями вся та огромная территорія, которая теперь занята Соединенными Штатами, а въ то время носила общее наименованіе Виргиніи, и границы между владѣніями этихъ компаній были проведены такъ, что южной принадлежали, на бумагѣ разумѣется, земли между 34° и 41°, а сѣверной до 45°. Той и другой предоставлено исключительное право собственности на 50 миль отъ перваго поселенія. Южная компанія называлась Виргинскою, по имени области, развѣданной Ралеемъ, и резиденція ея была въ Лондонѣ; сѣверная-же приняла названіе Плимутской, по городу, гдѣ жили пожалованные отведенными имъ землями. Если отъ первой компаніи, можно сказать, развились и населились штаты на югъ отъ Потомака, то отъ второй — штаты Новой Англіи.

Распоряженіе, сдѣланное Іаковомъ I, въ силу котораго земли въ Новомъ Свѣтѣ уступлены не частному лицу на феодальныхъ правахъ, а отданы компаніямъ, распоряженіе это показываетъ шагъ впередъ въ самомъ намѣреніи населить пустынный край. Компанія не была правительствомъ, а частнымъ обществомъ, которое видѣло выгоду въ пріобрѣтеніи отъ государства земель и въ перевозкѣ туда переселенцевъ. Иначе, отведенныя ей земли лежали бы впустѣ, и

капиталъ, на ихъ пріобрѣтеніе употребленный, не приносилъ-бы никакихъ выгодъ. Переселенцы же, рѣшившіеся оставить родной край и семейства, не теряли тѣхъ правъ и преимуществъ, которыя имъ принадлежали прежде. Только о владѣніи землею, въ полномъ составѣ предоставленною компаніи, частные люди должны были условливаться съ нею.

Выгода подобнаго порядка вещей очевидна: метрополія отказалась отъ вмѣшательства въ дѣла колоніи, и она могла развиваться и дать себѣ такое устройство, какое бы ей показалось наиболѣе удобнымъ. Компанія хлопотала о чистопромышленыхъ барышахъ и всякая ошибка, всякій опытъ, добывавшійся неудачами, велъ къ лучшему. Такъ, напримѣръ, съ самаго начала земля не была раздѣлена между частными владѣльцами. Поселенцы воздѣлывали ее и собирали съ нея плоды сообща. Слѣдствіемъ такого общаго владѣнія былъ недостатокъ прилежанія. Колонія оказалась въ дурномъ состояніи, поселеніе слабѣло и недостатокъ этотъ устраненъ раздѣленіемъ земли на участки между поселенцами.

Такимъ же усовершенствованіемъ подвергалось и управленіе колоніи. Резиденція Виргинской компаніи и верховнаго ея совѣта была въ Лондонѣ, а въ Америкѣ былъ президентъ и мѣстный совѣтъ, оба по назначенію высшаго совѣта и съ одобренія короля. Этимъ то властямъ принадлежали исполнительная и законодательная власти, но во всякомъ случаѣ онѣ должны были сообразоваться съ законами Англіи, и высшія правительственныя дѣла, равно какъ судъ въ уголовныхъ преступленіяхъ, влекущихъ за собою смертную казнь, производились въ Англіи. Сами же поселенцы не имѣли политическихъ правъ и не принимали никакого участія въ завѣдываніи общественными дѣлами. Если. не смотря на то, бывали охотники переплывать океанъ, то

это въ слѣдствіе надежды найти по ту сторону его плодородныя земли и богатства, о которыхъ разсказывали; но честныхъ и трудолюбивыхъ работниковъ собственно было мало. Большая часть занималась спекуляціями и добываніемъ золота и серебра, на которые особенно разсчитывали. Въ самомъ устройствѣ колоніи былъ зародышъ непрочнаго ея существованія; а нападенія дикихъ на возникавшееся поселеніе, постоянная борьба съ голодомъ и нуждою погубили однихъ, разогнали другихъ.

Но компанія не унывала: дѣлались новые опыты поселенія на мѣстахъ уже извѣстныхъ, равно какъ на тѣхъ, которыя развѣданы вновь.

Процвѣтанію Виргиніи помогло случайное обстоятельство: открыли, что въ ней хорошо растетъ табакъ; а распространившееся въ Европѣ употребленіе его возвысило цѣнность земель, его производившихъ, и число переселенцевъ возрастало сообразно тому, какъ увеличивалось требованіе на табакъ. Бѣлыхъ работниковъ, какъ свободныхъ, такъ и осужденныхъ англійскимъ правительствомъ въ кабалу *(convicts)*, было недостаточно для плантаторовъ и потому, когда въ 1620 году случайно прибылъ съ береговъ Гвіаны въ рѣку Св. Іакова корабль, нагруженный неграми, и изъ нихъ Виргинцамъ было продано двадцать невольниковъ, владѣльцы земель были чрезвычайно рады новой рабочей силѣ. Это былъ первый опытъ снабженія плантацій неграми, и такъ какъ они оказались хорошими работниками, способными переносить палящіе лучи солнца и притомъ послушнѣе бѣлыхъ ссыльныхъ, то за первымъ грузомъ послѣдовали новые и число рабовъ росло довольно скоро. Между тѣмъ нужда въ работникахъ была устранена не вполнѣ, и такъ какъ многимъ, по крайней мѣрѣ, недоставало средствъ сдѣлать переѣздъ въ Новый Свѣтъ на свои деньги, то возникъ

особый разрядъ наемныхъ бѣлыхъ работниковъ *(indendet servants)*, обязывавшихся службою на извѣстное число лѣтъ, обыкновенно на пять. Такимъ образомъ за американцами только, имѣвшими свою недвижимую собственность и ненаходившимися въ зависимости отъ другаго лица, оставалось почетное названіе *freemen*, сохраняемое ими до сихъ поръ.

Но и послѣднему разряду бѣлыхъ наемныхъ работниковъ предпочитались негры, какъ болѣе послушныя орудія воли плантатора, и число черныхъ возрастало такъ быстро, что уже въ 1732 году, законодательство Виргиніи позволяло ввозъ ихъ не иначе, какъ подъ условіемъ платежа пяти, потомъ даже десяти процентовъ съ ихъ цѣны. Тѣмъ не менѣе, къ 1790 году число ихъ увеличилось до 203,427 человѣкъ, въ пропорціи болѣе быстрой, чѣмъ росло бѣлое населеніе. Впрочемъ, обстоятельство это имѣло благое послѣдствіе въ томъ, что миновалась надобность въ работѣ ссыльныхъ и кабальныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, возможность обработывать землю сотнями малостоившихъ негровъ произвела другое явленіе: Виргинія, предавшись исключительно воздѣлыванію табаку, раздѣлилась на большія имѣнія, въ которыхъ жили сами ихъ хозяева, городовъ не было, и тѣ, которые существовали, были безлюдны и пусты. Живя у себя въ загородномъ домѣ, окруженный своими работниками, плантаторъ сохранялъ привычки и нравы Старой Англіи, со всѣми ея добродѣтелями и пороками. Тотъ же тихій уединенный образъ жизни, вдали отъ шумной торговой дѣятельности, оставлялъ много свободнаго времени для чтенія, изученія литературы, и естественно, что, въ первыя времена существованія Союза, всего болѣе государственныхъ людей было изъ Виргиніи, и даже въ числѣ пяти первыхъ президентовъ четыре—Вашингтонъ, Джефферсонъ, Мадисонъ и Монроэ, были виргинцы.

При такомъ разсѣяніи переселенцевъ по отдаленнымъ одинъ отъ другаго участкамъ, губернатору и мѣстному совѣту было легко управлять колоніею независимо отъ народа. Но уже въ 1619 году, то есть по истеченіи тринадцати лѣтъ отъ ея основанія, поселенцы стали требовать себѣ тѣхъ же правъ, которыя принадлежали имъ въ Англіи. Губернаторъ согласился предоставить всѣмъ свободнымъ жителямъ колоніи законодательную власть, а въ 1621 году верховный совѣтъ компаніи далъ колоніи писанную конституцію, въ основаніяхъ своихъ подобную англійской. Губернаторъ и постоянный совѣтъ, назначаемые компаніею, замѣняли власть короля и палату лордовъ, а нижней палатѣ равнялось генеральное собраніе, которое должно было быть созываемо ежегодно и состоять изъ двухъ депутатовъ отъ каждой плантаціи. Законы исходили изъ собранія и совѣта, но обязательную силу получали только по утвержденіи ихъ компаніею; за то съ другой стороны компанія не имѣла права навязывать колоніи законовъ, не одобренныхъ собраніемъ. Суды также были подобіемъ судовъ англійскихъ, и присяжные введены въ полномъ объемѣ.

Такимъ образомъ въ возникавшую колонію, которая не могла почесться даже укоренившеюся при маломъ населеніи и безпрерывныхъ нападеніяхъ на нее дикихъ, перенесены демократическія учрежденія. Не заключая въ себѣ ничего новаго противъ того, чѣмъ пользовались переселенцы у себя въ отечествѣ, они давали силу колоніи и способствовали свободному развитію ея богатствъ. Народу нечего было привыкать къ понятіямъ и учрежденіямъ, подъ которыми онъ жилъ и выросъ, и лишнимъ было бы опасеніе за молодую Виргинію, что она не съумѣетъ справиться съ заботами, ввѣренными ей самой. Напротивъ, почувствовавъ себя свободною отъ вліянія, которое нерѣдко стѣсняло развитіе ея

дѣятельности, она пошла гораздо скорѣе. Ея населеніе и производительность быстро росли и всякій или самъ или чрезъ своего представителя говорилъ о своихъ нуждахъ и потребностяхъ. Въ то же время колонія становилась въ уровень съ метрополіею, и пользовалась одинаковыми съ нею правами. Кто знаетъ, можетъ быть, заботливость, подобная той, съ которою Франція въ то же время, когда Виргинія предоставлена была самой себѣ, пеклась о Канадѣ или въ настоящее время печется объ Алжирѣ, совершенно ослабила бы собственную энергію возникавшей колоніи. Въ этомъ даже нельзя и сомнѣваться: какъ человѣкъ, въ отдѣльности взятый, вполнѣ развивается только тогда, когда предоставленъ самъ себѣ, когда долженъ пробить себѣ дорогу, когда знаетъ, что все зло и все добро, которое онъ сдѣлаетъ, обратится ему же въ пользу и во вредъ, и некому ни пособить, ни спасти, такъ и народъ ростетъ и движется свободно только предоставленный самому себѣ. Потребность въ силѣ вызываетъ ее и тамъ даже, гдѣ ея вовсе не предполагалось.

Конституція Виргиніи важна для исторіи, какъ психологическое явленіе, показавшее примѣръ другимъ возникавшимъ на новой почвѣ колоніямъ, но сама Виргинія пользовалась ею не долго: англійскій парламентъ былъ недоволенъ компаніею, ему казалось, что населеніе ростетъ не довольно быстро и главное ему не хотѣлось, чтобы вдали на новомъ континентѣ возникало новое самостоятельное государство. Король уничтожилъ данную компаніи привилегію и она пала. Виргинія стала королевскою провинціею и оставалась такою до 1776 года. Впрочемъ, отъ этой перемѣны она не пострадала: зависѣть отъ короля, а не отъ агентовъ компаніи, въ то время такъ же желала колонія, какъ въ настоящее время не проиграла Остъ-Индія, пере-

шедши изъ подъ власти компаніи въ полную зависимость отъ короля и правительства. Объ одномъ хлопотала Виргинія: чтобы нетронутыми остались предоставленныя ей права, которыя такъ шли къ народу, и они остались безъ измѣненія. Правительство хлопотало только о полученіи барыша отъ производства табаку, на который имѣло монополію и было равнодушно ко всему иному.

Собраніе депутатовъ и совѣтъ при губернаторѣ, назначаемомъ королемъ, продолжали управлять колоніею, и если въ 1648 уже году число поселенцовъ возросло до двадцати тысячъ, цифра эта значительно увеличилась во время смутъ въ самой Англіи. Много благородныхъ и богатыхъ семействъ переносилось за океанъ, зная, что и здѣсь они найдутъ ту же Англію и ни въ чемъ не надобно будетъ мѣнять своихъ привычекъ и преимуществъ, а между тѣмъ далеко отъ метрополіи и ея треволненій.

Кромвель, требуя отъ виргинскаго народа (переселенцевъ называли этимъ почетнымъ именемъ) признанія республики, въ награду за то оставилъ ему собраніе депутатовъ, съ правомъ издавать законы, назначать количество сборовъ съ имущества *(taxes)*, завѣдывать употребленіемъ собранныхъ съ народа денегъ, строить укрѣпленія, содержать войско, вести со всѣми народами самостоятельный торгъ: однимъ словомъ, независимость дана была самая полная.

Но она длилась недолго: по восшествіи на престолъ Карла II, первоначальная конституція Виргиніи была измѣнена въ существенныхъ частяхъ. Депутаты, избиравшіеся каждые два года, и слѣдовательно остававшіеся постоянно въ зависимости отъ народа и въ связи съ нимъ, стали составлять собраніе, для котораго срокъ не былъ опредѣленъ, какъ въ англійскомъ парламентѣ, и только губернатору предоставлено было право распускать его. Далѣе, изъ дохо-

довъ колоніи положено жалованье губернатору, членамъ провинціальнаго совѣта и депутатамъ, Англиканская церковь объявлена господствующею и ея служители должны были содержаться на общественный счетъ. Прочія вѣроисповѣданія были запрещены и послѣдователи ихъ бѣжали, чтобы основать себѣ новые пріюты. Затѣмъ стремились перенести касты и преимущества сословій на дѣвственную почву Виргиніи, которая такимъ образомъ сдѣлалась бы Англіею въ маломъ видѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ англійское правительство нарушило права колоніи, распространивъ на нее и на ея произведенія силу и дѣйствіе такъ-называемаго акта мореплаванія. Кромвель, при которомъ онъ составленъ, видѣлъ въ немъ средство дать однимъ англійскимъ купцамъ монополію торговли съ колоніями ея въ Америкѣ. Этимъ путемъ онъ думалъ ослабить Голландію, овладѣвшую въ то время морскою торговлею всего міра. Основаніе акта мореплаванія состояло въ томъ, что торговля съ американскими колоніями могла быть ведена только и исключительно на корабляхъ, построенныхъ, оснащенныхъ англичанами и принадлежащихъ имъ, другимъ же народамъ предоставлено право привозить свои издѣлія въ Англію, а она брала на себя обязанность развозить ихъ по всему свѣту.

При Кромвелѣ, впрочемъ, такія ограниченія не распространялись на Виргинію, и поселенцы были сравнены въ торговыхъ правахъ съ англичанами; но при Карлѣ II колоніи подчинены всей строгости этого акта. Только въ Англію и на имя англійскихъ купцовъ можно было отправлять товары изъ колоніи и никакая другая нація не имѣла права вести здѣсь свой торгъ и имѣть свои конторы, такъ что колонія существовала единственно и исключительно для пользы англійской торговли. Но и этого было мало: торгъ между

самими колоніями до тѣхъ поръ по крайней мѣрѣ не былъ стѣсненъ, и для возникавшихъ на сѣверѣ, въ Новой Англіи мануфактуръ, Виргинія свободно присылала произведенія своей благословенной почвы. Зависть купцовъ была этимъ возбуждена: они не хотѣли, чтобы и этотъ рынокъ, при всей его незначительности, былъ нераздѣльно ихъ, и въ 1672 году была уничтожена свобода торговли даже между колоніями. Наконецъ дѣло дошло до того, что запрещены въ колоніи всякія производства, которыя на чужихъ рынкахъ могли-бы соперничать съ англійскими. Переселенцы не могли даже снабжать себя тѣмъ, что было необходимо для мѣстнаго употребленія: все, что имъ нужно, они должны были покупать изъ Англіи и ея мануфактуръ.

Очевидно, что такая близорукая политика Англіи, жертвовавшая выгодами всѣхъ для пользы нѣкоторыхъ, не могла способствовать процвѣтанію колоніи и ея дѣятельности. Вредъ отъ такого стѣсненія падалъ преимущественно на Виргинію: въ произведеніяхъ ея имѣли надобность всѣ другія страны міра и за устраненіемъ соперничества цѣны на нихъ значительно пали. Конечно колонія не могла оставаться нѣмою свидѣтельницею своего ослабленія и разрушенія. Жалобы собранія депутатовъ раздражали правительство; на нихъ не обращали вниманія. Чтобы доказать, что колонія въ полной зависимости отъ короля, онъ распорядился ею по своему произволу и большую часть ея, не исключая даже земель, воздѣланныхъ уже поселенцами и составлявшихъ ихъ собственность, отдалъ своимъ любимцамъ лорду Кульпеперу и графу д'Арлингтону.

Колонія, видя, что права ея нарушены, отправила къ королю депутатовъ, просить, чтобы онъ не отказывался въ пользу частныхъ людей отъ прямаго вліянія на поселенцевъ, которые оставались вѣрны принятымъ ими на себя

обязанностямъ. Она ходатайствовала объ избавленіи ея отъ подчиненія частнымъ лицамъ, которыя такіе-же, какъ они, подданные короля. Но пока въ Лондонѣ представители колоніи молили, Виргинія возстала и хотѣла возвратить отнятыя права. Ровно за столѣтіе до объявленія независимости сѣверной Америки, а именно 4-го іюля 1676 года, Виргинцы возстали на защиту своихъ правъ, подъ предводительствомъ полковника милиціи Бекона *(Nathaniel Bacon)*, человѣка храбраго и рѣшительнаго.

Губернаторъ колоніи, старый Беркелей, прося у короля войска, прибавлялъ, что Виргинія до того ожесточена, что хочетъ отложиться отъ метрополіи. Войско было прислано, но возстаніе прекратилось только со смертью Бекона. Темницы наполнились осужденными и двадцать два человѣка было повѣшено. За свою жестокость въ преслѣдованіи участниковъ возстанія, губернаторъ былъ правда отозванъ, но положеніе колоніи отъ того нисколько не улучшилось, свобода книгопечатанія была значительно стѣснена и говорить или писать о возстаніи полковника Бекона считалось чуть ли не такимъ же преступленіемъ, какъ участвовать въ немъ.

Что же сдѣлалось съ конституціонными учрежденіями Виргиніи, обѣщавшими колоніи такое скорое и завидное преуспѣяніе? По имени они продолжали существовать. Рядомъ съ провинціальнымъ совѣтомъ стояло собраніе депутатовъ, съ виду принадлежала имъ по прежнему законодательная власть, но всякій хорошо видѣлъ, что они существуютъ только по милости короля, который измѣнялъ первоначальное устройство колоніи по своему усмотрѣнію. Такъ, напримѣръ, послѣ возстанія позволено было собраніе депутатовъ созывать только чрезъ годъ, и засѣданіе его не должно было продолжаться болѣе пятнадцати дней. — Торговыя стѣсненія

продолжали также тяготѣть надъ народомъ и онъ былъ по прежнему недоволенъ метрополіею.

Положеніе колоніи нисколько не измѣнилось съ 1688 года, когда она была подчинена парламенту: власть его была тяжела и стѣснительна. Наконецъ въ 1776 году, когда терпѣніе и ожиданіе превзошли всѣ мѣры, виргинцы не хуже своихъ сѣверныхъ братьевъ увидѣли, что только отдѣленіе отъ метрополіи и твердый союзъ между собою могутъ дать имъ силу и значеніе для дальнѣйшаго независимаго существованія.

III.

колоніи новой англіи.

Между тѣмъ, какъ южная, Виргинская компанія хлопотала о заселеніи отведенныхъ ей королемъ Іаковомъ I-мъ плодородныхъ земель Виргиніи, сѣверная Плимутская, получившая начало въ томъ же 1606 году, не могла вести своихъ дѣлъ въ такомъ объемѣ. Причина тому: недостатокъ у купцовъ Бристоля и Плимута средствъ, которыми могли располагать купцы Лондона. Были, правда, дѣлаемы нѣкоторыя попытки колонизаціи и этою компаніею, но то испанцы, присвоивавшіе себѣ исключительное право на обладаніе Америкою, то дикіе уничтожали начинанія. Самый климатъ суровый и холодный былъ не привлекателенъ для переселенцевъ, природа менѣе богата, и страна оставалась малоизвѣстною. Только въ 1614 году капитанъ Смитъ, прославившійся своими смѣлыми развѣдками американскихъ лѣсовъ и пустынь, познакомилъ Европу поближе съ положеніемъ и выгодами земель на сѣверъ отъ Потомака. Онъ

описывалъ ихъ своимъ соотечественникамъ такими увлекательными чертами, что король Карлъ I–й въ восторгѣ назвалъ этѣ земли *Новою Англіею*. За ея–то жителями собственно осталось названіе *Янки (Yankee)*: такъ дикіе произносили по наслышкѣ слово *english*, англичанинъ. Если въ Европѣ иногда смѣшиваютъ этотъ эпитетъ вообще съ названіемъ—Сѣверо-американецъ, житель Нью–Йорка или Пенсильваніи никогда не присвоитъ себѣ не принадлежащаго ему титула.

Не смотря, однако, на всѣ описанія, на всѣ похвалы, расточавшіяся Смитомъ холодному и суровому климату, лѣсамъ и каменымъ горамъ Новой Англіи, плимутская компанія не жертвовала для населенія ея ни капиталами, ни кораблями, да и охотниковъ для переселенія было мало. Но отъ чего отказывалась спекуляція и чего не сдѣлалъ разсчетъ, то сдѣлалось само собою, въ слѣдствіе религіозныхъ гоненій. Лучшая, самая свѣжая часть населенія Старой Англіи съ прискорбіемъ видѣла, что реформація, объявшая въ то время весь континентъ Европы, кончилась почти ничѣмъ: перемѣнилась только глава церкви, вмѣсто папы правителемъ ея сталъ король, но епископальная церковь въ сущности была католическая, та же церковная іерархія, остались церковные одежды и обряды, и все измѣненіе ограничивалось тѣмъ, что стало меньше блеску, меньше церемоній. Король Іаковъ I–й, воспитанный въ пресвитеріанскомъ ученіи Шотландской церкви, былъ правъ, называя англиканскую обѣдню католическою мессою, только спѣтою менѣе торжественно. Недовольные образовали партію пуританъ: послѣдователи Кальвина, они требовали очищенія церкви отъ послѣднихъ остатковъ католицизма. Настаивая на томъ, чтобы каждый могъ свободно объяснять Священное Писаніе и литургія не была установленною фор-

мою, пуритане не могли ужиться въ странѣ, которая неудовлетворяла ихъ требованіямъ. За религіозною свободою, кромѣ того, скрывалась свобода политическая. Новая секта стала ненавистна и для свѣтской и для духовной власти, и ее тѣснили съ обѣихъ сторонъ.

Преслѣдованія, однако, не пугали пуританъ. Число ихъ росло значительно, и нельзя было придумать государству, желавшему сбыть съ рукъ безпокойное населеніе, другаго средства, какъ изгнать его изъ Англіи, подобно тому, какъ нѣкогда Испанія освободилась отъ мавровъ. Королева Елисавета, вмѣстѣ съ послушнымъ волѣ ея парламентомъ, прибѣгла къ этому средству, рискуя лишить Англію лучшихъ ея сыновъ. Было постановлено, что всякій, кто въ теченіе мѣсяца не былъ въ церкви, подвергался штрафу и заключенію въ тюрьмѣ. Гражданина можно было, какъ въ судѣ инквизиціи, допрашивать насчетъ его нравственныхъ убѣжденій, на исправленіе давалось три мѣсяца и за тѣмъ, если онъ не отказывался отъ своихъ заблужденій, виновный долженъ былъ оставить отечество, и если не исправившись возвращался изъ ссылки, подвергался смертной казни.

Іаковъ I–й держался того же на пуританъ образа воззрѣнія, и выражалъ свою къ нимъ ненависть извѣстною фразою: «*No cross, no crown*», то есть не признаютъ ни епископа, ни короля. Надежды на перемѣну къ лучшему въ Англіи нельзя было предвидѣть. Оставалось или подчиниться требованіямъ господствующей церкви и монархіи, или оставить родной край для новаго отечества. Въ 1607 году самые горячіе пуритане–броунисты (отъ имени учителя ихъ Роберта Броуна) удалились въ Голландію, въ то время общій притонъ для всѣхъ религіозныхъ диссидентовъ. Но безъ средствъ, среди чужаго народа колонія эта была слаба, и въ слѣдствіе того явилась мысль перенестись въ Новый

Свѣтъ. Но когда король Іаковъ I–й отказалъ пуританамъ въ обѣщаніи не продолжать своихъ преслѣдованій за моремъ, пуританская колонія обратилась къ виргинской или южной компаніи съ просьбою отвести ей землю въ Новомъ Свѣтѣ. Получивъ согласіе, соскучившіеся въ Голландіи пуритане отправились въ Америку.

Въ памятный для Новой Англіи день—17 сентября 1620 года, послѣ общаго поста, переселенцы, отцы странники *(father pilgrims)*, какъ ихъ называетъ благодарное потомство, отправились въ числѣ ста человѣкъ на кораблѣ *Майскій цвѣтокъ (May–Flower)* къ устьямъ Гудсона. Но такъ какъ на мѣстѣ, гдѣ теперь Нью–Йоркъ, было уже начало голландскаго поселенія—Новый Амстердамъ, то капитанъ корабля, подкупленный, какъ говорятъ, Голландцами, направился гораздо выше къ сѣверу и послѣ четырехъ–мѣсячнаго труднаго и опаснаго плаванія высадилъ ихъ у мыса Кодъ *(Cap Cod,* собственно мыса трески) на землѣ, непринадлежавшей даже южной виргинской компаніи. Зима была жестокая, 22–го декабря; переселенцы измучены дорогою и болѣзнью, и надобно было остаться тамъ, куда выбросила ихъ судьба. На скалѣ принесена благодарность Богу за окончаніе страданій, и до сихъ поръ указываютъ мѣсто, куда прибыли отцы–странники. Въ обломкахъ скала эта развезена по разнымъ штатамъ, и на нее вездѣ указываютъ, какъ на памятникъ, съ большимъ уваженіемъ. Подлѣ этой скалы положено основаніе древнѣйшему поселенію Новой Англіи Новому Плимуту, теперь небольшому мѣстечку, особенно въ сравненіи съ сосѣднимъ Бостономъ; но тогда вокругъ него сосредоточивались надежды и мечты переселенцевъ–пуританъ.

За нѣсколько дней еще до прибытія на твердую землю переселенцы, не имѣвшіе надъ собою ни главы, ни вождя,

всѣ другъ другу равные по своимъ правамъ, всѣ одинаково рѣшительные и надѣявшіеся единственно на свои силы и на свой трудъ, составили условіе, которое обѣщали соблюдать свято. Актъ этотъ сохранился въ цѣлости и заключающіяся въ немъ распоряженія чрезвычайно важны и многознаменательны. Вотъ онъ:

«Мы, нижеподписавшіеся, вѣрные слуги короля Іакова, предпринявъ для Славы Божіей, распространенія христіанства, чести нашего короля и отечества, путешествіе для того, чтобы основать первое поселеніе въ сѣверной части Виргиніи, торжественно въ присутствіи Бога и другъ передъ другомъ объявляемъ, что мы соединяемся въ политическое и гражданское тѣло для сохраненія между собою добраго порядка и достиженія предположенной цѣли. Въ слѣдствіе настоящаго договора, мы введемъ у себя такіе законы, такія установленія и учрежденія, такія должностныя лица, какія будутъ для насъ необходимы и полезны для блага цѣлой колоніи. Имъ мы обѣщаемъ полную покорность и совершенное повиновеніе. Отъ Р. Х. 1620 г. 11-го ноября.» Затѣмъ слѣдуютъ подписи. Этотъ актъ взаимнаго согласія не остался единственнымъ въ своемъ родѣ: онъ замѣчателенъ только какъ первый. Также опредѣляли свои взаимныя отношенія поселенцы, остановившіеся въ Нью-Хавенѣ, Родъ-Эйландѣ, Провиденсѣ, Коннектикутѣ. — Впрочемъ, обѣщанія, которыя хранить и соблюдать брались участвующіе въ договорѣ, совершенно естественны: переселенцы были оставлены сами себѣ, не было между ними ни перваго, ни послѣдняго, и безъ такого взаимнаго согласія труды и пожертвованія ихъ были бы тщетны. Судьбѣ угодно было изъ этой незначительной горсти людей образовать могущественное государство и сильный народъ, и тѣ привычки, тѣ обычаи, которые они вынесли изъ отечества и въ

силу которыхъ обѣщали дать себѣ законы и установленія, были началомъ широкой демократической конституціи.

Что вытерпѣли переселенцы въ первые дни пребыванія своего на новой почвѣ, среди стужи и снѣговъ, безъ жилья и помощи, въ лѣсахъ, среди звѣрей и дикихъ легко вообразить себѣ. Возврата не было: отъ отчизны со всѣми ея узкими взглядами отдѣляло далекое, не гостепріимное море. Надобно было взяться за работу. Для того–ли, чтобы на первый разъ обезпечить себя скорѣе или изъ подражанія первоначальному христіанскому обществу, неизвѣстно, только переселенцы стали воздѣлывать землю сообща, но и здѣсь, какъ въ Виргиніи, опытъ общаго труда кончился ничѣмъ. Скоро отступили отъ такого порядка и каждый сталъ вмѣстѣ съ своимъ семействомъ воздѣлывать отведенный ему участокъ земли. Не смотря на трудности, которыя представляли вѣковые лѣса. на препятствія со стороны дикихъ, почва уступала усиліямъ человѣка и существованіе переселенцевъ скоро было обезпечено.

Легко было предвидѣть, что на новой почвѣ утвердятся чисто-демократическія начала: да иначе и быть не могло, при томъ равенствѣ нужды, преслѣдованія и убѣжденій, которое связывало пуританъ, прибывшихъ въ Америку. Всѣ, подписавшіе договоръ, который добровольно согласились исполнять, избирали съ общаго согласія изъ своей среды правителя и придавали ему совѣтъ изъ пяти человѣкъ; а собраніе всѣхъ взрослыхъ мужчинъ колоніи должно было одобрять распоряженія и мѣры, принятыя правителемъ. Выборовъ въ собраніе еще не могло быть: Плимутская колонія была слишкомъ незначительна и могла вся переноситься на мѣсто совѣщаній. Только въ послѣдствіи, а именно съ 1639 году, когда странники разселились нѣсколько шире, нельзя было сходиться всѣмъ и необходимо было при-

сылать депутатовъ. Тогда на ежегодныхъ выборахъ опредѣлялись тѣ, которые голосомъ своимъ должны были представлять цѣлую колонію, и она могла при такомъ устройствѣ наслаждаться тѣмъ покоемъ и благосостояніемъ, котораго не была въ состояніи добиться на старомъ континентѣ. Съ своей стороны Плимутская компанія, которой принадлежала занятая переселенцами земля, даровала имъ право составить изъ себя общество съ приличнымъ названіемъ. Согласіе короля на утвержденіе такого признанія значительнѣйшею компаніею другаго меньшаго общества считалось какъ бы излишнимъ: дѣло казалось слишкомъ ничтожнымъ. Но потомъ, когда при Карлѣ II–мъ просили короля признать законнымъ существованіе поселенія, утвержденіе его не послѣдовало, а въ 1684 году при Іаковѣ II–мъ были уничтожены колоніальныя грамоты. Наконецъ, въ 1690 году Плимутская компанія присоединена къ Массачюзетской и слилась съ нею. Такимъ образомъ, отдѣльнаго существованія первое поселеніе Новой Англіи не имѣло, тѣмъ не менѣе оно показало необходимость самоуправленія. Опытъ Новаго Плимута не былъ потерянъ для тѣхъ, кто послѣдовалъ за первымъ кораблемъ, и если не самъ въ себѣ, то въ другихъ колоніяхъ Новой Англіи, принесенное на новый континентъ первыми пуританами зерно принесло богатый плодъ.

IV.

Почти въ тоже время, когда корабль «*Майскій цвѣтокъ*» переплывалъ океанъ съ отцами–странниками, король Іаковъ I–й, соскучившись ожиданіями, когда сѣверная компанія осуществитъ свой проэктъ колонизаціи Новаго Свѣта, далъ

УБЛ. ИМЕНИ БИБЛ

3-го ноября 1620 года дюку Ленноксу, маркизу Букингаму и нѣкоторымъ другимъ новую грамоту на страну, лежащую между 40 и 48° сѣверной широты отъ одного моря до другаго, съ изъятіемъ только земель, которыя могли бы оказаться принадлежащими другимъ государствамъ. Компанія эта приняла громкое названіе *большаго Плимутскаго Совѣта,* но состоя изъ богатыхъ людей, которые хлопотали о своихъ выгодахъ, а не о колонизаціи данной имъ земли, она не имѣла бы благихъ послѣдствій, и права ея остались бы нѣмою буквою безъ значенія, если бы не гоненіе на пуританъ и необходимость оставить родину для отысканія новаго и безопаснаго пріюта гонимому ученію.

Въ 1627 году пуритане вступили въ переговоры съ большимъ Плимутскимъ совѣтомъ, и имъ отданы земли, занимаемыя теперь почти всею Новою Англіею. Съ своей стороны Карлъ I-й, желая отдѣлаться отъ безпокойныхъ подданныхъ, далъ лицамъ, получившимъ уступку, право образовать изъ себя корпорацію, и назваться компаніею Массачюзетскаго залива въ Новой Англіи. Въ подтвержденіе того ей дарована была грамота за подписью короля. Резиденція Массачюзетской компаніи была въ Лондонѣ; колоніею управлялъ губернаторъ, при немъ состоялъ совѣтъ изъ осьмнадцати членовъ, которые ежегодно должны были избираться участниками компаніи или какъ они названы въ грамотѣ *freemen,* землевладѣльцами. Такъ какъ въ глазахъ короля компанія была не болѣе, какъ торговымъ предпріятіемъ, то правительство не вмѣшивалось въ ея внутреннія распоряженія, предоставленныя самому совѣту.

Какъ только грамота была пожалована, пять кораблей снаряжено для перевозки въ Новый Свѣтъ трехъ сотъ переселенцевъ, по большой части пуританъ. Спасаясь отъ

ярости преслѣдователей, они везли съ собою все дорогое, что у нихъ было, женъ, дѣтей и желали просвѣтить своимъ ученіемъ обитателей невѣдомаго имъ края. Для этой высокой цѣли были принесены въ жертву всѣ блага жизни. Высшимъ для себя закономъ переселенцы поставили Священное Писаніе и въ главѣ колоніи сталъ пастырь или старѣйшина, котораго они возвысили до этого сана общимъ рукоположеніемъ.

У нихъ не было ни литургіи, ни исповѣди, все ограничивалось проповѣдью и истолкованіемъ Слова Божія.

Пуритане могли, наконецъ, безпрепятственно и не опасаясь преслѣдованій, исповѣдывать свое ученіе, за которое такъ много пострадали. Но въ свою очередь они стали гнать всякое другое богослуженіе, не согласное съ ихъ простыми догматами. Въ слѣдствіе того изъ прибывшихъ въ Массачюзетскую колонію многіе, не сочувствовавшіе пуританскому ученію, должны были оставить ее и возвратиться въ Англію. Этимъ преслѣдованіе не кончилось и можетъ быть самая эта исключительность, дававшая полный просторъ пуританизму, влекла сюда толпы новыхъ переселенцевъ, видѣвшихъ въ своемъ странствіи благую цѣль и остававшихся вѣрными своему первоначальному призванію.

Между тѣмъ усилившаяся колонія не могла оставить главнаго своего правленія и совѣта въ Лондонѣ, и просила компанію, чтобы оно было перенесено въ Америку. Чрезъ это, очевидно, измѣнялись первоначальное устройство компаніи и отношеніе къ ней колоніи. Согласія короля на эту перемѣну испрошено не было, и она прошла не замѣченною. А между тѣмъ въ ней-то и скрывалось начало тѣхъ демократическихъ нововведеній, которыя послужили основаніемъ для конституціи Новой Англіи. Такъ какъ общее собраніе

всѣхъ землевладѣльцевъ при дальнемъ разселеніи и умноженіи ихъ было невозможно, то съ 1634 года оно замѣнено собраніемъ депутатовъ, и тогда-же положено, что оно будетъ засѣдать четыре раза въ годъ и нераздѣльно съ губернаторомъ и его совѣтомъ составитъ высшее законодательное мѣсто въ колоніи. За-тѣмъ ни одинъ законъ не долженъ былъ издаваться безъ согласія собранія депутатовъ, ни какое должностное лицо не избиралось безъ его участія и распоряженіе общественными землями также принадлежало народу и его представителямъ.

Это есть чисто демократическая конституція, съ двумя палатами, которыя въ 1644 году были совершенно раздѣлены и засѣдали каждая особо. Она существовала до 1684 года, когда уничтожена сила первоначальной грамоты; но съ массачюзетской конституціи скопированы акты, на которыхъ основывалось устройство другихъ колоній Новой Англіи и въ сущности она остается безъ измѣненій до настоящаго времени. Въ основаніи ея лежало раздѣленіе властей и въ тоже время взаимное ихъ воздѣйствіе: охраняя права народа отъ нарушенія, она дѣлала излишнимъ вмѣшательство каждаго въ частности въ общественныя дѣла. Публичныя должности должны были замѣщаться по выборамъ на короткіе сроки, чтобы злоупотребленіе власти, данной должностному лицу народомъ, не могло быть обращено противъ него же самого.

Общая свобода не распространялась только на религію: всякое другое вѣроисповѣданіе подвергалось гоненію, старѣйшины колоніи знали убѣжденія каждаго лица, и какъ нетерпимость Англичанъ выгнала пуританъ изъ отечества, такъ гоненіе пуританами всякаго непринимавшаго этого ученія было причиною выселенія изъ Массачюзета колоній въ разные концы Новой Англіи.

Въ 1631 году, въ самомъ еще началѣ существованія массачюзетской колоніи, молодой священникъ Рожеръ Уилліямсъ, напрасно старавшійся убѣдить пуританъ въ необходимости свободы совѣсти и вѣроисповѣданія, долженъ былъ оставить колонію и бѣжалъ къ индійцамъ Наррангасетамъ. Здѣсь, благодаря расположенію къ нему двухъ вождей, которыхъ права онъ защищалъ предъ колоніею, онъ основалъ поселеніе *Провидансъ*, пріютъ для всѣхъ вѣроисповѣданій, подвергавшихся гоненію и преслѣдованію. Это былъ новый шагъ впередъ; но въ то время важности его вовсе еще не цѣнили и, напротивъ, горячаго проповѣдника свободы въ дѣлѣ религіи называли полоумнымъ и человѣкомъ безпокойнымъ.

Примѣръ Уилліамса скоро нашелъ послѣдователей. Принявъ за начало свободу объясненія Священнаго Писанія и толкованія его смысла, пуритане не должны были–бы закрывать дверей ни предъ какимъ ученіемъ (какъ это и сдѣлано въ современной Америкѣ). Но тогда разсуждали иначе: Новый Свѣтъ, говорили пуритане, долженъ исключительно быть просвѣщенъ ими, и все прочее гналось, какъ недостойное и противное убѣжденіямъ большинства. Между тѣмъ, именно въ слѣдствіе свободы толкованія Евангелія и образовывались новыя секты; такъ 1638 году покой Массачюзетской колоніи былъ нарушенъ Анною Гутчисонъ, принадлежавшею къ сектѣ такъ-называемыхъ антиномистовъ, проповѣдывавшихъ, что дѣла–излишни для спасенія, и что, безъ всякаго участія человѣка и его нравственности, Богъ избираетъ самъ сосуды для добрыхъ дѣлъ и человѣку за симъ заботиться не о чемъ: его судьба предопредѣлена. Пуритане старались убѣдить ее въ нелѣпости подобнаго мнѣнія: былъ созванъ даже синодъ, но проповѣдница не хотѣла отказаться отъ своихъ убѣжденій и под–

верглась изгнанію. Вмѣстѣ съ своими послѣдователями Анна Гутчисонъ отправилась на югъ и также во владѣніяхъ индѣйцевъ Наррангасетовъ основала поселеніе на цвѣтущемъ островѣ, Родъ-Эйландѣ *(Rhode-Island)*. По близости своего мѣстоположенія съ Провидансомъ и по общей цѣли, для которой отдѣлились обѣ секты, основанныя ими колоніи скоро слились подъ общимъ именемъ Родъ-Эйланда. Когда-же Анна Гутчисонъ, обвиняемая въ волшебствѣ, бѣжала и изъ своей колоніи и умерла среди индѣйцевъ, Рожеръ Уилліямсъ, чтобы избавиться отъ вліянія Массачюзета, поѣхалъ въ Англію и получилъ отъ парламента грамоту на самостоятельное управленіе колоніею. Она была возобновлена въ 1663 году.

Карлъ II, не любя Пуританъ, былъ радъ всякому случаю, чтобы уменьшить ихъ силу и значеніе въ Новомъ Свѣтѣ. Въ грамотѣ, данной Уилліямсу, изложены тѣ же начала, какія высказаны въ грамотѣ Массачюзетской, но Родъ-Эйландъ былъ представителемъ новой идеи религіозной независимости и свободы богослуженія безъ всякаго вліянія вѣроученія на объемъ гражданскихъ и политическихъ правъ, принадлежащихъ лицу въ обществѣ. Король, преслѣдовавшій у себя непокорныхъ, не хотѣвшихъ подчиниться англиканской церкви, тѣмъ не менѣе согласился на доводы Уилліямса и утвердилъ его предположеніе о полной свободѣ вѣроисповѣданій.

Вмѣстѣ съ другими колоніальными грамотами потеряла свое значеніе и родъ-эйландская въ 1686 г., но она была возстановлена тотчасъ послѣ революціи 1688 года и оставалась безъ измѣненія даже до 1842 года: такъ она была согласна съ тѣми началами, которыя легли въ основу устройства Союза и конституцій отдѣльныхъ штатовъ, въ составъ его вошедшихъ.

Религіознымъ также раздорамъ обязанъ своимъ существованіемъ *Коннектикутъ*: въ слѣдствіе соперничества двухъ пуританскихъ священниковъ Массачюзета Коттона и Хокера, послѣдній вмѣстѣ съ своими приверженцами выселился въ 1636 г. въ плодородную долину Коннектикутъ. Устройство ея было также чисто демократическое и дѣйствовавшая въ ней конституція долго оставалась безъ измѣненія.

Почти въ тоже время, то есть въ 1638 году, отдѣлилась отъ Массачюзета другая пуританская колонія, Нью-Хавенъ *(New-Haven)* подъ руководствомъ своего пастыря Джона Давенпорта. Въ 1662 году была ей дарована грамота на владѣніе занятыми ею землями и на устройство, совершенно подобное тому, какое введено въ другихъ колоніяхъ, выселившихся изъ Массачюзета: губернаторъ, его совѣтники и собраніе депутатовъ, избираемыхъ всѣми землевладѣльцами. Метрополія не удерживала за собою даже права высшаго надзора за колоніею и поселенцамъ была уступлена неограниченная власть управлять самими-собою. Самъ губернаторъ и всѣ должностныя лица избирались народомъ.

Король Іаковъ II, уничтожая колоніальныя грамоты, данныя его братомъ, не пощадилъ и коннектикутской и въ 1687 году Серъ-Эдмондъ Андросъ, губернаторъ Нью-Йорка, по повелѣнію короля, явился въ Хартфортъ, главный городъ Коннектикута, и отъ имени метрополіи объявилъ, что собраніе депутатовъ болѣе не существуетъ и его права недѣйствительны. Для большей твердости новаго распоряженія, и чтобы отнять у колоніи всякую опору ея притязаній Андросъ сталъ требовать, чтобы ему отдали грамоту, дарованную Карломъ II. Ее должны были принести послѣ долгихъ отказовъ и переговоровъ. Между тѣмъ наступилъ

вечеръ. Внезапно потушены были огни и драгоцѣнная грамота въ первую минуту смятенія унесена и спрятана въ дупло стараго дуба, который и теперь еще существуетъ подъ именемъ *Old-charter-oak* и бережется какъ святыня. Затѣмъ Андросъ велѣлъ принесть себѣ протоколъ собранія депутатовъ и собственноручно написалъ подъ послѣднимъ *Finis;* но послѣ революціи 1688 года, Коннектикутъ, подобно другимъ колоніямъ, сталъ руководствоваться своею прежнею грамотою, въ которой нечего было измѣнять, до 1818 года.

Остальныя колоніи Новой Англіи, хотя и не основаны пуританами, тѣмъ не менѣе всегда отличались перевѣсомъ ихъ вліянія: Нью-Хемпшейру и Мэну они сообщили тотъ особенный характеръ, по которому они независимо даже отъ своего географическаго положенія, должны составлять часть Новой Англіи.

Большой плимутскій совѣтъ, уступившій часть предоставленныхъ ему правъ Массачюзетской компаніи, распоряжался своими прочими землями въ пользу другихъ лицъ и обществъ, пытавшихся заводить колоніи въ Новомъ Свѣтѣ; такъ напримѣръ была уступлена земля компаніи Лаконійской, во главѣ которой стояли капитанъ Масонъ и Сэръ Фердинандъ Горжесъ *(Gorges)*. Въ 1622 году были сдѣланы ими первые опыты колонизаціи и основаны города Доверъ, Бристоль, Портсмутъ, но ихъ безпокоили съ одной стороны индѣйцы, съ другой пуритане, такъ какъ новые поселенцы были англиканскаго исповѣданія.

Въ 1635 году большой совѣтъ раздѣлилъ провинцію Лаконію на двѣ половины между Горжесомъ и Масономъ. Первая названа *Мэномъ (Maine)*, въ честь королевы Анріетты, дочери Генриха IV и супруги Карла I, имѣвшей вѣроятно какія-нибудь владѣнія во французской провинціи

Мэнѣ. Имя второй Нью–Хемпшейръ объясняется мѣстомъ пребыванія Масона въ Англіи. Впрочемъ по смерти его на земли, ему принадлежавшія, вышли выселки преимущественно изъ Массачюзета, съ которымъ Нью–Хемпшейръ и слился. Но король Карлъ II, не видя основанія, по которому пуританская колонія забрала въ свое владѣніе земли и поселенія, принадлежавшія Масону, отдѣлилъ Нью–Хемпшейръ отъ Массачюзета и сдѣлалъ изъ нея королевскую провинцію. Различіе отъ другихъ колоній состояло въ томъ, что король назначалъ президента и совѣтъ, и въ нихъ сосредоточивалась исполнительная власть. Законодательство же продолжало исходить изъ общаго собранія губернатора, совѣта и выбираемыхъ изъ народа депутатовъ.

Мэнъ также былъ королевскою провинціею, находившеюся во владѣніи перваго ея пріобрѣтателя Фердинанда Горжеса, но подобно Нью–Хемпшейру она не могла устоять противъ вліянія сильнаго и настойчиваго сосѣда—Массачюзета. Кончилось тѣмъ, что пуритане купили за 1,250 фунтовъ стерлинговъ право перваго владѣльца колоніи на земли; но вмѣстѣ съ тѣмъ, они дали Мэну самостоятельное, независимое устройство, сообразно общимъ началамъ демократической конституціи Новой Англіи. Въ послѣдствіи времени, когда Массачюзетъ самъ сталъ королевскою провинціею, Мэнъ былъ однимъ изъ его графствъ, и не раньше 1820 года вошелъ въ Союзъ, въ видѣ отдѣльнаго и самостоятельнаго штата.

V.

Не смотря на такое видимое раздробленіе Новой Англіи, составлявшія ее колоніи не были чужды другъ другу: у всѣхъ была одна мысль распространить чистое ученіе Еван-

гелія, всѣхъ одушевлялъ тотъ же религіозный жаръ и связывало одинаковое устройство, не было ничего легче, какъ при взаимномъ сочувствіи между собою мелкихъ колоній, дасходившихся иногда въ подробностяхъ учрежденій, соединить ихъ для какой-нибудь общей цѣли. Голландія, которую пуритане наиболѣе знали и изучали, предстлвляла поробный примѣръ конфедераціи, и въ 1637 году, послѣ побѣды, одержанной надъ сосѣдними индѣйцами, старшины колоній, собравшись въ Бостонѣ, стали думать о союзѣ. Но на этотъ разъ конфедерація не состоялась: не было депутатовъ отъ Новаго Плимута, а на слѣдующій годъ помѣшали дѣлу депутаты отъ Коннектикута, оскорбленные преимуществами, которыя присвоивалъ себѣ Массачюзетъ.

Наконецъ, близость постоянно возраставшей голландской колоніи Новаго Амстердама, заставила мелкія провинціи заключить союзъ съ Массачюзетомъ, и въ 1633 году, соединенныя колоніи Новой Англіи образовали изъ себя какъ бы одну колонію, не теряя въ тоже время самостоятельной жизни. Каждая провинція (Массачюзетъ, Нью-Плимутъ, Коннектикутъ и Нью-Хавенъ) имѣла въ союзѣ по два представителя, несмотря на свое пространство и населеніе, и члены общаго совѣта, собиравшіеся разъ въ годъ или и чаще, если въ томъ представлялась надобность, могли совѣщаться обо всемъ, что касалось общихъ дѣлъ Новой Англіи, о войнѣ и мирѣ, особенно съ индѣйцами, которыми были окружены, объ улучшеніяхъ, относившихся до всѣхъ членовъ союза, и издержки раздѣлялись соразмѣрно населенію.

Другіе мелкіе штаты, также находившіеся въ чертѣ Новой Англіи, не принимали участія въ союзѣ или потому, что не были пуританскими, или потому, что были въ зависимости отъ короля. Въ Англіи видѣли въ этомъ соединеніи

колоній не болѣе, какъ средство защиты слабыхъ поселеній отъ нападеній индѣйцевъ и сосѣдей, и притомъ колоніи были такъ малолюдны, что ихъ союзу нельзя было придавать никакой важности. Поэтому существованіе ихъ продолжалось безпрепятственно; но великій опытъ былъ сдѣланъ и для исторіи не потерянъ.

Между тѣмъ Массачюзетъ, какъ самая богатая и наиболѣе населенная изъ всѣхъ колоній Новой Англіи, шедшая всегда впереди своихъ сосѣдей, отстаивала, сколько могла, свои права на независимость, убѣждая парламентъ, что онъ далекъ, чтобы изъ Лондона управлять колоніею, что между тѣмъ она нисколько не противорѣчитъ своими установленіями законамъ Англіи. Пока на престолѣ былъ Карлъ I, пока Англіею управлялъ Кромвель, пуританинъ же, Массачюзетъ пользовался спокойно своею самостоятельностію; но иначе смотрѣлъ на пуританъ и на ихъ колоніи Карлъ II. Онъ требовалъ, чтобы Массачюзетъ подчинился законамъ, исходившимъ изъ парламента, и чтобы актъ мореплаванія также распространялся на Массачюзетъ и ея торговлю, какъ на Виргинію.

Исполнить подобное требованіе короля значило бы отказаться отъ всего, до чего съ такими пожертвованіями дошли пуритане, и Массачюзетъ рѣшился не исполнять предложенныхъ ему условій. Напротивъ онъ отстаивалъ право избирать себѣ губернатора и разныя должностныя лица, издавать законы, которыми долженъ руководствоваться, и объявилъ, что готовъ съ оружіемъ въ рукахъ защищаться отъ всякаго вмѣшательства въ его дѣла какъ короля, такъ и его парламента. Во всѣхъ своихъ доводахъ Массачюзетъ опирался на данныя ему самими же королями грамоты и старался убѣдить Карла II, что нарушать эти грамоты послѣ трудовъ и лишеній, которымъ подвергались пересе-

ленцы, было бы безчеловѣчно, тѣмъ болѣе, что они признаютъ надъ собою верховную власть короля и подчиняются ей.

Если бы Карлъ II и согласился даже уступить въ своихъ притязаніяхъ на зависимость отъ него Массачюзета, не могли оставить дѣло англійскіе купцы, стоявшіе зато, чтобы Новая Англія такъ-же исполняла актъ мореплаванія, какъ его исполняла Виргинія. Какъ ни защищала колонія свое самое дорогое достояніе, грамоту, на которой основывались ея надежды, она должна была уступить силѣ и подпала подъ неограниченную власть короля.

Вступленіе на престолъ Іакова II измѣнило положеніе колоніи. Народное представительство было уничтожено, управленіе съ 1686 года ввѣрено коммиссіи, дѣйствовавшей произвольно, а знаменитый Андросъ покончилъ остальное. Вмѣсто пуританскаго введено англиканское вѣроисповѣданіе, налоги стали совершенно произвольными, и отъ прежнихъ демократическихъ учрежденій осталось одно воспоминаніе. «Вы имѣете только право не быть продаваемыми какъ невольники», отвѣтилъ одинъ изъ коммиссаровъ переселенцу, защищавшему свое право на основаніи англійскихъ законовъ.

Но могло ли этимъ поступкомъ окончиться существованіе того, что такъ глубоко пустило корни въ самомъ бытѣ и существѣ переселенцевъ? Могли ли они отказаться отъ свободы и равенства, которыя носили въ душѣ, и за которыя перенесли разлуку съ отчизною, нужду и лишенія? самомъ обществѣ, состоявшемъ изъ людей, ничѣмъ не превосходившихъ другъ друга, не было и возможности даже нарушить это естественное равенство: всѣ были образованы, всякій трудился, не было никакихъ титловъ и наслѣдственныхъ отличій, Библія была верховнымъ закономъ поведенія и колонія наблюдала только за исполненіемъ ея. Когда стѣсне-

нія промышленности и торговли Новой Англіи въ пользу немногихъ англійскихъ купцовъ вывели колоніи изъ повиновенія метрополіи, когда она осталась глухою и нечувствительною ко всѣмъ представленіямъ и убѣжденіямъ и наоборотъ старалась доказать несамостоятельность колоній, въ Бостонѣ была возбуждена первая мысль о народной независимости и о союзѣ, какъ основаніи благосостоянія и счастія Сѣверной Америки.

VI.

МАРИЛАНДЪ.

На югъ отъ Новой Англіи и на сѣверъ отъ Виргиніи основалось также нѣсколько поселеній, разросшихся теперь въ штаты Мариландъ, Делаваръ, Пенсильванію, Новый Джерсей и Нью-Йоркъ. Если Делаваръ и Новый Джерсей не имѣютъ особенной исторіи и слились съ другими колоніями, остальныя поселенія наоборотъ имѣютъ свои лѣтописи, хотя по занимательности и важности они не могутъ сравняться съ исторіею Новой Англіи.

Какъ Массачюзетъ населился пуританами, бѣжавшими отъ преслѣдованія англиканской церкви, такъ подобная исключительность епископальнаго ученія заставила выселиться католиковъ; но переселеніе ихъ совершилось инымъ путемъ: ее предпринимала не компанія, а дѣлалъ одинъ богатый человѣкъ, стяжавшій видное мѣсто въ исторіи Америки, лордъ Бальтиморъ. Знатный, въ почетѣ, перъ Ирландіи благородный лордъ, самъ католикъ, онъ не могъ оставить безъ помощи своихъ единовѣрцевъ, терпѣвшихъ гоненіе и преслѣдованіе.

Примѣръ пуританъ и разсказы, доходившіе до Европы о ихъ жизни по ту сторону океана, не могли не подѣйствовать на рѣшительность лорда Бальтимора. Первая попытка завести католическую колонію въ Виргиніи въ 1628 году не удалась: будучи англиканцами, виргинцы смотрѣли на нее, какъ на врага, и новый вождь переселенія рѣшился двинуться на сѣверъ отъ Виргиніи за р. Потомакъ къ Чесапикской губѣ, на земли слѣдовательно не принадлежавшія Виргиніи, хотя онѣ и были включены въ грамоту южной компаніи. Но такъ какъ компанія перестала уже существовать, то земли этѣ возвращены коронѣ и стали достояніемъ метрополіи. Между тѣмъ онѣ, нисколько не уступая Виргиніи ни по климату, ни по производительности, перерѣзаны большими рѣками и оказались удобными для поселенія.

Конечно, со стороны Англіи не могло быть препятствія къ распространенію ея вліянія на новый континентъ. Хотя лордъ Бальтиморъ не дожилъ до утвержденія приготовленнаго имъ акта уступки, онъ передалъ свои права и соображенія сыну своему Цецилію Кальверу, которому въ 1623 году и дарована грамота на уступку земель въ Америкѣ. Онѣ вмѣщали въ себѣ, кромѣ теперешняго штата Мариланда, Делаваръ и часть Пенсильваніи и должны были образовать изъ себя особую провинцію, внѣ зависимости Виргиніи. Земли этѣ получили названіе Мариланда (земли Маріи) въ честь супруги Карла I Генріетты-Маріи, должны были составлять собственность Бальтимора и его наслѣдниковъ и въ знакъ феодальной зависимости отъ короля владѣтели ея обязывались давать въ пользу его пятую часть золота и серебра, которые будутъ найдены въ уступленной землѣ и присылать ежегодно двѣ индѣйскія стрѣлы въ виндзорскій замокъ, когда они будутъ потребованы.

Условія эти были выгодны и не стѣснительны. Лордъ Бальтиморъ и его наслѣдники оставались полными собственниками провинціи, и въ довершеніе всего король обѣщалъ не налагать никакой подати на ея жителей. Такая зависимость колоніи отъ воли ея основателей нисколько впрочемъ не стѣсняла поселенцевъ; и хотя грамота давала лорду Бальтимору и наслѣдникамъ его право учреждать гражданскіе и уголовные суды, опредѣлять отношенія церкви къ поселенцамъ, раздавать титулы благородства, ввести наслѣдственную аристократію, но они никогда не пользовались предоставленнымъ имъ правомъ. Вообще феодальныя учрежденія, о которыхъ шла рѣчь, не могли приняться на новой почвѣ, требовавшей для своего процвѣтанія другихъ условій, другихъ отличій.

Въ 1633 году была отправлена первая экспедиція съ двумя стами эмигрантовъ. На берегахъ Потомака, гдѣ переселенцы основали городъ Св. Маріи, встрѣтили они поселеніе дикихъ и оно было пріобрѣтено отъ нихъ. Вообще мариландцы всегда держались мирной въ отношеніи къ индѣйцамъ политики и не терпѣли отъ ихъ нападеній. Кромѣ того за непреложное правило принята полная и безграничная вѣротерпимость, лишь бы религіозная секта не отвергала Св. Тройцы и Божества Іисуса Христа.

При такихъ широкихъ началахъ колонія распространялась быстро, и надобно было дать ей политическое устройство. Лордъ Бальтиморъ приготовилъ было кодексъ для поселенцевъ, но они его отвергли, потому–что онъ этимъ нарушалъ ихъ права. Съ своей стороны и лордъ не утвердилъ законовъ, составленныхъ колоніею, опираясь на то, что онъ одинъ можетъ предлагать ихъ. Но въ 1639 году, когда основатель колоніи отказался отъ такого притязанія,

составлено было собраніе изъ лицъ, выбранныхъ какъ имъ самимъ, такъ и переселенцами. Такимъ образомъ и здѣсь проявились тѣже начала народной конституціи, какія существовали во всѣхъ колоніяхъ Новой Англіи. Учрежденіемъ двухъ камеръ права лорда Бальтимора нисколько не были нарушены и онъ оставался въ добромъ согласіи съ поселенцами.

Революція въ Англіи не благопріятно отозвалась въ Мариландѣ: когда королевская власть пала въ Англіи, не могла устоять и ничтожная наслѣдственная монархія лорда Бальтимора по ту сторону океана. Впрочемъ вмѣстѣ съ возстановленіемъ королевскаго достоинства въ Англіи, возстановленъ въ своихъ правахъ и лордъ Бальтиморъ, умершій послѣ сорока трехъ лѣтняго тихаго и мирнаго правленія, сопровождаемый благословеніями обязанныхъ ему поселенцевъ.

Сынъ его наслѣдовалъ права на колонію. Между тѣмъ архіепископъ Кентерберійскій, называя католическій Мариландъ содомомъ нечистоты, домомъ заразы и безнравственности, сталъ требовать введенія здѣсь англиканскаго ученія съ тѣмъ, чтобы колонія содержала англиканскихъ священниковъ; съ своей стороны парламентъ настаивалъ, чтобы общественныя должности не были поручаемы католикамъ. Сами переселенцы не желали оставаться въ прежней зависимости отъ лорда Бальтимора, и наконецъ, въ Англіи непремѣнно хотѣли и на эту колонію распространить силу и дѣйствіе акта мореплаванія. Съ такими противниками трудно было бороться и колонія перешла въ прямую зависимость отъ короны; а за фамиліею Бальтиморовъ оставлено было только право собственности на землю, сбора за нее условной платы, назначенія губернатора и право не соглашаться съ постановленіями народнаго собранія.

Такъ продолжались дѣла до сѣверо-американской революціи, прежнее устройство удержалось только по имени, какъ бы на память, внутренняя дѣятельность была подавлена актомъ мореплаванія, и Мариландъ не менѣе другихъ провинцій Сѣверной Америки имѣлъ поводъ и основаніе быть недовольнымъ Англіею и ея политикой.

VII.

НЬЮ-ЙОРКЪ.

Вторая колонія, основанная въ центрѣ Сѣверной Америки — *Нью-Йоркъ*. Начало ей хотя положено не англичанами, а голландцами, тѣмъ не менѣе она развивалась подобно другимъ американскимъ колоніямъ и достигла такого значенія, что въ настоящее время за свою дѣятельность и торговлю по справедливости называется главнымъ штатомъ, *empire state* всего союза.

Голландія, богатая только и единственно моремъ, не производящая сама ровно ничего, имѣла нужду въ колоніяхъ для своей торговли, которая въ XVI столѣтіи достигла самаго цвѣтущаго состоянія. Остъ-Индская Голландская компанія была безъ соперницы въ Европѣ того времени и, обладая огромными капиталами, которые стекались въ свободное государство изъ всѣхъ странъ, вслѣдствіе религіозныхъ въ нихъ гоненій, она стала дѣлать поиски для открытія сѣверо-западнаго прохода въ Индію. Въ службѣ компаніи былъ Генрихъ Худсонъ, англійскій мореплаватель. Въ 1609 году онъ предпринималъ для этой цѣли экспедицію въ Сѣверный океанъ, но вернулся въ Голландію безъ

успѣха, хотя былъ ближе къ полюсу, чѣмъ кто–нибудь изъ его предшественниковъ. Затѣмъ Худсонъ вмѣстѣ съ двадцатью англичанами и голландцами отправился изъ Текселя на кораблѣ *Полумѣсяцъ (Half–Moon)*, дошелъ до Новой Земли и здѣсь, встрѣченный льдами, обратился къ югу съ цѣлью направиться къ Виргиніи. Но на пути онъ вошелъ въ Нью–Йоркскій заливъ и рѣку Худсонъ, названную такъ по имени мореплавателя, ее открывшаго, и по ней плылъ до теперешняго *Ольбани (Albany)*. Въ ноябрѣ 1609 года Худсонъ прибылъ въ Англію и отсюда послалъ донесеніе компаніи, отъ которой былъ отправленъ. Край этотъ населяли индѣйцы, дикіе, и прежде всего стали хлопотать о торговлѣ съ ними. Упоминаютъ о пяти большихъ дикихъ племенахъ, отъ которыхъ теперь осталось нѣсколько слѣдовъ въ названіяхъ городовъ и урочищъ, но которыя сами почти всѣ вымерли, особенно въ ближайшихъ къ Нью–Йорку мѣстахъ. Племена эти носили слѣдующія названія: Мохавки, Сенеки, Онеиды, Онондаги и Каюги *(Mohawks, Senekas, Oneidas, Onondagas, Cayugas)*. Въ 1610 году Остъ–Индская компанія прислала еще корабль для торговли съ индѣйцами, а въ 1612 году она должна была выстроить на берегу Худсона укрѣпленіе для защиты европейскаго населенія отъ нападенія со стороны индѣйцевъ.

Такимъ образомъ на южной оконечности острова Манхаттана положено основаніе Новаго Амстердама, въ память отечества, изъ котораго были переселенцы. Несмотря на экспедицію противъ голландской колоніи изъ Виргиніи и вообще столкновенія съ англичанами, не переставшими предъявлять свои притязанія на весь материкъ Сѣверной Америки, Голландцы держались въ Новомъ Амстердамѣ и съ 1612 года начинается колонизація области, которая приняла названіе Новой Голландіи.

Устройство, введенное въ Новой Голландіи, предоставляло всю административную власть компаніи, ея главному директору и совѣту, а право на земли, которыя займутъ европейцы, вытѣснивъ туземцевъ, было отдано такъ–называемымъ патронамъ: эти–же послѣдніе могли раздавать свои земли во временное пользованіе другихъ. Замѣчательно, что не ранѣе 1846 года образовалась въ Нью–Йоркѣ сильная партія противниковъ поземельной ренты *(antirenters)* и законодательство штата уничтожило отношенія, хотя основанныя на давности, тѣмъ не менѣе противныя требованіямъ справедливости и во всякомъ случаѣ препятствовавшія полному развитію дѣятельности народа. Но за то съ другой стороны наплывъ въ Новый Амстердамъ англійскихъ переселенцевъ–пуританъ изъ Массачюзета и изъ Англіи и распространеніе здѣсь демократическихъ идей самоуправленія, которыми проникнутъ всякій англичанинъ, имѣли вліяніе на то, что жители Новой Голландіи стали требовать измѣненія прежнихъ отношеній и дарованія народу такихъ же правъ, какія принадлежали жителямъ Новой Англіи.

Въ 1653 году голландцы представили губернатору, назначенному отъ Остъ–Индской компаніи, Стюйвезанту *(Stuyvesant)* просьбу, въ которой ходатайствовали, чтобы имъ предоставлено было участіе въ составленіи законовъ и выборѣ правительственныхъ лицъ, ссылаясь на то, что они сошлись отовсюду, воздѣлали безплодную землю, трудились совсѣмъ не для того, чтобы быть въ подданствѣ Голландіи, а готовы пользоваться ея покровительствомъ. Когда губернаторъ и компанія отказали въ удовлетвореніи такого требованія народа, переселенцы перестали платить подати *(taxes)*, въ наложеніи которыхъ не участвовали, и стали искать покровительства Англіи.

Еще Кромвель думалъ отнять отъ Голландіи ея колонію въ Америкѣ. Карлъ II тотчасъ по восшествіи на престолъ, далъ брату своему, дюку йоркскому, привиллегію, которою предоставилъ ему власть на всю Новую Голландію, подъ именемъ Нью–Йорка, и вмѣстѣ съ тѣмъ право завѣдывать новою областью и судить ея жителей, какъ можно болѣе, впрочемъ, придерживаясь законовъ Англіи.

Въ 1664 году явилась въ виду острова Манхаттана англійская эскадра. Въ распоряженіи губернатора Стюйвезанта, хотя лично храбраго и почтеннаго правителя не было никакихъ силъ; голландцы были недовольны компаніею, а призвать на помощь англичанъ значило бы вводить въ городъ, по выраженію губернатора, троянскую лошадь. Городъ сдался побѣдителямъ; въ числѣ условій капитуляціи было предоставленіе народу муниципальныхъ правъ свободы, собственности и вѣроисповѣданій, и кромѣ того обѣщано, что подати будутъ налагаемы не иначе, какъ съ согласія самого же народа. Изъ голландскихъ учрежденій остались одни патроны до 1776 г. и поземельная рента до новѣйшаго времени; въ другихъ статьяхъ имѣла силу широкая демократическая конституція Англіи. Стюйвезантъ остался въ колоніи, которая была ему многимъ обязана, жилъ частнымъ человѣкомъ и до сихъ поръ памятникомъ его времени остается въ Нью–Йоркѣ грушевое дерево, носящее его имя.

По миру, заключенному въ Бредѣ въ 1667 г., Нью–Йоркъ оставленъ за побѣдителями, но во время войны съ Англіею, голландцы вновь овладѣли своимъ поселеніемъ, и не ранѣе 1674 г. было оно возвращено дюку йоркскому. Съ тѣхъ поръ вплоть до войны за независимость штатовъ все пространство Америки между моремъ и Аллеганами, оставалось во владѣніи англичанъ.

Поселенцы, несмотря на различіе происхожденія, были согласны въ одномъ, чтобы отстоять свои права на такія же преимущества, какія имѣли прочія колоніи въ Америкѣ, и въ 1683 году имъ дарована была королемъ Іаковомъ II грамота. По силѣ ея законодательная власть была сосредоточена въ генеральномъ собраніи изъ губернатора, его совѣта и народныхъ представителей. Всякій землевладѣлецъ имѣлъ право выбора, никакою податью народъ немогъ быть облагаемъ безъ собственнаго на то приговора, военный законъ уничтоженъ и не долженъ быть возстановленъ. Свобода вѣроисповѣданій объявлена безпредѣльная.

Въ общемъ стремленіи короля Іакова II уничтожить колоніальныя грамоты, Нью-Йоркъ наравнѣ съ другими колоніями потерялъ предоставленныя ему права и здѣсь губернаторъ Андросъ былъ такимъ же, какъ вездѣ, орудіемъ власти. За симъ Нью-Йоркъ обратился къ королевскую провинцію: онъ видѣлъ какъ, несмотря на всѣ жалобы, нарушалось одно его право за другимъ и ко времени войны за независимость имѣлъ столько же причинъ быть недовольнымъ метрополіею, какъ Виргинія и Новая Англія.

VIII.

НОВЫЙ-ДЖЕРСЕЙ И ПЕНСИЛЬВАНІЯ.

Какъ Карлъ II считалъ себя въ правѣ уступать дюку йоркскому земли, теперь занимаемыя штатомъ Нью-Йоркомъ и на югъ отъ него простирающіяся до р. Делавара, такъ съ своей стороны дюкъ йоркскій отдалъ часть земель, находящихся между Гудсономъ и Делаваромъ, двумъ участникамъ во владѣніи Каролиною: лорду Беркелею и серу Джоржу

Картере. Будущая провинція названа Новымъ Джерсеемъ *(New Jersey, Nova Caesarea)* въ память того, что Картере былъ въ Англіи губернаторомъ Джерсея.

Такимъ образомъ Новая Голландія раздѣлилась на двѣ провинціи и самъ Нью-Джерсей скоро распался на двѣ половины между двумя его владѣльцами: восточная, принадлежавшая Картере, сохранила свое прежнее названіе, а западная была уступлена Беркелеемъ компаніи квакеровъ. Обѣ колоніи могли привлечь къ себѣ переселенцевъ только подъ условіемъ свободы, какъ религіозной, такъ и политической, которую обѣщали лицамъ, рѣшившимся искать пріюта на ихъ земляхъ. Такое соперничество свободою и независимостью имѣло благодѣтельное вліяніе на состояніе обѣихъ провинцій. Но самая незначительность Новаго Джерсея, а тѣмъ болѣе притѣсненія со стороны Англіи, желавшей уничтожить преимущества, присвоенныя себѣ колоніями, имѣли послѣдствіемъ присоединеніе колоніи къ Нью-Йорку, и когда, послѣ революціи, Англія возвратила права собственности на земли пріобрѣвшимъ ихъ компаніямъ, наслѣдники Картере встрѣтили препятствіе въ управленіи колоніею. Она привыкла вѣдаться сама собою и не хотѣла признавать власти своихъ основателей; такъ что въ 1702 году наслѣдники вотчинника рѣшились уступить свои права на колонію королевѣ. Съ этихъ поръ до войны за независимость Новый Джерсей оставался королевскою провинціею, но тѣмъ не менѣе онъ сохранилъ свои демократическія учрежденія и во время объявленія конституціи былъ готовъ принять ее не менѣе другихъ штатовъ, воспитанныхъ въ той же школѣ и прошедшихъ чрезъ тѣже періоды развитія народнаго правленія.

IX.

Рядомъ съ Нью–Джерсеемъ на берегахъ Делавара возникла въ одно съ нею время другая колонія, которую взялся населить Уилліямъ Пеннъ, вождь бѣжавшихъ также отъ преслѣдованій господствующею церковью *друзей (friends)*, какъ они сами себя называли, или квакеровъ, трясущихся, какъ ихъ прозвали ихъ враги.

Пеннъ былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей своего времени. Его дѣйствія въ Америкѣ, умѣнье, съ которымъ онъ устроилъ судьбу своихъ послѣдователей, дѣлали изъ него героя, законодателя, и во многихъ отношеніяхъ онъ достоинъ великаго имени и той славы, которую себѣ стяжалъ. Ему удивлялись за его умъ, вѣротерпимость, любовь къ человѣчеству, даже къ дикимъ и за дарованную колоніи свободу. Правда, что во многомъ, напримѣръ въ образѣ народнаго устройства, въ вѣротерпимости, уваженіи къ правамъ дикихъ на земли, на которыхъ они охотились, исторія Америки можетъ указать и до Пенна на лорда Балтимора и Рожера Уилліямса, тѣмъ не менѣе имя Пенна велико, потому что онъ безъ борьбы и усилій далъ колонистамъ права, которыя, возвеличивъ его имя, возвеличили и основанную имъ колонію.

Уилліямъ Пеннъ родился въ Лондонѣ въ 1644 году. Онъ былъ единственнымъ сыномъ вице–адмирала Пенна, храбраго моряка, присоединившаго къ Англіи Ямайку во время правленія Кромвеля. Въ Оксфордѣ, гдѣ учился молодой Пеннъ, его увлекла миролюбивая и дышавшая любовью ко всему человѣчеству проповѣдь одного квакера и онъ сталъ послѣдователемъ его. Изгнанный изъ университета и изъ

родительскаго дома, онъ окончательно усвоилъ себѣ ученіе Кальвина во Франціи въ Сомюрѣ, но возвратившись въ Англію онъ сталъ въ рядахъ квакеровъ и вмѣстѣ съ ними подвергался униженію, преслѣдованію и угнѣтенію.

По смерти отца, къ нему перешло огромное состояніе и кромѣ того претензія на правительство въ шестьнадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Карлъ II былъ радъ предложенію молодаго Пенна уступить ему за должную сумму земли между Делаваромъ и Мариландомъ съ обязательствомъ въ знакъ феодальной зависимости платить ежегодно по двѣ бобровыхъ шкурки. Въ честь вице-адмирала Пенна король далъ новой провинціи названіе Пенсильваніи. Къ ней скоро присоединилось шведское поселеніе на Делаварѣ, и для дѣятельности молодаго квакера открылось огромное поле.

Грамота 1681 года, которою утверждена уступка земель Пенну, была составлена самимъ имъ на подобіе грамоты лорда Бальтимора для Мариланда: рядомъ съ правами вотчинника было признано право поселенцевъ на то, чтобы имѣть представителей, свое законодательное собраніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ грамоту включены условія, дававшія королю преимущество пересматривать исходящіе изъ народнаго собранія законы и останавливать ихъ обязательную силу. Парламентъ же имѣлъ право облагать поселенцевъ податями, что объясняется временемъ составленія грамоты: тогда правительство Англіи стало болѣе серьезно смотрѣть на возникавшія по ту сторону океана провинціи и при всей ихъ независимости хотѣло сохранить надъ ними верховную власть. Въ отношеніи къ поселенцамъ, жившихъ на дарованныхъ ему земляхъ, Пеннъ сохранялъ дружелюбныя отношенія, какъ то и слѣдовало ожидать отъ человѣка, носившаго святое имя друга человѣчества. Желая всѣхъ благъ ввѣренному

ему Богомъ, какъ писалъ Пеннъ, поселенію, онъ обѣщалъ, что поселенцы будутъ управляться законами, самими ими составленными, что они будутъ свободны и могутъ образовать изъ себя умный, трудолюбивый и слѣдовательно счастливый народъ. «Самъ же я, прибавилъ Пеннъ, не хочу присвоивать себѣ никакой власти и не буду никого притѣснять. Богъ внушилъ мнѣ другія убѣжденія и Онъ благословитъ меня для приведенія ихъ въ исполненіе».

Таковы были обѣщанія, данныя Пенномъ поселенцамъ и онъ сдержалъ ихъ. Въ теченіе тридцати лѣтъ король-квакеръ управлялъ кротостью и милостью и всякое умное предложеніе поселенцевъ было выслушиваемо, принимаемо въ разсчетъ и исполняемо, если того требовала общая польза.

«Святый опытъ», *the holy experiment*, какъ Пеннъ назвалъ свое поселеніе на Делаварѣ, начинается съ 1682 года. Самъ Пеннъ пріѣхалъ въ колонію и заключилъ съ индѣйцами Лени-Ленапъ или Делаваръ тотъ знаменитый договоръ, который такъ прославилъ Пенна, и который имѣлъ слѣдствіемъ мирное пріобрѣтеніе отъ нихъ земель, понадобившихся для новаго поселенія. «Между нами, говорилъ Пеннъ индѣйцамъ, будутъ господствовать дружба и любовь, я не называю васъ дѣтьми, потому что иногда отцы наказываютъ дѣтей слишкомъ строго; не называю васъ также братьями, потому что и братья часто ссорятся; мы будемъ какъ бы членами одного тѣла, у всѣхъ насъ одна плоть, одна кровь».

Подобныя слова, совершенно согласныя съ коренными убѣжденіями квакеровъ, ненавидѣвшихъ войну и всѣ ея ужасы, дошли до сердца дикихъ и дѣло обошлось безъ войны и брани. Насчетъ устройства, которое хотѣлъ ввести Пеннъ въ возникавшей колоніи, онъ боялся, какъ говорилъ самъ, чтобы воля его или его преемниковъ не испортила

благаго начинанія и не помѣшала счастію народа. Онъ началъ съ того, что созвалъ поселенцевъ, чтобы они сами составили себѣ конституцію. Въ ней разумѣется отразился духъ квакеровъ во всей его полнотѣ. Богъ былъ объявленъ единственнымъ судьей надъ совѣстью, другими словами всѣ христіанскія вѣроисповѣданія были одинаково допущены и уважены. Преслѣдовать какое–нибудь ученіе значило бы останавливать дѣйствіе промысла Божія, и для того, чтобы не дать перевѣса одной какой–нибудь церкви, Пеннъ принялъ за правило не вводить никакого главнаго вѣроисповѣданія, а всякому предоставлено содержать на свои средства церковь и клиръ, который сочтется болѣе удовлетворяющимъ убѣжденіямъ той или другой части поселенцевъ. Различіе сектъ, къ которымъ могли они принадлежать, не должно было имѣть никакого вліянія на гражданскія права сектантовъ. Вообще духъ кротости, свободы и общаго равенства лежалъ въ основѣ устройства, по силѣ котораго всякій членъ поселенія имѣлъ право подавать свой голосъ въ дѣлѣ составленія законовъ, выбора должностныхъ лицъ и наложенія податей. Съ другой стороны нравственная строгость секты друзей вела къ прекращенію баловъ, маскарадовъ, зрѣлищъ и игръ всякаго рода, дуелей, къ уничтоженію роскоши въ одеждѣ и жизни. Смертная казнь была оставлена только для наказанія преступленія убійства, и квакерамъ впервые пришла мысль сдѣлать изъ тюрьмы домъ работы и раскаянія. Небыло ни бѣдныхъ, ни сбора для поддержанія ихъ, небыло нищеты, потому что внѣшность по крайней мѣрѣ не служила вывѣскою богатства.

Самъ Пеннъ, предоставивъ всю власть управленія народу и его представителямъ, лишилъ себя права избирать судей и вообще должностныя лица. Одинъ губернаторъ былъ назначаемъ основателемъ колоніи, но онъ не могъ ничего сдѣ–

лать безъ совѣта, исходившаго изъ народа. Это–то отрицаніе собственныхъ правъ и возбуждало удивленіе правителей и философовъ XVIII столѣтія. И дѣйствительно, какъ скоро въ Европѣ стало извѣстно, что квакеръ Пеннъ основалъ въ Америкѣ пріютъ для бѣдныхъ и угнетенныхъ всѣхъ странъ, народовъ и исповѣданій, въ Пенсильванію стекались отовсюду и особенно съ береговъ Рейна, гдѣ самъ Пеннъ желалъ распространить свои идеи и ученіе «друзей». Нѣмецкое населеніе новой колоніи было потому значительно и до настоящаго времени оно даетъ особый колоритъ Филадельфіи, главному городу братства, дышащаго дружбою (отъ того его названіе). Процвѣтаніе Филадельфіи, города намѣченнаго самимъ Пенномъ, радовало его доброе и благородное сердце и онъ могъ безъ хвастовства сказать, что основалъ въ Америкѣ на свои средства самую большую колонію, какую когда–либо основывалъ человѣкъ, «и среди насъ, прибавлялъ онъ, находятся самыя счастливыя начинанія».

Затѣмъ призваніе великаго человѣка какъ бы окончилось. Колонія его покоилась на твердыхъ началахъ и за существованіе ея нечего было опасаться. Въ трогательномъ прощальномъ словѣ онъ увѣрялъ своихъ «друзей», что его любовь и его жизнь остаются съ ними и для нихъ, что моря, за которыя онъ уѣзжаетъ, нисколько не ослабятъ его привязанности къ дѣлу, въ которое онъ вложилъ свою душу и свое сердце. «Вы пришли, продолжалъ онъ, на спокойную землю; свобода и власть въ вашихъ рукахъ. Управляйте собою во имя Того, котораго сами правители должны считать за верховнаго вождя. И ты, Пенсильванія, дѣвственное поселеніе, получившее имя прежде рожденія, какой любви, какихъ попеченій, какого труда, какой заботы потребовала ты прежде, чѣмъ дошла до зрѣлости? Да сохранитъ тебя Богъ отъ зла, которое–бы могло стѣснить тебя, оставайся

вѣрна Богу милости, слѣдуй по пути справедливости, чтобы наконецъ быть спасенною. Моя душа молитъ за тебя Бога, чтобы ты смѣло явилась предъ Нимъ въ день Суда, чтобы твои дѣти были благословены Господомъ и твой народъ спасенъ Его властью? Милые друзья, оканчивалъ Пеннъ, моя любовь привѣтствуетъ васъ!»

Таковъ апостольскій слогъ благодѣтеля своимъ дѣтямъ! Уѣзжая Пеннъ предоставлялъ колонію и ея дальнѣйшее развитіе ей самой, и если она не всегда была достаточно признательна Пенну за его великія заслуги и пожертвованія, онъ тѣмъ не менѣе употреблялъ въ Англіи всѣ средства, чтобы отвратить преслѣдованіе отъ секты, къ которой принадлежалъ и отъ колоніи, обязанной ему своимъ существованіемъ.

Въ революцію 1688 года Пеннъ, какъ партизанъ и защитникъ короля, былъ заключенъ въ тюрьму, разоренъ и не ранѣе 1693 года могъ онъ возвратиться въ Америку, мечтая найти тамъ сочувствіе «друзей», но колонія въ отсутствіе его стала полною демократіею и не признавала даже губернатора, назначеннаго Пенномъ. Всѣ должности замѣщались по выбору народа и отъ самого Пенна стали требовать, чтобы онъ отказался отъ дарованныхъ ему грамотою преимуществъ. Онъ защищалъ только свои права вотчинничества, отказываясь отъ господства и предоставилъ самой колоніи устроиться, какъ ей казалось лучше. Между тѣмъ Англія думала объ уничтоженіи всѣхъ колоніяльныхъ грамотъ и надобно было опять ѣхать въ Европу, чтобы защитить неприкосновенность своихъ правъ и независимость колоніи.

Пеннъ былъ хорошо принятъ при дворѣ королевы Анны и добился того, чего желалъ. Но огромныя суммы, пожертвованныя имъ для колоніи (до 120,000 фунтовъ стерл.)

сдѣлали его неоплатнымъ должникомъ. Ему грозила тюрьма и онъ былъ готовъ уступить государству устроенную имъ провинцію за 12,000 фунт. стерл., когда былъ разбитъ параличемъ и, послѣ долгихъ страданій, умеръ въ 1718 г., оставляя по себѣ благородную и святую память. Полная демократія продолжала существовать, и при ней трудно было ужиться колоніи съ наслѣдниками Пенна, требовавшими себѣ платы за землю, согласно первоначальному условію, и такіе споры продолжались вплоть до сѣверо-американской революціи, когда право наслѣдниковъ Пенна на земли было выкуплено Пенсильваніею за 130,000 фунтовъ стерл. и провинція квакеровъ вошла въ составъ Союза съ возросшими въ ней понятіями о свободѣ и народномъ представительствѣ.

X.

КАРОЛИНА

За симъ остаются еще южныя колоніи: 1) *Обѣ Каролины* сѣверная и южная, и 2) *Георгія*. Эта часть сѣверной Америки рано стала извѣстна европейцамъ, начавшимъ селиться на Антильскихъ островахъ. Въ 1539 еще году Фердинандъ Сото, спутникъ Пизарра въ Перу, открылъ Миссисипи, но первое поселеніе въ теперешней Каролинѣ было заведено французами въ 1562 году. Здѣсь адмиралъ Колиньи хотѣлъ основать пріютъ для гугенотовъ, ненаходившихъ себѣ мѣста во Франціи и на сѣверъ отъ Флориды была основана колонія храбрымъ морякомъ и ревностнымъ протестантомъ Жанъ-Рибо изъ Діепа. Была выстроена крѣпость, которая въ честь короля Карла IX названа *Caroline*,

Но колонія эта не удержалась: поселенцы болѣе военные, чѣмъ земледѣльцы и вообще работники, почувствовавъ себя на свободѣ, убили коменданта крѣпости, а сами сѣли на корабль, чтобы возвратиться во Францію. Изъ нихъ большая часть погибла отъ бурь и голода, и только нѣсколько человѣкъ спаслось на англійскомъ кораблѣ.

Другая попытка была также неудачна: французскіе поселенцы, прибывшіе подъ руководствомъ Лодоніера въ 1564 году, были изрѣзаны испанцами, жившими во Флоридѣ и нехотѣвшими имѣть французовъ въ своемъ сосѣдствѣ. Засимъ страна эта, куда англичане прибыли гораздо позднѣе, и гдѣ для Франціи слѣдовательно открывалось широкое поприще колонизаціи, была забыта и оставлена, и здѣсь, какъ въ Канадѣ, Луизіанѣ, какъ въ новѣйшее время въ Алжирѣ французы доказали, что колоніи имъ не дались.

Между тѣмъ въ 1630 году была уступлена королемъ Карломъ I Роберту Хету *(Heath)* вся земля между Виргиніею и Флоридою, подъ тѣмъ же названіемъ *Carolana* или *Carolina*, въ честь жаловавшаго короля; но такъ какъ огромное это пространство земли осталось безъ поселенія, то грамота потеряла свою силу и значеніе. И не раньше 1663 года, чрезъ цѣлое столѣтіе послѣ предпріятія Колиньи, означенныя земли отданы въ вѣчную собственность осьми самымъ богатымъ и значительнымъ лицамъ въ королевствѣ. Получая уступку земель, они становились неограниченными ея обладателями, и состояли только въ феодальной зависимости отъ короны. Впрочемъ, имѣя предъ собою уже столько примѣровъ провинцій, возникавшихъ подобно Каролинѣ и процвѣтавшихъ при народномъ правленіи, владѣтели и этой новой провинціи съ перваго же разу объявили, что законы будутъ исходить изъ собранія плантаторовъ или ихъ представителей. Во всемъ остальномъ вер-

ховная власть принадлежала пожалованнымъ лицамъ, которыя по справедливости могли назваться лордами–собственниками: отъ нихъ зависѣло назначеніе должностныхъ лицъ, учрежденіе судовъ, объявленіе войны и мира, введеніе титловъ благородства и такъ далѣе. Свобода вѣроисповѣданій была неограничена. Управленіе было ввѣрено губернатору и совѣту изъ шести членовъ, избранныхъ владѣтелями колоніи изъ числа тринадцати, представленныхъ плантаторами; а общее собраніе изъ губернатора, совѣта и представителей колоніи имѣло законодательную власть и постановленія, исходившія изъ него, считались обязательными, пока противъ нихъ не будутъ возражать властители.

Кое–гдѣ въ лѣсахъ и болотахъ Каролины стали уже заводиться колоніи, когда въ 1665 году тѣ же восемь лицъ получили отъ щедраго короля Карла II земли, которыми не владѣли ни онъ самъ, ни Англія, земли между 36° и 28° сѣверной широты отъ Атлантическаго до Тихаго океана, то–есть обѣ Каролины, Георгію, теперешніе штаты Тенеси, Алабаму, Миссисипи, Луизіану, Аркансасъ, часть Миссури, Флориду, Техасъ и часть Мексики. Во главѣ компаніи, получившей въ пожалованіе нѣсколько огромныхъ царствъ, стоялъ графъ Шефтсбери *(Schaftesbury)* и для устройства будущихъ колоній въ Каролинѣ онъ призвалъ своего доктора и друга Лока, извѣстнаго философа–писателя. Оба они были врагами демократіи, которую считали опасною для государства и безсильною для того, чтобы основать что–нибудь прочное. Аристократія на подобіе англійской, была для нихъ идеаломъ, оплотомъ противъ безпорядковъ и неустройствъ на томъ основаніи, что всякій гражданинъ долженъ охранять свою свободу и собственность помѣрѣ того, какъ имѣетъ въ томъ интересъ, то есть богатыя фамиліи и большіе землевладѣльцы имѣютъ

на то больше правъ, и ихъ преимущества казались Локу совершенно естественными.

Вѣрный началу, что объемъ правъ соотвѣтствуетъ богатству, Локъ написалъ конституцію для новыхъ провинцій, конституцію, которая должна была избѣжать свободной демократіи, въ тоже время удовлетворить желаніямъ собственниковъ и нравиться монархіи. Конечно угодить всѣмъ этимъ стремленіямъ было довольно трудно. Тѣмъ не менѣе Локъ взялся за дѣло. Восемь собственниковъ земли въ числѣ своемъ не должны были измѣняться, и достоинство ихъ было наслѣдственнымъ въ тѣхъ же семействахъ, которымъ пожалованы земли. Они составляли наслѣдственный совѣтъ, и самый старшій изъ владѣльцевъ—правителей стоялъ во главѣ государства и назывался палатиномъ. При немъ другіе собственники имѣли каждый свои должности, подобно курфирстамъ старой Германской имперіи: одинъ назывался адмираломъ, другой камергеромъ, третій канцлеромъ, четвертый конетаблемъ, пятый великимъ судьею, шестой большимъ дворецкимъ *(high steward)*, и послѣдній казначеемъ. Въ соотвѣтствіе должностямъ вся Каролина была раздѣлена на графства, которыя въ свою очередь распадались на сеньеріи, баронства и колоніи. Рядомъ съ осмью первоначальными владѣтелями Каролины предполагалось создать наслѣдственное благородное сословіе, въ каждомъ графствѣ по ландграфу или графу, и по двумъ кацикамъ (такъ называются вожди дикихъ) или баронамъ. По самому своему происхожденію лица эти должны были составлять парламентъ. Майораты были введены вмѣстѣ съ нераздробимостью участковъ, составлявшихъ собственность благородныхъ фамилій. Засимъ оставалось опредѣлить, что земли, благороднымъ фамиліямъ усвоенныя, будутъ воздѣлываться наслѣдственными землевладѣльцами, прикован—

ными къ глыбѣ (*leetmen*) и обязанными платить осьмую часть всего добываемаго съ земли за пользованіе ею. Такимъ образомъ на новую почву была перенесена въ полномъ объемѣ средневѣковая феодальная система и сверхъ всего допущены черные рабы.

Могла-ли такая несправедливая система управленія быть примѣнена къ возникавшему только что обществу, гдѣ каждый трудился и въ потѣ лица расчищалъ землю, объ этомъ мало заботился Локъ, работавшій въ своемъ кабинетѣ и дѣлившій должности и высшія государственныя обязанности между тѣми семью лицами, которыя всѣ имѣли права на его уваженіе. Семь наслѣдственныхъ министровъ имѣли каждый въ завѣдываніи своемъ особое управленіе и образовали изъ себя большой совѣтъ. Обязанность его состояла въ представленіи законовъ парламенту или законодательному собранію, состоявшему изъ лордовъ—вотчинниковъ, ландграфовъ, кациковъ, бароновъ и колоній. Первые четыре разряда лицъ занимали мѣста по своему званію, и для представленія колоній избиралось по четыре депутата отъ каждаго графства, но и тутъ требовалось, чтобы избиратель имѣлъ по крайней мѣрѣ пятьдесятъ, а избираемый пятьсотъ акровъ земли.

Очевидно, что и въ представленіи парламенту законовъ и въ самыхъ разсужденіяхъ о нихъ высшее сословіе имѣло наиболѣе силы, и выгоды владѣльцевъ провинціи, равно какъ благороднаго класса были наиболѣе обезпечены отъ нарушенія ихъ со стороны прочихъ сословій. Устройство городовъ, только что начинавшихъ возникать среди лѣсовъ, было совершенно подобно англійскимъ городамъ: тутъ были меръ, альдерманы и совѣтъ. Англиканское вѣроисповѣданіе было объявлено господствующимъ и только церкви одного этого исповѣданія обязана была содержать колонія. Всѣ

прочія секты были терпимы и никто немогъ какимъ бы то ни было образомъ оскорблять всякое другое ученіе. Тѣмъ не менѣе въ семнадцать лѣтъ всякій житель колоніи долженъ былъ объявить, къ какому онъ принадлежитъ вѣроисповѣданію и приписаться къ какой-нибудь церкви. Иначе онъ не считался гражданиномъ и былъ внѣ вліянія законовъ: всякій долженъ былъ вѣрить, что есть Богъ и воздавать Ему публичное почитаніе.

Въ Англіи сравнивали Лока съ древними законодателями и философами, которымъ за ихъ услуги человѣчество воздвигало статуи. Сочиненное имъ устройство называли не иначе, какъ *великимъ образцомъ*, утверждали, что народы наперерывъ будутъ спѣшить воспользоваться имъ и конституцію Каролины превозглашали неизмѣнною.

Но когда дѣло дошло до примѣненія ея, то оказалось совсѣмъ другое: десятки поселенцевъ, жившихъ разсѣянно въ лѣсахъ, почти безъ сообщенія между собою по отдаленности, несуществованію дорогъ, мало того, что не могли образовать двора палатина, по самой своей малочисленности, да и потому, что были простые плантаторы, не хотѣли подчиниться новому порядку вещей еще и потому, что сами расчистили для себя лѣса съ величайшими трудностями, сами хлопотали о себѣ и теперь отъ нихъ требовали, чтобы они стали подданными и придворными лицъ имъ вовсе неизвѣстныхъ. Конституція были отвергнута и это къ счастію: если бы она была примѣнена, или правильнѣе, если бы лорды—собственники земли захотѣли ее ввести, нельзя предвидѣть, до какихъ бы она довела ихъ нелѣпостей; въ разсчетъ въ ней было принято все, кромѣ главнаго:—потребностей, привычекъ и нуждъ того общества и того народа, которые, предполагалось, будутъ жить и дѣйствовать по ней.

Въ сущности это было не что иное, какъ конституція Англіи, но и ея оказывалось мало для Лока:—помня, какъ образовались народы въ средніе вѣка, что и какъ они прожили, онъ хотѣлъ заставить поселенцевъ Каролины прожить тѣже средніе вѣка и искусственно творилъ ландграфовъ, бароновъ и кациковъ. На дѣлѣ оказалось, что не народъ живетъ для законовъ, а что на оборотъ законы творятся и пишутся для людей.

Между тѣмъ гораздо примѣнимѣе, если и не такъ учена была бы конституція другихъ провинцій, уже возникшихъ прежде Каролины. Онѣ были всѣ однообразны, слѣдовательно можно было предполагать, что они вытекли изъ нуждъ и потребностей народа и всего легче было бы обратиться къ готовому. Вездѣ былъ губернаторъ, въ которомъ сосредоточивается исполнительная власть, далѣе совѣтъ съ отчасти административнымъ, и главное законодательнымъ назначеніемъ, наконецъ собраніе изъ депутатовъ по общему выбору плантаторовъ. Въ сущности это тоже конституція метрополіи, но безъ всякихъ дѣленій общества (еще не существующаго даже) на классы по происхожденію и титуламъ. При всей ученности Лока, при всемъ его природномъ умѣ, влекшемъ его къ размышленію объ устройствѣ человѣческаго общества наилучшимъ по возможности образомъ, если сравнить его напримѣръ съ Пенномъ, онъ гораздо ниже его и именно потому, что Пеннъ самъ отказывался отъ участія въ составленіи законовъ, по которымъ должны были жить его «друзья». Поэтому тогда какъ въ Пенсильваніи, открытой для цѣлаго человѣчества, всѣ были равны, одинаково свободны, и затѣмъ трудъ и дѣятельность каждаго должны были произвесть въ послѣдствіи тѣ различія, безъ которыхъ человѣческое общество существо-

вать не можетъ и не должно, Локъ творилъ для Каролины различія, *a priori*, и потому когда устройство Пенсильваніи остается въ сущности не прикосновеннымъ цѣлыя столѣтія, конституція, вышедшая изъ подъ пера Лока, была осуждена къ паденію, прежде чѣмъ увидѣла свѣтъ. А между тѣмъ до нея графство Альбемарль въ сѣверной Каролинѣ, существовавшее пока одно, съ четырьмя тысячами поселенцевъ, уже управлялось по собственнымъ своимъ началамъ: у него былъ свой губернаторъ, совѣтъ изъ двѣнадцати человѣкъ и собраніе депутатовъ отъ плантаторовъ. При этомъ простомъ и удобномъ устройствѣ спокойно могли жить поселенцы, воздѣлывая уступленныя имъ земли и наслаждаясь полною свободою управленія и вѣроисповѣданій.

Когда «великій образецъ» былъ принесенъ въ графство Альбемарль и его хотѣли ввести, поселенцы увидѣли, что для нихъ собственно, составляющихъ единственный слой населенія, остается одно мѣсто, быть рабами богатыхъ, тогда какъ въ Европѣ и другихъ провинціяхъ Америки (здѣсь были пришлецы изъ Новой Англіи и изъ Виргиніи) они наслаждались политическими правами и были въ большей или меньшей мѣрѣ властителями и правителями. Съ перваго же дня эти безпокойные плантаторы, оскорбленные покушеніемъ на ихъ свободу и независимость, заключили въ тюрьму агентовъ владѣтелей колоніи, хотѣвшихъ ввести въ дѣйствіе вымышленную Локомъ конституцію. Въ поселеніяхъ южной Каролины она встрѣтила такой же пріемъ. У лордовъ-вотчинниковъ не было средствъ принудить колонію къ принятію ея, и въ 1693 году, послѣ предложенныхъ и не принятыхъ измѣненій въ конституціи, лорды отказались отъ нея и она осталась самымъ разительнымъ въ исторіи человѣ-

чества памятникомъ, что учрежденія, не вытекшія изъ исторіи и жизни народа, не долговѣчны. Локова конституція, которой предвѣщали вѣчность, осталась мертвою буквою на бумагѣ и въ жизнь не перешла.

Несмотря на то, однако, были другія еще причины для несогласія колоніи съ лордами: оно возникало то въ слѣдствіе требованія, чтобы англиканская церковь стала господствующею, чтобы только исповѣдывающіе ее были избираемы въ собраніе, то въ слѣдствіе ограниченія права выборовъ, и наконецъ Каролина возстала и требовала, чтобы владѣльцы отступились отъ грамоты, на которой основывались ихъ права. Назначенный ими губернаторъ былъ смѣненъ и въ 1719 году колонія стала доказывать свои права на самоуправленіе предъ лондонскимъ парламентомъ. Англія обрадовалась случаю уничтожить колоніальную грамоту Каролины, и въ 1721 году былъ отправленъ въ колонію губернаторъ отъ правительства. Онъ былъ принятъ съ величайшею охотою; владѣльцы же уступили коронѣ свои права на землю и въ 1728 году Каролина стала королевскою провинціею и по своей огромности для удобства управленія раздѣлена на двѣ половины. Съ тѣхъ поръ состояніе колоніи постоянно улучшалось, ея народонаселеніе росло подъ управленіемъ губернатора, совѣта и собранія депутатовъ, избранныхъ плантаторами. Губернаторъ собиралъ и распускалъ собраніе, могъ не соглашаться съ исходившими изъ него законами, и имѣлъ исполнительную власть, которую дѣлилъ съ совѣтомъ. Губернаторъ же назначалъ судей и должностныя лица, равно какъ офицеровъ милиціи. Всѣ законы посылались на одобреніе короля, но оставались въ силѣ, пока не были имъ отмѣнены.—Невольничество оставлено въ обѣихъ Каролинахъ, какъ необходимое для плантаторовъ учрежденіе.

Въ общую войну сѣверной Америки за независимость, обѣ Каролины не отстали отъ другихъ провинцій, отстаивавшихъ свою самостоятельность и воспользовались благами, которыя имъ дала конституція союза.

XI.

ГЕОРГІЯ.

Наконецъ послѣдняя провинція, которую застала сѣверо-американская революція, есть *Георгія*. Ея исторія не представляетъ тѣхъ занимательныхъ чертъ выработки себѣ устройства, какія видны въ исторіи другихъ колоній, и это потому, что самое основаніе ея недавнее и притомъ заселеніе ея небыло сдѣлано ни частною компаніею, ни отдѣльными лицами, которымъ уступлена земля, а предпринята была самимъ государствомъ, или вѣрнѣе съ его помощью и для его цѣлей.

Въ 1792 году Джемсъ-Эдуардъ Оглеторпъ, офицеръ арміи, членъ парламента, преданный монархіи, проникнутый желаніемъ добра человѣчеству, возымѣлъ мысль основать колонію для заключенныхъ за долги, для бѣдныхъ и наконецъ протестантовъ, которымъ англиканская церковь отказывала въ свободѣ вѣроисповѣданія или которые подвергались преслѣдованію въ другихъ странахъ. Для этого дѣла блатотворенія, извлекавшаго несчастныхъ изъ тюрьмъ, гдѣ они были смѣшаны съ преступниками, нашлись товарищи у Оглеторпа и король Георгъ II назвалъ провинціею Георгіею земли между Саванною и Алабамою. Основатели колоніи отказывались отъ участія въ выгодахъ отъ земли и въ управленіи; законодательная власть была предоставлена

самой колоніи, но законы получали силу по утвержденіи ихъ королемъ и его совѣтомъ. Исполнительная власть была въ рукахъ совѣта изъ 35 лицъ: изъ нихъ пятнадцать названы въ самой грамотѣ и оставались по смерть, остальные назначались коммиссарами, которымъ вмѣнено въ обязанность замѣщать вакансіи.

Учрежденію ссылочной колоніи чрезвычайно обрадовались, и самъ парламентъ пожертвовалъ въ пользу ея десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Всѣ сословія, видя въ Георгіи мѣсто для избавленія несчастныхъ отъ ужасовъ душной и тѣсной тюрьмы, шли на встрѣчу возможности исправленія преступниковъ и рожденіе колоніи было привѣтствовано самыми жаркими желаніями ей преуспѣянія. Первая партія переселенцевъ, имѣя во главѣ самого Оглеторпа, основала городъ Саванну. Затѣмъ послѣдовали переселенцы изъ Моравіи и Зальцбурга. Невольничество было запрещено, какъ противное закону божескому и законамъ Англіи, равномѣрно не былъ дозволенъ ввозъ рому и крѣпкихъ опьяняющихъ напитковъ. Все это такія распоряженія, которыя были въ пору высшей степени развитія человѣчества и о которыхъ хлопочутъ въ настоящее время въ Америкѣ. Но эти благія начинанія недолго оставались въ силѣ: колонія изъ ссыльныхъ утверждала, что не можетъ обойтись безъ работы негровъ и ихъ стали ввозить въ качествѣ вольныхъ работниковъ, закабаленныхъ на сто лѣтъ, и только коммиссары колоніи обязывали при этомъ хозяевъ, подъ опасеніемъ штрафа въ пять фунтовъ стерл., учить негровъ по воскресеньямъ слову Божію. Но главное зло, которое мѣшало колоніи развиться такъ же быстро, какъ развились ея сосѣди, состояло въ томъ, что она была военнымъ поселеніемъ, обязаннымъ оберегать границы Георгіи отъ нападенія со стороны испанцевъ, и что участки земли, составляя по-

мѣстья для покрытія издержекъ на службу, должны были безраздѣльно переходить только къ сыновьямъ, мимо женъ и дочерей. Наконецъ предписанное извнѣ стѣсненіе насчетъ ввоза крѣпкихъ напитковъ оказалось также неудобнымъ и возбуждало ропотъ. Несмотря на огромныя безкорыстныя пожертвованія, которыя дѣлались учредителями колоніи и народомъ (парламенту она стоила до 136,000 фунт. стерл.), Георгія развивалась чрезвычайно медленно, вывозъ изъ нея былъ ничтожный, до 1751 года успѣло основаться въ ней всего три ничтожныхъ городка и нѣсколько разсѣянныхъ плантацій съ тысячью семьюстами свободныхъ жителей и четырьмя стами негровъ. Коммиссары, видя, что продолжать такія грустныя начинанія значило бы идти къ разоренію, отказались отъ своей грамоты.

Что же мѣшало развитію колоніи, въ основѣ которой лежали человѣколюбіе и правила, дѣлавшія честь тѣмъ, кто старался о ихъ примѣненіи къ жизни? Народъ-ли, который несъ въ Новый Свѣтъ не трудъ, а порокъ, или наоборотъ та заботливая попечительность, которая мѣшала полному и свободному развитію способностей и потребностей народа? отвѣтъ на это въ послѣдующей судьбѣ Георгіи, которая, ставъ королевскою колоніею и предоставленная самой себѣ во внутреннемъ устройствѣ и въ независимой дѣятельности, развилась если не такъ быстро, какъ колоніи Новой Англіи, но крайней мѣрѣ поддерживала свое самостоятельное правленіе и шла на встрѣчу новой жизни.

ГЛАВА III.

Исторія союзной конституціи.—Билль о правахъ колоній.—Континентальный конгрессъ и конфедерація.—Конституція союза.—Ея важность для исторіи Сѣверной Америки.—Раздѣленіе конгресса.—Составъ права и обязанности его.—Палата депутатовъ и сенатъ.—Президентъ Соединенныхъ-Штатовъ.—Союзный судъ и объѣздъ судей.—Внутреннее устройство отдѣльныхъ штатовъ.—Вопросъ о распаденіи ихъ.—Исторія новыхъ штатовъ.—Народонаселеніе Союза.

I.

Оканчивая бѣглый обзоръ исторіи колоній въ Сѣверной Америкѣ, мы должны сдѣлать изъ нея слѣдующій выводъ: были-ли колоніи основаны компаніями, смотрѣвшими на заселеніе Новаго Свѣта, какъ на выгодное предпріятіе, были-ли онѣ плодомъ предпріимчивости отдѣльныхъ лицъ, жертвовавшихъ на то свой трудъ и свои капиталы, выводило-ли наконецъ переселенцевъ само правительство—все равно итогъ былъ тотъ же: устройство ихъ основывалось на народномъ представительствѣ, двѣ палаты дѣлили между собою законодательную власть, исполнительная была всегда ввѣрена другому лицу.

Различіе вѣроисповѣданій и народностей также мало имѣло вліянія, какъ и различіе способовъ заселенія, и если

взаимное отношеніе между собою частей управленія въ сущности было скопировано съ англійской конституціи, въ американской было еще болѣе свободы предоставлено народу и его представителямъ. Неодинаковость назначенія губернатора въ провинціи, большее или меньшее вліяніе на законодательную дѣятельность колоніи и ея депутатовъ, наконецъ различіе въ назначеніи судей и другихъ должностныхъ лицъ, короче большая или меньшая зависимость отъ короля, парламента и основателей колоній не имѣли существеннаго вліянія на коренныя учрежденія, вынесенныя изъ Европы.

Съ другой стороны, какъ во второй половинѣ XVIII столѣтія ни сходились между собою колоніи своимъ образомъ воззрѣнія на систему управленія, онѣ не могли слиться, и понятно отчего. Кромѣ отдаленности, затруднявшей свободное сообщеніе южныхъ напримѣръ колоній съ сѣверными, каждая провинція имѣла свою исторію, различалась отъ сосѣдней или вѣроисповѣданіемъ жителей или началами, которыя преслѣдовала; но если имъ нельзя было слиться въ одно большое государство, причемъ частные интересы каждой провинціи были бы принесены въ жертву общимъ потребностямъ государства, тѣмъ не менѣе была возможность въ минуту опасности слить ихъ силы воедино. Примѣръ колоній Новой Англіи, употребившихъ этотъ способъ взаимной защиты, не былъ забытъ и къ нему прибѣгли, когда надобно было защищаться отъ насилій метрополіи, не хотѣвшей признать правъ народа на независимость. Будь въ основѣ сѣверо-американскихъ колоній не англійская раса, которая всегда и повсюду носила свои убѣжденія о самостоятельности представительства и о судѣ присяжныхъ, можетъ быть учрежденія Америки сложились бы иначе; но теперь только подъ условіемъ полнаго удовлетворенія тре-

бованіямъ народа можно было разсчитывать на развитіе колоній, призванныхъ къ великой будущности, чтобы развить учрежденія старой Англіи.

Сознаніе зависимости колоній отъ короны въ крайнихъ случаяхъ, а именно въ жалобахъ на мѣстные суды, на противныя основнымъ грамотамъ распоряженія губернаторовъ и владѣтелей поселеній (гдѣ онѣ были основаны частными лицами) и наконецъ, въ случаѣ споровъ между колоніями о границахъ, сознаніе это было совершенно естественно. Оно истекало изъ притязаній Англіи на всю территорію, занятую сѣверо-американскими колоніями, и изъ уступокъ, которыя она дѣлала частнымъ лицамъ и компаніямъ. Зато внутреннее управленіе было предоставлено самимъ колоніямъ, и только въ видѣ исключенія англійскій парламентъ, отказавшись отъ законодательной власти въ колоніяхъ, считалъ себя тѣмъ не менѣе вправѣ вмѣшиваться иногда въ распоряженія, касавшіяся внутренняго законодательства. Колоніи уступали необходимости, силѣ и главное уваженію, которое питали къ національному собранію Англіи и первоначальное отношеніе колоній къ метрополіи могло бы существовать еще долго, еслибы Англія не употребила во зло своихъ преимуществъ. Извѣстный актъ о штемпеляхъ *(stamp-act)* 1765 года, къ принятію котораго метрополія хотѣла принудить колоніи безъ испрошенія ихъ на то согласія, тогда какъ облагать поселенцевъ какими бы то ни было сборами составляло единственную привиллегію народнаго собранія, подвигнулъ колоніи къ созванію континентальнаго конгресса 1774 года.

Принятыя имъ единогласно начала, выраженныя въ такъ-называемомъ биллѣ о правахъ колоній *(Bill of the rights of the colonies)* сводятся къ слѣдующимъ положеніямъ:

«Жизнь, свобода и собственность, объявляли колоніи, суть блага, которыхъ мы никогда не отчуждали ни въ чью пользу. Предки наши, заселившіе земли Новаго Свѣта, пользовались во время переселенія всѣми правами и преимуществами свободно–рожденныхъ гражданъ и ни въ чемъ не уступали другимъ гражданамъ Англіи». Переселившись, они нисколько не утратили принадлежавшихъ имъ по рожденію правъ и хотятъ пользоваться ими въ полномъ объемѣ и безъ всякаго изъятія. Основаніе англійской свободы состоитъ въ правѣ народа участвовать въ законодательныхъ собраніяхъ; но такъ какъ американскіе колонисты не имѣютъ представителей въ англійскомъ парламентѣ, то они не могутъ быть лишены права издавать для своего руководства законы чрезъ совѣщаніе въ провинціальныхъ собраніяхъ, облагать сами себя денежными сборами и вообще печься о своемъ внутреннемъ устройствѣ; право же короля не соглашаться съ ихъ распоряженіями они признаютъ только въ той мѣрѣ, какъ это введено обычаемъ и давностью. Изъ уваженія къ взаимнымъ выгодамъ обѣихъ странъ, колоніи подчинялись актамъ парламента, касавшимся внѣшней торговли, но положительно противятся всякому распоряженію о сборѣ съ нихъ, безъ предварительнаго ихъ согласія, какихъ бы то ни было податей (*taxes*). Вмѣстѣ съ тѣмъ колоніи утверждали, что по самому своему рожденію переселенцы въ правѣ пользоваться обычнымъ правомъ (*common law*) Англіи и настаивали на преимуществѣ судиться судомъ сосѣдей (то есть присяжныхъ). Колоніи считали себя также въ правѣ пользоваться тѣми статутами Англіи, которые существовали, когда они оставили ее, равно какъ и тѣми, которые они найдутъ возможнымъ примѣнить къ тѣмъ мѣстнымъ и временнымъ обстоятельствамъ, подъ которыми живутъ. Равномѣрно ко-

лоніи требовали дарованія имъ тѣхъ преимуществъ и льготъ, которыя за ними утверждены королевскими грамотами и въ послѣдствіи провинціальными законами. Они настаивали на правѣ собираться мирно, разбирать жалобы и подавать прошенія королю, всякія же за то преслѣдованія, обвиненія и запретительныя прокламаціи объявляли незаконными. Установленіе во время мира постояннаго войска и увеличеніе его безъ согласія провинціяльнаго законодательнаго собранія колоніи объявляли также противнымъ закону. Наконецъ признавалось необходимымъ существованіе, по образцу англійской конституціи, двухъ вѣтвей законодательства, независимыхъ одна отъ другой.

II.

КОНТИНЕНТАЛЬНЫЙ КОНГРЕССЪ И КОНФЕДЕРАЦІЯ.

Англійскій парламентъ не хотѣлъ согласиться на устраненіе причинъ, на которыхъ колоніи основывали свою жалобу. Она осталась неудовлетворенною, и Массачюзетъ, какъ самая сильная и наиболѣе развившаяся колонія Новой Англіи, подала мнѣніе, чтобы въ Филадельфіи былъ собранъ континентальный конгрессъ изъ депутатовъ отъ всѣхъ колоній, для совѣщанія объ общемъ благѣ и для опредѣленія послѣдующаго образа дѣйствія. Первый конгрессъ депутатовъ собрался 4-го сентября 1774 года и одно изъ важнѣйшихъ принятыхъ на немъ правилъ состояло въ томъ, чтобы каждая колонія, несмотря на свое населеніе и число депутатовъ, имѣла одинъ только голосъ. Такимъ образомъ отнятъ всякій поводъ къ соперничеству большихъ колоній съ

меньшими и уничтожена возможность къ перевѣсу сильныхъ надъ слабыми. На конгрессѣ всѣ были равны и окончательное рѣшеніе зависѣло отъ большинства голосовъ. Здѣсь же было рѣшено, что на будущій конгрессъ представители соберутся въ маѣ 1775 года.

На немъ было постановлено защищать свою независимость съ оружіемъ въ рукахъ и окончательно въ 1776 году объявлена независимость сѣверо-американскихъ колоній, что единогласно было принято всѣмъ народомъ. Отдѣльнымъ штатамъ было предоставлено измѣнить, если они-то найдутъ необходимымъ, свои мѣстныя конституціи согласно высказаннымъ на конгрессѣ общимъ положеніямъ, принятымъ всѣми.

Континентальный конгрессъ продолжалъ собираться: ему предоставлено было право объявлять войну и заключать миръ, распоряжаться средствами, которыя для общаго блага давали въ его завѣдываніе отдѣльные штаты, входить въ долги и вообще заботиться объ общемъ благосостояніи. Народъ, опираясь на патріотизмъ, безкорыстіе и политическую мудрость членовъ конгресса, одобрялъ его распоряженія.

Надобно было, однако, опасаться другаго зла, которое могло бы имѣть самыя вредныя послѣдствія: конгрессъ былъ во всякомъ случаѣ временнымъ только учрежденіемъ, и его существованіе могло прекратиться съ заключеніемъ мира или отдѣленіемъ одной изъ колоній отъ общаго дѣла. Могли возникнуть соперничества, несогласія, дѣйствительныя или воображаемыя несправедливости, ошибки; различія мѣстныхъ потребностей и прошедшее колоній были бы въ состояніи ослабить связи, общею опасностью порожденныя. Послѣдующее въ такомъ случаѣ было бы хуже на-

стоящаго, несогласіемъ колоній воспользовались бы враги и потому патріоты, которые въ дни опасности всегда являются во главѣ народа и его вожатыми, видѣли одно средство для устраненія могшаго постигнуть Америку зла въ составленіи прочнаго и постояннаго союза колоній.

Первою такимъ образомъ заботою континентальнаго конгресса послѣ объявленія независимости колоній состояла въ томъ, чтобы найти средство, не нарушая ихъ самостоятельности, подчинить ихъ общему правленію. Статьи этѣ были окончательно приняты въ Ноябрѣ 1777 года и разосланы во всѣ колоніи, теперь штаты. Возраженія были неизбѣжны, и такъ какъ союзное правительство могло получить силу не прежде, какъ по изъявленіи на него согласія всѣми штатами, то конфедерація состоялась не ранѣе 1781 года, когда къ союзу присталъ Мариландъ.

Главное затрудненіе встрѣчалось въ образѣ распредѣленія между отдѣльными штатами издержекъ на содержаніе общественной силы для охраненія мира во всемъ союзѣ и въ предоставленіи на пользу союзнаго правительства общественныхъ незаселенныхъ земель, въ предѣлахъ соединенныхъ штатовъ. Особенно послѣдній пунктъ встрѣчалъ наиболѣе возраженій, пока наконецъ штаты Нью-Йоркъ и Виргинія не согласились на такое требованіе конгресса. Сверхъ того американскимъ штатамъ было памятно вмѣшательство въ ихъ дѣла чуждой власти и потому всякій пунктъ союзной конституціи, предоставлявшей конгрессу право вмѣшательства въ дѣла штата, былъ горячо оспариваемъ и эти-то пункты опредѣлены всего подробнѣе, чтобы когда нибудь не подать повода къ злоупотребленіямъ.

Никакихъ не было у конгресса средствъ понужденія къ тому, чтобы совѣты (нельзя-же ихъ назвать законами), исхо-

дившіе изъ него, были исполняемы; конгрессъ не имѣлъ даже власти преслѣдовать должностныя лица, дѣйствовавшія прямо вопреки его волѣ, не могъ подвергать ихъ ни штрафу, ни заключенію, такъ что несмотря на существованіе собранія, которому было ввѣрено попеченіе объ общественномъ благѣ, всякій въ дѣйствіяхъ своихъ руководствовался своимъ личнымъ интересомъ, а не обязанностями. Чудо, что такое правленіе могло существовать хотя самое краткое время, особенно въ революціонную войну, когда для покрытія издержекъ на ея веденіе надобно было сбирать деньги съ отдѣльныхъ штатовъ; обременять же народъ налогами могло только законодательное собраніе каждаго штата и всякій разъ надобно было ждать, что-то оно скажетъ и когда распорядится. Конгрессъ часто бывалъ вовсе безъ средствъ для покрытія военныхъ расходовъ, и если бы не счастіе и не расположеніе Европы, дававшей деньги въ займы, неизвѣстно, чѣмъ бы кончилось народное предпріятіе. А по заключеніи мира въ 1784 году штаты опять готовы были распасться, и необходимы были частыя воззванія конгресса къ народному патріотизму, даже чтобы платить проценты на долги, сдѣланные въ самую критическую минуту. Казна была пуста, кредитъ союза палъ до нисшей степени, общественныя тягости росли и довѣріе къ Америкѣ было поругано. Между тѣмъ интересы штатовъ сталкивались, не было никакихъ общихъ мѣръ и распоряженій для торговли. Разладицею готовы были воспользоваться другія государства, видѣвшія выгоду въ томъ, чтобы не дать окрѣпнуть и усилиться новой державѣ, и кто знаетъ, если бы американскія колоніи были ближе отъ Европы, союзъ, можетъ быть, ждала другая участь.

III.

КОНСТИТУЦІЯ СОЮЗА.

Умный, рѣшительный и предпріимчивый народъ соединенныхъ штатовъ, конечно, не могъ довольствоваться положеніемъ дѣлъ въ высшей степени разстроеннымъ: не было одной общей воли, которая бы управляла ихъ ходомъ. Подымались, правда, твердые и безкорыстные голоса патріотовъ, видѣвшихъ спасеніе въ расширеніи власти конгресса, но ихъ совѣты падали предъ мелкими соревнованіями штатовъ, пока наконецъ не стало для каждаго яснымъ, что безъ скорой перемѣны состава и образа дѣйствій конгресса, союзъ долженъ рушиться и пасть безвозвратно.

Частный случай навелъ на соображенія, имѣвшія послѣдствіемъ начертаніе болѣе совершенной конституціи для всего союза. Два сосѣдственныхъ штата — Виргинія и Мариландъ должны были согласиться на счетъ судоходства по рѣкѣ Потомаку и въ Чисапикской губѣ. Въ 1785 году полномочные отъ нихъ сошлись въ Александріи, въ Виргиніи, но чувствуя, что въ этомъ дѣлѣ необходимо участіе другихъ сосѣдственныхъ штатовъ, законодательное собраніе Виргиніи въ 1786 году предложило собрать коммисаровъ и отъ нихъ. Въ слѣдствіе того, въ сентябрѣ 1786 года сошлись въ Аннаполисѣ депутаты отъ пяти штатовъ, но и ихъ было мало для принятія общихъ мѣръ, а потому комиссары представили континентальному конгрессу о необходимости созвать депутатовъ отъ всѣхъ штатовъ для подробнаго разсмотрѣнія и измѣненія, въ чемъ явится необходимость, основныхъ началъ конфедераціи.

Конгрессъ принялъ такое предложеніе и въ февралѣ 1787 года собрались въ Филадельфію депутаты отъ всѣхъ штатовъ, кромѣ Родъ-Эйланда, и начертали существующую до настоящаго времени конституцію Сѣверо-Американскаго союза. Затѣмъ она была разослана во всѣ штаты для обсужденія, и послѣ долгихъ жаркихъ преній на нее изъявили согласіе всѣ штаты, кромѣ сѣверной Каролины и Родъ-Эйланда, не участвовавшаго въ сужденіи о ней. Впослѣдствіи она принята и ими.

Въ союзной конституціи умѣли согласить интересы тринадцати штатовъ, которые, несмотря на то, что каждый имѣлъ свою исторію и свои особенныя стремленія, сходились въ одномъ общемъ центрѣ, не теряя ничего изъ своей частной независимости. Только подъ этимъ условіемъ можно было предсказать долговременное существованіе общей конституціи у народа, который всегда оказывался враждебнымъ всякому общему распоряженію и стремился къ полному самостоятельному управленію своими дѣлами. Тѣмъ большая дань благодарности со стороны американцевъ должна быть воздаваема тѣмъ великимъ мужамъ, которые начертали и способствовали выполнить эту союзную конституцію. Имя Вашингтона, какъ какого нибудь генія, которому ввѣрено храненіе народомъ залога его счастія и единства, стоитъ на первомъ мѣстѣ въ числѣ людей, понимавшихъ выгоды союза и оберегавшихъ его независимость. Какъ тогда, такъ и теперь имя это произносится каждымъ американцемъ съ благоговѣніемъ, вполнѣ заслуженнымъ, и это общее уваженіе къ отцу отечества, поддерживаемое въ народѣ воздвигаемыми ему памятниками, находимыми повсюду изображеніями его, наименованіемъ въ честь его новыхъ городовъ, областей, площадей и улицъ связываетъ союзъ и спо-

собствуетъ, по крайней мѣрѣ, тому, что онъ не распадается и не распадется.

Конституція соединенныхъ штатовъ, какъ полнаго, самостоятельнаго союза, есть послѣднее и самое важное звѣно въ цѣпи конституцій, которыя подъ вліяніемъ разныхъ временныхъ и мѣстныхъ обстоятельствъ, развились хотя не одинаково въ разныхъ штатахъ, тѣмъ не менѣе всѣ сходились въ общихъ чертахъ. Очевидно, что союзная конституція должна была опираться на тѣже начала, а что законодатели Америки имѣли постоянно въ виду ту цѣль, для которой были призваны, доказываетъ самое введеніе въ конституцію. «Мы, народъ соединенныхъ штатовъ», говорится въ немъ, «мы собрались, чтобы составить самый тѣсный союзъ, утвердить справедливость, обезпечить внутреннюю безопасность, заботиться объ общественной оборонѣ, развить общее благосостояніе и даровать благословенія свободы какъ себѣ, такъ и потомкамъ нашимъ».

Какъ бы ни были за тѣмъ различны интересы отдѣльныхъ штатовъ, держатся-ли они свободной работы или рабства, (это самый важный пунктъ раздора), промышленные-ли это штаты или торговые, морскіе или континентальные, все равно, есть общій трибуналъ, есть учрежденіе, въ которомъ ихъ же собственными депутатами обсуждаются выгоды каждаго штата, и нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы союзъ менѣе заботился о благѣ каждаго своего члена, чѣмъ самъ штатъ, когда въ виду остается достиженіе тѣхъ высокихъ цѣлей, которыя ведутъ весь народъ къ счастію и величію. А между тѣмъ чего одинъ штатъ не могъ бы сдѣлать, напримѣръ защищаться, вести войну, строить флотъ и крѣпости, то можетъ цѣлый союзъ. Кромѣ того, онъ взялъ на себя заботу объ общественномъ правосудіи, для предупрежденія, чтобы штаты, защищая каждый свои

выгоды, или стоя за свои предѣлы, не сталкивались между собою и тѣмъ не нарушали общественнаго мира.

Сообразно основаніямъ, которыя представляли конституціи отдѣльныхъ колоній, было принято въ союзной конституціи за исходный пунктъ, раздѣленіе трехъ властей— законодательной, исполнительной и судебной: въ немъ видѣли лучшую гарантію для народной свободы и неприкосновенности правъ каждаго штата. Въ тоже время, однако, нельзя и не должно было ставить трехъ этѣхъ властей въ враждебное и совершенно независимое отношеніе: предупреждая сліяніе двухъ или нѣсколькихъ властей въ однѣхъ рукахъ, никакъ не хотѣли отдѣлить ихъ такъ рѣзко, чтобы взаимное ихъ воздѣйствіе было даже невозможно. Напротивъ, и это опять одна изъ заслугъ американской конституціи.

IV.

КОНГРЕССЪ.

«Законодательныя власть сосредоточена въ конгрессѣ соединенныхъ штатовъ, состоящемъ изъ сената и дома представителей», постановленовъ конституціи союза. Это опытъ, вынесенный также изъ учрежденій отдѣльныхъ штатовъ: если они начинали съ одного народнаго собранія, которому ввѣрялась законодательная власть, они всегда кончали тѣмъ, что дѣлили ее между двумя отраслями собранія. Выгода такого дѣленія въ томъ, что законы обдумываются и обсуждаются зрѣлѣе, предупреждается возможность увлечься голосомъ народныхъ вожатыхъ, дѣйствующихъ подъ вліяніемъ страстей, и хотя оба собранія состоятъ изъ лицъ, взятыхъ

изъ народа, самый образъ ихъ выбора различенъ, и качества, требуемыя отъ членовъ двухъ этихъ собраній, неодинаковы. Вообще, опытность и благоразуміе однихъ повѣряютъ, исправляютъ или наоборотъ подтверждаютъ то, что предполагается народомъ чрезъ ближайшіе и непосредственные его органы.

Въ домъ представителей *(House of representatives)* депутаты избираются на два года жителямъ каждаго штата. Они собственно служатъ орудіемъ для выраженіи потребностей и нуждъ народа, его мнѣній и убѣжденій. Чрезъ нихъ союзъ, собравшійся въ конгрессѣ, узнаетъ волю народа и, конечно, законы, исходящіе отсюда, могутъ быть по всей справедливости названы народными.

Каждый штатъ, руководствуясь провинціальною конституціею, избираетъ своихъ представителей внѣ всякаго вліянія союза, или изъ однихъ собственниковъ недвижимыхъ имѣній, или изъ платящихъ подати, или, наконецъ, право выбора есть общее достояніе гражданъ. Во всякомъ случаѣ ввѣрить свой голосъ тому или другому депутату оставлено на волю штата, а его собственная выгода должна руководить его къ выбору такого представителя, въ которомъ бы достойнымъ образомъ находили себя отголосокъ потребности и нужды общества, его избравшаго. Но чтобы имѣть гарантію, что депутаты, присланные штатами, дѣйствительно не чужды интересовъ цѣлаго союза и могутъ принимать участіе въ соображеніяхъ конгресса, положено, что никто не можетъ быть народнымъ на немъ депутатомъ, кто моложе 25 лѣтъ, менѣе семи лѣтъ состоитъ гражданиномъ союза, и не живетъ въ томъ штатѣ, котораго онъ служитъ представителемъ. При такихъ условіяхъ, которыя исполнить, впрочемъ, не трудно, палата представителей открыта для лицъ самыхъ разнообразныхъ заслугъ, для природныхъ

гражданъ и для принятыхъ въ союзъ, для молодыхъ и стариковъ, для богатыхъ и бѣдныхъ, безъ всякаго различія чиновъ, занятій, состояній, религіозныхъ убѣжденій и вѣрованій.

Какъ бы ни былъ малъ штатъ, онъ имѣетъ, по крайней мѣрѣ, одного представителя въ конгрессѣ, а затѣмъ на каждые тридцать тысячъ жителей положили прибавлять по одному народному депутату. Этотъ пунктъ конституціи былъ причиною многихъ споровъ между штатами. Малолюдныя провинціи, съ однимъ голосомъ, были, очевидно, пересиливаемы большими штатами, и требовали, чтобы не смотря на число представителей, каждый штатъ имѣлъ поровну одинъ только голосъ. Съ другой стороны штаты, имѣвшіе рабовъ, настаивали на томъ, чтобы при опредѣленіи числа депутатовъ были принимаемы въ разсчетъ не одни свободные ихъ жители, но и рабы. Другіе штаты не хотѣли этого допустить, и дѣло доходило иногда до того, что собраніе готово было разойтись. Наконецъ остановились на среднемъ: къ общему числу бѣлыхъ, позволено прибавлять три пятыхъ всего прочаго населенія. Подъ послѣднимъ разумѣлись черные рабы. Такою уступкою былъ устраненъ поводъ къ дальнѣйшимъ спорамъ, а для того, чтобы имѣть положительныя данныя, сколько каждый штатъ въ извѣстную эпоху имѣетъ право присылать представителей на конгрессъ, узаконено, чтобы чрезъ десять лѣтъ было возобновляемо народное счисленіе *(decennial census)*, и чтобы въ теченіе этого времени число представителей каждаго штата оставалось неизмѣннымъ. Такимъ образомъ хотѣли удовлетворить сколько возможно желаніямъ обѣихъ сторонъ: соревнованіе штатовъ далеко не уничтожено, но ему на извѣстный, по крайней мѣрѣ, срокъ положены предѣлы. Иначе поступить было бы даже невозможно, потому что когда населеніе однихъ штатовъ,

напримѣръ Родъ-Эйланда и Делавара, неизмѣнилось отъ времени составленія конституціи, и теперь они шлютъ, какъ и тогда слали, по одному представителю, Нью-Йоркъ напримѣръ вмѣсто шести, имѣетъ теперь сорокъ представителей. Впрочемъ, могла бы встрѣтиться другая еще невыгода: число народныхъ представителей грозило разростись въ большихъ штатахъ до чрезвычайныхъ размѣровъ, и для того сочли нужнымъ увеличить цифру населенія, на которое прибавляется по депутату. Когда писали конституцію при трехъ милліонахъ жителей опасались, чтобы зала конгресса не была пуста, теперь надобно бояться другаго, и потому положено, чтобы число народныхъ представителей оставалось неизмѣнно 233 (съ Калифорніею 234), и чтобы всякій разъ при народномъ счисленіи опредѣлялось, на сколько тысячъ приходится по депутату; теперь напримѣръ, при населеніи союза по счисленію 1850 года въ 21,767,673 жителя прибавляется депутатъ на 93,423 человѣка, и новый штатъ принимается въ Союзъ только подъ условіемъ такого населенія; иначе онъ не могъ бы слать депутата на конгрессъ.

Но въ замѣнъ невыгодъ, которыя имѣютъ небольшіе штаты въ народномъ представительствѣ, они выигрываютъ, когда дѣло доходитъ до сбора денегъ на общественныя надобности. Раскладка ихъ между штатами производится также не поровну, а по числу народонаселенія, и слѣдовательно представителей. Вообще выгоды соразмѣрены съ невыгодами, и обѣ стороны могутъ быть одинаково довольны.

Само собраніе представителей избираетъ себѣ предсѣдателя, который называется *speaker*, собственно ораторъ, равно какъ другіе должностныя лица, и оно одно имѣетъ право судить ихъ. Въ Англіи вліяніе короля на выборы президента нижней палаты выражается въ утвержденіи его;

въ Америкѣ исполнительная власть вовсе не вмѣшивается въ то, кто президентъ и кто должностныя лица собранія народныхъ представителей, и въ этомъ отношеніи оно независимѣе и самостоятельнѣе англійскаго.

Второе законодательное собраніе есть *сенатъ* (*the senate*), или вѣрнѣе это вторая вѣтвь народнаго собранія, которому поручена законодательная дѣятельность Союза. Организація сената, хотя въ сущности члены его также исходятъ изъ народа, представляетъ особенности, клонящіяся къ тому, чтобы мѣры, подлежащія его обсужденію, подвергались болѣе строгому разсмотрѣнію и вообще законъ получалъ ту печать зрѣлости, которая ему можетъ недоставать въ собраніи представителей. И потому, чтобы не дать большаго вліянія многолюднымъ штатамъ въ сенатѣ, всякій изъ нихъ имѣетъ по два сенатора, избираемыхъ законодательнымъ собраніемъ штата на шесть лѣтъ. Каждый годъ изъ него выходитъ одна треть и только въ теченіе шести лѣтъ мѣняется полный составъ сената. Но если въ теченіе двухъ лѣтъ по какой бы то ни было причинѣ откроется вакансія въ сенатѣ, законодательное собраніе, а въ отсутствіе его исполнительная власть штата посылаетъ на мѣсто выбывшаго другаго сенатора, и въ послѣднемъ случаѣ, когда о назначеніи его распорядилась исполнительная власть, сенаторъ остается на мѣстѣ только до того, когда созовется законодательное собраніе, которое можетъ утвердить выбраннаго или замѣнить его другимъ.

Всѣ этѣ мѣры ведутъ къ тому, чтобы, при самостоятельности сената, распоряженія его, оставаясь народными, представляли для Союза достаточно обезпеченій въ ихъ безпристрастіи. Той же высокой цѣли хотѣли достигнуть составители конституціи блишайшимъ опредѣленіемъ свойствъ необходимыхъ для сенатора, какъ члена союзнаго конгресса.

Онъ долженъ быть не моложе тридцати лѣтъ, по крайней мѣрѣ девять лѣтъ гражданиномъ Союза и обитателемъ того штата, отъ котораго избирается. Такъ какъ обязанности, лежащія на сенаторѣ, выше, чѣмъ обязанности народныхъ представителей, то и требованія отъ первыхъ относительно ихъ возраста, познаній, опытности строже, и Союзъ хочетъ быть увѣренъ, что гражданинъ, занимающій мѣсто въ сенатѣ, уже чрезъ то самое, что онъ въ теченіе болѣе продолжительнаго времени членъ союза, ближе знакомъ и съ конституціею его и потребностями какъ отдѣльныхъ штатовъ, такъ и всего ихъ состава. Но и въ сенатъ не закрыты двери ни для бѣдныхъ, ни для незнатныхъ, ни для исповѣдующихъ ту или другую вѣру: всякая способность несется на общее дѣло, и чѣмъ разнообразнѣе классы, изъ которыхъ войдутъ въ сенатъ представители, тѣмъ лучше для народа и тѣмъ вѣрнѣе можетъ имѣть конгрессъ свѣдѣнія о нуждахъ и потребностяхъ разныхъ слоевъ общества. Американскіе юристы, писавшіе о конституціи и разбиравшіе ее во всей подробности, были въ изумленіи предъ мудростью, съ которою законодатели успѣли согласить разныя требованія народной независимости и общественнаго благосостоянія, и болѣе, чѣмъ чрезъ полъ-столѣтія, не находятъ ничего прибавить къ существеннымъ положеніямъ такъ хорошо обдуманной конституціи.

Вице-президентъ соединенныхъ штатовъ есть по самому званію своему президентъ сената, но голоса онъ не имѣетъ, пока сенаторы не раздѣлятся на двѣ равныя половины, и его мнѣніе должно дать перевѣсъ одной изъ нихъ. За отсутствіемъ вице-президента соединенныхъ штатовъ или когда онъ заступаетъ мѣсто президента Союза, сенатъ самъ избираетъ себѣ изъ среды своей представителя. Этимъ путемъ составители американской конституціи, устранивъ соперничество между штатами, умѣли отвратить отъ сената

вліяніе исполнительной власти: ее не имѣетъ вице-президентъ Союза, а между тѣмъ будучи избираемъ всѣми штатами, онъ не менѣе президента есть представитель всего народа. Одному также сенату предоставленъ судъ надъ президентомъ соединенныхъ штатовъ, и трудно было избрать другой народный трибуналъ, который бы соединялъ въ себѣ болѣе безпристрастія и независимости; но, чтобы придать сенату юридическую стихію, предсѣдателемъ его на этотъ разъ становится главный судья *(Chief-justice)* верховнаго союзнаго суда. Такимъ образомъ хотѣли устранить всякое подозрѣніе, что вице-президентъ Союза, желая занять мѣсто обвиненнаго президента, былъ не совсѣмъ безпристрастенъ въ своемъ сужденіи, а для большей увѣренности въ правильности приговора, онъ получаетъ силу не въ слѣдствіе простаго большинства голосовъ, а по согласію двухъ третей членовъ сената.

Что касается до собранія конгресса, то законъ, оставляя на усмотрѣніе каждаго штата, когда и какъ выбирать членовъ въ обѣ палаты, тѣмъ не менѣе узаконяетъ, что конгрессъ долженъ собираться по крайней мѣрѣ разъ въ годъ, и именно въ первый понедѣльникъ декабря мѣсяца. Въ этомъ случаѣ произволъ исполнительной власти и самихъ штатовъ устраненъ такимъ общимъ распоряженіемъ.

За симъ, когда конгрессъ созванъ, каждому изъ обоихъ собраній предоставлена власть судить о томъ, имѣютъ-ли право засѣдать избранные въ него члены, и вообще палата устроиваетъ у себя порядокъ, какой найдетъ удобнѣе, не-удаляясь во всякомъ случаѣ отъ распоряженій, заключающихся въ конституціи цѣлаго Союза. Каждая палата судитъ о поступкахъ своихъ членовъ, взыскиваетъ съ нихъ за отсутствіе въ засѣданіяхъ и даже можетъ изгонять члена изъ среды своей большинствомъ, впрочемъ, двухъ третей голо-

совъ. Въ воздаяніе за службу на общественную пользу какъ народные представители, такъ и сенаторы имѣютъ право на вознагражденіе изъ казны Союза, и для охраненія ихъ независимости они избавлены отъ ареста, кромѣ случаевъ измѣны, уголовнаго преступленія и нарушенія общаго мира, во время присутствія въ засѣданіяхъ конгресса, равно какъ на пути въ него и изъ него, и не могутъ быть подвергаемы никакому допросу или взысканію за произнесенное ими въ конгрессѣ. Рѣчь свободна отъ всякаго вліянія страха, засѣданія конгресса публичны и пренія его печатаются. Равномѣрно для храненія независимости и безпристрастія членовъ конгресса узаконено, чтобы они не занимали никакихъ другихъ общественныхъ должностей подъ властью соединенныхъ штатовъ и не получали отъ нихъ жалованья.

Проэкты законовъ могутъ возникать или въ сенатѣ или въ собраніи представителей; но только въ послѣднемъ могутъ получать начало законы о взиманіи денежныхъ сборовъ. Сенату же предоставлено право предполагать измѣненія и свои доводы, какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ случаяхъ. Тутъ опять разница съ учрежденіемъ англійскаго парламента: въ Англіи нижняя палата не хотѣла допустить ни малѣйшаго вмѣшательства палаты лордовъ въ дѣла о сборѣ податей и исключила ее вовсе изъ участія въ этого рода дѣлахъ. Причина такого изъятія изъ общаго правила о парламентскихъ преніяхъ кроется въ естественномъ соревнованіи народной палаты съ наслѣдственною палатою лордовъ, но въ Америкѣ его быть не можетъ: обѣ камеры народныя и напротивъ было бы опасно оставить за однимъ домомъ народныхъ представителей разсужденія о собраніи денегъ на общія нужды, когда въ этомъ собраніи большіе и сильные штаты имѣютъ перевѣсъ въ числѣ представителей, и при распредѣленіи суммъ по населенію могла бы быть нарушена

справедливость. Въ сенатѣ же наоборотъ всѣ штаты имѣютъ одинаковое число голосовъ и за симъ несправедливаго раздѣленія тягостей на штаты опасаться нечего.

Прежде чѣмъ проэктъ обратится въ законъ, онъ долженъ быть обсужденъ обѣими палатами конгресса и затѣмъ представленъ президенту соединенныхъ штатовъ. Если онъ согласится съ нимъ и подпишетъ билль, онъ обращается въ законъ; въ противномъ случаѣ президентъ возвращаетъ проэктъ вмѣстѣ съ своими противъ него возраженіями въ ту палату, въ которой онъ получилъ начало. Палата обязана войти въ новое разсмотрѣніе дѣла и по обсужденіи его вмѣстѣ съ возраженіями президента отослать въ другую палату. Если въ обѣихъ палатахъ двѣ трети голосовъ будутъ въ пользу измѣненія билля, онъ обращается въ законъ; иначе первоначальный проэктъ остается въ своей силѣ. Но во всякомъ случаѣ согласіе или несогласіе на измѣненіе должно быть выражено не общимъ счетомъ голосовъ, но положительнымъ или отрицательнымъ отвѣтомъ членовъ *(by yeas and nays)*, и имена ихъ на обѣихъ сторонахъ должны быть внесены въ журналъ и обнародованы. Равномѣрно, если въ теченіе десяти дней со времени подачи протокола конгресса, президентъ не возвратитъ его, проэктъ закона считается утвержденнымъ, и приводится въ исполненіе, исключая тотъ случай, когда конгрессъ до истеченія этого срока окончитъ свои засѣданія.

Кромѣ законодательной власти, которая, впрочемъ, составляетъ главную принадлежность конгресса, на немъ лежатъ слѣдующія еще обязанности, касающіяся всего союза: 1) заботиться объ общественной защитѣ и общемъ благосостояніи соединенныхъ штатовъ; 2) дѣлать займы на имя и подъ кредитъ Союза. Такъ какъ деньги этѣ употребляются для общественныхъ надобностей, то судить о необходимости

займа ближе всего можетъ конгрессъ, а въ случаѣ опасности, войны, предоставленіе ему такой власти можетъ быть чрезвычайно полезно и даже необходимо для спасенія Союза. Этимъ довѣріемъ народа пользовался конгрессъ неоднократно, когда являлась напримѣръ необходимость пріобрѣсть для округленія штатовъ какую нибудь провинцію за денежныя суммы, которыя если бы тогда же пали на народъ, обременили бы его чрезъ мѣру, а при помощи займа были погашаемы очень легко и постепенно; 3) дать правильное устройство внѣшней политикѣ съ другими странами, торгу между разными штатами и наконецъ съ индѣйскими племенами. Такое распоряженіе конституціи, какъ ни кажется оно съ перваго раза вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла провинцій, въ сущности необходимо для того, чтобы отнять возможность споровъ и несогласій между отдѣльными штатами, напримѣръ если бы двѣ провинціи, ведущія торговлю одними и тѣми же издѣліями или произведеніями, стали подрывать себя взаимно убавкою пошлинъ или снятіемъ ихъ вовсе, покровительствомъ своимъ судамъ и наложеніемъ обременительныхъ сборовъ на суда другихъ націй, очевидно отъ того потерпѣла бы общая торговля всего Союза. Предупредить такія послѣдствія можно только тѣмъ, чтобы, отнявъ заботы о торговлѣ отъ отдѣльныхъ штатовъ, ввѣрить попеченіе о ней конгрессу, не имѣющему въ полномъ своемъ составѣ ни повода, ни надобности покровительствовать одному на счетъ другаго. Впрочемъ современное состояніе торговли штатовъ сравнительно съ тѣмъ, что было до утвержденія Союза ихъ, показываетъ, что вмѣшательство конгресса принесло торговлѣ большую и существенную пользу; 4) конгрессу же предоставлено право установлять однообразныя начала о принятіи иностранцевъ въ подданство, издавать законы о банкрутствѣ и чеканить монету. Если бы

каждому штату было предоставлено по всѣмъ этимъ родамъ дѣлъ дѣйствовать самостоятельно и сообразно своимъ частнымъ выгодамъ, могли бы являться законы, которые, имѣя въ виду привлеченіе большаго числа иностранцевъ, предоставленіе имъ права гражданства, или покровительствуя въ одномъ штатѣ несостоятельнымъ должникамъ другаго, очевидно были бы вредны для общаго спокойствія и для прочности всего Союза.—Далѣе, чтобы весь Союзъ имѣлъ вѣру въ достоинство монеты, необходимо ввѣрить попеченіе о ней союзному правительству, которое кромѣ того завѣдуетъ мѣрами и вѣсами и преслѣдуетъ дѣлателей фальшивыхъ цѣнностей; 5) заботиться объ учрежденіи почты и о проведеніи почтовыхъ дорогъ, установленій, очевидно клонящихся къ пользѣ всего Союза, а не отдѣльныхъ штатовъ; 6) давать привиллегіи на усовершенствованія въ области наукъ и художествъ. Иначе, т. е. если бы такую привиллегію давалъ одинъ Штатъ, изобрѣтатель, авторъ или художникъ нисколько не былъ бы обезпеченъ въ томъ, что его изобрѣтеніемъ не воспользуется кто нибудь въ сосѣднемъ штатѣ и не лишитъ его тѣхъ выгодъ, на которыя ему даютъ право его способности, труды и понесенныя издержки; 7) наказывать морской разбой, уголовныя преступленія въ открытомъ морѣ, и дѣйствія, противныя международному праву, равно какъ объявлять войну и установлять правила о добычѣ на водѣ и на сушѣ. Сѣверо-американекій Союзъ всегда держался и до сихъ поръ держится мирной политики, и объявленіе войны оставлено не на произволъ одного президента, что могло бы быть вредно и опасно, а на усмотрѣніе цѣлаго конгресса, тѣмъ болѣе, что народъ неминуемо долженъ участвовать въ войнѣ издержками, и слѣдовательно обременить себя лишними тягостями; 8) набирать и содержать войско и флотъ, равно какъ созывать

милицію для приведенія въ исполненіе законовъ Союза, подавленія возстаній и отраженія нападеній; 9) имѣть законодательную власть исключительно въ округѣ, не превосходящемъ десяти квадратныхъ миль, назначенномъ для засѣданій властей Союза, равномѣрно вообще въ мѣстахъ, пріобрѣтенныхъ Союзомъ для постройки крѣпостей, магазиновъ, арсеналовъ, доковъ и другихъ общественныхъ зданій; 10) установлять мѣры для приведенія въ исполненіе означенныхъ обязанностей Союзнаго конгресса и 11) допускать въ Союзъ новые штаты, достигшіе извѣстныхъ размѣровъ и составившіе для себя мѣстную конституцію.

Не нарушая начала самоуправленія отдѣльныхъ штатовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ давая конгрессу средства охранять благосостояніе цѣлаго Союза, законодатели, писавшіе конституцію, поступили какъ нельзя болѣе осторожно и благоразумно. «Желаніе каждаго патріота», говоритъ Стори, оканчивая разборъ конституціи, «должно состоять въ томъ, чтобы образовавшаяся система союзнаго управленія была неизмѣнна, и чтобы властью своею конгрессъ пользовался для той цѣли, для которой она дана, для выгодъ всѣхъ штатовъ, а не для покровительства интересамъ партій, въ ущербъ истиннаго блага народа». Но для того, чтобы воспрепятствовать конгрессу употреблять во зло предоставленную ему власть, конституція прибѣгла къ слѣдующимъ ея ограниченіямъ: 1) сила акта «*habeas corpus*» о незаключеніи гражданина въ тюрьму безъ объявленія ему въ теченіе сутокъ его вины, не должна быть останавливаема конгрессомъ развѣ, когда въ случаяхъ возстанія или нападенія того потребуетъ общественная безопасность; 2) конгрессъ не можетъ дѣлать постановленій о наказаніи кого бы то ни было безъ суда, ни давать закону обратную силу; 3) не можетъ брать изъ казны денегъ не на тотъ предметъ, на какой они назначе-

ны и обязанъ по временамъ представлять подробный отчетъ о приходѣ и расходѣ общественныхъ суммъ; 4) никакой титулъ благородства не можетъ быть усвоиваемъ Соединенными Штатами и 5) никакое лицо, исполняющее въ немъ общественную обязанность, не можетъ принимать подарковъ, поощренія или титловъ отъ королей, принцовъ и вообще иностранныхъ государей. Какъ общее равенство гражданъ Союза заставило узаконить послѣднюю мѣру, такъ первыя имѣютъ основаніемъ своимъ желаніе отнять у союзнаго правительства всякую возможность дѣйствовать кривыми путями на убѣжденія народа и на совѣсть избранныхъ имъ въ исполнители его воли на разныхъ поприщахъ дѣятельности.

Подробнымъ до мелочей изложеніемъ того, къ чему уполномочено союзное правленіе, конституція въ нѣкоторой степени опредѣлила, какія дѣла изъяты изъ вѣдомства законодательствъ отдѣльныхъ штатовъ. Общимъ правиломъ остается: распоряженія, касающіяся всѣхъ или нѣсколькихъ штатовъ, должны исходить изъ конгресса. Внутреннія же распоряженія дѣлами каждаго въ отдѣльности штата, составляютъ обязанность мѣстнаго законодательнаго собранія.

V.

ПРЕЗИДЕНТЪ СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТОВЪ.

Исполнительная власть сосредоточена въ президентѣ Соединенныхъ Штатовъ, избираемомъ на четыре года. Множество формъ и предосторожностей предписано конституціею для выбора президента. Каждый штатъ избираетъ по

два кандидата въ эту должность и тотъ имѣетъ окончательное право на занятіе ея, кто соберетъ въ свою пользу наибольшее число избирательныхъ голосовъ, но только тотъ можетъ достигнуть этого высшаго въ Союзѣ мѣста, кто родился въ Соединенныхъ Штатахъ, или былъ гражданиномъ Америки во время принятія конституціи, равномѣрно кто достигнулъ тридцати пяти–лѣтняго возраста и въ теченіе четырнадцати лѣтъ былъ обитателемъ Союза. Однимъ словомъ придуманы всѣ зависящія отъ человѣка средства, чтобы мѣсто президента занимало лицо достаточно опытное для отправленія возложенныхъ на него обязанностей и представляющее ручательство, что онъ знаетъ состояніе ввѣряемаго ему государства, его нужды и потребности.

За свою службу президентъ получаетъ жалованье (25 тысячъ долларовъ), которое не можетъ быть ни увеличено, ни убавлено во все продолженіе служенія и въ теченіе его не долженъ онъ принимать никакой награды ни отъ Союза, ни отъ отдѣльнаго штата. До вступленія въ должность президентъ даетъ присягу, что будетъ вѣрно исполнять свою обязанность и по крайнему разумѣнію защищать и сохранять конституцію.

Президентъ есть главный начальникъ арміи, флота и милиціи, когда они призваны на дѣйствительную службу. Ему же предоставлено, не иначе впрочемъ, какъ съ согласія сената, заключеніе трактатовъ съ другими государствами, назначеніе посланниковъ, консуловъ и другихъ представителей Союза, равно какъ членовъ высшаго союзнаго суда. Но еслибы оказалась необходимость замѣстить вакансію въ то время, когда сенатъ не засѣдаетъ, президентъ даетъ выбраннымъ имъ лицамъ временныя порученія, пока не соберется сенатъ.

Съ другой стороны президентъ обязанъ сообщать конгрессу о состояніи Союза и излагать свои соображенія о тѣхъ мѣрахъ, которыя онъ найдетъ полезными или необходимыми, въ чрезвычайныхъ случаяхъ онъ можетъ созывать одну или обѣ палаты, и при несогласіи или неудовольствіи между ними откладывать ихъ собранія на сколько ему то покажется необходимымъ.

Наконецъ судебная власть въ Союзѣ также составляетъ принадлежность отдѣльнаго вѣдомства (*judicial department*). Независимое и самостоятельное существованіе его необходимо для того, чтобы исполнялись законы, разбирались столкновенія между разными вѣдомствами и повсемѣстно наказывались дѣйствія, противныя конституціи. Американецъ знаетъ, что безъ твердаго суда не могли бы существовать другія власти въ государствѣ и потому союзные судьи пользуются высокимъ уваженіемъ. Мѣста ихъ всегда занимаютъ самые почетные люди и высшіе юристы. Разъ избранные президентомъ и сенатомъ, обезпеченные тѣмъ съ одной стороны, что не могутъ быть смѣнены (развѣ за государственныя преступленія), и съ другой тѣмъ, что значительное жалованье (главный судья получаетъ 6,500 дол., то есть болѣе 7,500 руб. сер., другіе 6,000 дол.) не подлежитъ убавкѣ, они не могутъ быть заподозрѣны ни въ покорности волѣ президента, ни въ излишней угодливости народу, и приговоръ верховнаго суда Соединенныхъ Штатовъ (*the supreme court of the United States*) считается высшимъ юридическимъ авторитетомъ и на него дѣлаются ссылки, какъ въ былыя времена дѣлались на слова знаменитыхъ римскихъ юристовъ–практиковъ.

Союзный верховный судъ въ полномъ своемъ составѣ собирается въ Вашингтонѣ въ одно съ конгрессомъ время: въ прочіе же мѣсяцы года отдѣльные судьи ѣздятъ по шта–

тамъ (*circuit courts*) и кромѣ отдаленныхъ и не связанныхъ съ общимъ центромъ желѣзными дорогами штатовъ Флориды, Техаса и Калифорніи, равно какъ территоріи Айова (*Jowa*), въ опредѣленные дни является на мѣсто союзный судья и разбираетъ подлежащія вѣдѣнію его дѣла. Кромѣ того для рѣшенія могущихъ постоянно встрѣчаться случаевъ, которые не подлежатъ разбору судей отдѣльнаго штата, есть опредѣленные также союзнымъ правительствомъ окружные суды (*district courts*), при нихъ для защиты общественныхъ интересовъ есть адвокаты (*attorneys*), и эти судьи также въ извѣстные сроки ѣздятъ по разнымъ городамъ ввѣреннаго имъ штата, а въ дальнихъ провинціяхъ они замѣняютъ главныхъ союзныхъ судей. Общее собраніе судей въ Вашингтонѣ остается такимъ образомъ аппеляціонною инстанціею въ самыхъ только важныхъ случаяхъ, и обыкновенно судъ идетъ самъ на встрѣчу тому, кто имѣетъ въ немъ нужду, какъ бы опасаясь, чтобы его не стали искать.

Судебная власть Союза распространяется на всѣ дѣла, возникающія изъ конституціи Соединенныхъ Штатовъ и изъ трактатовъ, которые заключилъ или современемъ заключитъ Союзъ; на случаи, въ которыхъ замѣшаны иностранные посланники и консулы; дѣла адмиралтейскія и морскія; дѣла, въ которыхъ союзъ Соединенныхъ-Штатовъ составляетъ одну изъ тяжущихся сторонъ; споры между двумя или болѣе штатами и ихъ гражданами; между гражданами даже одного штата, въ случаѣ спора о земляхъ, на которыя они предъявляютъ притязаніе вслѣдствіе пожалованія отъ разныхъ штатовъ, при неопредѣленности между ними границъ, и наконецъ между отдѣльнымъ штатомъ или его гражданами и чужимъ государствомъ или иностранцами. Если въ этихъ опредѣленіяхъ видна съ одной стороны заботливость конституціи, чтобы отдѣльныя провинціи не

сталкивались съ иностранными государствами и, защищая свои интересы, не нарушали общаго мира и спокойствія цѣлаго союза, съ другой стороны законъ этотъ имѣетъ въ виду охранить миръ между штатами: каждый изъ нихъ слишкомъ горячо вступался бы за свои интересы, и безпристрастіе, залогъ справедливости, могло бы потерпѣть. Наконецъ конституція не хочетъ ввѣрить судьямъ штатовъ процессовъ, вытекающихъ изъ распоряженій федеративнаго правительства. Но во всякомъ случаѣ высшій союзный судъ есть изъятіе изъ общаго начала, въ силу котораго каждому штату въ отдѣльности предоставлено полное самоуправленіе. Это не болѣе, какъ уступка въ пользу общаго блага. Затѣмъ всякій штатъ самъ устроиваетъ для себя суды по своему крайнему разумѣнію, и общими чертами остаются непремѣнно судъ присяжныхъ, гласность, адвокаты и безграничная публичность.

Таково въ общихъ чертахъ устройство властей въ Союзѣ! Таковы обязанности лицъ, стоящихъ во главѣ каждой изъ нихъ! Конституція желала отклонить по возможности всякое вмѣшательство одной власти въ предѣлы другой, и къ счастію, важный этотъ актъ, на которомъ опирается спокойствіе Соединенныхъ Штатовъ, явился не во время смутъ, и не тотчасъ послѣ войны за независимость, а былъ обсуждаемъ тогда, когда улеглись уже народныя страсти, и распоряженія, клонившіяся къ общему благу, могли быть зрѣло обдуманы тѣми, которымъ народъ поручилъ устроеніе своей судьбы. Только подъ условіемъ признанія этой конституціи допускаются въ Союзъ новые штаты. Какъ скоро населеніе территоріи, возникающей въ Сѣверной-Америкѣ, достигнетъ такихъ размѣровъ, что она можетъ имѣть одного представителя въ конгрессѣ, ей дается право просить о допущеніи ея въ число штатовъ, и когда просьба ея ува-

жена, она начинаетъ управляться сама собою, избираетъ свои должностныя лица, имѣетъ свои законодательныя собранія, свои суды и вообще устроиваетъ свою судьбу наилучшимъ по своему разумѣнію способомъ. Новый штатъ самъ составляетъ для себя конституцію, но при всемъ различіи условій, подъ которыми живетъ область, образецъ для своего мѣстнаго устройства, она находитъ въ конституціи Союза и дѣлаетъ въ ней перемѣны, какія считаетъ для себя необходимыми. Не должно–ли въ слѣдствіе того опасаться, что зданіе, составленное изъ такихъ повидимому разнообразныхъ частей, распадется? Такъ какъ всякій штатъ самъ по себѣ есть маленькое государство, то подобное опасеніе естественно и уже не разъ возникало у самихъ американцевъ. Но оно едвали справедливо: всякая область должна сознаватъ, что еслибы она была предоставлена самой себѣ, она не могла бы съ своими частными средствами пользоваться такою же самостоятельностью, какою пользуется теперь, оставаясь членомъ большаго союза и участвуя въ управленіи общественными дѣлами, а между тѣмъ во внутреннемъ своемъ быту штатъ предоставленъ самъ себѣ и не противорѣча общей конституціи есть полный у себя властелинъ. Необходимы новому штату рабы, онъ введетъ ихъ у себя и сохранитъ ихъ существованіе, пока найдетъ то необходимымъ, несмотря на всѣ возгласы другихъ штатовъ, держащихся иного начала. Сочтетъ–ли штатъ возможнымъ допустить къ выборамъ тотъ или другой разрядъ гражданъ или сдѣлать выборы общими, опять никто не въ правѣ вмѣшаться въ распоряженія, клонящіяся единственно и исключительно ко благу или наоборотъ ко вреду одной провинціи. Потому столкновенія между штатами не могутъ быть такъ часты, какъ бы то можно было предположить при другомъ устройствѣ ихъ. Самымъ важнымъ пунктомъ

раздора и несогласій остается рабство, но еслибы даже южные штаты, считающіе для себя необходимымъ существованіе черныхъ рабовъ, отпали (чего впрочемъ предвидѣть нельзя) отъ сѣверныхъ штатовъ, защищающихъ свободу негровъ, образовался бы новый союзъ съ тою же конституціею, и ненарушилась бы связь между штатами каждой половины.

Изъ тринадцати старыхъ штатовъ, существовавшихъ во время объявленія независимости Сѣверной-Америки, число ихъ возросло нынѣ до тридцати пяти. Во всѣхъ областяхъ правленіе народное. Власти законодательная, исполнительная и судебная отдѣлены. Президенту всего союза въ каждомъ отдѣльномъ штатѣ соотвѣтствуетъ губернаторъ, и въ немъ сосредоточивается исполнительная власть. Законодательство имѣетъ два органа — сенатъ и домъ представителей, которые вмѣстѣ составляютъ генеральное собраніе. Относительно судебныхъ мѣстъ каждаго штата различны судебныя инстанціи и неодинаковы правила о выборѣ судей.

Наконецъ для полноты очерка Сѣверо-Американскаго Союза необходимо означить штаты, образовавшіеся послѣ войны за независимость. Они или отдѣлились отъ прежде-существовавшихъ уже провинцій, какъ-то *Мэнъ* отъ Массачюзета въ 1820 и Вермонтъ отъ Нью-Йорка въ 1790 году, оба въ чертѣ Новой Англіи, или наоборотъ колоніи занимали новыя мѣста. Между тѣмъ, какъ первоначально населились земли, ближайшія къ Атлантическому океану и Англіи, въ послѣдствіи времени, колонизація, идучи отъ востока, обратила вниманіе на самыя далекія страны запада Соединенныхъ-Штатовъ, *the far west,* какъ называютъ его американцы. Эти отдаленные пункты, представляющіе много выгодъ для земледѣльческаго населенія, влекутъ къ

себѣ въ настоящее время сотни тысячъ переселенцевъ, и развитіе края чрезвычайно быстро.

Въ хронологическомъ порядкѣ новые штаты возникали и вступали въ союзъ въ такой постепенности: 1) *Кентуки (Kentucky)*, отдѣлившійся въ 1792 г. отъ Виргиніи; 2) *Охайо (Ohio)* на западъ отъ Аллеганскихъ горъ принялъ конституцію въ 1802 г.; 3) *Луизіана (Louisiana)*. Въ первый разъ она была изслѣдована и населена французами въ 1696 г. и получила свое теперешнее названіе въ честь короля Людовика XIV. Затѣмъ въ 1762 году она была уступлена Франціи и продана ею Соединеннымъ Штатамъ въ 1803 году за 15 милліоновъ долларовъ, а въ 1812 г. провинція эта принята въ число штатовъ; 4) *Индіана (Indiana)* рядомъ съ Охайо, отъ которой отдѣлилась въ 1800 и образовала изъ себя особый штатъ въ 1816 году; 5) *Миссиссипи (Mississippi)*, первоначально французское поселеніе, впослѣдствіи перешедшее къ Испаніи. Ею провинція эта уступлена Союзу и стала членомъ его въ 1817 г.; 6) *Иллинойсъ (Illinois)* также французское поселеніе. По миру 1763 г. оно было уступлено Англіи, отъ нея перешло къ Сѣверо-американскому Союзу и въ 1818 году образовала изъ себя самостоятельный штатъ; 7) *Алабама (Alabama)*, заключавшаяся въ предѣлахъ Георгіи и отчасти Флориды. За нею конституція утверждена въ 1819 году; 8) *Миссури* (*Missouri*), первоначально составлявшій часть Луизіаны: онъ пріобрѣтенъ отъ Франціи Соединенными Штатами въ 1803 г., а въ 1821 г. возведенъ въ штатъ; 9) *Теннеси* (*Tennesee*), въ предѣлахъ Сѣверной Каролины, допущенъ въ Союзъ въ 1796 и конституція этой провинціи разсмотрѣна и измѣнена въ 1835 г.; 10) *Мичиганъ* (*Michigan*) въ прежнихъ Сѣверо-американскихъ владѣніяхъ Франціи: вмѣстѣ съ другими землями, открытыми и населенными

французами, область эта перешла въ 1763 г. къ Англіи, отъ нея уступлена Сѣверо-американскому Союзу и въ 1836 году образовала изъ себя штатъ съ своею провинціальною конституціею; 11) *Аркансасъ* (*Arkansas*) на земляхъ, составлявшихъ прежнюю Луизіану, въ 1819 году провинція эта стала отдѣльною территоріею, а въ 1836 году допущена въ Союзъ, какъ самостоятельный штатъ; 12) *Флорида* (*Florida*). Изслѣдованная и населенная въ первый разъ въ 1512 году Испанцами, она была уступлена въ 1763 году Англіи въ замѣнъ Хаваны, находившейся во владѣніи англичанъ, въ 1781 году она снова покорена Испаніею, а въ 1821 перешла къ Соединеннымъ Штатамъ въ видѣ вознагражденія за убытки, понесенные торговлею Сѣверной Америки отъ грабежей испанцевъ. Наконецъ въ 1845 г. Флорида вошла въ составъ штатовъ Сѣверной Америки; 13) *Техасъ* (*Texas*): до 1835 года онъ составлялъ часть Мехики, и отдѣлившись отъ нея оставался независимою областью до 1845 г., когда по взаимному согласію она присоединилась къ Сѣверо-американскому Союзу и образовала изъ себя отдѣльный штатъ; 14) *Айова* (*Iowa*), одинъ изъ штатовъ, быстро развивающихся на далекомъ западѣ, среди пустынь и лѣсовъ, нѣкогда принадлежавшихъ дикимъ. Въ 1846 году эта область стала двадцать девятымъ штатомъ Союза; 15) *Висконсинъ* (*Wisconsin*) на западъ отъ озеръ Мичигана и Верхняго. Здѣсь также было когда-то поселеніе французовъ, но существовало безъ всякаго значенія. Въ началѣ текущаго только столѣтія здѣшнія земли стали болѣе извѣстны, и въ 1848 г. территорія эта принята въ число штатовъ Союза; 16) *Калифорнія* (*California*), составлявшая часть Мехики, была присоединена къ Сѣверо-американскому Союзу въ 1848 г., и благодаря открытымъ

въ ней золотымъ розсыпямъ населеніе ея возрасло до того, что въ слѣдующемъ уже году, она образовала изъ себя штатъ; 17) *Канзасъ* (*Kansas*) и 18) *Миннесота* (*Minnesota*) были территоріями до 1858 года. Въ этомъ году онѣ составили для себя конституціи, которыя и утверждены конгрессомъ.

Кромѣ того огромныя царства, малонаселенныя и малоизвѣстныя даже, находятся на западъ отъ большихъ озеръ вплоть до Тихаго океана и ждутъ времени, когда настанетъ ихъ чередъ, чтобы слиться съ Соединенными Штатами и безъ того огромными. Таковы территоріи: Орегонъ, Юта (*Utah*), Новая Мехика (*New-Mexico*), Вашингтонъ (*Washington—Territory*) и Небраска (*Nebrasca*). Они не достигли еще полнаго демократическаго устройства и находятся подъ управленіемъ губернаторовъ, присылаемыхъ отъ союзнаго правительства.—Но если населеніе будетъ и впредь расти въ Сѣверной Америкѣ, какъ росло до сихъ поръ, не далеко то время, когда и этѣ пустыни западной половины Сѣверо-американскаго Союза покроются цвѣтущими городами, плантаціями, фермами, будутъ сочтены достаточно развитыми, чтобы самимъ печься о своемъ устройствѣ, составятъ себѣ конституціи и сольются съ Сѣверо-американскимъ Союзомъ, какъ достойные его члены. А что такое предсказаніе можетъ сбыться и даже навѣрное сбудется, за то ручается прошедшее Союза. Если принять въ разсчетъ, что въ 1790 году при первомъ народосчисленіи въ Сѣверо-американскихъ Штатахъ было всего 3,929,872 человѣка, и чрезъ 60 лѣтъ, по 7-му счисленію 1850 года оказалось 23,191,876 человѣкъ и нынѣ населеніе возрасло, по общему мнѣнію, до тридцати слишкомъ милліоновъ, то есть удесятерилось противъ 1790 года, нельзя не признать правильнымъ вывода извѣстнаго американскаго статистика

Тукера (*), что къ началу двадцатаго столѣтія Союзъ будетъ населенъ осьмьюдесятью милліонами человѣкъ. Свобода и удобства переселенія, возможность легко и съ небольшими пожертвованіями переселиться на отдаленные пункты ручаются за правильность этого вывода. Тогда образуются еще десятки новыхъ штатовъ, а устройсто, дающее имъ полную свободу развиться, уже готово, и они воспользуются предлагаемыми имъ благами.

---

* *Tucker: Progress of the United States in population and wealth in fifty years. New-York. 1843. P. 106.*

ГЛАВА IV.

БОСТОНЪ.

Бостонская гавань.—Исторія чемодана въ таможнѣ.—Американская гостинница.—Воскресенье.—Назидательныя книжки.—Церкви пуританъ и другихъ сектъ.—Законы противъ роскоши, неуваженія къ воскресенью, употребленія крѣпкихъ напитковъ.—Голубые законы Новой Англіи.—Общественныя молитвы пуританъ.—Положеніе Бостона.—Историческіе въ немъ памятники.—Бостонскія городскія школы.—Ихъ число и устройство.—Харвардъ-Колледжъ и университетъ.—Присяжные.—Адвокаты.—Объѣзды судей.—Тюрьмы и исправительныя заведенія

I.

Споръ о преимуществѣ Бостонскаго порта предъ Нью-Йоркскимъ раздѣлилъ пассажировъ парохода «Европа» задолго предъ тѣмъ, какъ онъ вошелъ въ Бостонскую гавань. Знавшіе тотъ и другой становились кто на сторону Новой Англіи, кто защищалъ свою Эмпайръ-Сити. Я могъ вслушиваться только въ доводы сторонъ. Каждый защищалъ свою родину или мѣсто своего жительства и защищалъ его такъ жарко, не жалѣя ни остротъ, ни насмѣшекъ, ни жесткихъ словъ, какъ только умѣютъ защищать американцы. Бостонцамъ ставилось въ вину, что они сухіе янки, Нью-Йоркцамъ, что они все приносятъ въ жертву своей страсти къ

*

доллару, вопреки законамъ чести и совѣсти. Очевидно, это вовсе не относилось къ защитѣ выгодъ порта, но разыгрались провинціальныя соперничества, и всякій хотѣлъ доказать другому не то, что онъ выше по происхожденію, что у него болѣе внѣшнихъ отличій, а что его городъ болѣе способствовалъ развитію народа, его дѣятельности, что онъ болѣе участвовалъ въ защитѣ общаго отечества... Достойное соревнованіе! Богъ знаетъ, чѣмъ кончился бы этотъ споръ, объявшій какъ пламя всю палубу парохода, еслибы мы не вошли въ проливъ между островами, брошенными при входѣ въ Бостонскій портъ.

Покрытые зеленью острова, какъ изумруды, выходили изъ водъ Атлантическаго океана, въ которомъ отражалось горячее лѣтнее небо Америки. Кое-гдѣ виднѣлись на нихъ укрѣпленія, все еще остатки отъ войны за независимость, но теперь они брошены, кажется не охраняются, по крайней мѣрѣ никакими средствами нельзя было разглядѣть на нихъ солдата или пушки, да и зачѣмъ? Можно бы опасаться только развѣ нападенія англичанъ, но американцы увѣрены, что этого не случится. Слишкомъ тѣсна существующая между ними торговая связь, и вредъ, нанесенный одному такому городу, какъ Бостонъ или Нью-Йоркъ, повлекъ бы за собою банкрутства не въ одной Америкѣ, но можетъ быть еще болѣе въ Англіи. Такъ доказывалъ эту, впрочемъ, ясную сама по себѣ тему словоохотливый янки, называя по очереди Лонгъ-Эйландъ, Говернеръ-Эйландъ, Мунъ-Эйландъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приводилъ имена разныхъ укрѣпленій, на нихъ возведенныхъ и фортъ независимости, *fort-independance* навелъ его на длинный разсказъ объ участіи Бостона въ войнѣ съ Англіею. Наконецъ когда предъ нами открылся Бостонъ на трехъ горахъ, когда массивный памятникъ на Бункеръ-хиллѣ, возникъ во всемъ своемъ ве-

личіи, мой янки сухою длинною рукою и на своемъ нѣсколько носовомъ, протяжномъ нарѣчіи, указывалъ, что вотъ-де южный Бостонъ, *South-Boston*, вотъ Бостонъ восточный, *East-Boston*, вотъ Чарльстоунъ, такъ что я наконецъ долженъ былъ спросить, гдѣ же самъ-то Бостонъ? Онъ выдвигался на мысъ и по мѣрѣ того, какъ пароходъ приближался къ берегу, становился яснѣе и яснѣе.

Если во время войны съ Англіею, Бостонскій портъ и разсѣянные въ немъ острова приносили пользу тѣмъ, что на нихъ воздвигались баттареи, мѣшавшія входу судовъ въ гавань, теперь здѣсь огромныя верфи и пристани для кораблей, несущихся сюда изъ всѣхъ странъ свѣта. Я дивился, какъ море врѣзывалось въ твердую землю тысячами бухтъ и заливовъ. Человѣкъ воспользовался каждою изъ нихъ, вездѣ его дѣятельность, торговля, вездѣ пристани, далеко выдвигающіяся въ море. Между тѣмъ на иномъ островѣ высится огромный госпиталь, на другомъ большое зданіе школы, маякъ, и какъ только войдешь въ портъ чувствуешь себя среди торговаго и предпріимчиваго народа, еще не знающаго устали и не нуждающагося въ покоѣ. Особенно смущали меня пароходы, скользившіе по поверхности тихаго залива: цвѣтомъ бѣлые, они и формою и устройствомъ отличались отъ тѣхъ, какіе я видѣлъ прежде. Коромысло машины было выдвинуто далеко выше верхней палубы или вѣрнѣе надстроекъ надъ нею, два рычага коромысла, какъ двѣ гигантскія руки, работали неутомимо, а пароходикъ дѣлалъ свое дѣло и леталъ отъ острова къ острову. Для меня все здѣсь было ново, и мой товарищъ по путешествію предсказывалъ мнѣ не такія еще чудеса.

Наконецъ раздался послѣдній радостный свистокъ парохода, прощавшагося съ своими пассажирами, и если никто изъ насъ, я увѣренъ, не желалъ бы повторить тотчасъ двѣ-

надцатидневнаго переѣзда чрезъ океанъ, многимъ не хотѣлось бы разстаться такъ скоро съ знакомыми и спутниками. Впрочемъ поневолѣ всѣ оставались на два дня въ Бостонѣ: завтра было воскресенье, день покоя для людей, пароходовъ, паровозовъ, лошадей и даже улицъ, по которымъ ходятъ, а не раньше вечера можно было надѣяться, что насъ и нашъ багажъ отпуститъ таможня. Увѣщаніе смотрѣть за своими вещами, не теряя ихъ изъ виду, было повторено мнѣ неоднократно мистеромъ М*, человѣкомъ бывалымъ, и я видѣлъ, какъ каждый сбирался тащить самъ свои пожитки, какъ могъ и куда могъ. «Маса», кричалъ съ набережной негръ, выговаривая такъ слово *mister* и указывая на свою спину въ знакъ того, что онъ носильщикъ; кучера старались на пароходѣ уже завладѣть новичками, но мнѣ постоянно твердили, что должно оставаться глухимъ и хладнокровнымъ ко всѣмъ возгласамъ. Я обѣщалъ повиноваться, но скоро оказалось, что легче сказать, чѣмъ исполнить сказанное.

Между тѣмъ параходъ придвинулся къ деревянымъ подмосткамъ, приладили паровую машину и не прошло десяти минутъ, все было вытащено на сушу и перенесено въ таможню, которая тутъ же. Чиновникъ костомъ–хоуза (таможни) давно уже смотрѣлъ чемоданы, ставилъ на крышкахъ кресты мѣломъ, досмотрѣнное выносилось, когда мой пріятель, который былъ поистинѣ проворенъ и ловокъ, *very smart*, какъ говорятъ американцы, отыскалъ меня, ждавшаго все еще своихъ вещей, пока ихъ вытащатъ изъ трюма. Онъ успѣлъ мнѣ мимоходомъ разсказать, что одинъ французъ, не понимающій по–англійски, счелъ долгомъ по привычкамъ своей страны предъявить свой паспортъ, отыскивалъ для того жандарма или *commissaire de police*, и встрѣтивъ вмѣсто нихъ общій смѣхъ разсердился. Я смѣял-

ся, а между тѣмъ не предвидѣлъ горя, которое не могло бы случиться съ привыкшимъ къ здѣшнимъ нравамъ или по крайней мѣрѣ съ человѣкомъ, который бы вѣрилъ своимъ руководителямъ.

Пока я ждалъ, вещи были уже принесены въ таможню, и здѣсь я нашелъ одинъ изъ своихъ чемодановъ; безъ всякихъ затрудненій и только на вѣру, что въ немъ ничего нѣтъ запретнаго, чиновникъ черкнулъ на немъ андреевскій крестъ и дѣло тѣмъ и кончилось. Но другаго чемодана не отыскивалось. У кого спросишь? нѣтъ ни билета на него, никакого доказательства, да никто о немъ и не заботится, а на вашъ вопросъ всякій можетъ отвѣчать, зачѣмъ самъ не смотрѣлъ. Можетъ быть его выложили въ Галифаксѣ, гдѣ мы оставили нѣсколькихъ пассажировъ, подумалъ я и просилъ послать туда телеграфическую депешу. Спросили, отвѣтъ былъ *No!* нѣтъ! взяли съ меня два доллара и утѣшили тѣмъ, что хотя у меня ключи въ карманѣ и слѣдовательно, по европейскимъ понятіямъ, можно бы было надѣяться, что недосмотрѣнный таможнею чемоданъ не могъ быть взятъ и вынесенъ кѣмъ бы то ни было, но что въ *free land*, вольной странѣ, какова Америка, такое соображеніе недѣйствительно. Я могъ судить о томъ и по собственному опыту. Къ несчастью подлѣ меня уже не было моего ново-орлеанскаго знакомаго; онъ давно уѣхалъ въ городъ занять для себя и для меня мѣсто въ гостинницѣ.

Уже смерклось, когда карета гостинницы, гдѣ я хотѣлъ поселиться, огромная *coach* оставила таможню. Что у меня было на душѣ, предоставляю судить каждому, съ кѣмъ когда-либо случалось подобная исторія въ жизни. Въ четырехъ-мѣстной каретѣ или рыдванѣ, немного побольше нашей кареты, было сдѣлано три скамьи: двѣ у стѣнъ экипажа и третья въ срединѣ. Послѣдняя поднималась, пока не заняты

первыя, а затѣмъ обращалась и она въ сидѣнье и на ней также усаживалось три человѣка, какъ и на другихъ скамьяхъ. Слѣдовательно всего предполагалось мѣсто для девятерыхъ и ихъ втѣснили. Жалко было смотрѣть на лэди, которыя страдали съ своими мѣшками, мѣшочками, ящичками и прочими неизбѣжными бездѣлками. Стѣснена душа, стѣснено тѣло и все это въ свободной Америкѣ! думалъ я, ѣдучи съ далекаго Истъ-Бостона въ настоящій Бостонъ, и готовъ былъ свалить всю вину съ себя на кого-либо другаго, но виноватымъ предъ своимъ собственнымъ судомъ оставался я же одинъ, и на будущее время давалъ себѣ слово быть нѣсколько внимательнѣе и расторопнѣе. Такъ-то образовался и здѣшній народъ: еслибы надъ каждымъ стоялъ опекунъ или сторожъ, еслибы можно было надѣяться на другаго, что онъ будетъ взвѣшивать или оцѣнивать каждый поступокъ, что онъ въ крайнемъ случаѣ остановитъ и избавитъ отъ ушиба и паденія, еслибы, говорю я, народъ не былъ постоянно предоставленъ самъ себѣ, своимъ ошибкамъ и добродѣтелямъ, могъ-ли бы образоваться изъ него тотъ дѣятельный, самостоятельный, самъ на себя полагающійся народъ, который трудится всегда и вездѣ, который, опираясь на свою счастливую звѣзду и на свои силы, не побоится идти на край свѣта и всегда добьется того, чего желаетъ? «Подите въ пустыни далекаго запада Америки, говорилъ мнѣ вечеромъ мой товарищъ по путешествію, и вы найдете его вырубающимъ лѣсъ, расчищающимъ дорогу для рельсовъ; полюбопытствуйте на другомъ краю свѣта. Кто вытаскиваетъ корабли со дна Севастопольской бухты, кто у береговъ Африки, кто на Амурѣ торгуетъ, промышляетъ? Спросите, и вы увидите, это почти всегда механикъ, купецъ, матросъ—американцы? О, янки *very smart*, ловокъ и дѣятеленъ, и европеецъ ему едва-ли когда уподобится, да

и къ чему приложитъ онъ въ Старомъ Свѣтѣ свою молодую отвагу?

Нашу карету съ сидѣвшими въ ней пассажирами, съ багажомъ, прицѣпленнымъ къ запяткамъ, взваленнымъ на крышу экипажа, перевезли на паровомъ *ferry*, на перевозѣ чрезъ проливъ, отдѣляющій восточный Бостонъ отъ мыска, на которомъ расположенъ городъ, и уже вовсѣмъ стемнѣло, когда насъ ввезли на улицы, шумѣвшія народомъ, мимо ярко освѣщенныхъ вывѣсокъ, лавокъ, разныхъ залъ (*saloons*), театровъ и заведеній. Наконецъ мы у отеля. Мое провидѣніе—новоорлеанецъ былъ здѣсь какъ у себя дома, комната для меня была готова; весь подъѣздъ и передняя были набиты народомъ. Американцы сидѣли, какъ истуканы тихо, неподвижно, думали о чемъ-то, качались, молчали, вдыхали свѣжій воздухъ вечера, ждали чего—то, вовсе не заботясь, что дѣлается вокругъ нихъ, что пріѣзжіе суетятся, ищутъ, разбираются.... Исторія о чемоданѣ привела моего американца въ смущеніе. «Что было въ немъ?» Книги, платье, записки, дорожный журналъ былъ мой отвѣтъ. —Я думалъ, что онъ возопіетъ о потерѣ такихъ драгоцѣнностей, но онъ прехладнокровно отвѣтилъ: *Nothing at all*, ровно ничего! все это можно купить вновь, проговорилъ онъ такъ скоро, что я не могъ ничего сказать въ защиту своего рукописнаго журнала, который онъ также включилъ въ число предметовъ общей купли-продажи. «Гдѣ были ваши деньги? не потеряли-ли вы и ихъ? Нѣтъ, ну такъ и *all right*, все на мѣстѣ!» Тѣмъ не менѣе, когда мы нѣсколько поуспокоились и поразмыслили о способѣ найти погибшее, призвали на помощъ знакомаго моему другу адвоката и дошли до положительнаго результата, что найти потерянное не представляется никакого даже вѣроятія. Во всѣхъ гостинницахъ справляться—какъ и гдѣ? нельзя также надѣяться,

что мой именно чемоданъ, ничѣмъ не отличавшійся отъ всѣхъ другихъ замѣтилъ *driver*, кучеръ, перевозившій багажъ и пассажировъ. Къ тому же завтра воскресенье и ни одинъ *driver* въ Бостонѣ не захотѣлъ бы обезпокоить себя размышленіемъ или воспоминаніемъ того, что случилось вчера. Надобно было забыть о чемоданѣ и, признаюсь, я потерялъ уже всякую надежду увидѣться съ нимъ, когда (чтобы окончить однимъ разомъ исторію о своей злосчастной потерѣ), сидя смирнехонько въ понедѣльникъ утромъ на крыльцѣ отеля, смотрѣлъ на то, какъ взваливали чемоданы на крышу кареты для какого-то поѣзда на югъ, на сѣверъ или на западъ Соединенныхъ Штатовъ. «*Stope!*» вскрикнулъ я невольно, видя въ черныхъ рукахъ негра свою потерю. Доказать, что это мой чемоданъ небыло бы ничего легче, на немъ было мое имя, у меня былъ ключъ отъ него, но никто и не требовалъ доказательствъ. Негръ отыскалъ двухъ господъ, у которыхъ въ номерѣ былъ мой чемоданъ, и эти господа, сказавъ «*beg pardon, Sir*», извините, предоставили его мнѣ въ полное распоряженіе и вскользь объяснили, что познакомившись на пароходѣ, заняли въ гостинницѣ одинъ нумеръ и до той минуты, когда отыскался настоящій хозяинъ чемодана, каждый изъ нихъ думалъ, что это имущество его сожителя. Въ разсказѣ этомъ не было ничего неправдоподобнаго, при той торопливости, съ которою все дѣлается въ этой странѣ, особенно при отходѣ и прибытіи поѣздовъ. Овладѣвъ тѣмъ, что предполагалъ погибшимъ, я былъ бы радъ всякому объясненію и воображалъ себѣ, сколько бы пришлось странствовать моему чемодану, если бы я вышелъ на крыльцо, двумя, тремя минутами позже или пошелъ отыскивать его по гостинницамъ. Онъ былъ подъ одною со мною крышею, ждалъ смирнехонько своего хозяина и не измѣнилъ ему въ послѣднюю минуту разставанія.

Very happy! счастіе! повторялъ мой американецъ, когда я разсказывалъ ему про найденное. Можетъ–быть ему было досадно, что урокъ обошелся европейцу такъ дешево. Можетъ быть онъ думалъ, что я его скоро забуду, но я могъ бы увѣрить его въ противномъ: страхъ иной разъ хуже дѣйствительности. Событіе это было мнѣ памятно во все время пребыванія моего въ Америкѣ и я не забывалъ болѣе своихъ чемодановъ, не терялъ ихъ.

II.

На другой день по пріѣздѣ въ Бостонъ, мнѣ была предоставлена полная свобода познакомиться если не съ жителями ея, потому что ихъ можно было только видѣть, идучи въ церковь и изъ церкви, если не съ образомъ жизни бостонцевъ, потому что на воскресенье они умираютъ, по крайней мѣрѣ съ *American House*, гостинницею, въ которой я жилъ. Она была устроена совершенно на американскій манеръ, и это устройство отличается отъ европейскаго не однимъ только именемъ или какими нибудь ничтожными чертами: напротивъ во всемъ другія основанія, другіе порядки.

Вообще я не люблю говорить о томъ, гдѣ останавливался въ дорогѣ, что ѣлъ и пилъ, это хорошо въ путеводителяхъ и интересно для того, кто ѣлъ и пилъ; но американскія гостинницы носятъ на себѣ такой отличительный типъ, въ нихъ такъ отразился американецъ, что едва-ли есть мѣсто, гдѣ можно бы было ближе ознакомиться съ его характеромъ и стремленіями. Въ Парижѣ есть *quasi* американскій *Hôtel du Louvre*, но онъ менѣе всего даетъ понятіе о настоящей американской гостинницѣ: по величинѣ, блеску убранства есть сходство, но безчисленныя бюро, бумажныя отношенія между

разными управленіями, множество прислуги, въ сущности лишней, но въ дѣйствительности необходимой для того, чтобы не остановилась сложная и замысловатая машина администраціи, всѣ эти неудобства прибавлены въ Европѣ, потому что таковы требованія страны и вкусы ея обитателей. Чѣмъ болѣе формъ, чѣмъ сложнѣе администрація, чѣмъ болѣе повѣрокъ и провѣрокъ, тѣмъ меньше, думаютъ въ Европѣ, обмановъ и злоупотребленій. Американецъ разсуждаетъ иначе: чѣмъ проще администрація, тѣмъ она дешевле и чѣмъ меньше недовѣрія, тѣмъ меньше обмановъ и тѣмъ человѣкъ честнѣе. Вообще мелочность, скаредность, щепетильность далеки американца: онъ любитъ дѣлать все *en grand*, требовать круглымъ числомъ, быть какъ можно кратче въ словахъ, быстрымъ на дѣлѣ и, если кто станетъ распространяться, тянуть, или, съ другой стороны, много распрашивать, вслушайтесь въ его рѣчь и вы удостовѣритесь, что это или нѣмецъ или французъ.

Вы входите въ отель, молча вписываете свое имя въ книгу пассажировъ, противъ вашего имени молча же пишутъ нумеръ комнаты, гдѣ вамъ жить, молча отдается ключь негру; онъ, по врожденной словоохотливости, нарушаетъ молчаніе, беретъ дорожный мѣшокъ и ведетъ въ назначенную комнату. Апелляціи нѣтъ, если комната слишкомъ высоко, значитъ другія заняты или оставлены на всякій случай для лэди, которыя могутъ пріѣхать и которыхъ надобно поселить въ лучшихъ покояхъ. Въ комнатѣ все готово, когда бы вы ни пріѣхали и негру дѣлать въ ней болѣе нечего. Зимою комната истоплена паромъ, лѣтомъ она провѣтрена, если на солнцѣ—спущены жалузи, и видно, что хозяйская рука занялась устройствомъ помѣщенія, мѣняющаго ежедневно жильца. На дверяхъ прибиты правила, которыми руководствуется постоялецъ (*boarder*) и они не состоятъ въ по-

втореніи словъ: *запрещается, требуется, просятъ*, примѣняясь къ тому, о чемъ дѣло, но состоятъ въ распредѣленіи дня по часамъ, когда бываетъ завтракъ, полдникъ, обѣдъ, чай и ужинъ, и наконецъ прибавлено за все содержаніе, прислугу, комнату, ванну, освѣщеніе платится (если помѣщеніе состоитъ изъ одной комнаты) по $2^1/_2$ доллара съ каждаго постояльца. Это не много, по нашему 3 р. 25 к. сер., и затѣмъ вы обезпечены на цѣлый день. Конечно, хозяинъ отеля при этомъ не въ убыткѣ, иначе не изъ чего бы было трудиться и строить огромные дома-дворцы, украшать ихъ по-царски, а въ тоже время всякій напередъ знаетъ, что ему стоитъ жизнь. Одно вино ставится особо въ счетъ. Въ каждой комнатѣ съ потолка спускается трубка для газа и во всякій часъ дня и ночи вы можете засвѣтить его, никто не будетъ контролировать сколько, когда сгорѣло: всякій знаетъ, что ему необходимо и на столько пользуется благами, ему предоставленными. Точто такъ вода проведена въ каждую комнату, отверните кранъ и наслаждайтесь чистою, свѣтлою и свѣжею влагою. Умножьте потребленіе газа и воды на тысячу постояльцевъ, не считая прислуги, не говоря о переднихъ, о парлорахъ, залахъ, разсѣянныхъ для мужчинъ и для дамъ въ разныхъ этажахъ зданія, и вы получите сумму издержекъ, которыя вовсе не незначительны. Но онѣ дѣлаются для большаго числа потребителей и раскладываются на нихъ. Расчетъ этотъ становится еще яснѣе изъ того, сколько ежедневно потребляется живущими въ отелѣ. Для ясности я разскажу, какъ часто ѣдятъ въ Америкѣ: гостинницы всей *Union*, начиная отъ самой бѣдной гдѣ нибудь въ возникающемъ еще только мѣстечкѣ далекаго запада и кончая самыми богатыми отелями Нью-Йорка и Новаго Орлеана, различаются между собою блескомъ, огромностью, богатствомъ убранства, и

сообразно съ тѣмъ цѣною, но онѣ до того во вкусѣ и потребностяхъ американцевъ, что сущность остается безъ измѣненія.

Утро, то есть отъ восьми часовъ, начинается завтракомъ (*breakfast*). Идучи въ столовую, всякій считаетъ долгомъ запастись утреннею газетою, которую тутъ же продаютъ мальчики, пользуясь снисходительностью прислуги и хозяина гостинницы, и смотря по партіи, къ которой принадлежитъ американецъ, онъ выбираетъ листокъ и находитъ время, пока ему подаютъ кушанье, узнать новости, его занимающія въ области политики, финансоваго и торговаго міра, сообразить, что ему покупать, что продать и вообще изъ чего извлечь выгоду. Между тѣмъ, ему уже подали напечатанный въ тоже утро листокъ кушаній, которыя изготовлены для завтрака. Тутъ есть жаренныя мяса, рыба и цѣлый перечень блюдъ, которыя были бы въ пору за хорошимъ обѣдомъ. Отъ выбора зависитъ велѣть подать себѣ кофе, зеленаго, чернаго чаю, шоколаду или молока и такого хлѣба, какого угодно: изъ пшеничной муки, изъ рисовой, маисной, разныхъ кексовъ, тостовъ, то есть поджареннаго хлѣба и, что всего страннѣе, нашихъ масляничныхъ блиновъ. Ихъ до того любятъ, что они подаются каждому, кто бы ихъ даже не просилъ. Послѣ такого завтрака можно бы, кажется, ждать до обѣда, но въ полдень второй завтракъ (*lunch*) изъ холодныхъ кушаній, затѣмъ отъ 3 до 6 часовъ обѣдъ (*dinner*), въ которомъ, какъ вездѣ, впрочемъ, всего болѣе выражается характеръ кухни. Какая же кухня въ Соединенныхъ Штатахъ? Разные элементы народностей, слившихся въ Америкѣ, имѣли вліяніе и на ея кухню. Французская кухня слишкомъ утончена для народа, въ которомъ столько сторонъ англійскихъ, а англійская простая, гдѣ произведенія природы потребляются сваренными или жа-

ренными безъ всякихъ прикрасъ, несовсѣмъ удобна для другихъ, кромѣ англійскаго, желудковъ, и такимъ образомъ образовалась кухня смѣшанная. Я не говорю о частныхъ богатыхъ домахъ, гдѣ преобладаетъ французская кухня. Въ гостинницѣ, въ которой я остановился, обѣдъ былъ выставкою кушаній для желудковъ всевозможныхъ націй, здѣсь были супы, были рыба, ростбифъ, соусы самыхъ разнообразныхъ названій, приготовленій и составовъ, была зелень, жаркія, пирожныя, фрукты и трудно было придумать что нибудь, чего бы не было на обѣденной картѣ или на столѣ. Порціи неограниченны и мѣрою служитъ собственный аппетитъ каждаго. Жалѣю, что не могу выписать здѣсь цѣлыхъ *bills of fare*, исчисленія блюдъ. Это большіе листы, печатаемые къ обѣду особо, а на оборотной сторонѣ есть разныя полезныя объявленія, увѣдомленія. Въ 7 часовъ чай и къ нему опять холодныя кушанья, наконецъ отъ 9 до 12 ночи ужинъ, такъ что столовая всегда освѣщена и почти всегда накрыты столы.

Но какъ же контролировать, кто принадлежитъ къ отелю и кто чужой? Разбирать это было-бы мудрено, повело-бы къ справкамъ, распросамъ и потому еслибы кто хотѣлъ воспользоваться даромъ хлѣбомъ—солью отеля, не было бы ничего легче: но меня увѣряли, что это случается рѣдко. За то всѣ прочія комнаты отеля въ распоряженіи любаго американца: комната для чтенія газетъ открыта, въ ней и тепло и есть что почитать и гдѣ отдохнуть, но любимымъ мѣстомъ для американца остается по нашему передняя или швейцарская, обыкновенно огромная комната, уставленная по стѣнамъ диванами, стульями, качающимися креслами *(rocking chairs)*. Здѣсь обдѣлываются самыя многоцѣнныя дѣла, условливаются, кого въ какую должность выбирать, за кого и за какое мнѣніе подавать голосъ, здѣсь состав—

ляются компаніи, представляютъ друзей, заводятъ знакомства и такъ какъ входъ съ улицы, то она открыта для всѣхъ. Послѣ обѣда здѣсь цѣлый базаръ, врываются мальчики съ вечерними газетами, продавцы букетовъ и разныхъ бездѣлокъ, иногда музыка, а между тѣмъ гдѣ-нибудь въ сторонѣ дверь въ буфетъ *(barroom)*, для продажи собственно уиски, винъ и разныхъ прохладительныхъ напитковъ. Вопросъ: *will-you get some drink?* (хотите-ли чего-нибудь выпить?) самый обыкновенный и частый у американца. Онъ повторяется при всякомъ удобномъ случаѣ, изъ учтивости или по случаю заключенія выгодной сдѣлки, на радости, и отказаться значило бы оскорбить. За 10 сентъ (въ долларѣ 100 сентъ, *cents*, слѣдовательно 10=12,13 коп. сер.) вамъ даютъ стаканъ со льдомъ, ставятъ предъ вами мелкаго сахару, бутылку уиски, джину или вина и вы вливаете сколько хотите. На эту мелочь не смотрятъ. Лѣтомъ разныя прохладительныя, содовая вода, шерригоблеръ (приготовляемый изъ хереса и льду) привлекаютъ посѣтителей и въ извѣстные часы дня эти баррумы бываютъ полны посѣтителей. Тѣсно наконецъ въ передней и въ буфетѣ, душно въ немъ, жарко; американецъ, чувствующій потребность въ покоѣ, необходимость въ расчисленіи и размышленіи, вынесетъ стулъ за двери отеля и помѣстивъ покойно свои ноги на перила, или на сосѣдній стулъ или опершись о колонну, не усумнится показать прохожимъ подошвы своихъ сапоговъ. Но картина американскаго отеля была бы не полна, еслибы не обратить вниманія на магазинъ модъ въ пользу лэди, на коафера для мужчинъ, хлопочащихъ о своемъ тоалетѣ, о другихъ магазинахъ, любящихъ поселяться въ передней отеля, какъ самомъ бойкомъ парижскомъ пассажѣ.

Вы видите: американскій отель цѣлое царство, но управленіе имъ легко и несложно. За прилавкомъ (*office*) въ

передней стоитъ джентльменъ, ведущій книгу пріѣзжающихъ, знающій кто здѣсь и кто выѣхалъ; счеты сводить легко, стоитъ умножить число дней на $2^1/_2$ доллара и приложить цѣны винамъ, если окажутся особые чеки, билетики, подписанные требователемъ съ означеніемъ нумера комнаты. Далѣе каждая изъ тысячи комнатъ соединена съ общимъ *office* телеграфомъ, слѣдовательно несносный звонокъ не раздается безпрестанно, и такъ какъ мудрено было бы всякій разъ бѣгать слугѣ во всѣ шесть этажей отеля, то распорядитель даетъ знать о требованіи слугѣ извѣстнаго этажа чрезъ слуховую трубу, говоритъ ему нумеръ комнаты, изъ которой послѣдовало требованіе и не проходитъ минуты, является слуга и, если можно, удовлетворяетъ васъ. Организація образцовая по простотѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ внимательности. Въ любой часъ ночи подадутъ, что потребуется, и все дѣлается быстро. Вотъ примѣръ: вечеромъ положите бѣлье вмѣстѣ съ сапогами у дверей комнаты, утромъ найдете его вымытымъ, выглаженнымъ, и все тѣмъ же паромъ. Имъ готовятъ на кухнѣ, очищаютъ домъ, моютъ бѣлье, гладятъ, и рука человѣка, по возможности, замѣнена силою, двигающею и дѣйствующею безъ устали и одинаково прилежно. Трудно, впрочемъ, указать родъ дѣятельности, къ которой паръ или вообще машина не были бы примѣнены, а если не примѣнены, значитъ примѣнить не было никакой возможности.

Счетоводство въ Америкѣ вообще доведено до чрезвычайной простоты и вмѣстѣ съ тѣмъ, взяты всѣ предосторожности, чтобы хозяинъ заведенія не терялъ отъ этой несложности. Слово «*checks*», въ смыслѣ счетовъ, билетиковъ, марокъ слышится на всякомъ шагу. Вы пошли бы, положимъ, завтракать въ ресторанъ и потребовали бы себѣ два, три кушанья. Въ другихъ странахъ, чтобы подать

счетъ, потребуется бумажка съ виньеткою, именемъ заведенія, надобно обмакнуть перо въ чернила, написать цѣлую *addition*, подписать, потомъ означить полученіе и т. д. Въ Америкѣ, за каждою порціею вамъ подаютъ печатный билетикъ съ означеніемъ цѣны ея, и по мѣрѣ потребленія, увеличивается и цифра, на немъ означенная. При выходѣ изъ ресторана, вы отдаете свой чекъ въ *office*, платите столько сентовъ или долларовъ, сколько на немъ написано, и тѣмъ дѣло оканчивается. На желѣзныхъ дорогахъ, въ въ банкахъ, вездѣ свои печатные чеки, и переписки американцы боятся, какъ огня.

III.

Вмѣстѣ съ другими и я пошелъ въ церковь, по случаю воскресенья; но не успѣлъ я сдѣлать десяти шаговъ, не знаю почему, видно-ли было, что я чужой по происхожденію и по вѣрѣ, или таковъ ужь вкусъ страны, только отъ цѣлаго общества дѣвушекъ, шедшихъ мнѣ на встрѣчу, отдѣлилась одна и подала мнѣ свернутую бумажку, на которой было что–то напечатано. Я вовсе не ожидалъ такого посланія и былъ занятъ размышленіемъ о самостоятельности женщины, шедшей одна, безъ провожатыхъ и смотрящей на мужчину такъ же смѣло, какъ мужчина смотритъ на нее. Чего же, подумалъ я, хочетъ отъ меня эта посланница? Она была хорошо одѣта, черты ея были тонки, вовсе недурны. Дѣвушка не имѣла вида просительницы, напротивъ все заставляло предполагать, что она не изъ бѣдныхъ. Машинально принялъ я изъ ея рукъ бумажку, и пока смотрѣлъ на ея лицо, она отвернулась и пошла своею дорогой; развертъ–

ваю, вижу, это нѣсколько напечатанныхъ листковъ о необходимости соблюдать воскресенье. Хорошо, подумалъ я, и положивъ воскресное наставленіе въ карманъ, продолжалъ идти въ «*Old–South Church*», о которой мнѣ наговорили, какъ о старинной и образцовой. Опять встрѣчаю дѣвушку и думаю про себя, вотъ эта по крайней мѣрѣ не захочетъ дать мнѣ урока, какъ вести себя по воскресеньямъ. Вообразите же мое удивленіе: и эта не могла пройдти мимо, чтобы не всунуть мнѣ въ руку брошурку о трезвости. Это наставленіе въ *temperance* было совершенно излишне и я готовъ бы былъ возвратить молодой бостонкѣ ея человѣколюбивый даръ, еслибы была возможность догнать шедшую смѣлою поступью и исчезнувшую въ массѣ соломенную шляпку. Нѣтъ, думалъ я, не беру больше ни о чемъ брошюръ и повернулъ въ первую медодистскую церковь. Общество было уже на мѣстахъ, распѣвая мелодическія духовныя аріи. Всѣ сидѣли чинно и смирно; вошедши разъ, надобно сѣсть и прослушать все богослуженіе, когда пропоютъ всѣ положенныя духовныя пѣсни и окончится проповѣдь. Нарушить этотъ мертвый покой значило-бы и здѣсь, какъ въ Англіи, поступить противъ обычаевъ страны. Церковь была полна народу; американецъ перемѣнилъ свою сѣрую ежедневную шляпу съ большими полями на черную круглую, одѣтъ онъ не небрежно, какъ обыкновенно, напротивъ онъ въ черномъ фракѣ, причесанъ и сидитъ въ какомъ–то торжественномъ настроенія духа, сообразно которому сложилась его фигура. Другая половина человѣчества одѣта чисто, опрятно, хотя не щеголевато, глаза устремлены на проповѣдника, голова склонена къ молитвеннику, а если и подымется, шляпка закрываетъ лицо.

Когда я возвратился въ гостинницу, неся при себѣ даровую духовную библіотеку, я боялся, что мой американецъ,

съ которымъ мы условились вмѣстѣ обѣдать, не захочетъ говорить со мною въ воскресенье, но я направилъ рѣчь на духовный предметъ, на нравоучительныя книги и подавая ему данныя мнѣ дѣвицами брошюры, хотѣлъ, чтобы онъ объяснилъ мнѣ причину и цѣль такой щедрой раздачи. Онъ сидѣлъ въ торжественной американской позѣ, которую принимаетъ сынъ Новаго Свѣта или обдумывая какое-нибудь важное дѣло или отдыхая послѣ совершеннаго: я засталъ американца въ пропилеяхъ *American House*, среди колоннъ входа, качающимся на креслѣ и положившимъ сапоги на спинку другаго стула. «Конечно, бостонка узнала въ васъ иностранца, сказалъ мой собесѣдникъ, и вѣроятно потому, какъ смотрѣли на ея шляпку, можетъ быть на ея походку, догадалась, что вы и въ церковь идете совсѣмъ не для молитвы. А въ этотъ день, *Sunday*, пуританка хочетъ быть вся для Бога и въ Богѣ, и всякому, кто нарушаетъ ея покой, она тотчасъ и напоминаетъ, что не такъ себя ведетъ и въ назиданіе даритъ ему книжку».

«Да, я смотрѣлъ только, какъ дѣвушки безъ всякихъ провожатыхъ, матушекъ, братцевъ, папенекъ идутъ однѣ; мой европейскій глазъ любовался не шляпками и ножками, тѣмъ болѣе, что ни тѣ, ни другія не представляли ничего особеннаго, и просто дикою для выходца изъ Европы свободою женщины, ея независимою поступью, и съ другой стороны вѣжливостью, предупредительностью, которыми отличается обращеніе съ нею мужчины. Да кто же, скажите, занимается сочиненіемъ, на чей счетъ печатаются этѣ брошюрки, на которыя такъ щедры американки?»

«*Well*, сказалъ мой собесѣдникъ съ особенною американскою интонаціею, хорошо. Знаете-ли вы, что такое пуританинъ? Было время, когда его гнали въ Европѣ, когда, спасая чистое, по его мнѣнію, объясненіе Св. Писанія, онъ

бѣжалъ въ эти лѣса, чтобы здѣсь внѣ всякаго вліянія Англіи хвалить Бога и его твореніе. И до сихъ поръ, какъ всегда впрочемъ, благочестіе, умѣренность, трезвость, добрая нравственность считаются необходимыми для блага народа и процвѣтанія тѣхъ учрежденій, которыхъ держится онъ, какъ своего собственнаго творенія. Стоитъ поговорить когда-нибудь съ бостонцомъ о жителѣ Нью-Йорка, а тѣмъ болѣе жителѣ Новаго Орлеана, защищающемъ рабство, чтобы удостовѣриться, какого онъ мнѣнія о всякомъ другомъ, не такъ строго соблюдающемъ воскресенье и не говорящемъ такъ много о религіи, какъ самъ онъ».

Я видѣлъ, что мы на настоящемъ пути воскреснаго разговора, придвинулъ свой стулъ поближе къ стулу своего американскаго друга, и хотя никакъ не могъ умостить своихъ ногъ подобно его ногамъ, сталъ пристально внимать его рѣчи.

«Бостонецъ, продолжалъ американецъ Новаго Орлеана, странный человѣкъ. Онъ все еще англичанинъ въ Америкѣ, его губернаторъ также величается превосходительствомъ, *his excellency*, какъ будто бы онъ жилъ въ Лондонѣ, и при всѣхъ добрыхъ своихъ качествахъ, при его трудолюбіи, рѣшительности, янки не американцы. Въ домахъ ихъ и на улицахъ та же Англія. Закурите сигарку на улицѣ, заплатите штрафъ. Янки угловатъ, вовсе не другъ свободы, рабъ общественнаго мнѣнія и привычекъ и несмотря на то, что старая Англія сдѣлала Новой Англіи болѣе вреда, чѣмъ какой-нибудь другой части американскихъ колоній, бостонецъ не прочь подражать ей въ воззрѣніяхъ и привычкахъ. Странно, что и до сихъ поръ конституція штата Массачюзета заставляетъ каждаго изъ своихъ должностныхъ лицъ присягать, что онъ отрекается отъ покорности и повиновенія

правительству Великобританіи *, какъ будто можетъ существовать еще прежняя связь колоніи съ метрополіею.»

Я помнилъ, что пуритане, бѣжавъ изъ Англіи, перенесли за собою чрезъ океанъ нетерпимость къ другимъ ученіямъ, и не зная, какимъ сектамъ принадлежитъ столько церквей, разсѣянныхъ по всему Бостону, спросилъ о томъ своего собесѣдника. По дорогѣ въ Америку мнѣ не разъ приходилось слышать отъ американцевъ различныхъ партій и политическихъ оттѣнковъ, что американцу вообще доступны всѣ самые отвлеченные вопросы о бытѣ и состояніи страны, гдѣ онъ живетъ, и что зная хорошо штатъ, гдѣ онъ призванъ дѣйствовать своимъ лицомъ и трудомъ, онъ равномѣрно знакомъ и съ другими частями Союза, потому что свѣдѣнія о нихъ расходятся быстро посредствомъ сотень разныхъ органовъ, газетъ, путешествій, распоряженій законодательныхъ собраній и т. д. И дѣйствительно, вопросъ о церквахъ въ Бостонѣ такъ же мало затруднилъ моего собесѣдника, какъ еслибы я спросилъ его, напримѣръ о ново-орлеанскихъ прессахъ хлопчатой бумаги или о неграхъ его плантаціи.

«Когда-то, отвѣтилъ мистеръ М*, Массачюзетъ въ своей пуританской исключительности и рвеніи распространить свое ученіе, которое считалъ чистѣйшимъ, гналъ всякаго, кто не былъ пуританиномъ и вслѣдствіе этихъ-то преслѣдованій отъ главной колоніи отдѣлились другія, теперь составляющія въ совокупности Новую-Англію. Очевидно такое раздѣленіе могло только ослабить Массачюзетъ, но затѣмъ, когда свобода ученій объявлена безграничная, около Бостона, какъ центра, сгруппировались другіе меньшіе

* «*I renounce and abjure all allegiance, subjection and obedience to the King, Queen or Government of Great Britain.*»

штаты, и въ настоящее время Бостонъ, американскія Аѳины, управляетъ общественнымъ мнѣніемъ всей Новой Англіи. Въ отношеніи вѣроисповѣданія всякій можетъ свободно держаться того ученія, которое считаетъ для себя удобнѣе и болѣе сообразнымъ съ своими убѣжденіями и понятіями, лишь бы послѣдователи его вели себя мирно. За то каждая секта должна содержать своихъ пастырей и учителей, и обыкновенно въ новыхъ незаселенныхъ мѣстахъ и возникающихъ поселеніяхъ дѣло обходится еще проще и дешевле. Священникъ, желая распространить уже существующее ученіе или наоборотъ ввести въ народѣ объясненіе Священнаго Писанія, правильное по его образу воззрѣнія и отличающееся отъ другихъ, строитъ церковь на свой счетъ или на акціяхъ или съ помощью своихъ послѣдователей, старается собрать вокругъ нея своихъ прихожанъ, заводитъ воскресную школу, учитъ даромъ дѣтей ихъ, влечетъ къ себѣ проповѣдью, въ свободные отъ богослуженія часы церковь становится залою для концерта, какихъ-нибудь публичныхъ лекцій, и вовсе не предосудительно, если проповѣдникъ или учитель, убѣдившись, что его прежнія мнѣнія не совсѣмъ справедливы, замѣнитъ ихъ новыми, а за нимъ пойдетъ его братія».

«Слѣдовательно, столько же должно быть сектъ, сколько учителей?»

«Почти такъ оно и есть. Въ одномъ Бостонѣ насчитываютъ болѣе ста различныхъ сектъ и конгрегацій. Имена получаютъ они или отъ учредителей или отъ главнаго отличающаго ихъ догмата, и свобода гражданъ, какъ не знаетъ себѣ предѣловъ въ управленіи той среды, въ которой живетъ частный человѣкъ, также безгранична въ дѣлѣ вѣрованія. Отъ губернатора штата напримѣръ требуется одно, чтобы онъ объявилъ себя христіаниномъ, не болѣе. Каж-

дая самостоятельная секта, иногда отличающаяся очень немногимъ отъ другой, съ которою она въ ближайшей связи, имѣетъ свой органъ, свое повременное изданіе и старается о распространеніи своихъ идей чрезъ разсѣеваемыя въ народѣ брошюрки и памфлеты. Ихъ пишутъ или сами пасторы или кто-нибудь изъ прихожанъ, и если европейца можетъ поразить различіе религіозныхъ вѣрованій, облеченныхъ въ форму сектъ и ученій, съ своими церквами, приходами и наставниками, печатаніе и разсѣяніе въ народѣ назидательныхъ брошюръ не можетъ быть страннымъ. Но мы, заключилъ американецъ, считаемъ полезною и свободу сектъ, потому что никому не навязывается то, что не согласно съ его понятіями и идеями. Не хорошо ученіе, оно падетъ само собою, оно заслужитъ общее недовѣріе и доказательство тому мормоны: правительство ничего не дѣлало, чтобы ослабить ихъ ученіе, и что же? Мормоны преслѣдуются самимъ народомъ, ихъ храмъ, въ которомъ они думали собрать все человѣчество, теперь груда развалинъ и въ далекихъ степяхъ и пустыняхъ должны они искать убѣжища отъ преслѣдованій гражданъ. Правительство хотѣло только, чтобы секта эта и занимаемая ею территорія признали высшую власть Союза, народъ преслѣдовалъ многоженство! Впрочемъ, прочитайте эти листки бумаги, которые подарила вамъ сегодня щедрая бостонка и вы увидите, что въ нихъ найдете много для себя полезнаго.»

Поблагодаривъ собесѣдника, я дѣйствительно обратился къ брошюркѣ о празднованіи воскресенья. Это было скорѣе поученіе на заповѣдь о томъ, что должно святить седьмой день, но вмѣстѣ съ тѣмъ попадались удачные отрывки изъ исторіи предковъ теперешнихъ жителей Новой Англіи. Потомкамъ ихъ напоминалось, что религія была всегда оплотомъ и основаніемъ ихъ колоніи и штата, и что только благо-

даря нравственности, возрасла она до такого величія, могущества и вліянія, какими пользуется въ настоящее время. Для покровительства нравственному направленію народа, необходимо оставлять одинъ день свободнымъ отъ ежедневныхъ занятій, посвящать его богослуженію, размышленію о своихъ обязанностяхъ къ Богу и ближнему, о слабостяхъ, которымъ подверженъ человѣкъ, и такъ какъ отъ неисполненія этой заповѣди страдаетъ весь народъ, то государство сочло себя вправѣ вмѣшаться въ образъ препровожденія воскресенья. Чисто нравственныя наставленія, которыхъ неисполненія какъ будто боялся тотъ, кто писалъ брошюру, подтверждаются болѣе сильными доводами, законами, которыхъ нельзя ослушаться.

Еще въ началѣ текущаго столѣтія, губернаторъ, его совѣтъ и законодательное собраніе штата Массачюзета узаконили, «чтобы въ воскресный день, *Lordsday*, каждый старался предаваться религіознымъ размышленіямъ и добрымъ дѣламъ, чтобы ни купецъ, ни земледѣлецъ въ этотъ день не занимались своимъ обыкновеннымъ дѣломъ, чтобы небыло допускаемо ни игры, никакого отдохновенія подъ страхомъ взысканія десяти шиллинговъ».

«Никто не долженъ нутешествовать въ этотъ день, иначе онъ подвергается пени въ 20 шиллинговъ, корабль не долженъ оставлять пристаней; во время совершенія въ церквахъ общественнаго богослуженія никто не долженъ играть и шумѣть подлѣ нихъ, если не хочетъ заплатить пяти шиллинговъ».

«Гостинницы не должны въ этотъ день принимать никого, кромѣ иностранцевъ и жильцовъ, подъ штрафомъ въ пять шиллинговъ за каждаго, кто бы былъ найденъ пьющимъ или забавляющимся въ публичномъ домѣ.»

«Всякое лицо, которое въ теченіе трехъ мѣсяцевъ не будетъ присутствовать при богослуженіи и не докажетъ, что ему препятствовала болѣзнь, приговаривается къ пени въ десять шиллинговъ.»

За соблюденіемъ этихъ правилъ слѣдятъ должностныя лица каждаго городскаго округа: они имѣютъ право посѣщать по воскресеньямъ гостинницы, и содержатель ихъ не можетъ не пустить къ себѣ надзирателя за общественною нравственностью, подъ опасеніемъ штрафа въ сорокъ шиллинговъ.

Эти же должностныя лица имѣютъ право останавливать путешественниковъ, и спрашивать у нихъ о причинѣ, почему они въ воскресенье въ дорогѣ: не давшій удовлетворительнаго отвѣта подвергается взысканію, не превышающему впрочемъ пяти фунтовъ стерлинговъ, и отъ остановившаго лица зависитъ отослать въ судъ того, кто не соблюдаетъ воскресенья.

Наложите на какой угодно народъ подобныя требованія въ дѣлѣ, касающемся его совѣсти, его нравственности, поднялись бы возраженія и жалобы; но наложилъ на себя эти стѣсненія самъ же народъ и онъ охотно покоряется имъ. Свободный по законамъ, пуританинъ рабъ обычая и общественнаго мнѣнія. Не допуская вмѣшательства государства въ управленіе общины, города и цѣлаго штата, онъ не исключаетъ его изъ участія въ домашнихъ житейскихъ дѣлахъ.

Другая брошура по крайней мѣрѣ вся была историческаго содержанія. Дѣло шло объ умѣренности и трезвости. Совѣтовали избытки отдавать бѣдному, одѣваться какъ можно проще, не допускать никакого излишества въ пищѣ и питьѣ и особенно дамамъ напоминались правила, которыхъ держались первыя пуританки, прибывшія въ Америку. Въ 1624 году, то есть въ самомъ началѣ основанія поселенія,

въ Бостонѣ уже занимались одѣяніемъ обоихъ половъ: было предписано, между прочимъ, чтобы ни мужчина, ни женщина не носили болѣе одного буфа на рукавѣ; золотые и серебряные пояса, пуховыя шляпы были запрещены, какъ непозволительная роскошь. Равномѣрно не позволялось украшать платья кружевами и разными вышивками, носить короткіе рукава, являться съ обнаженными плечами, для платья были опредѣлены его ширина и мѣра, возставали противъ лентъ, бантиковъ, воротничковъ и даже противъ роскоши длинныхъ волосъ.

Вообще новая пуританская Англія, принимая Библію за верховный законъ, опиралась въ сужденіяхъ и приговорахъ своихъ нерѣдко на законъ Моисеевъ, на книги Левита и Исходъ и приводила ихъ въ опору своего образа воззрѣнія на самыя обыкновенныя отношенія человѣка къ человѣку. Здѣсь повидимому воскресало то древнее царство, гдѣ сливались первосвященникъ и гражданское должностное лицо, гдѣ наблюденіе за нравственностью значило тоже, что наблюденіе за сохраненіемъ порядка, и не было грѣха, который бы не наказывался судомъ и положительнымъ закономъ. Неумѣренность во взглядѣ и словахъ наказывалась по такъ-называемымъ *голубымъ законамъ*, дѣйствовавшимъ въ Новой Англіи, штрафомъ и тѣлеснымъ наказаніемъ. За несоблюденіе супружеской вѣрности виновный подвергался смертной казни, и даже послѣдующій бракъ не могъ умилостивить закона, который безжалостно каралъ самый простой разговоръ молодыхъ людей разныхъ половъ: судья могъ подвергать ихъ денежному штрафу, тѣлесному наказанію и наконецъ принуждать къ браку.

Хотя въ настоящее время бостонцы не слѣдуютъ болѣе книгамъ Моисея и ихъ гражданскіе законы не такъ строги

въ дѣлахъ, до нравственности касающихся, какъ то было прежде, тѣмъ не менѣе на ихъ лицахъ осталась печать задумчивости, во всемъ ихъ обхожденіи есть какая то строгость, молчаливость, воздержность, и называя кого нибудь *янки* или подобнымъ янки *(yankeelike)*, американецъ именно разумѣетъ такого человѣка.

Очевидно, что при такомъ направленіи законодательства Новой Англіи не могли быть оставлены безъ вниманія лѣность, праздность и употребленіе крѣпкихъ напитковъ. Далеко прежде того времени, какъ штатъ Мэнъ поднялъ знамя противъ рому, джину и уиски, за долго до законовъ о трезвости, т. н. *antiliquorlaw* общественное мнѣніе и законъ въ Бостонѣ преслѣдовали каждаго, кто предавался пьянству. Въ XVII еще столѣтіи за всякимъ иностранцемъ, входившимъ въ гостинницу Бостона, слѣдилъ назначенный для того человѣкъ, имѣвшій эту только единственную обязанность. Онъ присоединялся къ нему безъ всякаго приглашенія и какъ скоро находилъ, что гость выпилъ достаточно, наблюдатель за трезвостью могъ отмѣнить приказаніе его и за симъ ему не отпускалось ни одной болѣе капли опьяняющаго напитка.

Брошюрка на счетъ трезвости сохранена мною, какъ памятникъ совершенно пуританской литтературы. Таже строгость стиля, таже краткость и сухость, какими отличаются рѣчь и жизнь пуританъ.

«Оказывается, что въ воскресенье гораздо лучше узнаешь характеръ бостонцевъ, чѣмъ во всякой другой день, когда ихъ дѣятельность таже, какъ въ любомъ американскомъ городѣ,» сказалъ я американцу изъ Новаго Орлеана, садясь подлѣ него за обѣдомъ. «Разумѣется,» былъ его отвѣтъ, «это настоящая сфера для янки, который спустя

цѣлыя столѣтія такой же пуританинъ, какимъ былъ когда высадился въ Новомъ Плимутѣ,» и въ доказательство онъ обѣщалъ мнѣ показать общественную воскресную молитву пурнтанъ. Дѣйствительно послѣ обѣда онъ повелъ меня въ т. н. *Common*, общественный садъ, любимое бостонцами гуляніе, составляющее ихъ гордость и усладу. Здѣсь тѣнистыя аллеи, большой фонтанъ, мѣсто для отдохновенія проходящихъ и главное огромный вязъ, такъ называемое дерево свободы. Свидѣтель первыхъ преній о независимости сѣверо-американскихъ колоній, болѣе ста лѣтъ отъ роду, дерево это бережется бостонцами какъ святыня, какъ драгоцѣнный памятникъ прошедшаго. Историческій вязъ, которому суждено долго еще напоминать Бостону то значеніе, которое онъ принималъ въ войну за независимость и словомъ и дѣломъ, съ виду еще молодъ, его густая листва разбросалась надъ сотнею футовъ пространства и въ самомъ низу стволъ дерева имѣетъ до двадцати футъ въ объемѣ. Но на этотъ разъ подъ нимъ проповѣдывалъ не вѣстникъ свободы народа, не защитникъ его самоуправленія и независимости, а проповѣдывалъ молодой священникъ, объяснявшій псалмы. Въ промежуткахъ между молитвами раздавались меланхолическіе звуки духовныхъ пѣсень и вовсе не надобно было большаго воображенія, чтобы перенестись думою ко времени, когда пуритане привѣтствовали въ первые Новый Свѣтъ, свою новую отчизну.

Проповѣдь продолжалась до тѣхъ поръ, пока смерклось и она есть также одно изъ средствъ, чтобы отвлекать народъ по воскресеньямъ отъ праздности и скуки. Это своего рода воскресная школа для взрослыхъ.

IV.

На слѣдующій день мой американецъ оставлялъ Бостонъ и намѣревался ѣхать въ Новый Орлеанъ. Но онъ позаботился о томъ, чтобы пока я доѣду до его города и главное во время пребыванія въ Новой Англіи, я имѣлъ руководителя. Объ услужливости, съ какою американецъ рекомендуетъ и съ которою принимаетъ рекомендуемаго, нельзя составить себѣ понятія, если кто самъ не испыталъ любезности американцевъ. Можетъ быть, это вовсе не потому, что у нихъ излишне доброе сердце, хотя также не можетъ быть расчета въ отношеніяхъ съ человѣкомъ, у котораго нѣтъ денежныхъ дѣлъ и который прямо открываетъ, что не имѣетъ никакой особенной *business*, что онъ не пріѣхалъ за промысломъ. Впрочемъ предупредительность эта понятна въ человѣкѣ, который хочетъ, чтобы провинцію, гдѣ онъ живетъ, городъ, гдѣ родился, наконецъ страну, къ которой принадлежитъ, иностранецъ узналъ хорошо. Къ тому же американецъ убѣжденъ, что на всемъ земномъ шарѣ, нѣтъ страны совершеннѣе Соединенныхъ Штатовъ по образу правленія и учрежденіямъ, и онъ охотно открываетъ предъ каждымъ то, что онъ думаетъ, можетъ интересовать его. Русскаго, которому онъ предрѣкаетъ великую будущность, американецъ любитъ, и хочетъ изумить его своимъ богатствомъ, своимъ скорымъ ростомъ, своимъ теперешнимъ богатствомъ. Какъ бы то ни было, на другое утро мы отправились въ общественной садъ, гдѣ были наканунѣ: теперь это была людная улица или площадь, чрезъ которую по всѣмъ направленіямъ шагали молодые и старые янки. Такъ какъ было еще рано, мы встрѣчали цѣлыя толпы веселыхъ маль-

чиковъ, съ книгами подъ мышкою, бѣжавшихъ въ школы. Отъ посѣщенія учебныхъ заведеній, мой собесѣдникъ предрѣкалъ много удовольствія и онъ обѣщалъ познакомить меня съ молодымъ адвокатомъ, завѣдывающимъ цѣлымъ округомъ городскихъ школъ,

Пока мы отправились въ капитолій, гдѣ сбираются сенатъ и народные представители: фронтономъ онъ прямо обращенъ къ Коммону, стоитъ на возвышеніи, отличается куполомъ, величествомъ, и сходствуя съ любымъ капитоліемъ сѣвероамериканскаго штата, есть одно изъ лучшихъ зданій Бостона. Такъ какъ въ это время законнодательныя собранія не имѣли засѣданій, то можно было осмотрѣть залы ихъ. Впрочемъ они представляли мало особенностей: портреты Вашингтона единственное ихъ украшеніе. Его же статуя видна въ ротондѣ при входѣ въ капитолій: она была поставлена товарищами его въ великую войну за независимость, но также ни чѣмъ не замѣчательна, хотя говорятъ стоитъ 15,000 долларовъ. Въ Америкѣ вообще узнаешъ скоро длину, ширину фасадовъ, число, вѣсъ, размѣры колоннъ, цѣну зданія, памятника, усовершенствованія: скороговоркою, какъ бы торопясь, американецъ, показывающій зданіе, упомянетъ о всѣхъ этихъ подробностяхъ. Безъ нихъ не обходится ни какое описаніе и по его понятіямъ оно было бы не полно и не достойно точнаго ума американца.

Вошедши въ переднюю, я сталъ искать кого нибудь, швейцара, сторожа, чтобы войти на верхъ зданія, въ куполъ, но мой американецъ разсмѣялся и съ словомъ *go on!* впередъ! повелъ меня на верхъ. Тамъ мы застали уже нѣсколькихъ посѣтителей, повидимому американцевъ; они любовались панорамою города, показывали другъ другу то какое нибудь зданіе, то поѣздъ желѣзной дороги, то отправляющійся изъ порта пароходъ. Дѣйствительно отсюда легко

обозрѣваешъ весь городъ и окружающіе ега острова. Когда сюда прибыли пуританскіе переселенцы, сказалъ мнѣ мой товарищъ, они нашли за здѣшними мѣстами индѣйское названіе Шаумутъ (*Shaumut*), что значитъ живые ключи; но три возвышенія, рѣзко выдающіяся на этомъ холмистомъ мысѣ, заставили перемѣнить это имя въ *Tremont* (трехъгорье), которое и осталось прозваніемъ для стараго Бостона. Три возвышенія легко было различить: на одномъ мы стояли, другія были подлѣ. Съ купола живописенъ видъ на неправильныя улицы, кипящія народомъ, на бостонскія площади, башни церквей, колонны публичныхъ зданій, на верфи и дѣятельность въ гавани. Съ удивленіемъ вспоминаешь, что въ XVII еще столѣтіи на мысу, занимаемомъ теперь городомъ, жилъ одинъ только бѣлый человѣкъ — Джонъ Блакстонъ, пока изъ Чарльстона, лежащаго противъ мыса, не перебрался сюда Винтропъ, въ послѣдствіи губернаторъ провинціи Массачюзета. Земля была до того дешева, что въ 1635 году Блакстонъ продалъ свои права на Бостонскій мысъ возникавшему городу за тридцать фунтовъ стерлинговъ и самъ двинулся на югъ въ Родъ-Эйландъ. Теперь дѣло иное: Бостонъ, названный такъ потому, что въ немъ было много переселенцевъ изъ англійскаго Бостона, выросъ до большаго города, и если въ 1790 еще году, населеніе его было не болѣе осьмнадцати тысячь человѣкъ, оно возрасло теперь до 150 тысячь, т. е. уосьмерилось въ какіе нибудь семьдесятъ лѣтъ.

Съ купола легко различаешь, что не большой перешеекъ, (*Neck*) соединяетъ полуостровъ, на которомъ старый Бостонъ, съ Роксбери на югѣ; затѣмъ огромные насыпи и мосты ведутъ въ разныя стороны въ Чарльстонъ, въ Восточный и Южный Бостонъ и въ разныхъ направленіяхъ снуютъ паровые перевозы и проведенны конныя желѣзныя дороги.

Первые изумили меня своимъ устройствомъ. Въ Европѣ я не видалъ ихъ нигдѣ, даже въ самой Англіи. Воображаю, если бы Босфоръ напр., чрезъ который каикчи перевозятъ народъ на утлыхъ каикахъ, принадлежалъ американцамъ, какіе бы они устроили чрезъ него перевозы *(steamferries)!* Въ Соединенныхъ Штатахъ они на любой рѣкѣ, на любомъ озерѣ: палуба высокаго парохода обращена въ платформу для экипажей, лошадей, тяжестей; по бокамъ особыя комнаты для лэди и джентельменовъ, и за нѣсколько сентовъ перевозятъ всякіе пять минутъ чрезъ широкій морскій заливъ. Зимою, разсказывалъ мнѣ мой товарищъ, когда у береговъ замерзаютъ морскіе заливы, учреждаются сообщенія на саняхъ, но вмѣсто лошадей они движутся парусомъ и силою вѣтра, и дѣлались даже опыты прицѣплять къ санямъ маленькую паровую машину. Я ихъ не видалъ, но за то сани, которые мнѣ приходилось встрѣчать въ магазинахъ и на выставкахъ, отличались своею щеголеватостью и изысканною отдѣлкою.

V.

Участіе, которое столица Новой Англіи принимала въ войнѣ за независимость сѣвероамериканскаго союза, въ составленіи конституціи и наконецъ въ вопросѣ о признаніи новаго Государства Европейскими державами даютъ особенный интересъ исторіи Бостона. Жители его, и тогда уже отличавшіеся своимъ серьознымъ направленіемъ и своимъ образованіемъ, сочувствовали великому дѣлу, можетъ быть, болѣе всякаго другаго города и до сихъ поръ осталось въ немъ нѣсколько памятниковъ славной эпохи американской исторіи. Съ гордостью вводятъ иностранца въ Фанель-

холлъ *(Faneuil-Hall)*, такъ называемую «колыбель свободы» *(Cradle of liberty)*, гдѣ вожатаи народа твердили ему о пожертвованіяхъ, которыя долженъ онъ принести для общаго дѣла и руководили общественнымъ мнѣніемъ. Здѣсь нерѣдко раздавался голосъ людей, которыхъ память дорога Америкѣ и до сихъ поръ часть зданія употребляется для общественныхъ собраній если не цѣлаго народа, то разныхъ партій предъ выборами или когда кто нибудь изъ народныхъ витій желаетъ убѣдить своихъ согражданъ въ какой нибудь политической истинѣ или провести какую нибудь идею. Въ одной изъ комнатъ этого зданія городъ помѣстилъ портретъ Петра Фанеля, славнаго бостонскаго гражданина, подарившаго родинѣ это зданіе, и здѣсь же собраны нѣкоторыя картины изъ эпохи сѣверо-американской войны.

Видя, что эти историческіе остатки меня такъ интересуютъ, мой добрый вожатый повелъ меня къ памятнику Франклина. Это мѣдная статуя типографщика-философа въ ростъ. Его умное старческое лицо, съ проницательнымъ взоромъ, улыбкою на устахъ, нѣсколько склонилось къ груди; букли парика спадаютъ на плеча и кафтанъ по колѣна на мѣху довершаютъ совершенное подобіе Франклина. На пьедесталѣ надпись: *Benjamin Franklin*, родился въ Бостонѣ 17-го января 1703, умеръ въ Филадельфіи 17-го апрѣля 1790 года. Съ другихъ сторонъ фундамента исчислены заслуги бостонскаго гражданина въ именахъ событій и трактатовъ, совершившихся при его посредствѣ и содѣйствіи.

Наконецъ надобно было еще взглянуть на памятникъ, воздвинутый въ честь той же эпохи. Америка, какъ страна еще новая, вообще бѣдна статуями, колонами, мало можетъ указывать какихъ нибудь развалинъ, остатковъ древности, но всѣ ея воспоминанія сосредоточены вокругъ

одной эпохи, одной славной эпохи, до которой и за которою исторія Америки течетъ своимъ обыкновеннымъ путемъ развитія. Почва Бостона особенно классическая, и этимъ объясняется, почему въ немъ одномъ почти столько же памятниковъ, сколько во всей остальной Америкѣ. Тутъ указываютъ вамъ, стояли американскія войска, тутъ были разбиты англичане, бѣжали они по такому то направленію, тутъ ихъ встрѣтила милиція, тамъ пораженіе и такъ далѣе. Одни изъ главныхъ и рѣшительныхъ побѣдъ, довершившихъ войну, была одержана на т. н. Бункеръ–хиллѣ *(Bunker–Hill)*, гдѣ въ честь ея воздвинутъ каменный столбъ. Для американца, разумѣется, это мѣсто священо и онъ показываетъ его иностранцу охотно, какъ свою славу.

Такъ какъ памятникъ находится въ Чарльстонѣ, то надобно было ѣхать къ нему по конной желѣзной дорогѣ, которую по справедливости называютъ въ другихъ странахъ американскою. Для большихъ населенныхъ городовъ трудно выдумать что нибудь удобнѣе: пара лошадей легко и почти рысью везетъ огромную карету (*car*), гдѣ свободно помѣщается на сидѣніяхъ до 40 человѣкъ, но экипажъ такъ широкъ и емокъ, что по срединѣ его и снаружи можетъ стоять столько же народу. При ничтожной, сравнительно съ пространствомъ, платѣ экипажъ содержится чисто, что объясняется множествомъ пассажировъ, употребляющихъ этотъ способъ передвиженія и малыми на содержаніе издержками: колеса кареты скользятъ по рельсамъ и лишній человѣкъ не прибавляетъ тяжести. Когда по рельсамъ нейдетъ поѣздъ, для котораго они положены, ими можетъ пользоваться всякій другой, и слѣд. далеко отъ помѣхи въ городскомъ обращеніи, рельсы облегчаютъ его. Съ обоихъ концовъ кареты устроены мѣста для запряжки лошадей, и какъ скоро она доходитъ до мѣста, гдѣ останавливается,

лошади перепрягаются и поѣздъ отправляется назадъ. Въ разныхъ мѣстахъ есть боковыя линіи, по которымъ также движутся поѣзды. У каждой кареты кондукторъ, ничѣмъ впрочемъ не отличающійся отъ всякаго джентльмена, ѣдущаго въ экипажѣ, и только лента на его шляпѣ даетъ знакъ о его обязанности. Какъ скоро поѣздъ пріѣдетъ къ назначенному мѣсту, кондукторъ снимаетъ ленточку и обращается въ простаго гражданина, какъ всякій другой,

Воспользовавшись такою каретою, отправляющеюся изъ центра Бостона каждые десять минутъ въ Чарльстонъ, мы поѣхали къ памятнику на Бункеровой горѣ (*Bunker Hill monument*). Его размѣры и возвышенность, на которой онъ стоитъ, дѣлаютъ то, что онъ видѣнъ изъ далека и есть одинъ изъ первыхъ предметовъ, поражающихъ глазъ, когда приближаешься къ Бостону. Огромный гранитный столбъ, съуживающійся къ верху, имѣетъ тридцать футъ объема при основаніи, пятнадцать футъ въ вершинѣ, и двѣсти двадцать футъ въ вышину. Памятникъ обнесенъ рѣшеткою. Первый камень его былъ положенъ однимъ изъ сподвижниковъ въ войну за независимость генераломъ Лафайетомъ 17-го іюня 1825 г., а открытъ онъ 17-го іюня 1843 года. Это число есть день побѣды. На вершину взбираешься по 300 ступенькамъ, но совершенно забываешь усталость, когда дойдешъ до высшей точки и предъ глазами откроется огромная панорама моря, адмиралтейства, пристаней для кораблей разныхъ компаній и странъ, и если глазъ вооруженъ и погода ясна, открываются снѣжныя горы на сѣверъ отъ Бостона и скалы Штата Мэна.

Я былъ въ восторгѣ отъ проведеннаго съ такимъ руководителемъ утра; и затѣмъ вернувшись въ старый Бостонъ, мы пошли отыскивать знакомаго ему адвоката, которому

онъ хотѣлъ сдать меня. Какъ въ Лондонѣ кварталы подлѣ Тэмпля и судовъ заняты квартирами адвокатовъ, такъ и подлѣ дома Бостонскихъ судовъ живутъ атторнеи (*attorneys*). Намъ не трудно было найти того, кого мы отыскивали. Это былъ молодой человѣкъ, кончившій курсъ въ кембриджскомъ Университетѣ (близъ американскаго Бостона) и уже нѣсколько лѣтъ ведущій процессы своихъ кліентовъ. Вся его контора состояла изъ двухъ комнатъ. Въ первой сидѣлъ клеркъ, вторая была уставлена статутовыми книгами штата Массачюзета, лучшими авторитетами американской юридической практики, сочиненіями Блакстона, сборниками рѣшеній высшаго союзнаго суда и т. д. Здѣсь адвокатъ принимаетъ своихъ кліентовъ и даетъ имъ совѣты. Здѣсь же я былъ ему представленъ и услышалъ отъ него обычное *very happy!* очень счастливъ, которому судя по его улыбкѣ и пожатію руки, охотно повѣрилъ. Адвокатъ же былъ членомъ городоваго учебнаго комитета и обѣщалъ мнѣ нѣсколько рекомендательныхъ писемъ къ разнымъ учителямъ *(teachers)*, которые въ Америкѣ собственно тоже, что въ другихъ земляхъ и между прочимъ у насъ директоры заведеній.

Онъ совѣтывалъ мнѣ начать съ школъ, которыми такъ славенъ Бостонъ, далъ мнѣ полное наставленіе, когда, въ какомъ порядкѣ посѣщать каждый разрядъ ихъ, снабдилъ меня печатными правилами объ учебныхъ заведеніяхъ въ Бостонѣ и послѣднимъ ихъ отчетомъ, и какъ подобаетъ практическому американцу поставилъ меня въ полную возможность познакомиться съ такимъ любопытнымъ предметомъ, каковы школы города, пріобрѣвшаго себѣ эпитетъ американскихъ Аѳинъ.

Отчего такое преимущество остается за Бостономъ? немогъ не спросить я у адвоката, прощаясь съ нимъ и запасаясь визитными его карточками съ лаконическими над-

писями, которыя должны были ввести меня въ разныя школы. Развѣ другіе города не отличаются тѣмъ же стремленіемъ къ общему разлитію просвѣщенія по всей массѣ народа, не различая богатаго отъ бѣднаго?

«Бостонъ, такъ отвѣтилъ мнѣ адвокатъ, есть по преимуществу городъ пуританъ, всегда вѣрившихъ, что нравственность и просвѣщеніе два коренныхъ столба, безъ которыхъ народъ падаетъ. Пріѣхавшіе въ Массачюзетскую колонію англичане были люди образованные, и они старались передать дѣтямъ своимъ и вообще потомству то нравственное достояніе, которымъ обладали. И потому съ самаго начала существованія колоніи были издаваемы законы о воспитаніи народа въ такомъ духѣ, какъ до того не издавало ихъ ни единое государство». Въ доказательство, мой собесѣдникъ вынулъ собраніе массачюзетскихъ законовъ и отыскавъ въ немъ законъ 1674 года о воспитаніи, прочиталъ: «Зная, что врагъ человѣчества — діаволъ находитъ могущественное для себя оружіе въ невѣжествѣ людей, и желая, чтобъ знаніе не было зарыто въ гроба нашихъ предковъ, правители колоніи опредѣлили, чтобы каждая община, заключающаяся въ себѣ пятьдесятъ домовъ, заводила у себя учителя для преподаванія чтенія и письма. Каждый округъ, въ которомъ сто домовъ, долженъ содержать школу для обученія грамматикѣ, такъ чтобы окончившіе въ этомъ заведеніи курсъ могли начать высшее образованіе. Какъ сами члены семейства не должны были допускать, чтобы въ общинахъ былъ человѣкъ, не умѣющій читать и писать по-англійски, такъ и должностныя лица должны были настаивать на томъ, чтобы каждый отецъ семейства, опекунъ или иной родственникъ заставлялъ своихъ дѣтей и питомцевъ посѣщать школы, иначе его права переходили къ государству и оно могло принуждать частнаго человѣка къ тому,

чего онъ не сдѣлалъ по собственному убѣжденію». Подобнаго Бостону явленія не представляетъ никакая другая страна, заключилъ мой новый руководитель, и совѣтывалъ мнѣ хорошенько вникнуть въ устройство народныхъ школъ. Я послѣдовалъ его наставленію и не раскаялся, что пробылъ для нихъ нѣсколько лишнихъ дней въ Бостонѣ.

На началѣ вмѣшательства государства въ семейныя и денежныя отношенія, для достиженія общественныхъ цѣлей, основывается коренное различіе между воспитаніемъ въ Новой и Старой Англіи, и оно заключается не въ одномъ числѣ учащихся, но и въ самомъ направленіи воспитанія. Тамъ, гдѣ къ публичнымъ должностямъ, къ выборамъ и вообще къ пользованію всѣми гражданскими правами допускается одно по преимуществу сословіе, образованіе не можетъ быть такъ повсемѣстно и равномѣрно распространено, какъ въ странѣ, гдѣ наоборотъ всякій или избираетъ или избирается въ общественныя должности, и слѣдовательно, видитъ необходимость приготовляться къ занятію ихъ. Во время пребыванія моего въ Англіи, я былъ пораженъ цифрами, которымъ можно бы не повѣрить, еслибъ ихъ не привелъ въ своемъ отчетѣ принцъ Альбертъ, какъ президентъ коммиссіи, имѣвшей цѣлью изслѣдовать причины, по которымъ образованіе такъ мало распространено въ Великобританіи. Въ Англіи и Валійскомъ княжествѣ всѣхъ дѣтей въ возрастѣ отъ 3–хъ до 4–хъ лѣтъ считается 4,908,695; изъ нихъ ходятъ въ школу 2,046,849; остальные 2,861,848 остаются вовсе безъ образованія, но и изъ первыхъ 24% остаются въ школѣ менѣе одного года, 22% одинъ годъ, 15% два года, 12%—три года, 5%—четыре года и только 4%—5 лѣтъ. Вообще безграмотный въ Англіи не рѣдкость, тогда какъ высшій классъ едва–ли гдѣ нибудь можетъ сравняться въ классическомъ образованіи съ ан-

глійскою аристократіею. Но и до сихъ поръ воспитаніе сохранило тотъ средневѣковый, монастырскій характеръ, который оно имѣло въ Англіи цѣлыя столѣтія. Изученіе древнихъ языковъ греческаго и латинскаго занимаетъ большую часть времени въ англійскихъ, особенно высшихъ школахъ, и вытѣсняетъ языки живые и науки болѣе практическія. Очевидно, американцы не могли допустить ни такой ограниченности, ни односторонности воспитанія; свѣтъ наукъ долженъ былъ по возможности просвѣтить каждаго по мѣрѣ его способностей и стремленія къ образованію. Тѣмъ менѣе можетъ быть рѣчь о раздѣленіи воспитанниковъ разныхъ кастъ не только по заведеніямъ, но въ одномъ и томъ же заведеніи по комнатамъ, костюмамъ и столамъ, какъ это дѣлается въ Англіи.

Каждый штатъ, будучи совершенно-независимъ одинъ отъ другаго въ дѣлахъ внутренняго управленія и устройства, имѣетъ свой независимый школьный капиталъ и устраиваетъ воспитаніе на такихъ началахъ, какіе признаетъ для себя удобнѣе и полезнѣе. Вотъ почему трудно начертать картину общаго устройства школъ во всемъ союзѣ штатовъ. Общимъ остается стремленіе, чтобы какъ можно болѣе было грамотныхъ, а какъ достигнуть этого оставлено на волю каждаго штата и даже города. Таковы требованія самоуправленія: всякому ближе извѣстно, что необходимо ему самому и его сосѣдямъ, родственникамъ, и устроить судьбу свою наилучшимъ образомъ оставляется на волю каждаго.

Есть впрочемъ точки, которыя свѣтятся своимъ образованіемъ или, вѣрнѣе, его разлитіемъ между всѣми гражданами, и спросите любаго американца, онъ укажетъ вамъ на Бостонъ въ штатѣ Массачюзетѣ и на Филадельфію въ Пенсильваніи, какъ на два города, гдѣ всего болѣе школъ

и учащихся, и не только названные города, но и цѣлые штаты, какъ тотъ, такъ и другой, представляютъ разительный примѣръ отношенія учащихся ко всему народонаселенію. Достаточно упомянуть, что въ 1855 г. въ штатѣ Массачюзетѣ было населенія 1,133,123 человѣка, дѣтей отъ 5 до 15-лѣтняго возраста 213,934, и въ 4215 школахъ цѣлаго штата было учащихся лѣтомъ 143,974, зимою 157,657; но что значило бы число, еслибы образованіе въ школахъ было основано не на правильныхъ началахъ?

Вглядимся поближе въ систему воспитанія въ публичныхъ школахъ Бостона, которому отдаемъ преимущество даже предъ Филадельфіею во 1-хъ по его древности, и во 2-хъ потому, что въ немъ образованіе разлилось еще шире. *Изъ гражданъ, населяющихъ Бостонъ, нѣтъ ни одного, кто бы не умѣлъ читать и писать.* Сколько извѣстно, это единственный примѣръ на земноиъ шарѣ. Чтобы быть совершенно-точнымъ, я прибавилъ — гражданъ; Бостонъ, какъ приморскій портъ, принимаетъ наиболѣе послѣ Ньюйорка переселенцевъ изъ Европы, приносящихъ въ Новый Свѣтъ необразованность, бѣдность и вслѣдствіе того пороки, которыми заражены были въ Старомъ. За нихъ гражданину Бостона мудрено отвѣчать, но тѣмъ не менѣе, чтобы и эти пришлецы не нарушали общей гармоніи образованнаго города, Бостонъ принялъ на себя попеченіе о нихъ и шлетъ въ школу и того, кто не хотѣлъ бы заглянуть въ нее. Въ американскихъ Аѳинахъ есть своя школьная уличная полиція, обязанная слѣдить за тѣмъ, чтобы на улицахъ не бродили дѣти безъ дѣла. Она состоитъ изъ двухъ должностныхъ лицъ, *truant officers* (титулъ *officers* и въ Англіи и въ Америкѣ принадлежитъ не однимъ только военнымъ, но вообще лицамъ, имѣющимъ какую-нибудь публичную должность), которые и сами и по порученію начальниковъ

школъ преслѣдуютъ дѣтей, неходящихъ въ школу, собственно бродягъ (*truants*), заставляютъ ихъ родителей или родственниковъ посылать дѣтей въ ближайшую школу, слѣдятъ за тѣмъ, чтобы эти настоянія исполнялись, и въ случаѣ нарушенія такого справедливаго требованія могутъ обратить свое преслѣдованіе противъ родителей и вообще лицъ, не заботящихся о дѣтяхъ. Конечно умѣніе читать и писать далеко еще отъ образованія, способствующаго къ уменьшенію преступленій, обращающаго человѣка къ добру, но граммата, давая человѣку возможность къ дальнѣйшему самостоятельному развитію и открывая ему двери къ занятіямъ, прежде для него недоступнымъ, отвращаетъ отъ тьмы невѣжества и пороковъ, нераздѣльно съ нимъ связанныхъ.

Въ другихъ странахъ разлитію народнаго образованія мѣшаетъ недостатокъ средствъ чѣмъ платить за ученіе. Въ Бостонѣ ученіе даромъ, насчетъ города, съ жителей котораго сбираются на этотъ предметъ особыя суммы, дотого значительныя, что ими покрываются издержки на содержаніе школъ, плату учителямъ, покупку, постройку и поправку школьныхъ зданій. Въ тягости этой участвуютъ только и исключительно тѣ лица, которыя пользуются выгодами отъ воспитанія или непосредственно сами и ихъ семейства или посредствомъ общаго благосостоянія и порядка, т. е. горожане. Такимъ образомъ обязанность содержать школы раздѣлена соразмѣрно состоянію каждаго и богатый своими избытками участвуетъ въ воспитаніи бѣднаго.

Кромѣ того изъ земель каждой общины (*township*) выдѣляется въ пользу школъ тридцать шестая часть, отъ продажи которой составляется особый школьный капиталъ (*schoolfund*), и изъ отчетовъ за послѣдній годъ видно, что съ гражданъ штата Массачюзета сбирается въ пользу школъ

болѣе 2,300,000 долларовъ, т. е. считая долларъ 1 р. 30 коп. сер., до 3 мил. руб. сер. Кромѣ-того школьный капиталъ всего штата простирался до 1,625,932 дол., съ котораго проценты 48,600 дол. распредѣляются между отдѣльными городами для содержанія въ нихъ школъ, но чтобы имѣть право на выдѣлъ изъ этого дохода, самъ городъ долженъ собирать по крайней мѣрѣ $1^1/_2$ дол. (1 р. 90 коп. сер,) на каждаго городскаго ребенка въ возрастѣ отъ 5 до 15 лѣтъ. За то если бы какая нибудь община не исполнила того, чего отъ нея требуетъ законъ, каждый отецъ семейства, котораго бы дѣти потерпѣли отъ такого пренебреженія къ общественной пользѣ, имѣетъ право начать съ нею дѣло и кромѣ исполненія обязанности, домогаться подверженія ея штрафу и взысканію.

При такомъ требованіи публичнаго воспитанія число школъ должно множиться до чрезвычайности и рости вмѣстѣ съ народонаселеніемъ. Съ другой стороны вѣдѣніе ихъ должно быть единственно и исключительно городское. Меръ города, голова, есть *ex officio* президентъ комитета училищъ въ Бостонѣ, а въ его отсутствіи мѣсто его занимаетъ президентъ городскаго совѣта (*president of the common council*). Для большаго удобства городъ раздѣленъ на округи, и въ каждомъ сами граждане избираютъ членовъ въ училищный комитетъ, числомъ шесть, и притомъ такъ, что двое изъ нихъ, по исполненіи своей обязанности въ теченіи трехъ лѣтъ, выбываютъ и замѣняются другими, буде на нихъ снова не падетъ выборъ. Эти шесть членовъ училищнаго комитета образуютъ для школъ своего участка особый комитетъ (*district comittee*), и затѣмъ для мѣстнаго завѣдыванія отдѣльными школами подраздѣляютъ между собою училища по своему усмотрѣнію; такъ что въ важнѣйшихъ только и опредѣленныхъ случаяхъ дѣла изъ мѣстныхъ

комитетовъ доходятъ до участковаго, и еще рѣже до общаго городскаго.

Всякій участокъ имѣетъ по нѣскольку школъ для первоначальнаго обученія (*primary schools*), разсѣянныхъ по всему Бостону, такъ что онѣ близки къ жилищу каждаго. Въ 1857 году число ихъ было 241 и каждая имѣла около 60 воспитанниковъ, дѣтей отъ 4 до 8 лѣтняго возраста. Но если бы участковый комитетъ усмотрѣлъ необходимость учредить дополнительную первоначальную школу, онъ сообщаетъ объ этомъ городскому комитету, который разрѣшаетъ ея учрежденіе, потому что въ деньгахъ для того никогда недостатка не бываетъ. Но воспитанникъ можетъ быть допущенъ только въ школу, состоящую въ томъ отдѣленіи, въ которомъ живетъ; развѣ по какимъ-нибудь особеннымъ причинамъ два участковыхъ комитета, принимающій и передающій ученика, изъявятъ согласіе на изъятіе изъ общаго правила.

Изъ первоначальныхъ школъ дѣти переходятъ въ среднія школы, для обученія грамматикѣ (*grammar school*); въ каждомъ округѣ города полагается по одной такого рода школѣ; въ Бостонѣ число ихъ простирается до 18 и въ каждой около 650 воспитанниковъ.

Въ правилахъ, которыя ежегодно издаетъ комитетъ, завѣдывающій городскими школами *), заключаются наставленія для обоихъ разрядовъ публичныхъ школъ.

Нисшую степень въ ряду ихъ занимаютъ первоначальныя школы. Онѣ то обязательны для каждаго горожанина и ни одинъ въ нихъ учитель не имѣетъ права отказать въ принятіи въ школу ребенка, какъ мужескаго, такъ и женскаго

*) Мы руководствуемся правилами, изданными для 1857 года: «*Rules of the school committee and regulations of public schools of the city Boston*». *Boston. 1857, in-8.*

пола, принадлежащаго городскому жителю. Школы должны заключать въ себѣ примѣрно равное число воспитанниковъ, такъ чтобы на каждаго учителя приходилось круглымъ числомъ по 50 дѣтей. Они распредѣляются на шесть классовъ. Для каждаго изъ нихъ назначены свои учебники (*text-books*), и кромѣ чтенія и письма преподается во всѣхъ классахъ ариѳметика. Во время посѣщенія этихъ школъ, я былъ изумленъ быстротою, съ которою дѣти отвѣчали на всѣ вопросы, довольно-замысловатые для ихъ возраста, и рѣшали ариѳметическія задачи. Всякій воспитанникъ имѣетъ передъ собою грифельную доску, и главное требованіе учителя, чтобы всѣ въ одно время были заняты и вниманіе ни одного не ослабѣвало. При словѣ: *change!* перемѣни, доски передаются однимъ другому и сосѣдъ повѣряетъ своего товарища.

Внѣшность домовъ, занимаемыхъ первоначальными школами, не величественна, роскоши никакой, для виду не сдѣлано ничего, но вездѣ чисто; дѣти каждый въ своемъ платьѣ, одѣты опрятно, и я думаю, этимъ школы хотя отчасти обязаны воспитательницамъ женскаго пола, служащимъ помощницами учителя. Для нихъ есть особая высшая школа въ Бостонѣ, но онѣ также горожанки, были когда-то въ тѣхъ же школахъ, и ихъ нравственное вліяніе на дѣтей чрезвычайно важно, особенно на болѣе взрослыхъ. До двухъ третей воспитательницъ въ Массачюзетѣ женскаго пола: если американецъ, никогда не обременяющій женщины общественными занятіями, рѣшился сдѣлать изъятіе въ пользу воспитанія, то это во первыхъ потому, что женщина въ школѣ для дѣтей на принадлежащемъ ей по природѣ мѣстѣ, имѣетъ болѣе терпѣнія, обладаетъ большимъ запасомъ кротости, и еще изъ школы ребенокъ выноситъ почтеніе къ лэди, которое и сохраняетъ во всю жизнь.

Высшее управленіе школою всегда ввѣряется мужчинѣ: учитель (*teacher*) опредѣляется послѣ испытанія его комитетомъ и обезпечивается содержаніемъ въ 300 дол. за первый годъ, съ прибавкою въ 50 дол., пока жалованье не достигнетъ 450 дол. За то отъ наставниковъ требуется, чтобы они не преподавали ни въ какой другой публичной школѣ, кромѣ той, которою завѣдываютъ, чтобы не учреждали частной школы, не давали на сторонѣ уроковъ ранѣе 6-ти часовъ вечера, исключая среды и субботы послѣ обѣда, когда воспитанники свободны; равномѣрно требуется, чтобы наставники школъ не издавали ни политическихъ, ни религіозныхъ журналовъ. Вообще учители, они же и начальники школъ, получая отъ города большое относительно вознагражденіе, должны исключительно принадлежать ввѣренной имъ школѣ, которая отъ мая до октября открыта съ 8 часовъ утра до 11, и пополудни отъ 2 до 5, а въ остальное время года отъ 9 до 12 утра и отъ 2 до 5 пополудни. Въ извѣстные дни — число ихъ, впрочемъ, не велико и опредѣлено — воспитанники избавлены отъ обязанности посѣщать школы.

Чтобы быть допущеннымъ въ такъ-называемыя *grammar-schools*, ребенокъ долженъ умѣть читать легко прозу съ перваго взгляда, различать и назвать знаки препинанія, рѣшать умственно простыя задачи сложенія, вычитанія и дѣленія, знать твердо таблицу умноженія, нумерацію и первоначальныя правила англійскаго языка. Переводъ воспитанниковъ изъ первоначальныхъ школъ въ среднія производится каждые полгода къ первому марту и къ 1-му сентябрю; но можетъ быть дѣлаемъ и каждый понедѣльникъ, если то покажется необходимымъ комитету первоначальной школы и начальнику средней. Обыкновенно за двѣ недѣли до 1-го марта начальникъ средней школы посѣщаетъ пер-

воначальныя школы одного съ нею округа, производитъ испытанія воспитанникамъ перваго высшаго класса и даетъ свидѣтельства о допущеніи въ среднюю школу тѣхъ изъ нихъ, которые оказали хорошіе успѣхи. А въ іюлѣ мѣсяцѣ учитель первоначальной школы ведетъ свой старшій классъ къ начальнику ближайшей средней и, по испытаніи, въ нее допускаются оказавшіеся того достойными.

Среднія школы — *grammar schools* — какъ опредѣлено въ уставѣ, назначены для обученія общимъ предметамъ англійскаго образованія (« *the common branches of an Englcish education* »), въ противоположность образованію классическому, для котораго есть свои спеціальныя заведенія, назначенныя для приготовленія студентовъ въ университетъ.

Дѣти женскаго пола, учащіяся въ первоначальныхъ школахъ вмѣстѣ съ мальчиками, въ среднихъ училищахъ отдѣляются, но курсъ для нихъ нисколько не меньше и не легче, чѣмъ для мальчиковъ, учебныя книги за немногими изъятіями тѣ же, и не должно удивляться, если въ числѣ ихъ есть: »*Hall's manual of Moral*» или « *Parker's Compendium of Natural and Experimental Philosophy* » или « *Olmstead's Rudiments of Natural Philosophy* ». Въ Америкѣ женщина такъ же самостоятельна, какъ и мужчина; она вступаетъ въ жизнь смѣло, проходитъ ее одна, если судьба не послала ей мужа, работаетъ по мѣрѣ силъ, пишетъ, учитъ, ея физическая слабость защищается общественнымъ мнѣніемъ, и конечно, если есть какая-нибудь аристократія въ Америкѣ, то ее составляютъ исключительно *ladies*, женщины, для которыхъ общественная жизнь пожертвовала всѣмъ насчетъ мужчинъ. И американки, должно признаться, чувствуя ореолъ, которымъ окружилъ ее мужчина, пользуются своимъ выгоднымъ положеніемъ. И все-таки, я думаю, основательное образованіе, которое дѣвушки получаютъ въ

школахъ, болѣе всего объясняетъ почтеніе, которое американецъ безъ всякаго различія питаетъ къ женщинѣ.

Большая часть среднихъ школъ учреждена или для мальчиковъ, или для дѣвочекъ отдѣльно; новѣйшія впрочемъ устроены для тѣхъ и другихъ, и хотя и въ нихъ воспитанники помѣщены въ разныхъ этажахъ, надзоръ и управленіе ввѣрены одному лицу (*head master*), который для каждаго отдѣленія имѣетъ помощниковъ и трехъ или болѣе наставницъ. Выгода отъ такого устройства школъ та, что одно лицо, управляя обоими отдѣленіями, даетъ тому и другому одно направленіе, не говоря о томъ, что такимъ образомъ значительно сокращаются издержки. Только одна школа для обученія дѣвицъ и мальчиковъ управляется совершенно отдѣльными лицами (*masters*).

Всякая школа или отдѣленіе ея *(department)*, если она для обоихъ половъ, раздѣляется на четыре класса и каждый классъ подраздѣляется, смотря по числу воспитанниковъ, такъ, чтобы на каждаго учителя приходилось по 60 воспитанниковъ, и ему придается въ помощь воспитательница, какъ скоро 30 воспитанниками болѣе. Допущеніе учительницъ въ школы, гдѣ учатся мальчики отъ 8 до 12 лѣтъ, имѣетъ нравственное вліяніе на характеръ дѣтей, и хотя онѣ обыкновенно молодыя дѣвушки, приготовленныя спеціально для такого занятія, мальчики повинуются имъ охотно, не изъ страха, но по врожденной стыдливости, и тогда какъ голосъ учителя не всегда оказался бы дѣйствительнымъ, опасеніе стать непріятнымъ дѣвушкѣ, оскорбить ее останавливаетъ мальчика, который уже и въ школѣ предоставляется самъ себѣ, какъ верховному судьѣ своихъ поступковъ, привыкаетъ беречь самого себя и съ школьной скамьи выноситъ въ дѣйствительную жизнь начала той демократической свободы и тѣхъ понятій о самоуправленіи,

которыми онъ будетъ руководствоваться всю послѣдующую жизнь.

Требованія отъ начальниковъ и учителей среднихъ городскихъ школъ велики: они должны быть постоянно въ ввѣренныхъ имъ заведеніяхъ, но за то труды ихъ оцѣниваются и вознаграждаются достойнымъ образомъ: главный учитель получаетъ жалованья въ первый годъ 1,600 долларовъ съ ежегоднымъ прибавленіемъ 100, пока оно не достигнетъ 2,000 дол.; помощники главнаго учителя пользуются вознагражденіемъ въ 1,200 дол., съ приращеніемъ до 1,600, и наконецъ воспитатели и воспитательницы получаютъ 300 дол. и въ теченіе четырехъ лѣтъ жалованье ихъ увеличивается по 50, пока не достигнетъ 500 долларовъ. Съ другой стороны отсутствіе учителя какого бы то ни было разряда не терпится ни на одинъ день, и какъ скоро занимающій мѣсто не исполняетъ своей обязанности, все равно по какимъ бы ни было причинамъ, его замѣщаетъ кандидатъ, по выбору школьнаго комитета, или воспитанница нормальной школы, и изъ жалованья отсутствующаго дѣлается соотвѣтственный вычетъ.

Не было никакого затрудненія при помощи тѣхъ рекомендательныхъ карточекъ, которыми снабдилъ меня мой новый знакомый, посѣтить нѣсколько среднихъ школъ. Для 650 воспитанниковъ выстроенъ обыкновенно двухъ-этажный домъ, и если въ школѣ помѣщаются и дѣвочки и мальчики, они распредѣлены въ разныхъ этажахъ. Не повторяю, что вездѣ все просто, какъ въ хорошемъ мѣщанскомъ домѣ; чистота, порядокъ замѣняютъ съ лихвою внѣшній блескъ и видимое богатство. Дѣти, въ разныхъ правда костюмахъ, дѣвочки, каждая въ своемъ платьицѣ, одѣты какъ кто можетъ, но непремѣнно опрятно, вообще держатъ себя хорошо и, разумѣется, о застѣнчивости предъ чужимъ человѣкомъ,

а тѣмъ болѣе о страхѣ, не можетъ быть и помину у американца и американки. И въ среднихъ школахъ, вниманіе всѣхъ воспитанниковъ класса постоянно напряжено, всѣ заняты, тахъ что на вопросъ учителя готовъ отвѣтить каждый изъ его слушателей. Поднятіе руки служитъ сигналомъ готовности разрѣшить предлагаемый вопросъ и учитель спрашиваетъ или всѣхъ или одного по своему выбору. Въ одной изъ женскихъ школъ я засталъ урокъ исторіи. Дѣло шло о Вашингтонѣ и американской конституціи. Дѣвочки свободно отвѣчали на вопросы чисто-правительственные, какъ будто бы готовились къ политическимъ должностямъ, и потому знаніе каждымъ американцемъ своихъ правъ и обязанностей нисколько неудивительно. По нашимъ понятіямъ это было бы лишнимъ для женщины, которой сфера ограничена домашними дѣлами. Но въ Америкѣ на женщину смотрятъ иначе. Не могу не выразить своего удивленія быстротѣ, съ которою въ другой школѣ дѣвочки лѣтъ десяти и одиннадцати рѣшали ариѳметическія довольно сложныя задачи. Правда, что ариѳметика преподается во всѣхъ классахъ первоначальныхъ и среднихъ школъ и считается однимъ изъ наиболѣе-необходимыхъ предметовъ для народа, всю жизнь считающаго барыши. Многіе изъ учебниковъ американскихъ школъ по части практической ариѳметики были бы достойны педагоговъ другихъ странъ. Отмѣчу здѣсь «Сѣверо-американскую ариѳметику» (*North-american arithmetic*), которая служитъ руководствомъ вмѣстѣ съ другою ариѳметикою, составленною Робинзономъ (*Robinson's american arithmetic*). Много вниманія обращено на черченіе картъ, и географія преподается такъ же наглядно, какъ и всѣ прочія науки. Воспитанникъ предполагается путешествующимъ изъ Америки въ какую-нибудь другую часть свѣта; онъ долженъ разсказать путь, который возьметъ па-

раходъ, куда заѣдетъ, гдѣ что увидитъ замѣчательнаго, и наконецъ, что найдетъ важнаго въ той странѣ, куда пріѣдетъ. Со времени послѣдней войны изъ разныхъ концовъ Россіи знаютъ только Крымъ. Въ бостонской школѣ одинъ воспитанникъ ѣхалъ чрезъ всю Россію, начиная отъ Одессы, и долженъ былъ назвать не по картѣ, а на память главные русскіе города, которые встрѣтитъ на дорогѣ. Эта задача вовсе не такъ легка, но маленькій янки разрѣшилъ ее вѣрно, сказалъ, чѣмъ замѣчателенъ Кіевъ, что такое Смоленскъ, что бы онъ посмотрѣлъ въ Москвѣ, Петербургѣ, и если въ числѣ городовъ, отличающихся своимъ богатствомъ, онъ назвалъ какой-то Миклашевъ, что осталось безъ поправленія, то на это нельзя быть въ претензіи особенно намъ, знающимъ Америку весьма мало.

Оставляя среднюю городскую школу, 12-лѣтній бостонецъ умѣетъ читать, писать, знаетъ основательно англійскую грамматику, ариѳметику, новую географію и исторію Соединенныхъ-Штатовъ, именно столько, сколько необходимо для всякаго гражданина. Но если бы, не довольствуясь этими свѣдѣніями, онъ захотѣлъ приготовиться еще лучше для жизни и для торговой дѣятельности, есть еще школы, также доступныя, какъ и среднія. Это высшая англійская школа (*Englisch High School*) для мальчиковъ и высшая англійская нормальная школа для дѣвицъ (*Girls High and Normal School*). Въ первой изъ нихъ курсъ ученія распредѣленъ на три года и кончившіе въ ней образованіе считаются наравнѣ съ имѣющими ученую степень. Молодымъ людямъ отъ 12 до 16-лѣтняго возраста преподаются древняя географія, всеобщая исторія, алгебра, геометрія, тригонометрія съ ея приложеніями къ измѣреніямъ, межеванію, мореплаванію, астрономіи, далѣе конституція Соединенныхъ-Штатовъ, бухгалтерія, рисованіе, француз-

скій и испанскій языки. Наконецъ воспитанники, которые желали бы усовершенствоваться еще болѣе, особенно въ математическихъ наукахъ, могутъ остаться на годъ и слушать уроки изъ астрономіи, философіи, логики, испанскаго языка, геологіи, механики, инженернаго искусства и высшей математики. Богословіе и наставленія о религіи не преподаются ни въ одномъ изъ сказанныхъ разрядовъ школъ именно потому, что узаконеннаго вѣроученія нѣтъ, и каждый можетъ быть членомъ той церкви, которую онъ выберетъ самъ. Пастору ея предоставляется заботиться о религіозномъ наставленіи въ томъ размѣрѣ и въ томъ возрастѣ, какъ это необходимо по правиламъ избранной секты.

Для завѣдыванія высшею англійскою школою и преподаванія въ ней полагается одинъ учитель (*master*), два помощника (*submasters*) и по одному репетитору (*usher*) на 35 воспитанниковъ. Обыкновенно въ этой школѣ до 200 учениковъ, и воспитатели получаютъ большое вознагражденіе: учитель по 2,400 дол. за первый годъ, съ ежегодною прибавкою въ 100 дол., пока жалованье его не достигнетъ 2,800 дол. (болѣе 3,600 руб. сер.), помощники учителя по 1,600, и съ прибавкою чрезъ 4 года 2,000 дол. и наконецъ репетиторы 1,200, и чрезъ 4 года 1,600 дол.

Тѣ же самыя права имѣютъ воспитатели въ высшей и нормальной женской школѣ. Сюда поступаютъ дѣвицы, по окончаніи курса въ среднихъ городскихъ школахъ и преимущественно готовящіяся сами въ наставницы. Во главѣ ея также стоитъ учитель, *master*, и помощницы его, дамы.

Зажиточные бостонцы охотно отдаютъ своихъ дочерей въ эту высшую школу, хотя бы первоначальное образованіе онѣ получили въ семействѣ. Для вступленія въ нее, дѣвушка должна быть не моложе 15–ти и не старше 19–ти

лѣтъ, и обязана выдержать экзаменъ въ чтеніи, письмѣ, ариѳметикѣ, англійской грамматикѣ, географіи и исторіи. Курсъ продолжается три года и состоитъ въ изученіи тѣхъ же предметовъ, которые преподаются въ высшей школѣ для мальчиковъ, не исключая философіи, астрономіи, алгебры, но прибавляется латинскій языкъ во всѣхъ классахъ, и для тѣхъ, которыя посвящаютъ себя званію наставницъ, читаются лекціи педагогики, а въ случаѣ, еслибы за отсутствіемъ помощниковъ учителей въ среднихъ школахъ понадобились наставницы на время, онѣ заимствуются изъ высшей нормальной школы. Когда я посѣщалъ ее, учитель хотѣлъ дать мнѣ образецъ познаній дѣвицъ въ латинскомъ языкѣ, и какъ ни странно было слышать грамматическія формы и переводы латинскихъ авторовъ отъ молодыхъ дѣвицъ, я не могъ не согласиться въ необходимости преподаванія мертваго языка для основательнаго познанія англійскаго. Изъ искусствъ дѣвицы учатся рисованію и пѣнію.

Таково устройство бостонскихъ городскихъ школъ, имѣющихъ единственною цѣлью образованіе гражданъ, которые могли бы хорошо исполнять возлагаемыя на нихъ городомъ обязанности. Поэтому вся система воспитанія въ этихъ школахъ совершенно-практическая, и такъ какъ школъ достаточное количество и дверь ихъ всегда и для всѣхъ открыта, понятно, отчего бостонецъ можетъ съ гордостью говорить, что ни одинъ изъ его согражданъ не безграмматенъ. Обстоятельство это имѣетъ осязательное вліяніе на характеръ бостонцевъ, тишину и нравственость ихъ, и нисколько не должно удивляться, если бостонецъ проситъ иностранца не оставаться долго въ Нью-Йоркѣ или по крайней мѣрѣ не дѣлать по Нью-Йорку заключенія о всей Америкѣ.

Однако устройство городскихъ школъ было бы неполно, еслибы не было еще одного заведенія, которое, образуя мо-

лодыхъ гражданъ, готовитъ ихъ для высшаго образованія въ спеціальныхъ школахъ и университетѣ. Для этой цѣли существуетъ въ Бостонѣ такъ–называемая латинская школа (*Latin grammar school*), учрежденная еще въ XVII столѣтіи. Въ ней учатъ латинскому и греческому языкамъ и кромѣ того математикѣ, географіи, исторіи, декламаціи, англійскому и французскому языкамъ. Воспитатели должны быть изъ окончившихъ курсъ въ университетѣ; воспитанники, не моложе 10 лѣтъ, должны представить свидѣтельство отъ учителя школы, которую посѣщали, и умѣть читать, писать, имѣть первоначальныя свѣдѣнія въ географіи и англійскомъ языкѣ. Курсъ ученія продолжается 6 лѣтъ, и въ теченіе этого времени кромѣ общихъ предметовъ образованія, исторіи, географіи, ариѳметики, англійской литературы, особенное вниманіе обращено на изученіе латинскаго и греческаго языковъ, на переводы съ одного языка на другой, сочиненія въ стихахъ и прозѣ, далѣе на подробное изученіе классическихъ древностей, а изъ новыхъ языковъ на французскій языкъ, французскую литературу и разговоры.

Примѣръ Бостона послужилъ образцомъ для другихъ графствъ и городовъ штата Массачюзета и даже всей Новой Англіи. И въ этомъ особенно отношеніи справедливо мнѣніе янки о высокомъ значеніи Бостона. Еще болѣе придаетъ ему важности то обстоятельство, что если не въ самомъ Бостонѣ, то въ одномъ изъ его предмѣстій существуетъ университетъ, считающійся однимъ изъ лучшихъ во всемъ союзѣ Соединенныхъ Штатовъ. Во всякомъ случаѣ Гарвардъ Колледжъ въ Кембричѣ въ трехъ миляхъ отъ Бостона есть древнѣйшее по времени основанія высшее въ Сѣверной Америкѣ заведеніе. Основаніе ему было положено въ 1636 году, и такъ какъ созданію этого универси–

тета и процвѣтанію его въ первое особенно время способ-ствовалъ и трудами и деньгами пасторъ Джонъ-Харвардъ, то въ честь его и названо заведеніе. Въ Кембричѣ былъ устроенъ первый печатный станокъ Америки и на этомъ городкѣ какъ нельзя болѣе отразилось всегдашнее его ученое направленіе. Не безъ вліянія осталось пребываніе въ немъ университета, студентовъ и профессоровъ.

Линія американской желѣзно-конной дороги ведетъ также въ Кембричъ и чрезъ десятокъ минутъ по отъѣздѣ изъ Бостона я былъ уже въ Харвардъ-Колледжѣ. Но это не одно огромное зданіе въ нѣсколько этажей, могущее вмѣстить въ себѣ всѣхъ воспитанниковъ: напротивъ, на большомъ пространствѣ раскинулось до пятнадцати домовъ разнаго объема и разныхъ архитектуръ. У меня было письмо съ президенту университета доктору богословія и нѣкогда профессору этого предмета Джемсу Уокеру (*Walker*). Студентъ, къ которому я обратился съ вопросомъ, гдѣ живетъ президентъ? указалъ мнѣ на небольшой домикъ, котеджъ, весь потонувшій въ саду. Въ немъ я засталъ почтеннаго президента преклонныхъ лѣтъ въ хлопотахъ за цвѣтами. Я подалъ ему рекомендательное письмо. Узнавъ изъ него, что я желалъ бы поближе ознакомиться съ системою преподаванія и вообще воспитанія въ колледжѣ, онъ повелъ меня въ свое скромное жилище и послѣ первыхъ распросовъ о Россіи, разсказалъ мнѣ исторію заведенія. Основаніе его и цѣль тѣже, какъ въ оксфордскихъ колледжахъ разныхъ наименованій. Это скорѣе высшія гимназіи, гдѣ молодые люди изучаютъ предметы, необходимые для университетскаго образованія и ими-то занята большая часть домовъ колледжа. Въ нихъ преподаются: философія, риторика, исторія, классическіе и новые языки, математическія и естественныя науки. Многіе изъ исчисленныхъ предметовъ

неизъяты и изъ курса высшей англійской и латинской школъ; но въ послѣднихъ они преподаются болѣе практически и примѣнительно къ жизни, и не тратится понапрасну время на древніе языки, которые останутся безъ примѣненія, если гражданинъ не посвятитъ себя ученому поприщу. Въ колледжъ же собственно вступаетъ тотъ, кто желаетъ пройдти академическій курсъ въ университетѣ или правильнѣе въ одной изъ спеціальныхъ школъ, которыхъ совокупность составляетъ университетъ, *University*. Сравнительно съ большимъ числомъ молодыхъ людей, получающихъ образованіе въ городскихъ школахъ, въ колледжѣ учится ихъ немного: по отчету 1855 года всѣхъ *untergraduates*, то есть неимѣющихъ еще ученой степени, было всего 339. Но объ этомъ американецъ вовсе не сокрушается: онъ хлопочетъ о гражданахъ, образованныхъ въ такой мѣрѣ, чтобы быть хорошими исполнителями воли народа, а ученые для него роскошь. Они необходимы для того, чтобы распространять просвѣщеніе, это будущіе учители, образователи юношества, но большинство не доходитъ до университета, останавливается на среднихъ школахъ, выноситъ изъ нихъ округленное и совершенно достаточное для жизни образованіе, оставляя ученость немногимъ избраннымъ. Такое воззрѣніе на школы едва-ли не самое правильное, особенно въ такой странѣ, какъ Америка, гдѣ не должна и не можетъ пропадать ни одна живая сила безъ пользы и значенія.

Всѣхъ спеціальныхъ школъ (*professional chools*) въ кембричскомъ университетѣ четыре и для каждой свой домъ: 1) богословская (*Divinity school*); въ ней курсъ ученія продолжается три года и школа раздѣляется на три класса: младшій, средній и старшій. Воспитанники послѣдняго проповѣдываютъ по воскресеньямъ вечеромъ въ церк-

вахъ города; 2) школа законовѣдѣнія (*law school*). Въ ней всего три профессора, которые дѣлятъ между собою предметы юриспруденціи. Впрочемъ лекцій очень немного, по десяти въ недѣлю, и студентовъ стараются только пріучить какъ заниматься и на что обращать вниманіе. При школѣ или по нашему юридическомъ факультетѣ своя спеціальная юридическая библіотека, а зала, гдѣ читаются лекціи о законахъ, украшена портретами великихъ юристовъ Америки Стори и Вебстера, принадлежащихъ Бостону, первый, какъ профессоръ Харвардъ-колледжа, второй, какъ бостонскій государственный человѣкъ и впослѣдствіи ораторъ въ конгрессѣ Союза. Въ теченіе каждой лекціи, если къ тому представляется поводъ, профессоръ обращается къ студентамъ съ вопросами о предметахъ и случаяхъ, относящихся до лекціи, и эта система экзаменовъ считается лучшею и самою удобною. За симъ никакихъ мѣръ побужденія, чтобы студенты посѣщали лекціи, никакого контроля ихъ свѣдѣній и познаній, пока они не придутъ на экзаменъ для полученія ученой степени.

Каждую недѣлю два раза учреждаются судебныя состязанія студентовъ, и здѣсь уже молодые люди учатся адвокатурѣ, произносятъ рѣчи въ защиту кліентовъ, а доставляемая этими образцами судовъ польза дополняется клубами, учреждаемыми кембричскими студентами для судебныхъ разсужденій и преній. Всѣхъ студентовъ въ юридической школѣ было въ 1855 гому сто двадцать пять, и они сходятся сюда почти изъ всѣхъ штатовъ Союза и изъ англійскихъ провинцій въ Америкѣ, Новой Шотландіи и Канады; 3) медицинская школа, находящаяся въ Бостонѣ, чтобы быть ближе къ госпиталю; и 4) школа для математики и естественныхъ наукъ (*Lawrence Scientific school*).

Для астрономическихъ наблюденій при Харвардъ-колледжѣ есть обсерваторія, находящаяся подъ управленіемъ извѣстнаго астронома Уилліама Бонда (*Bond*). Обсерваторія обладаетъ рефракторомъ, который одного размѣра съ пулковскимъ и сдѣланъ съ нимъ въ одной мастерской. Это два самыхъ большихъ рефрактора въ свѣтѣ. Куполъ, воздвигнутый надъ нимъ, громаденъ и можетъ быть открываемъ въ разныя стороны. Для передвиженія инструмента положены рельсы, а для удобства наблюдателя устроено особое сидѣнье, на которомъ онъ можетъ подыматься и опускаться, и вообще придуманы разные снаряды и вспомогательные инструменты, дѣлающіе излишнею помощь другаго лица. При прощаніи почтенный старецъ, директоръ обсерваторіи вручилъ мнѣ на память фотографію съ луны и томъ наблюденій, сдѣланныхъ па обсерваторіи, а президентъ Харвардъ-колледжа, показавъ мнѣ библіотеку университета, надѣлилъ отчетами за послѣдніе годы существованія ввѣренныхъ ему заведеній.

И въ университетѣ студентовъ немного: въ 1855 году было ихъ 371 человѣкъ и все это потому, что американецъ спѣшитъ вступить въ практическую жизнь и стать самостоятельнымъ.

Осматривая ближайшія окрестности кембричскаго университета до горы Обурна (*Mount Auburn*), гдѣ кладбище, я понялъ, почему первые основатели университета выбрали здѣсь именно мѣсто для высшаго учебнаго заведенія. Вокругъ него много садовъ, много воздуха и находясь близко отъ Бостона, Кембричъ въ тоже время не городъ, а болѣе походитъ на деревню. И здѣсь на каждомъ шагу воспоминанія о Вашингтонѣ и о подвигахъ американцевъ въ защиту своей независимости и свободы.

Вечеромъ, разговаривая съ знакомымъ адвокатомъ о видѣнномъ въ школахъ, и о наблюденіяхъ въ университетѣ, я не могъ не раздѣлять его удивленія передъ учрежденіями, которыя даютъ возможность каждому, не исключая самаго бѣднаго, вполнѣ развить къ лучшему свои способности, свои нравственныя и душевныя силы. Ни слова, Америка системою своихъ школъ обязана Англіи. Созданная исторіею исключительность классовъ и состояній въ Европѣ, не существуя въ Новомъ Свѣтѣ, не служила препятствіемъ къ тому, чтобы образованіе равномѣрно разлилось по всей массѣ народа. Со стороны Америки и американцевъ заслуги въ этомъ случаѣ нѣтъ; но тѣмъ не менѣе нельзя не назвать счастливымъ народа, который такъ хорошо понялъ общее благо и такъ умно воспользовался уроками другихъ странъ и временъ.

Но для бостонца и многочисленныхъ школъ было мало: хотѣли дать каждому человѣку возможность усовершенствоваться въ той или другой отрасли вѣдѣнія, не проходя систематически цѣлаго курса. Есть нѣсколько заведеній, гдѣ читаются по вечерамъ публичныя лекціи о разныхъ общеинтересныхъ предметахъ. Кромѣ того существуютъ ученыя общества историческое, статистическое, музыкальное и др., есть американская академія наукъ и искуствъ, нѣсколько публичныхъ библіотекъ, содержимыхъ на приношенія частныхъ лицъ и обществъ, и въ ряду ихъ есть такія, которыя за ничтожную плату даютъ возможность наслаждаться очень многимъ. Таковъ Бостонскій музеумъ, собственно собраніе музеумовъ картинъ, восковыхъ фигуръ, естественной исторіи, и къ нимъ прибавленъ театръ, на которомъ даются представленія ежедневно по вечерамъ. За входъ ко всѣмъ этимъ собраніямъ платятъ 25 сентовъ (30 коп. сер.). Наконецъ бостонецъ съ гордостью указываетъ на свой Ате-

ней *(Boston Athenaeum)*, съ библіотекою въ 50,000 томовъ, картинною галлерею, залами для выставки картинъ, и это заведеніе также содержится на счетъ частныхъ подписчиковъ и жертвователей.

VII.

Осмотрѣвъ школы, библіотеки и музеи, способствующіе развитію народа, я долженъ былъ посѣтить суды и тюрьмы. Тутъ адвокатъ, былъ на своемъ мѣстѣ. Онъ началъ съ т. н. *city Hall*, дома для городскаго управленія, гдѣ въ извѣстные дни и часы собираются мэръ, городскій совѣтъ и старшины. Это такія же двѣ городскія законодательныя палаты, какъ въ цѣломъ союзѣ конгрессъ, и въ отдѣльномъ штатѣ генеральное собраніе. Въ мэрѣ сосредоточена исполнительная власть, и онъ соотвѣтствуетъ президенту союза и губернатору штата. Вообще правила объ отношеніи между собою властей исполнительной, законодательной и судебной примѣнены и къ Массачюзету; но въ первоначальной конституціи штата существовали черты, очевидно свидѣтельствовавшія о странѣ, изъ которой она взята. Чтобы быть избраннымъ въ сенаторы, требовалось, чтобы лице было собственникомъ или недвижимаго имѣнія цѣною не ниже трехъ сотъ фунтовъ или движимаго въ шесть сотъ фунтовъ, а избирателями въ званіе сенаторовъ могли быть также только лица, обладающія недвижимымъ имѣніемъ, которое даетъ въ годъ не менѣе трехъ фунтовъ или движимое имущество въ шестьдесятъ фунтовъ. Въ палату же представителей могли быть избираемы только обладатели недвижимаго имѣнія въ сто, или движимаго имущества въ двѣсти фунтовъ стерлинговъ.

Сравнительно съ другими болѣе либеральными и демократическими конституціями, Массачюзетская составляетъ особенность, на которую бостонцы всегда ссылаются, когда хотятъ доказать преимущества своихъ должностныхъ людей по просвѣщенію и добросовѣстности предъ должностными лицами другихъ штатовъ, особенно Нью-Йорка, гдѣ въ собраніе и къ выборамъ допускаются всѣ безъ изъятія граждане. Въ этихъ требованіяхъ отъ избирателей и избираемыхъ извѣстныхъ денежныхъ средствъ видятъ обезпеченіе противъ подкупности избранныхъ и противъ желанія угождать народу. Съ другой стороны гражданинъ, привязанный къ Бостону не только лицемъ, но и имуществомъ, представляетъ, говорятъ, болѣе гарантій, что станетъ избирать въ свои представители порядочнаго человѣка, чѣмъ пришлецъ, ничѣмъ не прикрѣпленный къ городу, гдѣ живетъ, и получающій избирательныя права только потому, что поселился въ извѣстномъ мѣстѣ. Американцы другихъ штатовъ наоборотъ видятъ въ этомъ ограниченіи покушеніе противъ полной демократической свободы народа, имѣющаго право избирать себѣ представителей въ полномъ составѣ. Обѣ системы имѣютъ свои выгоды и невыгоды и общая польза могла бы быть достигнута, если бы условія, требуемыя отъ избираемыхъ и избирателей, были легче. И дѣйствительно по послѣднимъ измѣненіямъ въ конституціи штата прежнія стѣснительныя требованія замѣнены болѣе либеральными: всякій гражданинъ, обложенный сборомъ *(taxe)* и уплачивающій его, считается способнымъ избирать и быть избраннымъ въ народные представители.

Нѣсколько различныхъ началъ держится Массачюзетская конституція при выборѣ судей: есть штаты, и въ томъ числѣ Нью-Йоркъ, гдѣ судьи избираются народомъ наравнѣ съ прочими должностными лицами и на краткіе сроки. Не-

выгоды этой системы ясны: народный выборъ не можетъ дать лицу, которому ввѣряется сужденіе о самыхъ важныхъ интересахъ гражданъ, ихъ имуществѣ, чести, жизни, той опытности и проницательности, которыя необходимы для судьи, а краткій срокъ служенія есть одна изъ главныхъ побудительныхъ причинъ, почему судейскихъ должностей добиваются всѣми неправдами лица, неимѣющія вовсе призванія къ мѣсту, котораго ищутъ и видящія въ немъ вѣрное и скорое средство нажиться. Народъ это знаетъ, при выборахъ всегда поднимаются голоса въ честь справедливости и неподкупности ея служителей, но кончается выборъ тѣмъ, что большинство въ пользу того, кто умѣлъ угодить народу.

Такой невыгоды, очевидно вредной для общаго блага, Массачюзетская конституція избѣжала тѣмъ, что всѣ судьи, общественный адвокатъ *(attorney general)* и шерифы опредѣляются губернаторомъ штата, съ согласіемъ его совѣта. А какъ совѣтъ этотъ состоитъ изъ лицъ, выбираемыхъ изъ среды своей народомъ, то бостонцы утверждаютъ, что положены предѣлы вліянію исполнительной власти и дѣятельности судей, тѣмъ болѣе, что губернаторъ мѣняется каждый годъ, а судьи остаются на своихъ мѣстахъ продолжительное время, по смерть или пока добросовѣстно исполняютъ свою обязанность. Съ другой стороны, чтобы быть вполнѣ внѣ всякаго вліянія народа, они обезпечены значительнымъ вознагражденіемъ, которое утверждено закономъ и неизмѣнно. Способности судьи цѣнятся чрезвычайно высоко: между тѣмъ, какъ губернаторъ штата получаетъ жалованье 3,500 дол., (около 4,500 руб. сер.) и его секретарь, нѣчто въ родѣ министра, 2,000 дол., предсѣдатель высшаго суда штата имѣетъ жалованья 4,500 дол. (до 6,000 руб.), а прочіе судьи 4,000 дол. (5,200 руб,

сер.). Но зато и судья, для сохраненія полной независимости долженъ весь принадлежать своей обязанности: какъ скоро онъ согласился бы принять мѣсто губернатора, сенатора или народнаго представителя въ штатѣ или союзѣ, онъ тѣмъ самымъ отказывается отъ судейской должности и лишается ея.

Мой новой руководитель, сравнивая такой порядокъ съ существующимъ въ другихъ штатахъ, отдавалъ предпочтеніе своему. Большая часть адвокатовъ, говорилъ онъ, оканчиваетъ свою карьеру въ судейскихъ креслахъ, и имѣя въ виду общественную пользу, возможность долго хранить разъ занятое мѣсто, въ тоже время быть хорошо обезпеченнымъ, лучшіе адвокаты не прочь отъ такихъ обязанностей.

Я не могъ несогласиться, что выборъ въ судьи людей приготовленныхъ для этого важнаго званія необходимо, если хотятъ, чтобы въ судѣ дѣйствительно творилась правда, и это тѣмъ вѣрнѣе въ Америкѣ, дополнилъ адвокатъ, что нигдѣ судья не пользуется такою самостоятельностью и независимостью, какъ у насъ. Его положеніе совершенно исключительное: онъ можетъ даже найти постановленіе сената и собранія народныхъ представителей противнымъ конституціи и объявить, что не руководствуется имъ при рѣшеніи дѣлъ. Поэтому когда состоится законъ, который народъ считаетъ невыгоднымъ или несогласнымъ съ конституціею, просьба объ уничтоженіи его на этомъ основаніи подается судьѣ; и его приговоръ имѣетъ обязательную силу для неисполненія постановленія, которое такимъ образомъ само собою выходитъ изъ употребленія и теряетъ значеніе. Вообще безъ рѣшенія судьи не обходится никакое дѣло ни частныхъ людей, ни частныхъ людей съ штатомъ, ни штатовъ между собою. Очевидно, что на судьѣ лежатъ великія обязанности и при выборѣ его выгоднѣе народу отказаться

отъ своей привиллегіи и быть болѣе увѣреннымъ въ добросовѣстности и опытности судьи, чѣмъ пользуясь своимъ неограниченнымъ правомъ выбора, останавливаться на томъ, кого укажутъ народныя страсти.

Любопытно было выслушать адвоката, какъ онъ хотѣлъ съ другой стороны доказать, что зло, могущее произойти отъ такого опредѣленія судьи, смягчается присутствіемъ на судѣ съ одной стороны исходящихъ изъ народа присяжныхъ, съ другой адвокатовъ, спеціально приготовленныхъ юристовъ.

Оказалось, что мой новый собесѣдникъ подробно зналъ французскіе суды и могъ сравнить ихъ съ англійскими и американскими. Онъ не понималъ, отчего во Франціи присяжнаго, взятаго изъ народа, считаютъ неспособнымъ рѣшать вопросъ о фактѣ, о событіи, о существованіи обязательства, отъ чего однимъ словомъ его здраваго смысла и житейской опытности не хотятъ призвать на помощь въ гражданскомъ процессѣ, когда считаютъ возможнымъ довѣрить ему сужденіе о событіи въ уголовномъ дѣлѣ. Иначе разсуждалъ онъ о примѣненіи закона: оно непремѣнно должно быть достояніемъ человѣка спеціальнаго, изучившаго законнодательство, и его выгода велика, потому что при существованіи судьи о фактѣ онъ весь можетъ отдаться юридической сторонѣ вопроса. Конечно и присяжный долженъ имѣть природныя способности пониманія, и если отъ него не требуется спеціальнаго образованія, полезно, чтобы онъ не былъ вовсе хотя безъ общаго образованія. Положительно можно сказать, что нигдѣ въ мірѣ нѣтъ такихъ способныхъ присяжныхъ, какъ въ Америкѣ. Всякій гражданинъ понимаетъ здѣсь свои обязанности и именно потому, что образованъ, дорожитъ исполненіемъ ихъ.

«Хорошо во всякомъ случаѣ и отъ присяжныхъ требовать извѣстнаго обезпеченія, что они способны понимать житейскія отношенія своихъ согражданъ, что обладаютъ извѣстнымъ состояніемъ, неопорочены, какъ все это требуется у насъ и въ Англіи,» говорилъ мой собесѣдникъ, «но мы недопускаемъ, чтобы присяжныхъ выбирала, какъ во Франціи, власть, назначаемая правительствомъ, т. е. префектъ. У насъ дѣло это ввѣрено шерифамъ, опредѣляемымъ народомъ, и вообще мы думаемъ, чѣмъ болѣе предоставлено самимъ тяжущимся свободы при выборѣ и отводѣ присяжныхъ, чѣмъ правильнѣе и полнѣе составляются ихъ списки, чѣмъ ранѣе узнаетъ тяжущійся и подсудимый, кому ввѣрена его судьба, тѣмъ лучше. Однимъ словомъ мы помнимъ, что справедливость существуетъ для тяжущихся и открываемъ ему всѣ средства пользоваться ею.»

«Ни государство, ни какія общественныя учрежденія не пользуются въ судѣ особыми преимуществами; судья не обращается въ органъ власти, онъ скорѣе становится на сторону обвиняемаго. Такой же адвокатъ, какъ у частнаго лица, защищаетъ общественное дѣло и въ этомъ отношеніи ни на той, ни на другой сторонѣ перевѣса нѣтъ. Самое даже обвиненіе въ проступкахъ и преступленіяхъ ввѣряется, т. н. большимъ присяжнымъ, (*grand jury*), и только тотъ предается суду, противъ кого обвиненіе будетъ найдено справедливымъ, будетъ произнесенъ *true bill* по крайней мѣрѣ двѣнадцатью изъ этихъ большихъ присяжныхъ; но такъ какъ и приговоръ дѣйствителенъ только тогда, когда онъ единогласно произнесенъ всѣмъ комплектомъ засѣдающихъ въ судѣ присяжныхъ, т. е. двѣнадцатью же человѣками, а слѣдовательно о судьбѣ обвиняемаго судили всего 24 человѣка, то не можетъ быть ни въ какомъ случаѣ по—

дозрѣнія, что кто нибудь подвергся обвиненію и осужденію по враждѣ или недоброжелательству къ нему столькихъ согражданъ.»

Пока адвокатъ объяснялъ мнѣ образъ воззрѣнія американцевъ на необходимость присяжныхъ въ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ, на довѣріе, которое къ этому учрежденію питаетъ каждый гражданинъ штата, на твердость установленія, наслѣдованнаго отъ предковъ, мы дошли до зданія, гдѣ помѣщаются суды. Передъ нами была дверь съ надписью: полицейскій судъ *(Police court of Boston)*. Здѣсь, сказалъ мнѣ адвокатъ, разбираются дѣла о полицейскихъ проступкахъ и объ обидахъ. Мы вошли въ просторную залу, она была полна народу, и входъ былъ открытъ для всѣхъ. Записывайте, печатайте, никому и дѣла нѣтъ, если рѣшеніе правильно, бояться гласности и публичности нечего, если наоборотъ, то хорошо, что найдется возможность указать ошибку и самому судьѣ, который впредь будетъ осторожнѣе. Въ полицейскомъ судѣ являются для предварительнаго допроса всѣ арестованные за какую нибудь вину: здѣсь отбираются первоначальныя показанія отъ свидѣтелей, и такъ какъ никто взятый подъ стражу не можетъ болѣе сутокъ не знать, за что онъ взятъ и чего ему ждать, иначе на основаніи акта *habeas corpus* каждый гражданинъ можетъ требовать освобожденія своего собрата, то каждое утро полицейскій судья призываетъ изъ подъ ареста пойманныхъ наканунѣ или освобождаетъ ихъ, или налагаетъ денежную пеню или наконецъ предоставляетъ сужденіе о нихъ обвинительнымъ, большимъ присяжнымъ и за тѣмъ суду. Дѣла шли быстро и рѣдко, увѣрялъ меня мой товарищъ, на другой день остается неокопченнымъ допросъ взятаго подъ арестъ и свидѣтелей противъ него.

Сопровождавшій меня адвокатъ долженъ былъ защищать дѣло въ высшемъ судѣ и мы отправились туда. Его уже ждалъ его кліентъ и онъ посадилъ его подлѣ себя. Я думалъ остаться назади, но и мнѣ онъ указалъ мѣсто рядомъ съ собою. Вообще адвокаты сгруппировались подлѣ нѣсколько возвышеннаго кресла судьи, и адвокатъ нераздѣленъ съ лицемъ, которое ему повѣрило свое дѣло. Они безпрестанно въ переговорахъ, тяжущійся напоминаетъ адвокату, на что обратить вниманіе, въ случаѣ нужды останавливаетъ его, шепчетъ ему что то на ухо, самъ адвокатъ не усомнится, когда представится надобность, спросить его о чемъ нибудь. Нечего говорить, что ни на судьѣ, ни на адвокатахъ нѣтъ ни мундира, ни англійскихъ сѣдыхъ париковъ съ классическими буклями и колечками, ни французскихъ форменнымъ хламидъ и шапокъ. Всякій пришелъ въ чемъ былъ, помѣстился какъ ему казалось удобнѣе и помнитъ только одно, какъ бы лучше кончить дѣло. На адвокатахъ собственно держится все американское и англійское судопроизводство: судьѣ остается одно—записывать вкратцѣ показанія свидѣтелей, чтобы потомъ руководствоваться ими въ окончательномъ выводѣ изъ дѣла; но распоряжаться средствами, которыя представляются сторонами, есть дѣло адвокатовъ. Они предлагаютъ свидѣтелямъ вопросы, требуютъ пояснеій, возражаютъ и какъ скоро адвокатъ одной стороны предложилъ вопросъ, который его противникомъ сочтенъ бы былъ неумѣстнымъ, опять судья рѣшаетъ, долженъ ли свидѣтель отвѣчать на него или не долженъ. Онъ и здѣсь не болѣе, какъ посредникъ, такъ что до самого рѣшенія, которое должны произнести присяжные, мнѣніе судьи о дѣлѣ нисколько не обнаружилось. Онъ не могъ слѣдовательно стѣснить присяжныхъ, и наоборотъ мнѣніе послѣднихъ

не можетъ оскорбить судью. Ему предоставляется одно: подвести законъ.

Когда присяжные удалились въ сосѣднюю комнату для совѣщанія о выслушанномъ дѣлѣ, и судья воспользовался этимъ случаемъ, чтобы отдохнуть, я обратился къ адвокату съ вопросомъ: гдѣ его дѣлецъ, стряпчій, *attorney*, какъ его зовутъ въ Англіи или *avoué*, во Франціи. «У насъ весь процессъ приготовляетъ и ведетъ одно лице; англійскій *counsel*, ученый юристъ, защищающій въ судѣ, сливается съ атторнеемъ, собирающимъ справки, документы, и т. д. У насъ всѣ защитники въ судахъ называются безразлично *атторнеями*. Какъ больному было бы смѣшно и непріятно разговаривать съ духовникомъ или докторомъ чрезъ посредника, такъ, думаю я, лучше, чтобы и тяжущійся прямо сообщалъ о своихъ потребностяхъ тому, кто будетъ его защищать, прямо совѣтовался съ нимъ. Это удобнѣе, а между тѣмъ сберегаются издержки и время. Потому процессъ вести въ Америкѣ дешевле, чѣмъ въ Англіи или во Франціи, хотя адвокаты вообще вознаграждаются хорошо и многіе изъ нихъ получаютъ въ годъ отъ осьми до десяти тысячь долларовъ.

Я думаю, время одно ведетъ къ большой практикѣ и къ большимъ доходамъ.

«Разумѣется: по окончаніи курса въ юридической школѣ, напр. въ Харвардъ-Колледжѣ готовящійся къ адвокатурѣ выдерживаетъ практическое испытаніе въ высшемъ судѣ штата и затѣмъ допускается къ веденію процессовъ. Я живо помню, въ какомъ былъ восторгѣ когда выигралъ первое ввѣренное мнѣ дѣло. Не то, чтобы я недовѣрялъ своимъ силамъ, но еще не умѣешь распорядиться словомъ, не умѣешь всегда отвѣчать удачно на доводы противника, и

потому молодымъ и не опытнымъ адвокатамъ довѣряются неохотно. Они по порученію судэ нерѣдко защищаютъ дѣла бѣдныхъ обвиненныхъ, немогущихъ взять себѣ защитника, такимъ образомъ дѣлаются извѣстны, отъ бѣдныхъ кліентовъ переходятъ къ богатымъ и лѣтъ чрезъ пять, шесть имъ ввѣряютъ свои дѣла компаніи, общества, торговые дома, банки. Адвокатура у насъ въ почести и ведетъ къ высшимъ должностямъ, и мы не всегда охотно оставляемъ свое занятіе.»

Мой адвокатъ могъ вспоминать о прошедшемъ, о своихъ первыхъ опытахъ. Теперь онъ говорилъ твердо, билъ на повалъ своего противника, защищался метко и удачно, и въ этотъ день онъ видѣлъ плодъ своего дара. Присяжные объявили рѣшеніе въ пользу его кліента и довольный, что выигралъ дѣло, которое защищалъ, онъ оставилъ судъ. Мѣсто его заняли другіе адвокаты, другіе тяжущіеся. Что могло быть проще и естественнѣе такого суда? Онъ идетъ именно къ той цѣли, для которой существуетъ и учрежденъ. Все сдѣлано, чтобы нарушеніе закона не осталось безъ наказанія, а между тѣмъ ни лишнихъ проволочекъ, ни томовъ исписанныхъ и никѣмъ не читаемыхъ бумагъ. Если и американскій судья послѣ того, что ему объяснятъ дѣло люди, имѣющіе обязанность и полный интересъ воспользоваться всѣми орудіями, которыя ему представятъ стороны, можетъ произнесть неправильное рѣшеніе, въ этомъ виновата природа человѣка, незнающая совершенства. По крайней мѣрѣ сдѣлано все, что зависитъ отъ законодателя, чтобы подобныя ошибки встрѣчались какъ можно рѣже.

Мы вошли въ канцелярію суда. Таже комната служитъ и архивомъ. Вмѣсто огромныхъ кипъ бумагъ, для которыхъ при другихъ условіяхъ надобно бы строить цѣлый домъ,

стѣна канцеляріи была занята узенькимъ шкапомъ, въ которомъ свернутые листы бумаги заключали рѣшенныя дѣла. По справочному алфавиту, адвокатъ отыскалъ дѣло, въ которомъ была надобность. Клеркъ, начальникъ канцеляріи, вынулъ одинъ изъ листковъ и это былъ требуемое рѣшеніе, или *record*, какъ его здѣсь называютъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ это и протоколъ, наша выписка изъ дѣла. Въ этой же бумагѣ прописаны просьба, отвѣтъ на нее и рѣшеніе. Всѣ документы, показанія свидѣтелей въ сущности заключаются въ мотивахъ рѣшенія, но сами бумаги остаются въ портфелѣ адвоката, были въ свое время прочитаны суду, взвѣшены, а для себя судъ хранитъ одно рѣшеніе. Всею канцеляріею завѣдуетъ клеркъ; онъ одинъ получаетъ содержаніе отъ суда, всѣхъ же прочихъ своихъ помощниковъ, ведущихъ переписку, онъ нанимаетъ и платитъ имъ изъ судебныхъ или канцелярскихъ пошлинъ (*fees*), которыя за вызовъ свидѣтелей, копію съ рѣшенія и т. д. взносятъ сами стороны. Такимъ образомъ въ тяжести содержанія канцеляріи участвуетъ только тотъ, кто пользуется ея трудами, всему же народу легко, и дѣло идетъ исправно.

Мой руководитель постоянно ссылался и онъ имѣлъ основаніе ссылаться на дешевизну и простоту судоустройства. Я могъ бы къ этимъ великимъ качествамъ прибавить еще одно — естественность и справедливость въ распредѣленіи тягостей, которыя необходимо влечетъ за собою веденіе процессовъ. Таковъ впрочемъ общій о немъ отзывъ бостонцевъ, съ которыми мнѣ приходилось разсуждать объ этомъ предметѣ. Но еще оставался одинъ вопросъ, который я хотѣлъ предложить своему собесѣднику: достаточно-ли одного судьи; для того, чтобы рѣшеніе суда было по возможности безпристрастно? Можно-ли всегда ввѣрить одному

лицу судьбу своего имѣнія, состоянія, чести и даже жизни?

«Неужели думаеты вы», отвѣчалъ мнѣ адвокатъ, «что число судей что нибудь значитъ? Если судья — образованный, порядочный въ обширномъ значеніи слова человѣкъ, то придать ему товарищей, которые были бы ниже его, значило бы лишить его той энергіи и той твердости, которыя даются человѣку необходимостью дѣйствовать своимъ лицемъ и отвѣчать за свои поступки. Онъ или постоянно будетъ въ борьбѣ съ тѣми, кто должны бы помогать ему и на ничто истратить время, которое могъ бы употребить полезно на дѣло, или поддастся большинству, и очевидно въ обоихъ случаяхъ проиграетъ справедливость. А чаще случается то, что мнѣ приходилось видѣть въ судахъ Франціи: изъ пяти, семи членовъ спятъ если не всѣ, то большая половина, всякій надѣется, что слушаетъ его сосѣдъ и все таки управляетъ большинствомъ тотъ, кто по-бойчѣе и яснѣе понимаетъ свои обязанности. Да гдѣ же набрать столькихъ истинно образованныхъ судей, сколько ихъ необходимо напр. для Франціи? Я положительно знаю, что во всей Франціи судей и прокуроровъ разныхъ разрядовъ болѣе двухъ тысячъ человѣкъ. Какъ дать имъ хорошее жалованье, которое бы ихъ обезпечивало? очевидно это посредственности, если не бездарности. Не превосходнѣе ли устройство суда въ Англіи, гдѣ всего двѣнадцать высшихъ судей и каждый изъ нихъ получаетъ: предсѣдатель — восемь, а прочіе семь тысячъ фунтовъ стерлинговъ (т. е. 50 и 45 тыс. руб. сер.)? Но за то это лучшіе юристы во всей странѣ. Это самые отличные адвокаты, писатели, указанные общественнымъ мнѣніемъ на важное мѣсто судьи. О ихъ безпристрастіи нечего хлопотать. Они поставлены такъ

высоко, что до нихъ не доходитъ даже клевета. Мы также довѣряемъ своимъ судьямъ и вѣримъ, что два вполовину образованныхъ человѣка не составляютъ еще истинно образованнаго судьи. Въ обыкновенныхъ случаяхъ, совершенно достаточно одного судьи, который дорожитъ своимъ мнѣніемъ и не скажетъ его, не подумавъ и не взвѣсивъ значенія словъ, которыхъ отъ него ждутъ. Присяжные и адвокаты помогаютъ ему, а присутствіе публики, гласность, возможность, предоставленная всѣмъ и каждому обсуждать поступки судьи, удерживаютъ его отъ неправды. Затѣмъ, если бы рѣшеніе судьи было обжаловано, оно разсматривается въ полномъ собраніи всего суда, *Full bench*. Но довѣріе, которое гражданинъ питаетъ къ приговору одного лица, дѣлаетъ возможнымъ т. н. объѣзды судей (*circuit*). У насъ не въ обычаѣ встрѣчать и провожать съ разными торжественными церемоніями судью, ѣздящаго по ввѣренному ему округу творить судъ и правду, но у насъ таже система объѣздовъ, какъ въ Англіи, и только въ извѣстные сроки, какъ англійскіе судьи сбираются въ Вестминстеръ-холлѣ, наши съѣзжаются въ главный городъ штата и здѣсь разбираютъ ожидающія ихъ дѣла. Судъ идетъ на встрѣчу каждому и не хочетъ, чтобы его искали и тяжущіеся и свидѣтели и адвокаты. »

« Какъ судьи высшаго союзнаго суда въ извѣстные сроки объѣзжаютъ отдѣльные штаты, кромѣ слишкомъ отдаленныхъ, такъ и судьи штата ѣздятъ по графствамъ его, а число членовъ нашего высшаго суда (*the supreme judicial court*) равняется числу судебныхъ округовъ, на которые распадается штатъ. Точно также дѣйствуетъ и гражданскій судъ (*court of common pleas*). Далѣе въ отдѣльныхъ общинахъ (*townships*), на которыя распадаются графства, ѣздятъ мирные судьи (*justices of the peace*). Постепенность

между этими разрядами судовъ опредѣлена цѣнностью спорнаго имущества и важностью преступленія, о которомъ дѣло, но устройство постоянно тоже. Пріѣзда человѣка, приносящаго съ собою свѣтъ и правду, ждутъ въ графствѣ и городѣ, дѣла, подлежащія обсужденію готовы, присяжные, свидѣтели призваны на срокъ, и затѣмъ двери суда открываютси для всѣхъ и каждаго. Я, заключилъ адвокатъ, вѣрю, что лучше устроить суды нельзя».

Рѣдко приходилось мнѣ говорить съ такими умными, такъ хорошо и всесторонне образованными юристами, каковъ былъ мой адвокатъ. Если не для всякаго государства пригодна система судебныхъ объѣздовъ (такъ въ древней Россіи называлось путешествіе судьи, потому что и у насъ существовало это учрежденіе), если она непремѣнима къ большимъ и малонаселеннымъ странамъ, гдѣ еще нѣтъ хорошихъ путей сообщеній, я не могъ не раздѣлять того, что мой собесѣдникъ говорилъ о присяжныхъ и особенно удивлялся правильной организаціи въ Америкѣ адвокатовъ и пониманію отношенія ихъ къ судьѣ и избравшимъ ихъ сторонамъ.

VII.

Бостонскія тюрьмы не представляли такого интереса, какъ суды столицы Массачюзета. Мѣста заключенія устроены по Обурнской системѣ, названной такъ отъ имени мѣстечка Обурна (*Auburn*) въ штатѣ Нью-Йоркѣ. Здѣсь была учреждена первая тюрьма, достигавшая исправленія преступниковъ совмѣстною, подъ условіемъ впрочемъ молчанія, работою ихъ днемъ и раздѣленіемъ ихъ ночью. Система эта преобладаетъ въ сѣверныхъ особенно штатахъ Америки; но въ большихъ размѣрахъ по ней устроены тюрьмы въ Нью-

Йоркѣ. Поэтому адвокатъ, руководившій меня и здѣсь, совѣтовалъ мнѣ не составлять идеи объ этой системѣ по бостонскимъ тюрьмамъ, а тѣмъ большее обратить на нее вниманіе на островѣ Блаквеллѣ, близь Нью-Йорка, который весь подъ тюремными и исправительными заведеніями. Тѣмъ не менѣе я замѣтилъ себѣ нѣсколько данныхъ, которыя и привожу.

Въ тюрьмѣ Штата Массачюзета (*state Prison*) помѣщается обыкновенно отъ 400 до 500 преступниковъ какъ бѣлыхъ, такъ негровъ и вообще цвѣтныхъ. По отчету за 1855 годъ видно, что число заключенныхъ здѣсь простиралось до 483, младшимъ было отъ 15 до 20, старшимъ отъ 70 до 80 лѣтъ, и время заключенія простиралось отъ двухъ до тридцати пяти лѣтъ и на всю жизнь. Такъ какъ работа заключенныхъ отдается въ наемъ промышленникамъ, то трудъ ихъ не пропадаетъ, напротивъ отчетъ утверждаетъ, что всѣ издержки на содержаніе простирались до 88,295 дол.; дохода отъ работъ было 76,598 дол., за симъ штату и гражданамъ за безопасность, которою они пользуются, освободившись отъ преступниковъ, оставалось уплатить только разницу, т. е. одинадцать съ половиною тысячъ долларовъ. Водившій меня по заведенію надзиратель старался убѣдить меня, что большое число заключенныхъ, сравнительно съ цѣлымъ населеніемъ штата, вовсе не должно служить свидѣтельствомъ противъ нравственности народа, потому что изъ заключенныхъ болѣе двухъ третей не Массачюзетцы, а или жители и уроженцы другихъ штатовъ, или иностранцы, совершившіе приступленія въ Массачюзетѣ и попавшіе въ бостонскую тюрьму. Кромѣ библій, разсѣянныхъ по всѣмъ кельямъ, ежегодно отпускается по сту долларовъ на устройство библіотеки и я засталъ въ ней болѣе 700 волюмовъ разнаго содержанія. Ими охотно

пользуются заключенные и на большей части книгъ видны слѣды любви къ чтенію.

Для малолѣтныхъ преступниковъ, начиная отъ шести до семнадцатилѣтняго возраста, существуетъ исправительная школа (*state reform school*), куда ссылаются провинившіеся въ воровствѣ, кражѣ, безпорядочной жизни, пьянствѣ, обманѣ, бродяжничествѣ. Они остаются здѣсь или до тѣхъ поръ, пока достигнутъ совершенолѣтія, или до истеченія извѣстнаго срока. Цѣль заведенія—пріучить молодыхъ преступниковъ къ труду и порядку и дать имъ хотя первоначальное воспитаніе, пока они остаются въ тюрьмѣ. Кромѣ того, что всѣ домашнія работы, которыя подъ силу дѣтямъ, исправляются ими самими, трудъ заключенныхъ также отдается въ аренду промышленникамъ и время распредѣлено такимъ образомъ: ежедневно четыре часа проводится за ученіемъ, шесть часовъ за работою, $8^1/_2$ посвящается сну и отдыху и разнымъ обязанностямъ. Въ школѣ этой можетъ помѣщаться до 550 воспитанниковъ, и на каждаго изъ нихъ въ годъ дается по 45 долларовъ.

Для дѣвочекъ, порочныхъ, дурной нравственности, безъ надлежащаго надзора, есть своя исправительная школа (*State Industrial school for girls*), гдѣ также трудомъ и ученіемъ стараются дать доброе направленіе порочнымъ наклонностямъ дѣтей. Это заведеніе существуетъ только съ 1856 года и для устройства его принято за образецъ семейство. Въ каждомъ изъ трехъ домовъ, въ которыхъ помѣщаются сосланныя для исправленія дѣвочки, живетъ отдѣльное семейство изъ тридцати дѣтей, всего въ заведеніи девяносто воспитанницъ, и достаточно одной жалобы отца или опекуна на безпорядочное поведеніе дѣвушки, чтобы открыть ей мѣсто въ исправительной школѣ. Такъ

какъ дурныя наклонности обнаруживаются рано и въ исправленіи можно быть увѣреннымъ не раньше достиженія 16—18 лѣтъ, то въ заведеніе принимаются дѣвочки не моложе 7 и не старше 16 лѣтъ и остаются въ немъ до 18 лѣтъ, если только до наступленія этого возраста ихъ не возьмутъ въ частный домъ въ услуженіе или они не будутъ отданы на ферму, чѣмъ однако не оканчивается надзоръ школы за питомицею. За нею слѣдятъ, и школа продолжаетъ имѣть на нее благодѣтельное вліяніе.

Здѣсь же кстати упомянуть о предупредительныхъ, такъ сказать школахъ, учреждаемыхъ съ цѣлью, чтобы отвращать отъ неправаго пути и тѣхъ даже, которые по немъ нейдутъ, но могли бы пойти, если бы ихъ оставить безъ особаго надзора и попеченія. Не смотря на то, что городская заботливость простирается на всякаго ребенка, принадлежащаго горожанину и даровое воспитаніе на счетъ цѣлаго общества облегчаетъ эту заботу, тѣмъ не менѣе есть цѣлый классъ людей, которые и желали бы образоваться, но не имѣютъ пристанища, безъ родителей, безъ помощи. Объ этихъ несчастныхъ также печется штатъ и слѣдовательно устранена всякая возможность бѣдности. На улицахъ Бостона я не встрѣчалъ нищаго. Дѣти, которыхъ некому призрѣть, живутъ въ учрежденныхъ для нихъ школахъ и содержатся на счетъ штата: они отъ 5 до 15 лѣтняго возраста, и изъ отчета за 1855 годъ оказывается, что въ такихъ школахъ было даже 59 дѣтей моложе пяти лѣтъ, 396 между пятью и десятью годами, и 132 отъ 10 до 15 лѣтняго возраста. Однимъ словомъ не забытъ никто изъ бѣдной и нуждающейся братіи и средства штата, составляющіяся главнымъ образомъ изъ сборовъ съ имущества гражданъ, такъ велики, что ихъ оказывается достаточнымъ на покрытіе всѣхъ издержекъ и нужд общества.

Изъ тюремъ, назначенныхъ собственно для ожидающихъ суда и до произнесенія приговора, особеннаго вниманія заслуживаетъ т. н. *новая тюрьма* (*New jail*), въ Бостонѣ. Она состоитъ изъ центральнаго зданія съ расходящимися въ разныя стороны четырьмя углами. Тюрьма эта выстроена изъ гранита, обнесена такою же стѣною и съ виду трудно бы угадать, что это мѣсто заключенія, тѣмъ болѣе, что у воротъ нѣтъ вовсе вооруженной стражи, а привратникъ, услышавъ, что желаешь осмотрѣть тюрьму и иностранецъ, охотно открываетъ ея двери. Записавъ свое имя въ пріемной комнатѣ, она же и канцелярія (*office*), посѣтитель безпрепятственно допускается во все заведеніе и можетъ увидѣть его до мельчайшихъ подробностей. Архитектура зданія и внутри и снаружи легка: чугунныя лѣстницы бѣгутъ по стѣнамъ всѣхъ пяти этажей. Зданіе не сгараемо, и такъ какъ неизвѣстно, будутъ ли обвиняемые найдены преступниками, они не принуждаются въ работѣ, а могутъ работать, если чувствуютъ къ тому сами призваніе и есть надъ чѣмъ трудиться. Арестанты днемъ и ночью отдѣлены, и у каждаго своя комната, довольно просторная: у нея желѣзная рѣшетка служитъ для пропуска свѣта, воздуха и теплоты. Температура отъ того во всемъ заведеніи одинаковая. Въ особомъ углѣ зданія помѣщены женщины; другой назначенъ исключительно для уголовныхъ преступниковъ, убійцъ, и заведеніе такъ устроено, что всего служащихъ при тюрьмѣ восемь человѣкъ. Въ кухнѣ чистота необыкновенная, и всякому отпускается по утру къ завтраку кофе или чай, при немъ 1 фунтъ хлѣба; въ полдень 1 фун. говядины, хлѣбъ и похлебка въ родѣ супа, вечеромъ опять чай или кофе.

Осмотрѣвъ городскія заведенія и познакомившись вообще съ Бостономъ, я отправлялся по вечерамъ въ ближай-

шія его окрестности. Кромѣ острововъ, брошенныхъ въ морѣ, городъ со всѣхъ сторонъ имѣетъ предмѣстіями цѣлые городки. Я ихъ не называю: имена ничего не объясняютъ, а общій характеръ всѣхъ ихъ одинъ и тотъ же, тянутся алеи вязовъ и платановъ, до которыхъ бостонцы такіе охотники, дороги уставлены свѣтленькими домиками, совершенно въ родѣ тѣхъ, какіе видны со всѣхъ сторонъ Лондона и другихъ большихъ торговыхъ городовъ Англіи. Сообщенія во всѣ стороны удобны и легки, и многія семейства остаются въ своихъ котеджахъ даже и на зиму. Если Америка превосходитъ всѣ прочія части свѣта количествомъ желѣзныхъ дорогъ, Бостонъ и штатъ Массачюзетъ вообще, сравнительно съ занимаемымъ ими пространствомъ, имѣетъ наибольшое количество рельсовъ.

Наконецъ должно замѣтить, что какъ исторія сдѣлала изъ Бостона ученый городъ, такъ положеніе его и трудолюбіе его жителей не могли не отразиться въ торговой и промышленной дѣятельности. Паровыя мануфактуры дѣйствуютъ во всѣхъ частяхъ города и бостонскіе механики славятся во всемъ союзѣ и даже внѣ его. Бостонъ есть такой же исходъ для произведеній Новой Англіи, какъ Нью-Йоркскій портъ — для западныхъ штатовъ. Такъ-называемыя бѣлыя горы и вообще возвышенности Новой Англіи породили въ Бостонѣ мысль о возможности возить ледъ въ жаркія страны Индіи, на Антильскіе острова, и торговля эта почти исключительно остается за негоціантами Бостона. Обиліе строеваго и корабельнаго лѣсовъ въ сосѣднихъ горахъ также не мало способствуетъ кораблестроенію и существованію многочисленныхъ въ Бостонѣ верфей; но должно признаться, что близость другаго такого города, каковъ Нью-Йоркъ, оставляетъ въ тѣни Бостонъ.

ГЛАВА V.

НЬЮ-ЙОРКЪ.

Отъѣздъ изъ Бостона. — Американскіе желѣзная дорога и параходъ. — Нью-Йоркскій портъ. — Бродвей. — Образъ жизни въ Нью-Йоркѣ. — Переселенцы изъ Европы. — Ихъ бѣдность и движеніе на Западъ. — Вліяніе народа на выборы. — Подкупность чиновниковъ. — Сроки служенія. — Организація городскаго управленія. — Школы для бѣлыхъ и цвѣтныхъ. — Газеты. — Журналы. — Библіотеки. — Ученыя общества Нью-Йорка.

I.

Есть страны, гдѣ встрѣчаешь затрудненія въ передвиженіи себя и своего имущества съ мѣста на мѣсто: то вовсе нѣтъ дорогъ или на нихъ нѣтъ проѣзду, то недостаетъ лошадей и вообще ѣдешь только потому, что ѣхать есть надобность или, что случается рѣже, непреодолимая охота. Въ Америкѣ другаго рода затрудненіе; не знаешь, по какой дорогѣ ѣхать, какую желѣзную дорогу или какой параходъ выбрать, всѣ они соединяютъ одни и тѣже пункты, линіи — одной или почти одной длины, цѣны также одинаковы и особенно для новичка, который нѣсколько тому дней ступилъ на почву столь непохожую на европейскую,

разрѣшеніе вопроса не такъ легко, какъ кажется. Смотришь на карту желѣзныхъ дорогъ, въ глазахъ рябитъ отъ сѣтей, которыми перерѣзанъ восточный особенно, самый промышленный край союза Соединенныхъ Штатовъ, любой городъ связанъ рельсами съ главными центрами торговой и промышленной дѣятельности и перевозить здѣсь что нибудь изъ города въ городъ на лошадяхъ, мулахъ, верблюдахъ было бы такъ же странно, какъ, наоборотъ, на востокѣ строить желѣзныя дороги для какой нибудь пристани, какого нибудь городка. Въ Америкѣ вьючная лошадь скоро будетъ такимъ же допотопнымъ животнымъ, какъ мамонтъ.

Затрудненіе выбора испыталъ и я, когда хотѣлъ перенестись изъ Бостона, куда прибылъ изъ Европы, въ Нью-Йоркъ. Въ гостинницѣ на всякій вопросъ, когда отправляется поѣздъ въ Нью-Йоркъ, *porter*, собственно носильщикъ, замѣняющій здѣсь пышныхъ европейскихъ швейцаровъ, спрашивалъ, по какому пути желаю ѣхать? Этотъ отвѣтъ вопросомъ ставилъ меня въ тупикъ; карета гостинницы готова во всякое время отвести пассажира и багажъ на любую станцію желѣзныхъ дорогъ. Наконецъ я выбралъ вечерній поѣздъ по линіи Фолль-риверъ и отсюда на параходѣ до Нью-Йорка. Выѣхавъ въ шесть часовъ вечера, на другое утро рано я долженъ былъ быть на мѣстѣ, переночевавъ на параходѣ. Въ назначенную минуту карета (*coach*) гостинницы наполнилась пассажирами, ихъ вещи взвалены на крышу, поставлены позади экипажа, притянуты цѣпями и экипажъ безъ кондуктора, съ однимъ кучеромъ повезъ на станцію желѣзной дороги. Я еще не ѣздилъ по американскимъ желѣзнымъ дорогамъ, не зналъ вовсе, въ какомъ классѣ ѣхать, удивлялся только, что въ гидѣ все показана одна цѣна и, сгрузивъ свои чемоданы,

пошелъ брать билетъ. Я заикнулся, давая деньги, о классѣ, какъ американецъ, не говоря ни слова, ткнулъ мнѣ билетъ, чему я кстати былъ очень радъ; я видѣлъ нетерпѣніе другихъ запастись тѣмъ же, и спѣшилъ занять свое мѣсто, помня, что здѣсь всякій хлопочетъ о себѣ. *Help-yourself*, помогайте сами себѣ, т. е. хлопочите о себѣ, какъ знаете, говоритъ вамъ американецъ кстати и некстати и онъ держится того же правила, бѣжитъ, торопится, захватилъ и нѣтъ ему ни до кого дѣла. Таже быстрота съ багажемъ. Куда? спрашиваетъ джентельменъ, нисколько неотличающійся отъ любаго джентельмена, ѣдущаго въ вагонѣ. Вы думаете, онъ будетъ вѣсить ваши чемоданы, записывать, брать лишнія копейки за лишніе фунты, нисколько: онъ привѣситъ мѣдныя марки, *cheks*, къ ушкамъ чемодана, наморщится, когда нескоро найдетъ ихъ или когда неловко привязать марки, дастъ владѣльцу чеки съ тѣми же цифрами и не хлопочите ни о чемъ: если вашъ чемоданъ крѣпокъ, онъ дойдетъ благополучно, если наоборотъ, онъ имѣетъ расположеніе разорваться, вамъ отдадутъ его бренные остатки и на ваше замѣчаніе прибавятъ фразу: *nevermint*, въ родѣ нашего ничего! или *help-yourself*. Сколько бы у васъ багажу ни было, его весь уложатъ, дадутъ вамъ пять, шесть, десять четковъ, и тѣмъ дѣло кончается.

Вагоны были почти полны, когда я вошелъ въ одинъ изъ нихъ. Это длинная комната, сдѣланная для 70, 80 человѣкъ, у окошекъ съ обѣихъ сторонъ по два мѣста, посреди вагона проходъ, по которому можно путешествовать изъ вагона въ вагонъ. Спинки креселъ сдѣланы такъ, что ихъ можно повернуть, если хотите быть въ компаніи съ знакомыми; на ночь подъ головы вставляются мягкія подушки, на которыя можно опереться. Мебель чистая, покрыта бархатомъ, на стѣнахъ вагоновъ намалеваны гдѣ красавица съ

тамбуриномъ, гдѣ какой нибудь видъ, портретъ Вашингтона, въ концахъ вагоновъ зеркала и непремѣнно резервуары съ водою, для всеобщаго употребленія. А гдѣ же простой народъ? Гдѣ богатые и сильные міра сего? Гдѣ лэди? хотѣлось мнѣ спросить у сосѣда, котораго клинообразная борода безъ усовъ и бакенбардовъ, худое, блѣдно-желтое лице, мягкая поярковая шляпа, вообще весь костюмъ вовсе неизысканный, простой, явно обличали, что это чистый американецъ; но онъ самъ, вѣроятно, по тѣмъ же доводамъ догадавшись, что я иностранецъ, заговорилъ со мною, спросивъ, какъ мнѣ нравится устройство американской желѣзной дороги и какое впечатлѣніе сдѣлала на меня Америка? Вопрошающій хорошо знаетъ, что ему дадутъ отвѣтъ, наполненный похвалъ; американецъ принимаетъ ихъ за чистую монету, нисколько не сомнѣваясь, что его штатъ, его городъ лучшій въ мірѣ, что въ Америкѣ все хорошо, широко, правленіе свободно и т. д. Тутъ ничего нѣтъ страннаго: никто не терпитъ, чтобы иностранецъ дурно говорилъ о его отечествѣ: мы готовы вступиться за малѣйшее нанесенное ему оскорбленіе, но пожалуй сами будемъ говорить о немъ не съ похвалами, замѣтимъ ту или другую черную сторону и пожалуй скажемъ, что необходимо сдѣлать, чтобы помочь злу. Американецъ въ этомъ случаѣ себялюбивѣе даже англичанина, который не позволитъ другому порицать Англію, ея устройство, корабли, хозяйство, но самъ охотно выведетъ на чистую воду и парламентъ и продѣлки министровъ и Остъ-Индской Компаніи. У американца, по его мнѣнію, все хорошо и въ полномъ убѣжденіи, что скрывать должно только дурное, онъ открываетъ все. Равенство всѣхъ и каждаго, безъ различія богатства, происхожденія, связей приводитъ американца въ восторгъ, когда ему разсказываешь про раздѣленія въ другихъ зем-

ляхъ: въ Америкѣ онъ считаетъ равенство это совершенно естественнымъ и отдѣляетъ только женщинъ, лэди, какъ существа высшія, пользующіяся почетомъ и общимъ уваженіемъ, пожалуй аристократію, и цвѣтныхъ (*colored men*), съ которыми бѣлые не хотятъ имѣть ничего общаго, даже воздуха, которымъ дышатъ. Всѣ прочіе одинаковы въ своихъ правахъ и первенство мѣста принадлежитъ не тому, кто богаче и кто могъ заплатить болѣе, но тому, кто пришелъ прежде. А отдѣленіе женщинъ, постоянное служеніе имъ доказываетъ рѣдкость ихъ и желаніе общества защитить ихъ отъ оскорбленій со стороны человѣка, который ничѣмъ не отличенъ отъ всякаго другаго и, пользуясь равенствомъ всѣхъ, могъ бы стѣснить свободу женщины и дѣвушки, тогда какъ подъ покровительствомъ каждаго порядочнаго человѣка, подъ защитою общественнаго мнѣнія молодая дѣвушка, безъ всякаго опасенія, можетъ проѣхать Сѣверо-Американскіе Штаты съ одного конца до другаго, удовлетворить свою любознательность, въ полной увѣренности, что кто бы ни былъ ея сосѣдомъ, онъ почтетъ себя счастливымъ оказать ей помощь и содѣйствіе.

Устроивъ поѣздъ, кондукторъ крикнулъ: *go ahead!* Впередъ! вмѣсто англійскаго *all right!* все готово! и вагоны тронулись. Какъ бы я радъ былъ, еслибы и для желѣзныхъ дорогъ изобрѣли что нибудь въ родѣ морскихъ лейфъ-презерверовъ, чтобы въ случаѣ опасности имѣть какія нибудь надежды для спасенія, какъ на морѣ. Такое желаніе вызвало непріятную улыбку на губы американца; онъ сталъ говорить о томъ, какъ на американскія желѣзныя дороги клевещутъ въ Европѣ, особенно въ Англіи, что у нихъ дороги ничѣмъ не хуже европейскихъ, но устройство ихъ проще, дешевле, обороты и движеніе по нимъ многочисленнѣе, быстрѣе, и потому если бываютъ несчастія, они ни-

сколько не превосходятъ случаевъ на европейскихъ дорогахъ, если принять во вниманіе протяженіе линій и число ѣздящихъ по нимъ. Можетъ быть и такъ, но дорога, по которой мы ѣхали, не совсѣмъ соотвѣтствовала тому, что говорилъ мой собесѣдникъ: одинъ рядъ рельсовъ, мосты не отличаются особенною отдѣлкою, полотно дороги не подня-то, не ограждено отъ проходящихъ, отъ животныхъ, и неизбѣжный *cowcatsher* замѣняетъ живую силу стражей и работниковъ, которыхъ бы понадобилось тысячи тысячь въ другихъ странахъ для того, чтобы хранить тридцать тысячъ миль желѣзныхъ дорогъ, которыми обладаютъ Соединенные Штаты. При нашихъ предосторожностяхъ, коукетчеръ, т. е. двугранная машина, придѣланная къ локомотиву, заостренная спереди и могущая сбрасывать съ рельсовъ коровъ (оттого ея названіе) и вообще все лишнее, что могло бы причинить несчастіе, попавшись подъ колеса вагоновъ, коукетчеръ былъ бы излишенъ, въ Америкѣ безъ него частенько бывали бы несчастія или вѣрнѣе, увеличилось бы число тѣхъ, которыя случаются и при этой предосторожности. Нельзя сказать, чтобы жизнь человѣка здѣсь была копѣйка. Я думаю, что американецъ смѣлый, предпріимчивый отъ природы, сильно расчитываетъ на счастіе; а волковъ бояться въ лѣсъ не ходить: это его *nevermind!*

Дорога мѣстностью своею не представляла ничего особеннаго: она шла сначала по берегу залива, потомъ лѣсомъ, частенько попадались жилища, вездѣ останавливались на минуту, все шло быстро. Кондукторъ, опять джентельменъ, безъ всякихъ особенныхъ отличій, кромѣ зеленыхъ марокъ въ рукѣ, взялъ билеты и далъ вмѣсто нихъ чеки *(cheks)*, на которыхъ съ одной стороны написано: «воткните эту марку за шляпу», что и исполняется каждымъ, а съ другой стороны напечатаны названія станцій и

ихъ разстояніе. Подъ конецъ обхода вагоновъ кондукторомъ у всѣхъ пассажировъ оказались зеленые чеки за лентами шляпъ, въ родѣ кокардъ, и когда приспѣетъ время ихъ взять, кондукторъ вытащитъ ихъ самъ, даже если бы вы и спали. Американецъ такъ серьезенъ и такъ не любитъ мѣшать дѣло съ бездѣльемъ, что никогда не пошутитъ надъ сосѣдомъ и не вытащитъ у него чека, а тѣмъ менѣе воспользуется имъ. Поѣздъ былъ огромный, и около девяти часовъ вечера я вижу, что всѣ сбираются идти, всякій запасается своимъ дорожнымъ мѣшкомъ. Я дѣлаю тоже, сосѣдъ мой даетъ мнѣ наставленіе не отставать, если хочу застать мѣсто на пароходѣ. Мы доѣхали до приморскаго городка *Fall-River*. Дѣйствительно всѣ побѣжали, и такъ какъ никто не отстаетъ, то нѣтъ ни толкотни, ни безпорядка, всякій дѣлаетъ молча, про себя и для себя, а другихъ какъ будто не бывало.

Гдѣ же пароходъ, на которомъ мы поѣдемъ? спросилъ я у подвернувшагося негра. Вы на немъ, былъ его отвѣтъ, и дѣйствительно слышно было шипѣніе машины, но поѣздъ до того приблизился къ пристани и параходъ такъ аккуратно былъ придвинутъ къ помосту, что переходъ на него, особенно ночью, былъ не замѣтенъ. По лѣстницѣ я взобрался наверхъ и былъ пораженъ огромностью комнаты, которая служила общимъ парлоромъ, гостиною для пассажировъ. Вся въ коврахъ, въ зеркалахъ, со стѣнами, на которыхъ красовались виды, картины, она освѣщалась массивными бронзовыми лампами, отражавшимися въ зеркалахъ, мебель раскинута въ разныхъ углахъ, посрединѣ вода для употребленія пассажировъ, на столахъ газеты, библіи, въ углу фортепьяно. Я смотрѣлъ на весь этотъ блескъ съ какимъ-то безотчетнымъ изумленіемъ; все, что я читалъ въ другихъ путешествіяхъ и слышалъ въ разсказахъ объ аме-

риканскихъ параходахъ, было ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что нашелъ на параходѣ *Empire–City*, а хладнокровный и вѣчно занятый американецъ уже вытащилъ только что привезенную изъ Калифорніи газету, вздернулъ ноги на мраморный каминъ, или, положивъ ихъ на его бронзовую рѣшетку, вынулъ изъ боковаго кармана своего жилета жвачку табаку и успѣлъ, усладивъ имъ свой вкусъ, остатки выплюнуть въ разставленныя для этой благородной цѣли у всякаго стола, дивана, кресла плевальницы, которыя здѣсь составляютъ такую же необходимую принадлежность, какъ пепельницы въ вагонахъ на желѣзныхъ дорогахъ Германіи.

Никто изъ американцевъ не дивился обширности парахода, блеску гостиной; очевидно для нихъ все это было слишкомъ обыкновенно. На чужака, который изумлялся диковникамъ, никто изъ этихъ господъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія и надосугѣ я могъ попристальнѣе вглядѣться въ эти лица, которыя о чемъ–то думаютъ, что–то постоянно считаютъ, вовсе не улыбаются, холодны, пока ихъ не затронулъ знакомый долларъ. Еслибы не мой услужливый сосѣдъ, я бы просидѣлъ въ такомъ наблюденіи весь вечеръ, но американецъ предсказывалъ мнѣ удивленіе, которое возбудитъ одинъ изъ лучшихъ американскихъ параходовъ и не пропустилъ случая насладиться изумленіемъ новичка. Пойдемте, сказалъ онъ, до ужина я успѣю показать вамъ всѣ этажи парахода. Пойдемте, съ радостію отвѣтилъ я, и думалъ, что выйдемъ изъ комнаты, которую, кажется зналъ; но американецъ въ подробности показывалъ мнѣ множество бархату, краснаго дерева, бронзъ, картинъ и, очевидно, желалъ посвятить меня во всѣ тонкости парлора.

На другомъ концѣ парахода въ томъ же этажѣ — комната для дамъ. Здѣсь, если даже не говорить о роскоши самихъ лэди, въ убранствѣ еще больше блеску и роскоши, чѣмъ на

половинѣ мужчинъ, ковры мягче, больше вкуса и не знаю, можно ли пожелать себѣ лучшаго жилища на твердой землѣ. Съ обѣихъ сторонъ громадной палубы, на которой построенъ плывучій дворецъ, были выходы на открытую галлерею. Параходъ шелъ довольно быстро, несмотря на темноту ночи; мимо его шныряли: то парусное судно, то параходъ же, свистокъ съ обѣихъ сторонъ и разошлись благополучно; ну, а какъ да столкнутся? Кто останется цѣлъ, пройдетъ, а кто не выдержитъ удара пойдетъ ко дну, отвѣтилъ бы американецъ, но я не задавалъ ему такихъ грустныхъ вопросовъ, а напротивъ въ порывѣ благоговѣнія предъ умомъ, отвагою и предпріимчивостью народа, говорилъ какъ будто про себя: чтобы сказали дикіе индѣйцы, еслибы за два столѣтія, живя на берегахъ, мимо которыхъ мы идемъ, увидѣли такую диковинку! Ну да не одни индѣйцы, отвѣтилъ сосѣдъ; нашимъ пароходамъ можетъ подивиться и человѣкъ образованной Европы. Между тѣмъ по узенькой лѣстницѣ мы взошли еще выше: здѣсь живетъ капитанъ, здѣсь комнаты его помощниковъ, и управляющій ходомъ корабля и рулемъ впереди и выше всѣхъ въ стеклянной будкѣ, откуда онъ видитъ все; колокольчиками, проведенными къ машинисту, слуховыми трубами даетъ онъ знать о томъ, чтобы прибавить, убавить ходу, выпустить паръ и т. д. Отъ носа корабля вплоть до кормовой его части тянется цѣпь, управляющая рулемъ, и изъ своей будки кормчій — полный хозяинъ и правитель ввѣреннаго ему парахода: а между тѣмъ коромысло паровой машины мѣрно движется между двумя трубами, извергающими дымъ и огонь. Машина стоитъ высоко, непомѣстившись внутри самого корабля, она движущими своими частями высунулась наружу, параходъ сидитъ не глубоко и свободно плаваетъ по рѣкамъ и озерамъ, но въ морѣ волна легко могла бы

опрокинуть его. Какая разница между теперешнимъ дворцомъ-параходомъ и кораблемъ *Half-Moon* (полумѣсяцъ), на которомъ Худсонъ прибылъ въ новый міръ въ 1609 году!

Намъ осталось еще два этажа. Второй, т. е. средній, заключаетъ въ себѣ, кромѣ машины, помѣщеніе переселенцевъ, за перевозъ которыхъ цѣны уменьшены, но зато и удобства убавлены. Здѣсь же *barroom*, т. е. буфетъ, и парикмахерская, гдѣ за пол-доллара можно выбриться и постричься. Наконецъ, въ нижнемъ этажѣ столовая, а въ другой половинѣ спальня, въ которой койки въ три ряда и въ срединѣ оставлено мѣсто для тѣхъ, кто хотѣлъ бы и ночью почитать и вообще заняться. Сколько же человѣкъ можетъ вмѣстить этотъ параходъ? спросилъ я, обошедши его. Да, человѣкъ до 600, 700, бываетъ и больше, всегда всѣ мѣста заняты и случается такъ, что въ гостиной по полу раскладываются матрацы и подушки, и поутру нѣтъ прохода въ парлорахъ. Я въ этомъ имѣлъ случай убѣдиться на другое утро, выйдя изъ своей *state-room*, особой кабинетъ-комнаты, въ третьемъ этажѣ. На полу не было свободнаго мѣста.

Не успѣли мы кончить своего обзора, какъ загремѣлъ китайскій тантанъ, въ которой ударялъ негръ, и звуки его далеко разносились по морю. Прежде надобно было запастись билетомъ для ужина въ полдоллара. Столъ уставленъ разными яствами, мясомъ, свининою, безъ которой американецъ не садится за обѣдъ или ужинъ (это тоже, что баранина въ Англіи), рыбными кушаньями, зеленью, хлѣбомъ разнаго сорта. Всякій выбираетъ по своему вкусу и обращаясь къ тому, предъ кѣмъ стоитъ кушанье, проситъ, чтобы онъ отрѣзалъ ему. А впрочемъ *help-yourself*, не зѣвайте, спѣшите, тянитесь, не предлагайте сосѣду, а берите, что вамъ нравится, потому что сейчасъ все пообе-

рутъ, *all-is-over*, скажетъ вамъ прислуживающій негръ, посмотрите куда хотите, на тарелкахъ смѣшано все, каждый спѣшитъ, какъ только можетъ, а чрезъ 10 минутъ заскрипятъ стулья и всякій оставитъ свое мѣсто, какъ бы исполнивъ непріятную обязанность, отъ которой, если можно, онъ охотно избавился бы и которую исполняетъ только по необходимости. Съ непривычки можно бы остаться голоднымъ, но примѣръ заразителенъ особенно, когда отсталый долженъ страдать. Дамы, которымъ за обѣдомъ также предоставлены первыя мѣста рядомъ съ капитаномъ, иногда не слѣдуютъ общему примѣру, остаются нѣсколько долѣе за столомъ, но на нихъ никто, начиная отъ послѣдняго негра и кончая первымъ джентельменомъ, не произнесетъ хулы: это общій кумиръ; мужчина же, предавшійся чрезъ-чуръ гастрономическимъ наслажденіямъ, подвергся бы нареканію со стороны ближняго. Кто-то сравнилъ американцевъ за столомъ съ акулами. Сравненіе недурно, но причина поспѣшности все таже: охота заняться дѣломъ и не терять попусту времени.

Вставъ рано поутру, я вышелъ на галлерею третьяго этажа и увидѣлъ, что мы плывемъ среди пролива. Земля была видна съ обѣихъ сторонъ: это Лонгъ-Эйландъ-Зундъ, раздѣляющій твердую землю отъ острова Лонгъ-Эйланда (*Long-Island*), и первыя зданія, принадлежащія Нью-Йорку и поражающія странника, назначены для благотворительной или исправительной цѣли: это больницы, домъ умалишенныхъ, рабочій и тюремный дома, которыми занятъ Блаквель-Эйландъ (*Blackwells-Island*) на всемъ своемъ протяженіи. Наконецъ, мы въ восточной рѣкѣ (*East River*), обмывающей съ востока островъ Манхаттанъ, на которомъ расположенъ Нью-Йоркъ, тогда какъ рѣка Худсонъ или сѣверная рѣка находится съ сѣверо-западной

стороны острова. Стекаясь вмѣстѣ и впадая въ Антлантическій океанъ, обѣ эти рѣки образуютъ заливъ и портъ, которому подобнаго по его неизмѣримой обширности, по глубинѣ, выгодному положенію въ отношеніи къ Европѣ и производительнымъ провинціямъ Америки нельзя указать во всемъ союзѣ Соединенныхъ Штатовъ. Проѣхавъ мимо цвѣтущихъ мѣстечекъ, раскинувшихся на длинномъ островѣ или Лонгъ-Эйландѣ, мимо Гринъ-Пойнта, Уилліамсбурга и наконецъ Бруклина, встрѣчая на всякомъ шагу параходы, перевозящіе людей и грузъ чрезъ широкую рѣку, т. н. *ferries*, съ качающимся надъ палубою коромысломъ, параходъ вошелъ въ нью-йоркій собственно заливъ. Здѣсьто открылась настоящая американская дѣятельность: во всѣхъ направленіяхъ шли параходы разнымъ размѣровъ, разныхъ странъ и народовъ, за стоящими параходами и судами не видно набережной ни въ восточной рѣкѣ, ни въ Худсонѣ. На деревянномъ помостѣ, въ которомъ сдѣланы пристани для кораблей различныхъ компаній, толпится разнаго рода людъ, черный и бѣлый, богатый и бѣдный, прилично одѣтый и полунагой. Если набережная не красива, необдѣлана камнемъ, она чрезвычайно удобна, параходъ, какъ бы глубоко ни сидѣлъ, подходитъ къ самой землѣ, тутъ же выгружается и вообще дѣло дѣлается скоро и удобно. Впрочемъ, съ быстрымъ и постояннымъ приращеніемъ кораблей, входящихъ въ нью-йоркій портъ, скоро не будетъ въ немъ мѣста, образуются новыя пристани и придется со временемъ искать прибѣжища на противоположныхъ берегахъ Худсона въ Джерсей-Сити (*Jersey-City*) и со стороны Истъ-Ривера, въ Бруклинѣ, что отчасти дѣлается уже и теперь. Впрочемъ, вотъ цифры, свидѣтельствующія о томъ, какъ ростетъ число кораблей съ 1842 даже года, слѣдовательно за 15 лѣтъ до настоящаго: тогда

въ приходѣ было 1960 кораблей, черезъ 10 лѣтъ, то есть, въ 1852 г. цифра эта возросла до 3,822, въ слѣдующемъ 4,105, въ 1854—4,173, и наконецъ въ 1857—3,908. Всего больше было собственныхъ американскихъ—2,802, англійскихъ 745, и русскихъ только три барки. Голландцы, первые поселенцы въ этихъ мѣстахъ, не могли избрать болѣе удобнаго для торговли города.

II.

Да, это большой городъ, думалъ я про себя, подъѣзжая къ пристани на Худсонѣ, отыскалъ свои чеки въ карманѣ, отдалъ ихъ джентельмену, смотрящему за багажемъ, сказалъ ему, что остановлюсь въ *St. Nicholas Hotel*, сѣлъ въ карету той же гостинницы и выѣхалъ на Бродвей (*Broadway*, собственно широкая улица). Меня не столько занимали дома, громадные, правда, сверху до низу въ вывѣскахъ, стѣны въ афишахъ, объявленіяхъ: это видишь и въ другихъ большихъ городахъ Европы и не знаешь, кто отъ кого заимствовалъ идею привлекать покупателей и посѣтителей громадностью вывѣсокъ и блескомъ объявленій. Меня больше занимала походка людей, бѣжавшихъ куда-то, зачѣмъ-то съ озабоченнымъ видомъ, ни одного фланера, который бы вышелъ на улицу, чтобы подышать чистымъ воздухомъ, полюбоваться яснымъ небомъ, помечтать, а, можетъ быть, и мечтаютъ здѣсь на рысяхъ. Бродвей обѣщалъ большую работу для наблюдателя, но прежде всего надобно было поселиться въ гостинницѣ. Я избралъ самую американскую, наиболѣе устроенную на американскій манеръ и предпочитаемую самими американцами другимъ гостинницамъ Нью-Йорка. Она была еще

больше и богаче бостонской, но въ сущности устройство тоже и за все содержаніе платилось не болѣе $2^1/_2$ долларовъ. Обширныя гостинныя, залы, столовыя, широкіе коридоры — во всѣхъ этажахъ; и увлекаясь роскошью жизни въ отеляхъ и дешевизною, относительною по крайней мѣрѣ въ сравненіи съ тѣмъ, что подобный образъ жизни обходился бы у себя дома, цѣлыя семейства проводятъ въ нихъ мѣсяцы и годы. Оттого, разумѣется, терпитъ семейная, домашняя жизнь, но снимая съ женщины, любящей наряды и внѣшній блескъ, заботы о хозяйствѣ, гостинница въ тоже время открываетъ для мужа возможность быть ближе къ центру дѣятельности. Торговля или страсть наживать деньги поглощаетъ всякую другую страсть, и американецъ принадлежитъ семейству и дому очень мало. Онъ какъ будто удовольствовался тѣмъ, что проповѣдуетъ общее уваженіе къ лэди и на этомъ успокоивается, онъ рядитъ жену въ шелкъ и виссонъ, покупаетъ ей брилліанты, но не просите сердца, въ которомъ крѣпко засѣлъ золотой кумиръ. Исключенія не только бываютъ, но они часты, именно потому, что въ народъ, который мы привыкли называть американскимъ, влилась большая часть, если не всѣ, европейскія народности. И въ гостинницахъ для дамъ особый столъ, особые парлоры, особые подъѣзды: и я предоставляю самимъ дамамъ рѣшить, весело ли имъ въ такомъ изолированномъ состояніи и не оскорбительно ли для нихъ уваженіе, которое питается не къ личнымъ качествамъ женщины, ея добродѣтелямъ, красотѣ, а къ полу вообще безъ различія. Я самъ бывалъ свидѣтелемъ, какъ мужчина выходилъ изъ публичнаго омнибуса, чтобы дать мѣсто служащей у него горничной, только потому, что она женщина. И это вовсе не единственный примѣръ.

Подобныхъ С. Никольсъ отелю и по обширности помѣщеніи и по роскоши убранства нѣсколько, всѣ они сосредоточены на Бродвеѣ и съ виду представляются мраморными дворцами. Каждый имѣетъ своихъ обычныхъ посѣтителей, которые идутъ сюда сами и зовутъ своихъ знакомыхъ. Бровдей любимая улица промышленнаго и торговаго классовъ народонаселенія, другіе предпочитаютъ пятый *(fifth)* авеню, который населенъ аристократическими по богатству фамиліями, и какъ на Бродвеѣ нѣтъ дома безъ вывѣсокъ, такъ здѣсь наоборотъ нѣтъ вывѣсокъ, и эта часть города болѣе всего напоминаетъ фешенебельные кварталы Лондона.

Но пора разстаться съ гостинницею. Пойдемте вмѣстѣ съ другими по солнечной сторонѣ Бродвея къ парку, одному изъ центровъ городской дѣятельности. Планъ Нью-Йорка также легко изучить, какъ планъ Петербурга, и замѣчательно, что для обоихъ служили образцомъ голландскіе города и хотя отчасти строителями ихъ были голландцы. Въ правильности, которая царствуетъ въ раздѣленіи американской Эмпайръ-Сити на кварталы прямыми, широкими улицами, пересѣкающимися за небольшими исключеніями подъ прямыми углами, видна голландская аккуратность. Во времена губернатора Стюйвезанта городъ доходилъ только до теперешней *Canal-street*, гдѣ дѣйствительно существовалъ тогда каналъ. Въ 1656 году было въ Нью-Йоркѣ всего 120 домовъ и 1000 жителей. Большая часть острова Манхаттана за 50 еще лѣтъ до насъ была подъ садами, огородами, до которыхъ голландцы такіе охотники, и замѣчательно, что у улицъ, перерѣзывающихъ Бродвей до Уашингтонъ-сквера, есть разныя, историческія по большей части названія, а затѣмъ начинается счетъ улицъ отъ первой до 131, какъ будто истощилась исторія и отказалось

служить воображеніе. Онѣ перерѣзываютъ городъ съ сѣверо-запада къ юго-востоку, и пересѣкаются тринадцатью авеню подъ прямыми углами. Подходя къ мысу, которымъ островъ Манхаттанъ вдается въ море, одни авеню прерываются, другіе принимаютъ, вмѣсто чиселъ, названія. Не всѣ улицы еще населены, даже не просѣчены въ камнѣ, но уже намѣчены на планѣ и когда народонаселеніе возрастетъ милліоновъ до двухъ, все пространство между мыскомъ, гдѣ баттарея, вплоть до Гарлема, которымъ оканчивается островъ съ сѣвера, будетъ занято, а вмѣстѣ съ тѣмъ населятся ближайшія къ Нью-Йорку мѣста, составляющія какъ бы его предмѣстья, особенно Бруклинъ. Въ такомъ приращеніи населенія нѣтъ сомнѣнія, когда посмотришь на прошедшее. Въ началѣ XVIII столѣтія оффиціальная цифра населенія Нью-Йорка была до 4,500; въ 1800 году—60,489, чрезъ четверть столѣтія—166,089, въ 1850 году—515,394, а въ 1855—629,810, слѣдовательно населеніе болѣе чѣмъ удесятерилось въ полъ-столѣтія. Одинъ Бруклинъ уже имѣетъ до 200,000 жителей, и ничего нѣтъ мудренаго, что къ началу XX столѣтія Нью-Йоркъ будетъ больше Парижа и уступитъ только Лондону.

Самою населенною частью города остается древній его конецъ; здѣсь же сосредоточены и историческія воспоминанія изъ временъ войны за независимость. Извѣстно, что въ первое время по утвержденіи союзной конституціи, Нью-Йоркъ былъ резиденціею федеративнаго правительства, и на такъ называемую губернаторскую комнату (*the governors room*) въ городской ратушѣ американецъ смотритъ съ такимъ же благоговѣніемъ, какъ въ Филадельфіи на колоколъ свободы или на Монтъ-Вернонъ, послѣднее жилище Вашингтона въ Виргиніи. Ратуша (*the City Hall*), хотя новое зданіе, выстроенное въ началѣ настоящаго сто-

лѣтія вмѣсто стараго, гдѣ губернаторъ Нью-Йорка Клинтонъ принималъ перваго президента союза, сохранило въ первоначальной неприкосновенности комнату, гдѣ присутствовалъ великій гражданинъ—правитель. Въ немъ осталось кресло, на которомъ засѣдалъ Вашингтонъ, и комната, говорятъ, есть совершенная копія съ той, гдѣ онъ былъ принятъ городомъ съ почетомъ и любовью. Стѣны—въ портретахъ полководцевъ и государственныхъ людей соединенныхъ штатовъ. Теперь комната эта называется губернаторскою, потому что она назначена для пріема губернатора штата, когда онъ изъ главнаго города — Ольбани пріѣзжаетъ сюда; все же зданіе занято городскими управленіями (*offices*) разныхъ названій и разрядовъ. Вообще вся эта часть города правительственная и паркъ, разбитый подлѣ него, заключаетъ въ себѣ многія зданія городскаго вѣдомства. Самый паркъ, носившій прежде названіе общественнаго гулянія или нолей (*Common, Fields*), а теперь переименованный въ ратушный (*City Hall park*), также историческій: въ немъ сбирался народъ для выслушанія радостной вѣсти о своей независимости и тутъ совершенно на мѣстѣ памятникъ Вашингтону: онъ представленъ стоящимъ и президентъ держитъ въ рукѣ свертокъ, какъ будто передаетъ народу конституцію. Впрочемъ для Нью-Йорка одного памятника въ честь Вашингтона было мало: подлѣ *union-park* нѣсколько въ сторонѣ отъ Бродвея поставлена ему бронзовая статуя: здѣсь первый президентъ представленъ полководцемъ. Правою рукою онъ какъ бы указываетъ войску на ожидающую его славу, въ лѣвой держитъ шляпу своего времени.

Начиная съ утра до поздняго вечера, на Бродвеѣ и примыкающихъ къ нему улицахъ нѣтъ прохода отъ спѣшащихъ за дѣломъ американцевъ и отъ пышно разодѣтыхъ амери-

канокъ. Несмотря на широкіе тротуары, толкотня на нихъ такъ велика, что нельзя пройти шагу, чтобы кто нибудь не толкнулъ локтемъ или всѣмъ туловищемъ. Хочешь извиниться или ждешь извиненія, американецъ давно умчался, какъ стрѣла. Доходишь до мысли, что онъ человѣка не умѣетъ различить отъ фонарнаго столба и кончаешь тѣмъ, что подобно американцу пробиваешь себѣ путь среди препятствій и толкаешься не хуже его. Между тѣмъ на улицѣ шумъ отъ тысячи экипажей, омнибусовъ, телѣгъ, везущихъ кладь, гамъ отъ мальчишекъ, предлагающихъ газету, отъ продавцовъ игрушекъ, пробующихъ на улицѣ трескъ какой нибудь трещетки, свистъ, пискъ, изъ лавки несется сиплый крикъ аукціониста, въ руки суютъ объявленія и афиши, громадныя доски съ наклеенными на нихъ гигантскими объявленіями несутся на плечахъ женщинами и мужчинами, для того нанятыми, на нѣкоторыхъ улицахъ положены рельсы для американской конной дороги и огромныя кареты снуютъ взадъ и впередъ; и среди этого омута шагаетъ блѣдный, длинный американецъ или на набережную, въ портъ, или въ суды, или въ *Wallstreet*, въ банки, конторы торговыхъ домовъ и компаній. Въ Лондонѣ также большое стеченіе на улицахъ, но оно не такъ видно, потому что нѣсколько улицъ раздѣляютъ между собою то, что въ Нью-Йоркѣ сосредоточилось на одномъ его концѣ. Нью-Йоркъ собственно весь есть тоже, что Сити въ Лондонѣ, торговая часть города, и потому непривычный глазъ все ищетъ, не случилось ли чего нибудь особеннаго, не праздникъ ли какой, на которой спѣшатъ граждане. На улицахъ чрезъ дорогу отъ одного дома до другаго протянутъ американскій флагъ, расписанный во всю длину красными и бѣлыми полосами, или по голубому полю усѣянный звѣздами, а тамъ съ музыкою въ парадныхъ мундирахъ идетъ, маршируя въ

тактъ, отрядъ милиціи, или движется какая нибудь процессія. Кто же смотритъ за порядкомъ? Какъ все это молча разъѣзжается и расходится? Пересчитать, сколько въ одинъ часъ проѣдетъ по извѣстному мѣсту Бродвея экипажей и сколько пройдетъ народу рѣшительно нѣтъ возможности, повидимому одинъ не обращаетъ вниманія на интересы другого, кое-гдѣ видны полисмены, одѣтые съ прошлаго года на манеръ англійской полиціи, но главное ихъ занятіе состоитъ днемъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ, чтобы переводить лэди съ одного тротуара на другой чрезъ улицу, охраняя избалованную американку отъ толчковъ и ушибовъ. Впрочемъ, самъ американецъ, храня порядокъ, какъ будто наблюдаетъ, чтобы его не нарушалъ и ближній, такъ что полиціи для сохраненія тишины и спокойствія въ Америкѣ нѣтъ.

Дома Бродвея поражаютъ своею вышиною, и изумительна быстрота, съ которою они воздвигаются. Новѣйшія строенія однообразны и походятъ одно на другое, въ ущербъ архитектурѣ и искусству. Внѣшнею роскошью американецъ заниматься не хочетъ, и онъ выдумалъ средство строить дома и быстро и относительно дешево. Замѣчательно, что когда нижняго этажа еще нѣтъ, верхніе уже готовы. Все зданіе покоится на чугунныхъ столбахъ; полы, потолки чугунные, основы изъ того же металла и когда въ верхнемъ этажѣ уже живутъ и работаютъ, нижній представляетъ рядъ колоннъ, на которыя опирается домъ. Теперь хлопочатъ о томъ, чтобы строить какъ можно болѣе несгараемыхъ домовъ, то есть употребляя дерево только для оконныхъ рамъ и для дверей. Архитектура публичныхъ зданій, на которыя никакой гражданинъ Америки не пожалѣетъ послѣдняго доллара, отличается подражаніемъ греческимъ стилямъ, и не одинъ храмъ, подобный греческому парте-

нону, вмѣщаетъ въ себѣ какой нибудь банкъ, страховую контору, школу, библіотеку и т. п. Ими по справедливости гордится житель Нью-Йорка и есть чѣмъ: все это создано и содержится на общественныя деньги.

Вечеромъ Бровдей представляетъ другую картину: тогда онъ залитъ газомъ изъ уличныхъ фонарей и изъ рядовъ великолѣпныхъ магазиновъ, кондитерскихъ и мѣстъ для забавъ и увеселеній, тогда думаешь, что и американецъ умѣетъ веселиться. Широкій тротуаръ опять усѣянъ народомъ, среди котораго чаще пестрѣютъ лэди въ богатыхъ нарядахъ, пары сворачиваютъ съ большой дороги то въ театръ, то въ богато освѣщенную кондитерскую, у разныхъ мѣстъ увеселеній развѣваются флаги, играетъ музыка, вездѣ громкія афиши на саженныхъ листахъ, страшныя вывѣски съ изображеніями звѣрей и небывалыхъ диковинъ. Войдите въ любой театръ (а ихъ на Бродвеѣ около десяти), всѣ полны народу и всякій наслаждается по своему. Никто лучше американца не распишетъ въ объявленіи красно и сладко вещей самыхъ обыкновенныхъ; онъ помѣститъ въ похвалу ихъ стихи и прозу, призоветъ на помощь исторію, если только она можетъ принести ему долларъ, не пожалѣетъ денегъ для распространенія свѣдѣній, что на землѣ есть единственная достойная вниманія вещь, что она въ его распоряженія и предлагается за 10 или 25 сентовъ. Ну, какъ не соблазниться, особенно когда съ угольнаго балкона гремитъ янки-дудли, когда объявлено, что не долго останется для нью-йоркцевъ благо смотрѣть диковинки у Барнума, гдѣ нибудь въ ниблосъ-салунѣ или въ театрѣ. Американецъ видитъ въ объявленіи, дающемъ ему большое число посѣтителей, предпріятіе, которое удалось и принесло барышъ, благодаря его расторопности и дѣятельности. Отзывы газетъ, иногда далекіе намеки, какъ будто чьи нибудь бла-

годаренія за доставленное удовольствіе и самыя разнообразныя уловки помогаютъ ему, и, можетъ быть, придумывая какую нибудь новую приманку на завтра, американецъ, молча и усмѣхаясь, загребаетъ доллары, которые ему несутъ легковѣрные соотечественники. Процессіи милиціи и особенно пожарныхъ командъ съ ихъ инструментами, музыкою, флагами, фейерверками также не рѣдки по вечерамъ.

Поздно ночью пустѣетъ Бродвей, а на завтра опять таже суетливая толкотня, таже бѣготня за золотымъ кумиромъ, и какъ нѣтъ предѣла страстямъ человѣка, такъ нѣтъ и границъ для дѣятельности, имѣющей въ виду обезпеченіе, если не обогащеніе себя. Далеко не всѣ достигаютъ такого всѣми желаемаго состоянія, и здѣсь, какъ вездѣ, много бѣдныхъ, но нигдѣ такъ не стремятся къ осуществленію этого идеала и нигдѣ чаще не достигаютъ его. Нѣтъ слуги, который бы не надѣялся современемъ сдѣлаться самостоятельнымъ фермеромъ съ почтеннымъ правомъ выбирать и быть выбираемымъ въ своемъ графствѣ, нѣтъ бѣдняка, который бы не имѣлъ въ перспективѣ участка земли, въ своемъ собственномъ владѣніи. Эта-то возможность безпрепятственно, внѣ всякихъ стѣсненій, пріобрѣсть самостоятельность посредствомъ независимаго существованія, открытое для каждаго, вступившаго на американскую почву, широкое поле производительной дѣятельности, нѣсколько прикрашенные воображеніемъ и газетами разсказы о томъ, какъ по ту сторону Атлантическаго океана люди легко богатѣютъ, все это влечетъ сюда переселенцевъ и притомъ не только изъ бѣдной и обиженной Ирландіи, но изъ богатыхъ прирейнскихъ провинцій, гдѣ народонаселеніе слишкомъ густо, гдѣ исторія возвысила одинъ классъ на счетъ дру-

гаго и гдѣ бѣдный отчаявается когда нибудь пріобрѣсть независимость.

Статистика переселенія изъ Европы въ Соединенные Штаты представляетъ единственныя въ своемъ родѣ и чрезвычайно интересныя данныя. Чего не дѣлаетъ и не дѣлала въ новѣйшее время Франція, чтобы заселить свои колоніи въ Алжирѣ? она даетъ вспомоществованія, перевозитъ даромъ, обезпечиваетъ на первый разъ переселенца, но колонизація уменьшается по мѣрѣ того, какъ о ней хлопочетъ правительство, и отчего французъ, привязанный къ своей родинѣ, считающій ее выше всѣхъ другихъ земель, рѣшается разстаться съ своей *belle France* и вмѣсто того, чтобы въ теченіе одного дня пріѣхать въ Алжиръ, говорить на своемъ языкѣ, не измѣнять своимъ привычкамъ, жить подъ покровительствомъ прежнихъ законовъ и учрежденій, почему этотъ же французъ копитъ нѣсколько лѣтъ деньги, чтобы быть въ состояніи взять мѣсто на параходѣ, рискуетъ переѣхать чрезъ океанъ, страдаетъ, переноситъ тысячу лишеній разнаго рода и наконецъ пріѣзжаетъ въ невѣдомый край, гдѣ каждый живетъ и дѣйствуетъ для себя, гдѣ языкъ, установленія чужія? Отчего такое предпочтеніе? Не обманъ ли это? Не мода ли? Предметъ такъ серьезенъ, что подобныхъ побудительныхъ причинъ допустить нельзя, а между тѣмъ цифры говорятъ ясно и краснорѣчиво и доводъ этотъ неумолимъ.

Замѣтимъ, что въ концѣ прошлаго столѣтія эмиграція изъ Европы въ Сѣверо-Американскіе Штаты простиралась до 10,000 человѣкъ въ годъ. Затѣмъ войны Наполеона съ Англіею и Англіи съ Америкою имѣли слѣдствіемъ, что переселеніе уменьшилось и вовсе прекратилось, и только съ 1815 г. усилился наплывъ на новый континентъ, и съ перваго же года былъ не менѣе 22,240 человѣкъ, и за-

тѣмъ число это возрастало въ страшныхъ размѣрахъ. Согласно оффиціальнымъ источникамъ оказывается, что съ 30 сентября 1819 г. (когда въ таможняхъ стали вести списки переселенцамъ) до 31 декабря 1855 г. всего прибыло иностранцевъ во всѣ порты союза 4,212,621 человѣкъ; изъ нихъ большая половина, то есть 2,343,441 изъ соединеннаго королевства Великобританіи и Ирландіи, и изъ одной Ирландіи 1,747,930. Страшная цифра! Затѣмъ слѣдуетъ по числу переселенцевъ Германія, уступившая Америкѣ 1,242,082 своихъ сыновъ, Франція — 188,725. Россія показана также вкладчицею въ 938 человѣкъ. Изъ всѣхъ портовъ союза, Нью-Йоркъ всего болѣе принималъ переселенцевъ, и бывали года, что число ихъ превосходило триста тысячь. Послѣдняя восточная война нѣсколько убавила пріѣздъ переселенцевъ въ Нью-Йоркъ, и въ 1857 году ихъ показано 185,847 человѣкъ; изъ нихъ нѣмцевъ было 78,800, ирландцевъ — 62,098, англичанъ — 39,502, шотландцевъ — 5063, французовъ — 2967, и въ числѣ наименѣе значительныхъ было русскихъ 42 человѣка.

На мыску, гдѣ баттарея, есть садикъ, *castle garden*; онъ назначенъ исключительно для переселенцевъ въ первыя минуты послѣ прибытія ихъ въ штаты. Здѣсь *emigrant-depot*, гдѣ за каждаго вновь пріѣхавшаго платится по два доллара, и въ день прибытія корабля съ переселенцами надобно видѣть эти жалкія, исхудалыя, усталыя лица отцевъ семейства, матерей съ грудными дѣтьми, ребятъ, изнуренныхъ длиннымъ, дешевымъ правда, но въ тоже время неудобнымъ переѣздомъ черезъ море. Разная рухлядь везется въ новый край, гдѣ можетъ пригодиться, и еслибы не надежда найти здѣсь вѣрный пріютъ, занятіе, довольство, кто далъ бы средства перенесть всѣ эти лише-

нія, кто бы заставилъ покинуть родной край! Маленькій капиталецъ, собранный съ большими пожертвованіями, чрезъ продажу какой–нибудь землицы или движимости, везется сюда же и на немъ строятся горячими головами воздушные замки. Но мечты распадаются при первомъ шагѣ на американскую почву не потому, чтобы она была негостепріимна, а потому, что наука нажить деньги вездѣ дается трудно, и европеецъ, привозящій изъ Германіи, да и отвсюду (кромѣ развѣ Англіи) добродушіе, надежду на трудъ и только на трудъ, попадаетъ въ руки американца, который смотритъ, нельзя–ли сдѣлать аферу изъ человѣка, и онъ ее дѣлаетъ, потому что хочетъ на практикѣ доказать справедливость начала, что привезенныя изъ Европы деньги не даютъ счастія и богатства въ Америкѣ, что, слѣдовательно, ихъ должно издержать, познать всю мудрость американцевъ и затѣмъ начать сызнова трудиться и работать, пока не пріобрѣтешь довольно, чтобы начать иную жизнь. Если какой–нибудь соотечественникъ пріѣхалъ сюда прежде и можетъ послужить своему земляку опытомъ, нѣтъ ничего легче, какъ, поплатившись нѣсколькими долларами за привлекательныя для новичка вывѣски и объявленія, спѣшить съ какимъ–нибудь поѣздомъ для переселенцевъ въ любой конецъ Соединенныхъ–Штатовъ. Сперва онъ поступитъ къ фермеру въ работу, будетъ дѣлать сбереженія изъ большаго жалованья, получаемаго работниками, (обыкновенно по доллару въ день) и затѣмъ скопивъ столько, чтобы купить нѣсколько акровъ земли, воздѣлаетъ часть ея, огородитъ, построитъ домикъ и, если представится возможность, перепродастъ ее съ барышемъ, купитъ лучшій и большій участокъ или отправится на далекій западъ, еще нетронутый, съ его баснословными сокровищами. Затѣмъ онъ займетъ участокъ гдѣ–нибудь на судоходной рѣкѣ, или близь города,

желѣзной дороги, пригласитъ другихъ, построитъ общими силами домики, заборы, срубитъ часть лѣса, засѣетъ дѣвственную почву, гдѣ она поудобнѣе, заложитъ городокъ, расхвалитъ его мѣстоположеніе, выгоды для поселенцевъ и затѣмъ будетъ ждать, пока правительство Соединенныхъ Штатовъ вздумаетъ продавать эти участки съ публичнаго торга, начиная съ доллара съ четвертью за акръ и допуская къ торгамъ на однихъ съ другими основаніяхъ и тѣхъ, кто уже владѣетъ участками. Тогда только, то есть пользовавшись уже нѣсколько лѣтъ землею, владѣлецъ ея начинаетъ платить за нее подати и участвовать въ тягостяхъ, которыхъ онъ прежде не зналъ. Но и здѣсь не остановится истый искатель независимости и богатства, онъ пойдетъ съ неустрашимостью въ еще болѣе выгодное мѣсто, сулящее современемъ сокровища, и тамъ, гдѣ европеецъ съ своими свѣдѣніями, пріобрѣтенными въ Старомъ Свѣтѣ, при совсѣмъ другихъ условіяхъ не предвидѣлъ-бы ровно ничего, обамериканившійся его собратъ найдетъ кладъ, опять неутомимо возьмется за новое хозяйство, пока богатымъ человѣкомъ не доберется до своей мечты, до большаго торговаго города, сядетъ въ кресла сената или законодательнаго собранія штата, прибавитъ къ фамиліи *Esq.* (*Esquire*, какъ титулъ независимости) или займетъ почетное мѣсто въ торговлѣ, станетъ во главѣ компаніи желѣзной дороги, банка или инаго предпріятія.

А что сталось съ товарищами счастливца? Они остановились въ городѣ, привыкли къ увеселеніямъ городской жизни, его блеску, работаютъ, пока есть работа, перебиваются и никакъ немогутъ достигнуть блаженства, которое досталось въ удѣлъ другимъ. Если нѣмецкихъ переселенцевъ можно упрекнуть въ недостаткѣ практическаго смысла, хотя общій о нихъ отзывъ, какъ о примѣрныхъ по приле

жанію работникахъ, давалъ бы имъ право на лучшій удѣлъ, ирландцы отличаются лѣностью или, лучше, безпечностью насчетъ завтрашняго дня, работаютъ болѣе, чѣмъ прилежно, цѣлые дни, пока на радости не промѣняютъ нажитаго долларa на джинъ и уиски. Между тѣмъ, дѣти безъ образованія или промышляютъ обшариваніемъ чужихъ кармановъ, или стоятъ со щотками и, босоногіе, чистятъ чужіе сапоги, дочери предаются разврату, гдѣ-нибудь въ услуженіи, и таже бѣдность, отъ которой оборванный ирландецъ бѣжалъ за море, неотвязчиво слѣдила за нимъ и не хочетъ оставить его въ Новомъ Свѣтѣ. Если у нѣмца нѣтъ смѣлости броситься въ предпріятіе, которое можетъ его разорить или обогатить, если онъ довольствуется тѣмъ, что въ кругу своихъ за чашею пива разсказываетъ про удачи какого нибудь Ганса изъ одной съ нимъ деревни, у ирландца нѣтъ терпѣнія, нѣтъ усидчивости, нѣтъ изумительнаго постоянства американцевъ идти къ цѣли, пока не дойдешь до нея. Когда есть работа и нѣмецъ, и ирландецъ съ хлѣбомъ. Малѣйшій ударъ судьбы, остановка въ дѣлахъ, торговый или денежный кризисъ и бѣдняку дѣваться некуда.

Надобно было посмотрѣть въ 1857 году на тысячи нуждавшихся въ хлѣбѣ, когда они собирались въ Нью-Йоркѣ предъ ратушею, прося работы. Картина была достойна манufактурнаго квартала какого-нибудь стараго города въ старой Европѣ, и вина-ли Америки, что руки, въ которыхъ недостатокъ въ среднихъ и западныхъ штатахъ, скопились у исхода произведеній, а никакъ не у источника ихъ? Въ теченіе нѣсколькихъ дней повторялись массъ-митинги, народныя сходбища, произносились рѣчи противъ городскихъ властей, незаботящихся о нуждахъ народа, слагали вину на богатыхъ, пользовавшихся ихъ трудомъ и отказывающихъ имъ въ помощи, когда насталъ часъ нужды; число

бѣдныхъ и просящихъ милостыни возрастало, преступленія становились чаще, улицы по ночамъ были не совсѣмъ безопасны и дѣло кончилось тѣмъ, что городской совѣтъ назначилъ 250,000 долларовъ на разведеніе такъ–называемаго центральнаго парка, въ которомъ можно было дать работу тысячѣ человѣкъ. Одна сторона, то есть американскіе купцы бѣднѣли или по крайней мѣрѣ говорили, что разорились отъ избытка предпріятій смѣлыхъ и необезпеченныхъ наличнымъ капиталомъ, другая — работники страдали отъ страха, который наводятъ голодъ и нищета. Дѣло могло бы кончиться грабежемъ городской казны, отъ митинговъ голодные работники могли перейти къ безпорядкамъ и смутамъ, но къ счастью чрезъ два мѣсяца послѣ начала банкрутствъ дѣла поправились и бѣдные опять взялись за работу, оставивъ на память несчастія трогательную пьесу, *The poors of New–York*, на одномъ изъ театровъ Бродвея.

Хорошо–ли поступили въ этомъ случаѣ городскія власти, давъ временную помощь и не позаботившись объ открытіи бѣднымъ путей на постоянныя сельскія работы въ штатахъ, гдѣ была нужда въ работникахъ, это другой вопросъ; но грустно, что сельское населеніе уменьшается, пространство невоздѣланныхъ земель ростетъ, тогда какъ городское населеніе чрезъ мѣру увеличивается, и Америка можетъ современемъ дойти до тѣхъ же отношеній, какъ мануфактурные и торговые города Англіи, то есть до крайней бѣдности однихъ рядомъ съ чрезмѣрнымъ богатствомъ другихъ. На это мало обращаютъ вниманія въ Америкѣ, а между тѣмъ если взять таблицы народосчисленія съ 1820 года и сравнить ихъ съ тѣмъ, что оказалось по ревизіямъ 1840 и 1850 годовъ, становится яснымъ, что тогда какъ въ первый изъ означенныхъ годовъ шестая часть всего населенія была предана сельскимъ занятіямъ, въ 1850 году она уменьши-

лась до девятой; а именно изъ 9,638,191 человѣкъ въ 1820 году, сельскаго населенія было 1,453,172, въ 1840 году изъ 17,069,453 обработыванію полей посвящало себя 2,569,353, а въ 1850 году изъ 23,263,488 только 2,400,583. Еще убѣдительнѣе количество земель, пріобрѣтенныхъ частными людьми отъ союзнаго правительства сравнительно съ тою частью ихъ, которая остается невоздѣланною. Извѣстно, что правительству Союза принадлежатъ права на земли, пріобрѣтенныя отъ индѣйцевъ въ разныхъ концахъ Сѣверной Америки, и что изъ 1,450,000,000 акровъ, составляющихъ общественную собственность, уступлено частнымъ лицамъ 303,078,970 акровъ, но изъ нихъ воздѣлано только 118,457,622 акра, а въ запустѣніи и небреженіи остается 184,621,348, то есть около $^5/_8$ всего пространства. Городское населеніе между тѣмъ ростетъ значительно и Нью-Йоркъ служитъ тому доказательствомъ. Въ теченіе пятидесяти лѣтъ число его жителей болѣе чѣмъ удесятерилось.

III.

Не опасно-ли такое населеніе для благосостоянія города? отъ экономическихъ вопросовъ легокъ и необходимъ переходъ къ вопросамъ политическимъ, особенно въ Америкѣ, гдѣ все правленіе въ рукахъ частныхъ лицъ—гражданъ, и каждый штатъ, каждый городъ управляется самъ-собой по выбору самими гражданами изъ среды своей лицъ, которымъ ввѣряются правительственная, судебная и законодательная власти. Не служитъ-ли благосостояніе гражданъ съ одной стороны ручательствомъ, что выборы будутъ

производиться добросовѣстно и безъ подкупа, а съ другой, что выбранные будутъ исполнять возложенныя на нихъ согражданами обязанности съ неумытною честностью? Другими словами бѣдность городскаго населенія, находящагося въ зависимости отъ класса богатаго, не можетъ–ли повести къ ошибкамъ въ администраціи, какъ бы она въ началахъ своихъ ни была строга и какими бы святыми побужденіями ни руководствовался тотъ, кто писалъ конституцію? я бывалъ неоднократно на выборахъ въ разныхъ штатахъ Америки, но нигдѣ они не представляютъ такого зрѣлища, какъ въ Нью–Йоркѣ; во–первыхъ мѣста въ Эмпайръ–Сити особенно почетны, выгодны и желающихъ занять ихъ гораздо болѣе, чѣмъ въ другомъ какомъ–нибудь городѣ Союза, и во–вторыхъ, право на выборы чрезвычайно широко по конституціи штата Нью–Йорка. Торговля, множество вѣдомствъ управленія, неразлучныхъ съ большимъ городомъ, жажда нажить состояніе или поправить прожитое, множество компаній влекутъ въ Нью–Йоркъ большинство; жаждущимъ мѣстъ лестно заслужить расположеніе народа, говорить на митингахъ рѣчи, защищать интересы бѣдныхъ работниковъ, чернить, сколько возможно, другую партію и вообще проповѣдывать свои идеи, когда близятся выборы и, главное, стараться, чтобы проповѣдника не сочли за человѣка, добивающагося вліянія или, какъ говоритъ американецъ, за *politician*. Посвятившихъ себя государственнымъ дѣламъ людей американецъ не любитъ и человѣку образованному, съ хорошимъ направленіемъ, народъ не довѣряетъ, какъ скоро онъ прослыветъ политишеномъ. Въ рѣчахъ самого жаждущаго мѣста и его клевретовъ, набирающихъ голоса (*canvasser*), въ объявленіяхъ, прибитыхъ въ разныхъ мѣстахъ города, надобно умѣть выставить, что избираемый есть *man of the people*, человѣкъ изъ народа, и въ день

выборовъ надобно прійдти къ ящику для баллотировки (*polls*), чтобы увидѣть, какими страстями волнуются избиратели и желающіе выбора того или другаго лица. По удостовѣреніи, что лицо имѣетъ право избирать и принадлежитъ къ той части города, гдѣ онъ является для этой обязанности, избиратель бросаетъ въ ящикъ имя лица, кого хочетъ на ту или другую должность, условившись напередъ съ товарищами по занятію, сосѣдями и т. д. Убѣжденіе словомъ, уиски, деньгами, иногда сопровождается угрозами и кончается даже револьверомъ, если всѣ прежнія средства недѣйствительны. Недавніе выборы въ Канасѣ показали, какое они могутъ имѣть значеніе, если число избирателей не ограничено извѣстными условіями. Газеты и въ этомъ случаѣ играютъ важную роль: конечно, не каждый избираемый имѣетъ свой органъ, но партія, къ которой онъ принадлежитъ, употребляетъ всѣ ухищренія, всѣ обольщенія для того, чтобы ея *protegé* занялъ искомое мѣсто, иногда прибѣгаютъ къ такой же лжи, какъ въ частныхъ объявленіяхъ и выгодный для города или невыгодный выборъ зависитъ отъ нравственнаго направленія вожатыхъ въ этомъ дѣлѣ—*leading men*, по голосу которыхъ незамѣтно и невидимо творится многое, что имѣетъ существенное на все управленіе вліяніе.

По свободѣ выборовъ нью-йоркская конституція принадлежитъ къ числу самыхъ либеральныхъ въ Америкѣ. Всякій мужчина, постановлено въ ней, двадцати одного году отъ роду, кто былъ гражданиномъ въ теченіе десяти дней, жителемъ штата годъ, предшествующій избранію, и четыре мѣсяца пребывалъ въ графствѣ, гдѣ даетъ свой голосъ, можетъ быть избирателемъ; но, чтобы знать того, кого избираютъ, такой гражданинъ долженъ въ теченіе тридцати дней до избранія жить въ томъ округѣ, изъ котораго изби-

рается должностное лицо. Цвѣтные, то есть негры и мулаты, также не лишаются права избирать, но только тогда, когда послѣдніе три года до избранія были гражданами штата, имѣли недвижимую собственность цѣною не менѣе 250 долларовъ, за исключеніемъ долговъ и всякихъ другихъ обремененій и наконецъ платятъ съ нея подать (*taxe*). Лица, обвиненныя въ уголовномъ преступленіи, лишаются права избирать. Изъятія слѣдовательно не часты, а должностей, которыя замѣщаются по народнымъ выборамъ, очень много.

Законодательное собраніе, сенатъ и губернаторъ цѣлаго штата Нью-Йорка, засѣдающіе въ главномъ правительственномъ городѣ штата, въ Ольбани (*Albany*), имѣютъ законодательную и исполнительную власть по дѣламъ, касающимся цѣлаго штата; но для завѣдыванія своими дѣлами, для соображенія законовъ и мѣръ, необходимыхъ для пользъ города, Нью-Йоркъ, какъ отдѣльный городъ, *City*, какъ корпорація, имѣетъ свои городскія власти, которыя въ сущности организованы такъ же, какъ власти цѣлаго Союза и штата *.

Законодательная власть сосредоточена въ старшинахъ и совѣтникахъ (*Board of Aldermen* и *board of councilmen*), которые вмѣстѣ составляютъ общій городскій совѣтъ (*common council of the city of New-York*); но каждое изъ этихъ собраній совѣщается отдѣльно одно отъ другаго, имѣетъ своего президента, совершенно самостоятельно и ведетъ протоколы своихъ засѣданій. Двери въ собраніи всегда открыты и кромѣ того, немедленно по окончаніи совѣщаній они обнародываются въ газетахъ. Всякое законодательное распоряженіе, прошедшее чрезъ оба городскія собранія, представляется на одобреніе бургомистру города (*the mayor of the city*), и если онъ съ нимъ согласится, онъ его под-

* *New-York City charter, passed april 14. 1857.*

писываетъ, а если не одобритъ, онъ возвращаетъ его въ то собраніе, гдѣ разсужденіе было предложено, въ теченіе десяти дней вмѣстѣ съ своими возраженіями. Собраніе входитъ въ новое обсужденіе дѣла, и если въ пользу измѣненія закона по замѣчаніямъ мера, будетъ двѣ трети голосовъ; оно отсылаетъ его въ другое собраніе, гдѣ тѣмъ же порядкомъ проходитъ предложеніе мера, если съ нимъ согласится такое же число голосовъ. Въ такомъ случаѣ оно обращается въ законъ для корпораціи и имѣетъ для членовъ его обязательную силу. Еслибы меръ не возвратилъ протокола собранію въ теченіи десяти дней, со времени представленія; положеніе его считается какъ будто состоявшимся, но во всякомъ случаѣ оно должно быть одинаковымъ образомъ утверждено обоими собраніями, то есть городскихъ старѣйшинъ и совѣтниковъ. Меръ не можетъ быть членомъ городскаго совѣта: онъ стоитъ во главѣ исполнительной власти и въ январѣ каждаго года даетъ совѣту отчетъ о состояніи города и о тѣхъ преобразованіяхъ и усовершенствованіяхъ, которыя сочтетъ необходимыми.

По обширности вѣдомства, исполнительная власть распадается на разныя вѣтви, находящіяся подъ управленіемъ отдѣльныхъ лицъ или совѣщательныхъ присутственныхъ мѣстъ. Грамота, дарованная Нью-Йорку, начинаетъ съ управленія городскими финансами (*finance department*), обязаннаго слѣдить за городскими приходами и расходами, повѣрять счеты разныхъ вѣтвей городскаго управленія, и начальникъ этого департамента носитъ титулъ «контролера города Нью-Йорка» (*comptroller of the city of New-York*). Подъ его вѣдомствомъ состоятъ должностныя лица для разныхъ частей финансоваго управленія: 1, сборщикъ доходовъ (*collector of the city revenue*) со всякихъ имуществъ, принадлежащихъ городу; 2, сборщикъ податей съ

доходовъ (*receiver of taxes*), 3, чиновникъ для пополненія недоимокъ (*clerc of arrears*), 4, казначей (*chamberlain of the city of New-York*) для пріема вносимыхъ въ городскую казну денегъ и для уплаты по счетамъ, исходящимъ отъ контролера и скрѣпленнымъ меромъ и секретаремъ городскаго совѣта. На обязанности городскаго казначея кромѣ того остается наблюденіе, чтобы на извѣстную часть хозяйства не издерживалось болѣе, чѣмъ сколько на нее назначено и забота о веденіи книгъ прихода и расхода; и 5, чиновникъ для разбора денежныхъ притязаній города къ частнымъ лицамъ или этихъ послѣднихъ къ городу (*auditor of accounts.*)

Для завѣдыванія городскимъ благоустройствомъ учреждены: 1, департаментъ для наблюденія за улицами (*street department*), заботящійся объ открытіи новыхъ улицъ, устройствѣ прежнихъ, выравниваніи, освѣщеніи площадей, пристаней, публичныхъ зданій. Въ главѣ этого управленія стоитъ коммиссаръ (*street commissioner*), и ему подчинены чиновники: завѣдывающій поправками (*superintendent of repairs and supplies*), освѣщеніемъ города (*superintendent of lamps and gas*), инженеръ, завѣдывающій пожарными инструментами (*chief engineer of the fire department*) и т. д. 2, вѣдомство кротонскаго водопровода (*croton aqueduct board*) для снабженія Нью-Йорка водою, проведенія трубъ, починки ихъ и сбора за то денегъ; 3, департаментъ для завѣдыванія богоугодными заведеніями, домами для призрѣнія бѣдныхъ и тюрьмами города (*Almhouse department*); 4, городское учебное вѣдомство (*board of education*); 5, для совѣщанія о спорныхъ дѣлахъ, въ которыхъ замѣшаны выгоды города, есть особый департаментъ (*law department*) подъ вѣдѣніемъ городскаго адвоката (*counsel of the corporation*), а для веденія самихъ дѣлъ есть свой

стряпчій (*corporation attorney*); 6, наблюденіе за общественнымъ здоровьемъ ввѣрено инспектору города (*city inspectors department*), съ которымъ соединено веденіе списковъ и статистическихъ свѣдѣній (*bureau of records and statistics*), надзоръ за рынками, устройствомъ ихъ (*superintendent of markets*), за вѣсами и мѣрами. Впрочемъ общій совѣтъ (*common council*) нисколько не стѣсненъ въ учрежденіи новыхъ присутственныхъ мѣстъ, если въ нихъ представится необходимость, съ тѣмъ, чтобы издержка на нихъ была дѣлаема изъ назначеннаго для того источника, но никакой членъ общественнаго совѣта, начальникъ отдѣльнаго вѣдомства, части его, бюро, никакой клеркъ или должностный человѣкъ не можетъ прямо или косвенно принимать участіе въ договорѣ, заключаемомъ городомъ, въ какомъ-нибудь пріобрѣтеніи для города собственности или продажѣ ея, и отъ каждаго чиновника, которому ввѣряются общественныя суммы, должно быть взято достаточное обезпеченіе, что злоупотребленій имъ допускаемо не будетъ.

Въ каждомъ изъ исчисленныхъ мѣстъ управленія есть своя канцелярія, состоящая изъ клерка и его помощниковъ (*deputy clerks*), которыхъ онъ выбираетъ въ числѣ, назначенномъ исполнительною властью. Клерки же заботятся о томъ, чтобы дѣйствія и распоряженія вѣдомствъ, при которыхъ они находятся, доводились до общаго свѣдѣнія публики. Вообще городскія дѣла, ввѣренныя отдѣльнымъ управленіямъ, не составляютъ тайны для народа; кромѣ того, что двери каждаго мѣста открыты, что газеты не оставляютъ занимать своихъ читателей о предметахъ, касающихся городскаго управленія, въ извѣстные сроки представляются отчеты меру отъ подчиненныхъ ему мѣстъ, а меромъ городскому совѣту. Тѣмъ не менѣе злоупотребленія, особенно

растрата ввѣренныхъ чиновникамъ суммъ довольно часта, о нихъ всѣ говорятъ, пишутъ, но деньги пропадаютъ, чиновникъ преслѣдуется, но справедливость далеко невсегда считаетъ себя удовлетворенною.

Въ частной жизни общественное мнѣніе не строго караетъ человѣка, который, воспользовавшись оплошностью другаго, умѣлъ разжиться на его счетъ и потомъ или, раззорившись отъ смѣлыхъ предпріятій вовлекъ другаго въ бѣдность или, выдавъ себя за банкрута, выждетъ времени, чтобы снова начать свои дѣла. Американецъ никогда не отчаявается, разорившись сегодня, онъ можетъ разбогатѣть завтра, и хотя бы неслѣдовало эту теорію переносить на городское хозяйство, общія жалобы въ Америкѣ на существованіе подкуповъ, употребленіе на частныя надобности чиновниками ввѣренныхъ имъ суммъ особенно въ послѣднее время довольно обыкновенны и пугаютъ тѣхъ, которые однимъ изъ главныхъ преимуществъ народнаго правленія считаютъ силу общественнаго мнѣнія и невозможность скрыть притомъ малѣйшій проступокъ. Въ Нью-Йоркѣ такія злоупотребленія чаще, чѣмъ гдѣ нибудь, и въ комъ же вина такого грустнаго явленія? Не въ самихъ ли избирателяхъ и въ частой смѣнѣ городскихъ властей? Бѣда, если американецъ, избранный для занятія должности на годъ или на два года, предвидя, что по окончаніи срока онъ не заслужитъ благорасположенія избирателей, захочетъ обогатиться въ это время, какъ обогатился бы въ частномъ предпріятіи при счастливыхъ обстоятельствахъ. Между тѣмъ искателей мѣстъ въ Нью-Йоркѣ не менѣе, чѣмъ въ любомъ европейскомъ городѣ; это по большой части ирландцы, владѣющіе языкомъ и соглашающіеся на ограниченное жалованье: съ каждымъ новымъ меромъ является новая фаланга чинов-

никовъ, для замѣны прежнихъ, избранныхъ сошедшимъ со сцены бургомистромъ. Любовь народная мѣняется и теперь такъ же часто, какъ мѣнялась нѣкогда въ Аѳинахъ, и тотъ, кого сегодня превозносили до небесъ, кого хвалили за его привязанность къ выгодамъ народа, не можетъ быть увѣренъ, что завтра встрѣтитъ тѣже чувства. Въ прошедшемъ году во время выборовъ новаго мера вмѣсто мистера Вуда, который два года былъ кумиромъ народа, изъ среды народа же поднялись голоса, которые говорили о другомъ, и Даніилъ Тиманъ, партіи независимыхъ (*Independent*), одержалъ верхъ. Краткость служенія, не говоря о страстяхъ, играющихъ важную роль въ народныхъ выборахъ, объясняетъ явленіе, озабочивающее людей, истинно любящихъ благо и счастіе союза. Вотъ сроки служенія: городскіе совѣтники избираются на одинъ годъ, старшины и меръ — на два, контролеръ — на четыре и адвокатъ города — на три года. Прочіе представители отдѣльныхъ департаментовъ городскаго управленія избираются меромъ съ согласія собранія старшинъ, которое можетъ утвердить или наоборотъ отвергнуть выбранныхъ меромъ чиновниковъ. За противузаконные поступки меръ, городской адвокатъ и контролеръ могутъ быть увольняемы губернаторомъ штата, и до новаго замѣщенія ихъ посредствомъ народныхъ выборовъ, вакансіи занимаются по избранію мера и собранія старѣйшинъ. Прочія лица можетъ смѣнять самъ меръ, съ согласія общаго городскаго совѣта.

Американецъ вовсе не привязанъ къ одному какому нибудь занятію: сегодня земледѣлецъ, завтра онъ чиновникъ, потомъ купецъ, мореплаватель, и это не потому, чтобы онъ былъ непостояненъ, а потому, что достаточно ловокъ или, какъ говоритъ самъ народъ, *smart*, чтобы пріучиться къ

любому занятію, которое онъ избираетъ или по охотѣ, или потому, что нѣтъ другаго. Наконецъ онъ останавливается на одномъ, которое ему покажется всего прибыльнѣе. Такимъ образомъ чиновники, мѣняющіеся черезъ два года, поступая въ разрядъ частныхъ людей, избираютъ себѣ занятіе по своему вкусу; но чтобы всегда быть готовымъ къ такому переходу, по нашимъ понятіямъ рѣзкому и не легко объяснимому, американецъ считаетъ необходимымъ общее образованіе народа. О великихъ ученыхъ онъ не хлопочетъ, въ 14, 15 лѣтъ почти всякій молодой человѣкъ предоставленъ самъ себѣ, работаетъ, хлопочетъ, добываетъ деньги, сбираетъ себѣ капиталъ не для того, чтобы зарыть его въ землю, а чтобы войти въ компанію съ кѣмъ нибудь другимъ, соединить небольшія въ отдѣльности средства, и дѣйствовать совокупными силами. Кредитъ прирожденъ американцу и какъ ни часто менѣе прозорливый становится жертвою дальше видящаго собрата, онъ не перестаетъ сознавать силу и могущество не въ отдѣльной личности, а въ компаніи, и все-таки, я думаю, образованіе, разлитое по всѣмъ классамъ туземнаго народонаселенія, можетъ одно объяснить такое явленіе. Прямымъ тому доказательствомъ служатъ переселенцы и ихъ дѣти. На нихъ американецъ слагаетъ всю вину бѣдности, разврата въ Нью-Йоркѣ, всю отвѣтственность за злоупотребленія по службѣ, и цѣлая партія но-нотинговъ громко вопіетъ противъ радости, съ которою Америка встрѣчаетъ свою язву — бѣдныхъ переселенцевъ. Мнѣніе это едвали когда одержитъ верхъ, потому что Соединенные Штаты безъ Европы еще обойтись не могутъ и требованіе но-нотинговъ противно свободѣ правленія, но самое образованіе партіи, которая при всѣхъ выборахъ является съ своими кандидатами, доказываетъ, въ какой мѣрѣ виноваты передъ Америкою переселенцы изъ Стараго Свѣта.

«Добродѣтель и нравственность необходимы для народнаго правленія», сказалъ Вашингтонъ въ своемъ прощальномъ адресѣ, а потому предметомъ первой важности завѣщалъ онъ считать заведенія для всеобщаго распространенія просвѣщенія. По мѣрѣ того, какъ общественное мнѣніе получаетъ силу, существенно, чтобы оно было истинно просвѣщенно и мнѣніе великаго гражданина-правителя и генерала раздѣляется американцами. Всякій округъ, всякая община (*township*) имѣетъ свою школу и церковь, для которыхъ изъ общественной поземельной собственности отводятся участки, изъ самыхъ его жителей избираются лица, управляющія ими, и обязанность смотрѣть, чтобы дѣти, принадлежащія округу, получали образованіе, лежитъ на самой же общинѣ. Она знаетъ свою пользу, даетъ для содержанія школъ деньги и смотритъ, чтобы благая цѣль была дѣйствительно достигаема.

Подобно Бостону Нью-Йоркъ раздѣленъ на учебные округа (*wards*); школами, находящимися въ каждомъ изъ нихъ (числомъ 22), завѣдываетъ мѣстный комитетъ (*local board*) изъ лицъ, принадлежащихъ къ тому же округу, гдѣ школы, и въ извѣстныхъ случаяхъ отчеты и предположенія ихъ восходятъ до училищнаго городскаго комитета (*board of education*). Огромныя суммы назначены для содержанія школъ и въ 1857 году изъ городскихъ доходовъ для этой цѣли было отпущено 1,000,410 дол., кромѣ суммъ, на которыя городъ имѣетъ право изъ общихъ для воспитанія капиталовъ Союза. На эти деньги содержалось для первоначальнаго образованія дѣтей отъ 4 до 8 лѣтняго возраста, 99 низшихъ (*primary*) школъ; среднихъ школъ (*grammar schools*) для мальчиковъ 47, для дѣвочекъ столькоже, и кромѣ того три нормальныхъ школы. Съ гордостью Нью-

Йоркъ можетъ указывать на свои школы для цвѣтныхъ (*colored schools*), тѣмъ болѣе, что заведенія эти устроены по тому же образцу и въ той же постепенности, какъ заведенія для бѣдныхъ; но такъ какъ общественное мнѣніе и въ Нью-Йоркѣ не можетъ простить негру чорнаго цвѣту его кожи, то дѣти цвѣтныхъ отдѣлены. При посѣщеніи нью-йоркскихъ школъ я убѣдился, что цвѣтные понятливы и въ состояніи учиться если не лучше, по крайней мѣрѣ, не хуже бѣлыхъ. Зато Южные Штаты не могутъ простить Нью-Йорку нововведенія, которое прямо опровергаетъ ихъ мнѣніе на счетъ бездарности и загрубѣлости цѣлой рассы. Любопытно, что и въ самомъ Нью-Йоркѣ, когда стали искать мѣста для помѣщенія черныхъ дѣтей съ цѣлью призрѣвать и учить ихъ, потребовалось величайшихъ усилій и пожертвованій, но въ этомъ-то и великость американскаго характера: онъ не уступаетъ предъ первыми препятствіями, напротивъ они его раздражаютъ, даютъ ему силу и энергію, онъ дѣйствуетъ лично и чрезъ составленіе обществъ, чрезъ книги, распространяемыя въ народѣ, митинги, хлопочетъ, и оканчивается тѣмъ, что отличное по цѣли и назначенію дѣло зрѣетъ и приноситъ богатый плодъ. Утѣшительно сказать, что въ прошедшемъ году было для цвѣтныхъ дѣтей Нью-Йорка 14 школъ и кромѣ того одна нормальная школа. Замѣтимъ, что во всемъ штатѣ Нью-Йоркѣ 38 школъ для цвѣтныхъ дѣтей и въ нихъ училось въ 1855 году 5,243 человѣка въ возрастѣ отъ 4 лѣтъ до 21 года. Если къ означенному числу нью-йоркскихъ школъ прибавить одну вольную академію (*free academie*), для классическаго образованія дѣтей старше 12 лѣтняго возраста, по окончаніи ими курса ученія въ общихъ городскихъ школахъ, далѣе 34 вечернихъ школы для бѣлыхъ и 2 для черныхъ дѣтей, нако-

нецъ школъ–пріютовъ 26 и для цвѣтныхъ 3, образуется общая сумма школъ 277 съ 128,205 учениками.

Высшее образованіе получаютъ нью–йоркцы въ университетѣ, учрежденномъ въ 1831 году. Зданіе, для него построенное въ готическомъ стилѣ, обширно (180 футъ въ длину и 100 въ ширину) и вмѣщаетъ въ себѣ, кромѣ аудиторій, библіотеку, ученые кабинеты разнаго рода, равно какъ историческое и географическое общества. Устройство университета на подобіе англійскихъ колледжей и есть собственно собраніе отдѣльныхъ высшихъ школъ для ученаго и практическаго образованія. Для первой цѣли учрежденъ факультетъ наукъ и словесности (*department of science and letters*), для второй — спеціальныя школы рисованія (*school of design*), гражданскаго инженернаго искусства и архитектуры (*of civil engineering and architecture*) и школа практической химіи (*of practical chemistry*). Кромѣ того есть медицинскій факультетъ (*medical department*) для образованія врачей. Юридическаго факультета въ университетѣ нѣтъ, о законахъ и конституціи Соединенныхъ Штатовъ даютъ довольно полное понятіе сначала въ низшихъ а потомъ въ среднихъ городскихъ школахъ, въ факультетѣ наукъ и литературы преподаютъ нѣкоторыи части правовѣдѣнія, необходимыя для уразумѣнія исторіи, а именно: конституцію Америки и международное право; но молодые люди, желающіе болѣе подробно изучить правовѣдѣніе, свои и иностранные законы, отправляются въ *lawschools* въ Бостонѣ при *Harward University* или въ Іель–Колледжъ (*Yale–College*) въ Нюхафенѣ, въ штатѣ Коннектикутѣ, славящійся своими профессорами, или въ другой университетъ, потому что только подъ условіемъ достаточнаго образованія и испытанной способности молодые люди, съ разрѣ-

шенія высшаго суда, получаютъ званіе адвокатовъ (*attorneys*) и допускаются къ практикѣ; но не ранѣе 21 года.

Сравнительно съ другими школами и даже университетами иныхъ странъ, нью-йоркскій не имѣетъ значительнаго числа воспитанниковъ, именно потому, что для дѣятельной самостоятельной жизни, къ которой американецъ чувствуетъ природное влеченіе, достаточно свѣдѣній, выносимыхъ изъ среднихъ школъ. Жизнь дополняетъ остальное. Молодой человѣкъ, оставленный самъ себѣ и чувствуя на себѣ обязанности, возлагаемыя на него обществомъ, по необходимости развивается, и, чтобы ни говорили объ американскихъ газетахъ, журналахъ и періодическихъ изданіяхъ вообще, они во многомъ по крайней мѣрѣ должны присвоить себѣ честь вліянія на растущее поколѣніе. Нисколько не должно удивляться, если въ 15, 16 лѣтъ молодой американецъ составитъ себѣ свой самостоятельный образъ воззрѣнія на вещи, выберетъ себѣ ту или другую партію и говоритъ о политикѣ въ ея духѣ и направленіи. Многіе американцы даже, а тѣмъ болѣе иностранцы, видятъ въ этой безграничной свободѣ обсуждать нужды своего круга и дѣйствія лицъ, для управленія его избранныхъ, зло, возможность нарушать спокойствіе народа безъ всякой для него пользы и безъ надобности; и это было бы справедливо, ежели бы и противная сторона не имѣла равнаго права опровергать и поправлять то, что вышло неправильно или неловко. Американецъ, въ добавокъ, не вѣритъ печатному, въ газетѣ онъ ищетъ не ученыхъ статей, которыя бы ему давали уроки, что и какъ дѣлать, а полной хроники, гдѣ что дѣлается у себя, въ Европѣ и въ другихъ частяхъ свѣта.

Литература мало выигрываетъ отъ 3,754 газетъ, которыя издаются въ Соединенныхъ Штатахъ (изъ нихъ въ од-

номъ Нью-Йоркскомъ 613), но много пользы и для чужаго и для американца, что съ неимовѣрною быстротою узнаешь, что дѣлается вокругъ васъ, и едва ли есть народъ, который бы лучше американцевъ зналъ самыя отдаленныя части своего отечества. У большихъ газетъ вездѣ, и въ Америкѣ, и за границею, есть свои корреспонденты и безъ *reporter'a*, вѣстовщика, не обойдется ни одинъ оффиціальный или сколько нибудь торжественный завтракъ, обѣдъ, ни одинъ балъ у посланника, консула и вообще должностнаго лица: онъ поспѣетъ и на митингъ, вмѣшается въ толпу, подслушаетъ ея сужденія, во время прійдетъ на обѣдъ; есть спичи, онъ вынетъ свою книжку и запишетъ ихъ, постарается узнать, кто былъ въ собраніи, какъ были одѣты дамы, если костюмъ ихъ заслуживалъ вниманія, отмѣтитъ у себя, при случаѣ самъ скажетъ спичь, и на другой день весь союзъ узнаетъ, что случилось и если интересно перепечатаетъ. Очевидно, что печатается все, даже и нестоющее вниманія, но скрытаго нѣтъ ничего, и если общественнаго голоса нельзя подкупить бокаломъ шампанскаго, который выпьетъ репортеръ на обѣдѣ, или приглашеніемъ его на балъ, не пригласить еще хуже, весь союзъ узнаетъ, что былъ балъ, былъ обѣдъ, что слухи вотъ какіе, но репортеръ не былъ удостоенъ приглашенія. Любое описаніе какого угодно торжества, собранія является на другой день послѣ того, какъ оно имѣло мѣсто, и сколько большихъ журналовъ, столько и репортеровъ. Нельзя сдѣлать шагу, нѣсколько выходящаго изъ ряда обыкновеннаго, чтобы кто нибудь не подмѣтилъ и не опубликовалъ его. Выйдете напримѣръ съ ливрейнымъ лакеемъ, велите заложить въ карету четверню, будьте княземъ, графомъ и объ этомъ узнаетъ весь союзъ, какъ бы повидимому это ни касалось одного обладателя такихъ отличій и какъ бы онѣ ни были мало существенны.

Въ разныхъ земляхъ у газетъ есть свои корреспонденты и надобно видѣть, съ какимъ нетерпѣніемъ ждутъ извѣстій въ день прибытія парахода изъ Европы; на встрѣчу ему посылается маленькій параходъ, которому, особенно если идущій изъ Европы направляется на Бостонъ, выкидываютъ осмоленный боченокъ съ послѣдними новостями, курсами биржъ, цѣнами на разныхъ рынкахъ, и не успѣетъ извѣстіе ступить на твердую землю, оно уже облетаетъ по телеграфу всѣ Соединенные Штаты и вечеромъ читаютъ его напечатаннымъ въ Новомъ Орлеанѣ и Канзасѣ.

Сколько же необходимо мѣста въ газетѣ, чтобы помѣстить въ ея столбцахъ все, что дѣлается въ разныхъ странахъ и кромѣ того сплетни, городскіе слухи изъ разныхъ кварталовъ города, тысячи объявленій. Есть газеты, выходящія ежедневно по одному листу и продающіяся по 1 сенту, то есть немного болѣе нашей копѣйки серебромъ, но большая часть и притомъ всѣ главныя, какъ-то: *New-York Herald, the Tribune, Daily Times* выходятъ огромными листами, сложенными вчетверо и все-таки образующими большой *in-folio*. Цѣна №, напечатанному въ шесть столбцовъ и такъ мелко, что на страницѣ помѣщается болѣе 300 строчекъ, два сента, менѣе $2^1/_2$ коп. серебромъ. Въ годъ газету можно получать за 6 долларовъ, то есть 7 руб. 80 коп. сер. и положительно имѣть за эти деньги полную хронику всего міра. Большая часть главныхъ газетъ издается кромѣ того полунедѣльно и разъ въ недѣлю по уменьшеннымъ цѣнамъ, и въ этихъ изданіяхъ есть всѣ главныя свѣдѣнія, кромѣ объявленій, а для Европы и Калифорніи къ каждому отплытію парахода особыя изданія.

Какими средствами должна обладать редакція, чтобы поддерживать такія предпріятія! Утромъ въ 5 часовъ мальчики

отправляются въ *Nassaustreet*, гдѣ сосредоточены редакціи и типографіи большей части газетъ, и утромъ же газета предлагается на желѣзныхъ дорогахъ, параходахъ, и всѣ читаютъ молча или разсуждаютъ о прочитанномъ и еще чаще думаютъ про себя. Сбытъ газетъ неимовѣренъ. Самый распространенный въ Старомъ мірѣ европейскій журналъ есть лондонскій *Times* и не смотря на то, что она есть вездѣ, куда заходитъ англичанинъ (а куда онъ не заходитъ!), ея разбирается около 40 тысячъ экземпляровъ въ день, а американскія газеты, которыя читаются исключительно въ Америкѣ, достигаютъ двойнаго количества; такъ *Sun* и *New-York Herald* расходятся ежедневно въ 60 и даже 70 тысячахъ экземплярахъ, а воскресное, еженедѣльное изданіе достигаетъ до 200,000. *The Tribune*, органъ республиканской партіи, считаетъ, что ежедневнаго его изданія расходится 32,000, недѣльнаго— 176,800, полунедѣльнаго—16,000, калифорнскаго и европейскаго—6,000, всего слѣдовательно 230,800, экземпляровъ. Вотъ въ чемъ тайна дешевизны и возможности дѣлать непонятныя для европейца издержки и на пріобрѣтеніе машинъ, усовершенствованіе способовъ книгопечатанія, плату дорого наборщикамъ (отъ 10 до 25 долларовъ въ недѣлю), корректорамъ (14—20), факторамъ (отъ 25 до 40 долларовъ въ недѣлю же); и даже послѣ типографіи нѣмецкой *Allgemeine Zeitung* мнѣ было крайне интересно видѣть дѣйствующія паромъ книгопечатныя машины газетъ *Tribune* и *New-York Herald*. Онѣ печатаютъ въ одно время по 8 листовъ, берутъ сами бумагу, черпаютъ чернила, и вообще выбрасываютъ 15,000 листовъ въ часъ или 250 листовъ въ минуту. Чего бы стоила работа эта, если бы вмѣсто пара дѣйствовали люди, исчислить трудно, и во что бы обходился громадный нумеръ газеты!

Кромѣ ежедневныхъ газетъ, въ Америкѣ издается нѣсколько періодическихъ изданій и къ числу самыхъ интересныхъ принадлежитъ *Scientific American*, сообщающій новости по части искусствъ, наукъ, промысловъ и притомъ самымъ интереснымъ образомъ. *Harpers Magazine* съ рисунками, гравюрами, разсказами, учеными статьями расходятся въ числѣ 90 или 100 тысячъ экземпляровъ. Не будемъ исчислять названій и заглавій: ихъ слишкомъ много. Нѣтъ страны, гдѣ бы книги были дешевле, лучше переплетены и издавались въ болѣе щегольскомъ видѣ. Для этого стоило зайти на канунѣ Рождества Христова (*Christmas*) въ книжный магазинъ Апплетона на Бродвеѣ. Правда, многое, чуть ли не все, что есть замѣчательнаго въ англійской литературѣ, перепечатано въ Нью-Йоркѣ и такъ какъ авторамъ платить ненадобно, то цѣна на перепечатанныя изданія еще ниже брюссельскихъ, напримѣръ, за 6 долларовъ можно получать пять лучшихъ англійскихъ обозрѣній (*reviews*), перепечатываемыхъ чрезъ нѣсколько дней по привозѣ ихъ изъ Англіи.

Изъ числа типографій, работающихъ на большую ногу въ Нью-Йоркѣ, должно отмѣтить типографію Харпера (*Harper*); у него 30 скоропечатень, приводимыхъ въ движеніе паровою машиною въ 60 силъ и кромѣ того занято 500 человѣкъ. Количество выходящихъ отсюда изданій такъ велико, что круглымъ числомъ на каждую рабочую минуту приходится по 7 экземпляровъ. Для такой массы книгъ и журналовъ надобно было позаботиться объ изготовленіи достаточнаго количества бумаги и опять паровыя машины приведены въ движеніе, усовершенствованные пріемы примѣнены къ бумажному производству, и вмѣсто тряпья писчая бумага дѣлается въ Америкѣ изъ хлопчатой бумаги. Въ бѣ-

лизнѣ и лоскѣ она нисколько не уступаетъ англійской, но дешевле.

Еслибы просвѣщеніе не было такъ повсемѣстно распространено между американцами, не могло бы существовать такихъ многочисленныхъ и дешевыхъ изданій; но и эти послѣднія въ свою очередь способствуютъ разлитію просвѣщенія и косвенно дѣлаютъ столько же, какъ школы. Всего этого, однако, казалось мало для американца: онъ разсчитываетъ на просвѣщеніе такъ много, что никакими, повидимому, средствами для достиженія его недовольствуется. Сами собою, то есть безъ малѣйшаго участія, а тѣмъ болѣе безъ поддержки штата, образуются общества, которыя располагаютъ огромными средствами для поддержанія благой цѣли и благихъ направленій. Такъ есть, напримѣръ, библейское американское общество (*American bible society*), существующее съ 1816 года. Въ распоряженіи его огромный домъ на *Astor place*, въ которомъ помѣщаются типографія, словолитня, переплетная, книжная лавка, комитеты религіозныхъ миссій и т. д. Въ одинъ годъ общество это продаетъ до 800,000 экземпляровъ священнаго писанія на 28 различныхъ языкахъ, и всего со времени основанія общества до настоящаго времени пущено въ обращеніе болѣе десяти милліоновъ экземпляровъ ветхаго и новаго завѣта, и нѣтъ тюрьмы, нѣтъ общественнаго заведенія, нѣтъ комнаты въ гостинницѣ, гдѣ бы въ распоряженіи вашемъ не было библіи, подаренной обществомъ. Кромѣ того, благодѣтельное это учрежденіе приноситъ пользу распространеніемъ христіанства посредствомъ посылаемыхъ на счетъ его въ разные концы міра духовныхъ миссій и поддержанія ихъ денежными средствами.

Къ одной цѣли съ библейскимъ обществомъ, хотя другими путями, стремится такъ называемые *American tract*

society, поставившее для себя задачею печатаніе и распространеніе въ народѣ нравственныхъ и религіозныхъ сочиненій, трактатовъ, брошюръ, листковъ на 10 различныхъ языкахъ. Число распускаемыхъ такимъ образомъ ежемѣсячно сочиненій, несущихъ свѣтъ въ самые отдаленные углы союза, достигаетъ до нѣсколькихъ сотень тысячъ и какъ велика должна быть отъ нихъ польза! общество издаетъ кромѣ того журналъ *American Messenger*, котораго расходится на англійскомъ языкѣ 200,000, въ нѣмецкомъ переводѣ 30,000 экземпляровъ, и оно также не чуждо поддержанія миссій, снабженія ихъ книгами, людьми, достаточно для проповѣди слова Божія приготовленными, типографскими средствами, и, чтобы измѣрить цифрами благо, принесенное обществомъ человѣчеству, достаточно сказать, что со времени основанія его до 1852 г. было разлито въ мірѣ до 188,710,840 экземпляровъ различныхъ нравственныхъ книгъ, и конечно теперь страшная цифра эта еще увеличилась.

Что же мудренаго, что при такихъ средствахъ улучшенія народной нравственности, не смотря на различія элементовъ, которые сливаются въ Нью-Йоркѣ, воскресенье празднуется здѣсь всѣми такъ же строго, какъ въ Англіи, и даже нѣмецъ, не любящій подчиняться англійскому образу воззрѣнія на *sunday*, какъ на день, исключительно посвященный молитвѣ, покою и размышленію, не является на широкихъ и пустыхъ улицахъ города, который вчера служилъ, и завтра будетъ служить съ примѣрною ревностью золоту и мірскимъ выгодамъ. Гдѣ, далѣе, могли бы имѣть такой успѣхъ митинги, проповѣди о воздержаніи себя отъ крѣпкихъ опьяняющихъ напитковъ, составляющихъ, впрочемъ, довольно существенную потребность для работника холодна-

го климата? Тысячи человѣкъ подписывались вездѣ подъ просьбами объ утвержденіи законовъ противъ крѣпкихъ напитковъ (*liquor-law*): послѣ штата Мэна, гдѣ былъ возбужденъ законъ, въ нему стали приставать другіе штаты, и теперь общества трезвости считаютъ своихъ послѣдователей сотнями тысячъ.

Съ другой стороны, нигдѣ френологія, мистицизмъ, бесѣда съ невидимыми духами, убѣжденіе, что скрытое отъ насъ можно узнать окольными путями отъ вертящихся столовъ, тарелокъ, нигдѣ таинственныя науки не имѣли такого успѣха, какъ въ Америкѣ, и опять идеи эти распространялись тѣми же средствами, митингами, публичными лекціями, обществами, дешевыми книгами, которыя чуть не даромъ бросались въ народъ, выискалось нѣсколько медіумовъ между видимымъ и невидимымъ мірами, но признаться должно, что американцы были счастливѣе въ изобрѣтеніяхъ для существенной пользы человѣка, въ телеграфахъ, желѣзныхъ дорогахъ, чѣмъ въ вещахъ, въ которыхъ они уклонились отъ указанной имъ самимъ Провидѣніемъ цѣли.

Наконецъ публичныя библіотеки, также основанныя и содержимыя не на счетъ штата, а средствами, пожертвованными однимъ лицомъ или общественными приношеніями, занимали меня не менѣе школъ. Да онѣ и служатъ для нихъ дополненіемъ, доступны всѣмъ и посѣщаются исправно. Дивишься огромнымъ домамъ Куперова института (*the Cooper institute*), Асторовой библіотекѣ (*the Astor library*), общества купеческой библіотеки (*mercantile library association*); это цѣлые дворцы, открытые для каждаго, и я назвалъ только главные. Второстепенные разсѣяны по всему городу; по большой части они назначены для извѣстнаго класса людей; напримѣръ есть нью-йоркская общественная

библіотека (*the New-York society library*), библіотека для подмастерьемъ (*Apprentices library*), гдѣ молодые люди, посвятившіе себя какому нибудь ремеслу, по аттестату въ хорошемъ поведеніи и благонадежности, принесенному отъ хозяина, родителя или опекуна, даромъ получаютъ книги для прочтенія, а другіе за 1 долларъ въ годъ имѣютъ право пользоваться 40,000 волюмами книгохранилища, далѣе свободная библіотека типографщика (*Printers free library*) и другія. Всего въ Нью-Йоркѣ было въ 1857 году 27 публичныхъ библіотекъ съ 366,290 книгами. Первенство принадлежитъ Асторовой библіотекѣ, на Лафаетовой площади; она основана покойнымъ Иваномъ Асторомъ (*John Jacob Astor*), богачемъ Нью-Йорка, пожертвовавшимъ для пользы своихъ согражданъ капиталъ въ 400,000 долларовъ, домъ построенъ нарочно для библіотеки, считающей теперь до 100,000 волюмовъ, и пользоваться ими можетъ всякій, достигшій 16-ти-лѣтняго возраста. Куперовъ Институтъ, на содержаніе котораго одинъ изъ нью-йоркскихъ купцовъ, Петръ Куперъ, пожертвовалъ 300,000 долл., имѣетъ болѣе широкую цѣль, въ родѣ Смитсоніенова Института въ Вашингтонѣ. Заведеніе это посвящено наукѣ и искусству, имѣетъ читальную залу, огромную и превосходную по размѣрамъ, есть залы для выставки картинъ, мастерскихъ, комнаты для лекцій, физическаго, минералогическаго кабинетовъ, библіотеки и т. д. До настоящаго времени заведеніе это, обѣщающее богатые плоды, еще не пришло въ полное дѣйствіе, но въ самомъ Нью-Йоркѣ есть другія учрежденія, хотя основанныя на иныхъ началахъ, тѣмъ не менѣе идущія къ той же цѣли; такъ, напримѣръ, купеческое общество библіотеки, содержимое четырьмя тысячами купцовъ, вносящихъ въ пользу общаго дѣла по два

доллара въ годъ, обладаетъ, кромѣ библіотеки, множествомъ самыхъ разнообразныхъ журналовъ, газетъ и вообще періодическихъ изданій, возможностью открывать двери своего зданія для публичныхъ лекцій, на которыя доступъ всѣмъ и каждому свободенъ. Обыкновенно дѣлаются онѣ вечеромъ, когда и работникъ и купецъ считаютъ себя въ правѣ отдохнуть послѣ дневныхъ трудовъ, но вмѣсто Бродвея со всѣми его театрами, приманками, лавочками для продажи крѣпкихъ напитковъ (*grogshops*), идутъ на публичную лекцію и, не уставая, поучаются чему нибудь полезному.

ГЛАВА VI.

НЬЮ-ЙОРКЪ.

Торговля. — Кораблестроеніе. — Банки и банкиры. — Сборы съ городскихъ имуществъ. — Водопроводы. — Полицейское управленіе. — Милиція. — Пожарные. — Суды и тюрьмы Нью-Йорка. — Островъ Блаквелль. — Богадѣльня. — Тюрьма. — Рабочій домъ. — Убѣжище для молодыхъ преступниковъ. — Домъ умалишенныхъ. — Бруклинъ и Гринвудское кладбище.

I.

При всей природной наклонности англо-саксонской рассы къ торговой дѣятельности, можно ли быть увѣреннымъ, что переселенцы въ Новый Свѣтъ сохранили бы эту охоту и способность къ мореплаванію и торговлѣ, если бы Америка, занятая англійскими колоніями, не представляла такихъ естественныхъ выгодъ для развитія торговой предпріимчивости? Если справеливо, что никакая другая страна не давала народу, ее занявшему, такого простора, какъ теперешніе Соединенные Штаты, тѣмъ болѣе справедливо, что самое положеніе Нью-Йорка должно было дать ему первенство въ торговомъ отношеніи: никогда не замерзающій, обширный и глубокій портъ дѣлаетъ изъ Нью-Йорка большой складъ для

европейскихъ мануфактуръ, главнымъ для нихъ рынкомъ, а съ другой стороны естественные и искуственные пути сообщенія приблизили къ этому порту земледѣльческіе и производительные штаты запада. Не смотря такимъ образомъ на отдаленіе Нью-Йорка отъ озера Мичигина и возникшихъ у береговъ его городовъ Шикаго и Мильвауки, онъ находится съ ними въ тѣсныхъ торговыхъ сношеніяхъ, и далѣе чрезъ сѣти желѣзныхъ дорогъ съ рѣкою Миссисипи и притокомъ его Миссури.

Между тѣмъ судоходный Худсонъ вводитъ американскую Эмпайръ-Сити въ торговыя сношенія съ сѣверомъ и тамъ, гдѣ Худсонъ перестаетъ быть судоходнымъ, вверхъ отъ Ольбани, начинается каналъ, тянущійся на нѣсколько сотъ миль чрезъ весь Нью-Йоркскій штатъ до озера Эри. Къ разнымъ озерамъ (озеру Шамплень, Онтарію, Сенека и др.) пускаетъ онъ отроги и этими притоками промышленный чѣловѣкъ воспользовался, чтобы приблизить къ себѣ лежащія въ сторонѣ плодородныя мѣста и удобнѣе сбывать ихъ произведенія за границу и въ другія части самихъ же штатовъ. Несмотря на множество желѣзныхъ дорогъ, идущихъ иногда совершенно паралельно съ каналами и отчасти дѣлающихъ послѣдніе повидимому излишними, правительство штата нисколько не ослабляетъ своего попеченія о расширеніи каналовъ и тратитъ на нихъ огромныя суммы.

На каналахъ возникаютъ большіе промышленные города, и положенію своему у озера Эри выше Ніагары Буффало обязанъ тѣмъ, что онъ процвѣлъ до неимовѣрнаго благосостоянія въ какіе нибудь 10, 15 лѣтъ и современемъ будетъ однимъ изъ самыхъ большихъ и замѣчательныхъ торговыхъ и складочныхъ пунктовъ всего союза. Такъ какъ по Ніагарѣ, естественному пути изъ озера Эри въ Онтаріо, суда, идущія съ запада къ Атлантическому морю, не могутъ

слѣдовать въ Нью–Йоркъ, то они у Буффало входятъ въ каналъ и по немъ движутся къ своему назначенію. Общее стремленіе работниковъ и переселенцевъ къ этому пункту становится понятнымъ, если взять въ разсчетъ массу хлѣба и вообще сырыхъ произведеній, проходящихъ по каналамъ изъ западныхъ штатовъ на востокъ до нью–йоркскаго порта. Въ одинъ 1855 годъ, по показанію американскаго альманаха, выстроено въ Нью–Йоркѣ 356 судовъ для плаванія по каналамъ, и перевезено клади 2,223,743 тоны (*тонна* равняется 3,259 кубич. арш.); тогда какъ въ 1835 еще году количество это было не болѣе 753,061, чрезъ десять лѣтъ—1,204,915, и въ 1850 достигло 1,850,247 тонъ.

Отправляя въ послѣднее время много хлѣба за границу и являясь въ этомъ отношеніи опаснымъ, по крайней мѣрѣ въ будущемъ, соперникомъ для Россіи, Нью–Йоркъ своими путями сообщенія и дешевою на нихъ перевозкою способствуетъ развитію земледѣльческой въ Америкѣ дѣятельности. Дѣвственная почва западныхъ особенно штатовъ союза, хотя воздѣлываемая не очень тщательно, при безпредѣльномъ множествѣ еще втунѣ лежащихъ земель, сторицею вознаграждаетъ трудъ фермера, а употребляя вмѣсто человѣческой руки, дорогой при маломъ населеніи, паровые плуги и другія земледѣльческія усовершенствованныя машины, фермеръ получаетъ при относительно малыхъ издержкахъ большее количество произведеній и въ состояніи сбывать ихъ дешевле. Какое вліяніе имѣетъ такое положеніе земледѣлія на торговлю, видно изъ цифръ, показывающихъ, какъ быстро ростетъ въ послѣднее время количество хлѣба, притекающаго къ Нью–Йорку изъ западныхъ городовъ. Я беру одинъ Шикаго, который этой отрасли дѣятельности обязанъ своимъ быстрымъ и почти безпримѣрнымъ въ самой даже Америкѣ процвѣтаніемъ; въ 1844 г. изъ Ши–

каго сплавлялось хлѣба по озерамъ всего 6,320 бушелей, (*bushel* равняется 1,386 четверику), чрезъ пять лѣтъ въ 1850 г. цифра эта уже достигла 100,871, а въ 1856 — 169,516. Другіе города шлютъ свою дань лѣсомъ, досками, хлѣбомъ, минералами и оставляютъ Нью-Йорку заботу распредѣлить эти богатства въ Европу или другія части свѣта. Южные штаты также имѣютъ въ Нью-Йоркѣ главный портъ для заграничной торговли, и изъ Новаго Орлеана перевозится сюда моремъ не одна тысяча тюковъ хлопчатой бумаги для отправленія на англійскія мануфактуры.

Такимъ образомъ нью-йоркцы становятся факторами не только для производителей и купцовъ всего союза, но и для европейскихъ потребителей. Смѣлость, съ которою американецъ безъ устали везетъ свои произведенія въ отдаленные края міра, не страшась непогодъ и не заходя въ теченіе иногда цѣлыхъ мѣсяцевъ въ портъ, почти всегдашнее участіе въ самомъ предпріятіи, меньшая сравнительно цѣнность судовъ, наконецъ желаніе перещеголять англичанъ, дѣлаетъ американцевъ лучшими, самыми дѣятельными и дешевыми мореплавателями. Американецъ, чтобы продать привезенное имъ изъ-за моря произведеніе нѣсколькими копейками сходнѣе, чѣмъ продаютъ англичане, и слѣдовательно, чтобы оставить за собою рынокъ, не пожалѣетъ ни трудовъ, ни здоровья, ни жизни, и достигнетъ цѣли. Въ торговлѣ съ Нью-Йоркомъ участвуютъ всѣ народы міра, ведущіе морской торгъ, но тѣмъ не менѣе большая часть судовъ принадлежитъ самимъ американцамъ; такъ изъ всего количества цѣнностей заграничной торговли въ 1824 г. американскіе корабля перевезли 236,080, иностранные — 16,689 тонъ; въ 1854 г. на американскіе пришлось 1,442,278, на иностранные только одна треть — 477,034 тоны.

Если наконецъ обратить вниманіе на цифры привоза и отвоза товаровъ, оказывается, что до сихъ поръ Америка беретъ изъ Европы больше, чѣмъ шлетъ по ту сторону океана и избытокъ привоза доплачиваетъ кредитными бумагами, золотомъ и вообще наличными деньгами. Это вслѣдствіе малаго еще развитія въ штатахъ мануфактуръ и особенно для издѣлій роскоши и вкуса. Впрочемъ Нью-Йоркъ есть большое депо для товаровъ, отправляемыхъ на Антильскіе острова, въ центральную и южную Америку, и потому приращеніе привоза въ этотъ портъ несоразмѣрно приращенію населенія самаго города и даже всего союза Сѣверной Америки. Тѣмъ не менѣе увеличеніе нью-йоркской торговли остается единственнымъ въ лѣтописяхъ міра. Въ доказательство достаточно привесть двѣ крайнія точки: въ 1697 г. въ портъ этотъ было привезено товаровъ на 22,895, вывезено на 50,465, дол., а въ 1857 г. ввозъ простирался не менѣе какъ на 215, а вывозъ на 174 мил. дол. Торговля съ Англіею, разумѣется, занимала самое видное мѣсто въ этихъ огромныхъ цифрахъ. Она преобладаетъ во всемъ союзѣ; такъ въ 1855 напр. году изъ числа 261,468,520 дол. общаго ввоза во всѣ штаты на Англію приходится не менѣе 102,436,292, на Россію 276,864; а изъ общей суммы вывоза 275,156,846 причиталось на Англію 135,629,145, на Россію 69,354 дол.

Дѣятельное участіе сѣвероамериканскихъ штатовъ во внѣшней торговлѣ необходимо отражается въ кораблестроеніи, и если Союзъ не можетъ похвалиться своемъ военнымъ флотомъ, если даже правительство мало заботится о немъ въ мирное время, за то торговый флотъ обширенъ и въ случаѣ войны готовъ служить выгодамъ государства. Сравнительно съ англійскимъ военнымъ флотомъ американскій ничтоженъ: въ 1856 г. онъ состоялъ изъ 11 линей-

ныхъ кораблей, 13 фрегатовъ, 19 корветовъ, 3 бриговъ, 1 шкуны и винтовыхъ пароходовъ 1-го класса 7, 2-го 1 и 3-го 2. Къ тому же они разсѣяны на разныхъ стоянкахъ во всѣхъ моряхъ свѣта и только небольшая эскадра находится въ распоряженіи союзнаго правительства. Между тѣмъ Сѣверная Америка по своему положенію — морское государство и въ случаѣ какой нибудь размолвки съ другою державою прежде всего настаиваютъ на увеличеніи флота; но зато въ мирное время американецъ не понимаетъ цѣли содержать безъ нужды огромныя средства обороны.

Быстрота въ постройкѣ судовъ въ Америкѣ неимовѣрна, и если американецъ далекъ въ кораблестроеніи, какъ въ другихъ работахъ, отъ той оконченности, которою отличается работа англичанъ; зато богатство самаго разнообразнаго лѣса дѣлаетъ возможною изумительную роскошь отдѣлки. О прочности американецъ также мало хлопочетъ; капиталъ долженъ обращаться быстро, и чѣмъ скорѣе придется кораблю быть замѣненнымъ новымъ, тѣмъ больше выгодъ производителямъ работъ, хозяевамъ лѣсовъ, верфей и другимъ. А между тѣмъ всякое новое приложеніе механики, всякое открытіе принимается въ разсчетъ, примѣняется къ дѣлу и потому нигдѣ такъ быстро не распространяется усовершенствованіе, какъ въ Америкѣ. Кромѣ врожденной американцу любви къ дѣятельности, обстоятельство это объясняется и тѣмъ еще, что работы производятся въ большихъ размѣрахъ: всякому работнику, который бы почувствовалъ призваніе и увидѣлъ необходимость улучшить ту или другую часть машины, хозяиномъ завода предоставляются и денежныя и матеріальныя средства дѣлать опыты, пожертвованія не считаются грошами, въ помощь изобрѣтателю даются люди, не жалѣютъ угля, дерева, и если опытъ не удался, не насчитывается ничего на того, кто его дѣ-

лаетъ, а если наоборотъ опытъ увѣнчался успѣхомъ, дѣлавшій его берется хозяиномъ въ компанію, выхлопатываютъ патентъ или привиллегію, и тогда какъ во Франціи напримѣръ усовершенствованія дѣлаются почти исключительно учеными, членами академіи, въ Америкѣ благо это выпадаетъ на долю каждаго, кто смышленъ и дѣленъ.

Стоя во главѣ американской торговли, Нью-Йоркъ не могъ не занять такого же почетнаго мѣста въ кораблестроеніи. Изъ 2,024 судовъ разнаго размѣра въ 583,450 тонъ на одинъ Нью-Йоркъ причиталось въ 1855 г. 554 корабля (въ томъ числѣ 48 параходовъ) всего 115,231 тона. На Восточной рѣкѣ помѣщается нѣсколько частныхъ верфей, и на одной изъ нихъ, и именно у мистера Вебба, строится теперь для нашего флота образцовый параходъ, который будетъ носить имя «Генералъ-Адмиралъ». По отзывамъ знатоковъ, рэзмѣры этого винтоваго фрегата превосходятъ все, что до сихъ поръ было сдѣлано въ этомъ родѣ (длина его 325, ширина 55 футъ и глубина 36 футовъ). Я не забуду, что былъ въ числѣ приглашенныхъ на закладку этого громаднаго парахода, слушалъ прочитанную однимъ изъ офицеровъ-соотечественниковъ русскую молитву на чужой почвѣ и вмѣстѣ съ другими желалъ увидѣть пришлеца-богатыря въ нашихъ водахъ, что и должно скоро случиться, несмотря на всѣ трудности, которыя необходимо должны были встрѣтиться при постройкѣ и оснащеніи великана. Для насъ это будетъ краснорѣчивымъ доказательствомъ, до какихъ размѣровъ развиты въ Америкѣ сила, дѣятельность и богатство частныхъ людей.

Кромѣ кораблей и каналовъ, для процвѣтанія торговли необходимы учрежденія, которыя бы способствовали быстрому и повсемѣстному обращенію денегъ съ одной стороны посредствомъ замѣна звонкой монеты представляющими ее

бумагами, съ другой чрезъ частые обороты, такъ чтобы одна и таже сумма денегъ въ разныхъ формахъ и видахъ приносила выгоды, не теряя въ тоже время цѣнности. Если бы деньги оставались въ рукахъ у каждаго, кто по незначительности средствъ или по неопытности не хотѣлъ или не могъ распоряжаться ими для промышленныхъ цѣлей, они очевидно или вовсе не приносили бы никакого дохода и для народнаго богатства были бы потеряны, или же доходъ этотъ былъ бы ограниченный. Чтобы помочь тому и другому горю, является банкиръ, занимающійся денежными оборотами: онъ беретъ у частнаго человѣка деньги съ обязательствомъ платить извѣстный процентъ, а самъ пускаетъ ихъ въ оборотъ, разумѣется, разсчитывая на большіе барыши, учреждаетъ самъ компанію или принимаетъ участіе въ чужой, и взаимный кредитъ — душа торговли, связываетъ стороны, находящія въ немъ свою собственную выгоду. Банкиръ, въ замѣнъ внесенныхъ въ его распоряженіе денегъ, выдаетъ довѣрителю своему книжку (*check–book*) съ листками, гдѣ уже напечатано имя его и принятыя имъ на себя обязанности, и гдѣ владѣтель книжки, представляющей капиталъ, только вставляетъ сумму, которою онъ располагаетъ въ пользу другаго. Такой листокъ, называемый чекомъ (*check*), можетъ быть выдаваемъ на самыя ничтожныя суммы, лишь бы общая ихъ сложность не превышала внесеннаго къ банкиру капитала. Есть дома, и это дома самые богатые, которые никогда не имѣютъ ни одного доллара звонкою монетою, а обходятся безъ нея, выдавая эти чеки, которымъ вѣрятъ всѣ столько же, сколько нашимъ ассигнаціямъ и кредитнымъ билетамъ.

Но учрежденіе банкировъ имѣетъ ту невыгоду, что это не болѣе, какъ частное предпріятіе, основанное на довѣріи [illegible] щимъ капиталъ и тѣмъ, кто распоря–

жается имъ по своему усмотрѣнію. Надзоръ и контроль если не центральнаго правительства, по крайней мѣрѣ, штата почти невозможны, да и у банкировъ, какъ частныхъ людей, средства также могутъ быть недостаточны для большихъ предпріятій. Поэтому рядомъ съ ними являются банки, учрежденія, существующія съ разрѣшенія мѣстнаго правительства и обладающія извѣстнымъ капиталомъ. Сколько банковъ въ городѣ, столько различныхъ ассигнацій, *bank-notes*, различающихся рисунками, цвѣтомъ бумажекъ, подписями и тому подобными примѣтами. Единица, съ которой начинаются бумажныя деньги, долларъ, и разница отъ банкирскихъ чековъ та, что безъ имени лица, кому выдана, безъ вставки имъ слѣдовательно цифры, на которую онъ передаетъ свое право третьему лицу, ассигнація имѣетъ общій курсъ.

На внесенныя деньги банкъ покупаетъ векселя и разныя обязательства, обращаетъ ихъ въ свою собственность за уступаемый въ его пользу процентъ, пріобрѣтаетъ золото и серебро въ слиткахъ и иностранныхъ монетахъ, даетъ деньги въ займы подъ залоги и личное поручительство и вообще хлопочетъ о томъ, чтобы находящіяся въ обращеніи суммы приносили наиболѣе доходу. Разумѣется, чѣмъ болѣе въ извѣстномъ мѣстѣ капиталовъ, требующихъ выгоднаго и доходнаго помѣщенія, чѣмъ съ другой стороны дѣятельнѣе торговля, привлекающая капиталы, тѣмъ болѣе должно быть банковъ, и тѣмъ значительнѣе ихъ обороты. И дѣйствительно изъ 1,396 банковъ, существовавшихъ въ Соединенныхъ Штатахъ въ теченіе 1855 г., приходилось на Нью-Йоркскій штатъ 338, и изъ нихъ болѣе 200 на одинъ городъ Нью-Йоркъ. Банки эти носятъ самыя разнообразныя названія, заимствованныя или отъ частей города, для которыхъ учреждены, отъ улицъ, отъ отдѣльнымъ промысловъ

и занятій, къ которымъ принадлежатъ учредители и вкладчики капиталовъ; есть напримѣръ банки для купцовъ (*importers and traders bank*, далѣе *tradesmen's bank*, *merchant's bank)*, механиковъ (*mechanic's bank*, *mechanic's and trader's bank)*, для кожевниковъ (*leather manufacturers bank*, другой—*shoe and leather bank*) и многіе другіе. Главные изъ нихъ помѣщены въ самомъ Нью-Іоркѣ и преимущественно въ *Wallstreet*, менѣе значительные по всѣмъ улицамъ Сѣверной Метрополіи и даже за городомъ. Въ Бруклинѣ есть опять свои банки. Капиталовъ, находящихся въ обращеніи въ 338 банкахъ Нью-Іоркскаго штата 85,588,590 дол., что составляетъ болѣе четвертой части всей суммы банковыхъ капиталовъ союза — 343,874,272 долларовъ.

Для повѣрки операцій банковъ, есть при правительствѣ штата особый чиновникъ (*superintend of the banking department*), а чтобы получить право на учрежденіе банка, должно внесть въ это вѣдомство сто тысячъ долларовъ залогу какими нибудь вѣрными бумагами. Еженедѣльно, подъ присягою кассира или директора, объявляется балансъ каждаго изъ этого рода учрежденій, и кромѣ того агенты ихъ сходятся ежедневно въ т. н. *Clearing-House*, гдѣ взаимно разсчитываются и размѣниваются банки своими векселями, перешедшими къ нимъ по денежнымъ операціямъ, и только излишекъ уплачивается звонкою монетою.

Пока довѣріе къ банкамъ продолжается, отъ ихъ существованія не можетъ быть никакого вреда. Само правительство штата не имѣющее по американской конституціи права выпускать бумажныхъ денегъ (*bills of credit*), также охотно принимаетъ эти *notes*, какъ всякій гражданинъ, и золотая монета, равно какъ мелкая серебряная, стоящія на равнѣ съ бумажками, необходимы только или для размѣна,

или когда ѣдешь въ другой штатъ, гдѣ свои банки, и слѣдовательно нью-йоркскія ассигнаціи принимаются съ нѣкоторою потерею: предполагается, что ассигнація должна быть возвращена въ тотъ банкъ, которымъ она выпущена. Вообще чѣмъ банкъ извѣстнѣе и чѣмъ дѣла его вѣрнѣе, тѣмъ охотнѣе и на лучшихъ условіяхъ имѣютъ съ нимъ дѣло, и если кому для уплаты заграничныхъ счетовъ необходима звонкая монета, ее обыкновенно можно получить безъ всякихъ пожертвованій. Но если съ другой стороны, на западѣ, напримѣръ, Союза, перестанутъ принимать охотно ассигнаціи лучшихъ даже банковъ, а станутъ требовать вмѣсто нихъ золота и серебра, если для полученія его въ замѣнъ бумажекъ надобно платить 5, 6, 10 и иногда болѣе процентовъ, если далѣе и заграничная торговля требуетъ уплаты излишка привоза надъ отпускомъ звонкою же монетою, потому что векселямъ торговыхъ домовъ недовѣряютъ, тогда можетъ спасти кредитъ одно только средство: вынуть изъ погребовъ запасы звонкой монеты, удовлетворять требованія тѣхъ, кто ввѣрилъ банку свои капиталы, понизить плату за размѣнъ бумажекъ на золото и серебро, доказать другими словами, что бумажка дѣйствительно представляетъ ту цѣнность, которая на ней написана. Въ противномъ случаѣ всякій броситься въ банкъ, требуя обратно своихъ денегъ; получивъ, онъ не пуститъ ихъ болѣе въ обращеніе, не получивъ, онъ прекратитъ до времени по крайней мѣрѣ свою дѣятельность, не въ состояніи платить другимъ, что долженъ: есть у него фабрика, онъ распуститъ работниковъ, постарается покончить или сократить торговлю, между тѣмъ производители первоначальныхъ сырыхъ матеріаловъ — фермеры, недовѣряя обстоятельствамъ, также останавливаютъ грузы хлѣба, которые шли на обмѣнъ на иностранные товары, общій застой въ промышленности и тор-

говлѣ, отъ докучливыхъ требованій вкладчиковъ банки запираютъ двери, банкрутства и разореніе частныхъ людей и торговыхъ домовъ становятся вещью обыкновенною, одни влекутъ за собою другихъ и вѣрятъ только звонкой монетѣ, блестящему золотому доллару. Въ сентябрѣ 1857 года нью-йоркскія газеты объявляли каждое утро о паденіи десятковъ лучшихъ торговыхъ домовъ въ разныхъ концахъ Сѣверной Америки, компаній, о прекращеніи дѣйствій городскими и сельскими банками и общее банкротство, бѣдность работниковъ, жившихъ только трудомъ, были бы на долго несчастіемъ для Америки, еслибы большой процентъ, плативщійся за звонкую монету, не привлекъ золота и серебра изъ-за границы, и еслибы Калифорнія не снабжала Нью-Йорка милліонами долларовъ. Всѣ, требовавшіе однихъ наличныхъ денегъ, *cash*, и только подъ этимъ условіемъ продававшіе и вступавшіе въ сдѣлки, обратились въ половинѣ декабря тогоже года къ прежнему порядку вещей, и равновѣсіе повидимому установилось.

Различно объясняли въ то время причины событія, которое будутъ долго помнить не только въ Америкѣ, но и въ Европѣ; горько плакали при извѣстіи о пароходѣ *Central America*, потерпѣвшемъ крушеніе и потонувшемъ съ пассажирами и милліонами долларовъ, которые везъ изъ Калифорніи, искали средства помочь горю въ ограниченіи права банковъ выпускать бумажныя деньги, не имѣя достаточнаго обезпеченія звонкою монетою, но причина дѣла кроется гораздо глубже: въ безпредѣльномъ кредитѣ, въ предпріятіяхъ, начинаемыхъ безъ денегъ. выпускѣ вслѣдствіе того въ публику огромнаго количества разныхъ акцій, облигацій, которыя принимаются банками, пускаются въ оборотъ, какъ будто бы онѣ представляли какую нибудь цѣнность. Между тѣмъ роскошь стала требовать привоза изъ Европы издѣлій,

за которыя мало было сырыхъ американскихъ матеріаловъ, избытокъ надобно было уплачивать наличными деньгами, а ихъ становилось недостаточно для покрытія текущихъ требованій вкладчиковъ. До начала еще т. н. финансоваго кризиса изъ отчетовъ банковъ Нью-Йорка было видно, что на девять почти долларовъ приходилось звонкой монеты всего одинъ долларъ (на 127,703,000 долларовъ безсрочныхъ обязательствъ, подлежавшихъ уплатѣ по предъявленіи, звонкой монеты было всего 14,370,000). По мнѣнію большинства, котораго отголоски слышались въ конгрессѣ, въ законодательныхъ собраніяхъ, газетахъ, слѣдовало бы уменьшить число банковъ и сократить количество не надлежаще обезпеченныхъ бумажныхъ денегъ, требуя, чтобы запасы звонкой монеты равнялись по крайней мѣрѣ одной четверти выпущенныхъ ассигнацій. Другими словами это значило наложить руку на частную предпріимчивость народа, незнающаго предѣловъ для своей дѣятельности; но не прошло трехъ мѣсяцевъ съ начала кризиса, дѣла пошли прежнимъ порядкомъ, пострадали нѣкоторые, выиграли другіе, банковыя начала въ сущности не измѣнились.

При всемъ томъ американцы не унывали, твердили, что они далеко не банкруты, что общаго ихъ имущества слишкомъ достаточно для обезпеченія тѣхъ, кто имѣетъ съ ними дѣло, точно такъ, какъ состояніе всего союза далеко превосходитъ цифру, до которой простираются обязательства его. Начнемъ съ послѣдняго: Соединенные Штаты въ земляхъ, земледѣльческихъ орудіяхъ, рудникахъ, желѣзныхъ дорогахъ, каналахъ, машинахъ, мельницахъ, корабляхъ, товарахъ, монетѣ, слиткахъ золота и серебра, зданіяхъ и другихъ имуществахъ стоятъ, какъ говорятъ американцы, 22 милліарда долларовъ, и главную часть этой огромной цифры составляетъ цѣнность земель, которыя находятся въ

распоряженіи федеративнаго правительства и отчуждаются имъ по частямъ. Между тѣмъ долговъ Соединенные Штаты имѣютъ только 36 мил. дол. Что касается до собственности, принадлежащей жителямъ Нью-Йорка, какъ въ недвижимомъ, такъ и движимомъ имуществѣ, то массу этой собственности легко узнать, потому что подати обременяютъ не лице, а его собственность, и притомъ обязанность нести тягости для содержанія мѣстъ управленія и должностныхъ лицъ, равно какъ на покрытіе общихъ городскихъ нуждъ, падаетъ на каждаго гражданина, пользующагося благомъ общественнаго порядка и устройства, по мѣрѣ его состоянія и богатства.

На одинъ городъ Нью-Йоркъ сбирается въ настоящее время т. н. *taxes*, податей съ имущества и дохода, болѣе чѣмъ въ какомъ нибудь другомъ штатѣ для управленія цѣлою провинціею, и любопытно сравнить хотя за послѣдніе десять лѣтъ пропорцію, въ которой росло имущество, обложенное сборами, увеличивались нужды и потребности нью-йоркцевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ росла цыфра сборовъ. Въ 1848 г. съ 254,163,593 дол., въ которые цѣнились имущества Сѣверной Метрополіи, сбиралось податей 2,715,510 дол., а въ 1857 году масса имуществъ возросла до 521,175,252 дол., а подати до 8,666,566; слѣдовательно когда цѣнность имуществъ только удвоилась, количество лежащихъ на нихъ тягостей утроилось. Обстоятельство это не могло не имѣть вліянія на частное благосостояніе гражданъ, очевидно страдающихъ отъ излишняго обремененія ихъ въ пользу общественныхъ нуждъ и потребностей. Общее мнѣніе приписываетъ это безпорядкамъ въ завѣдываніи суммами, сбираемыми для извѣстныхъ цѣлей по смѣтамъ и раскладкамъ, дѣлаемымъ городскимъ контролеромъ; но въ отчетѣ своемъ городскимъ властямъ

меръ приводитъ другія причины значительнаго приращенія сборовъ и главная изъ нихъ та, что на покрытіе издержекъ назначается болѣе, чѣмъ дѣйствительно издерживается, и остатки обращаются или на покрытіе долга, сдѣланнаго городомъ, или сберегаются на будущее время для другаго употребленія; такъ напримѣръ отъ суммъ, назначенныхъ для содержанія школъ, осталось въ 1857 г. 231,406, а въ теченіе семи лѣтъ съ 1850 г. всего 1,284,517 долларовъ. Это одинъ случай, но нью-йоркскій бургомистръ приводитъ ихъ нѣсколько, и даже для погашенія долговъ и уплаты на нихъ процентовъ сбирается болѣе, чѣмъ необходимо.

Во всякомъ случаѣ нью-йоркцы по приведенному разсчету правы, утверждая, что они далеки отъ всеобшаго банкротства и что въ состояніи уплатить свои обязательства. А что касается до сборовъ съ имущества, то естественно, что съ увеличеніемъ города, проложеніемъ новыхъ улицъ, освѣщеніемъ ихъ газомъ, мощеніемъ ихъ, снабженіемъ водою, постройкою новыхъ зданій для призрѣнія нуждающихся, несчастныхъ и больныхъ, наконецъ съ усиленіемъ и лучшимъ устройствомъ полиціи расходы для городскаго управленія должны увеличиваться. За то народъ, по крайней мѣрѣ, можетъ наслаждаться благами, которыя сдѣланы на его же деньги, школы открыты для каждаго горожанина безъ всякаго возмездія за воспитаніе его дѣтей, улицы чисты, освѣщены, вода и газъ проведены повсюду. Какъ же распредѣляются сбираемые съ горожанъ милліоны для удовлетворенія такихъ многочисленныхъ нуждъ?

II.

Всякій американскій городъ, какъ бы ни былъ онъ малъ, хлопочетъ о двухъ существенныхъ для здоровья и благосостоянія гражданъ предметахъ: о томъ, чтобы чистая свѣжая вода была проведена повсюду и чтобы газомъ были освѣщены улицы и домы. Для Нью-Йорка при его огромномъ пространствѣ и населеніи тѣмъ настоятельнѣе эти потребности, и изъ оффиціальныхъ отчетовъ городскихъ властей за 1857 г. видно, въ какихъ размѣрахъ дѣлаются въ Нью-Йоркѣ издержки на эти первыя потребности его жителей. На одно освѣщеніе города 11 тысячами газовыхъ фонарей употреблено около 400,000 долларовъ, и необходимо было прибавить еще до 1,500 фонарей, для новыхъ частей города. Далѣе не смотря на то, что въ разныхъ концахъ города уже существуютъ парки и скверы, что цѣлыя улицы обсажены платанами и другими деревьями, для освѣженія отдаленныхъ его частей и удобства жителей оказалась необходимость въ центральномъ паркѣ (*central park*). Болѣе пяти милліоновъ долларовъ назначено для разведенія его и одна сумма эта достаточно показываетъ, въ какихъ размѣрахъ будетъ этотъ паркъ, которому подобнаго, американцы говорятъ, не представляетъ ни одна столица міра. На пространствѣ 700 акровъ будутъ заключаться самыя разнообразныя прогулки, ботаническій садъ и мѣсто для ученій войска и милиціи. Длина его двѣ съ половиной, ширина болѣе $^2/_3$ мили. Но главное сокровище этого парка — резервуаръ, снабжающій водою весь Нью-Йоркъ до самыхъ отдаленныхъ его угловъ. Въ 1836 году было рѣшено снабдить городъ водою изъ рѣки Кротона водопроводомъ въ со-

рокъ миль. Потребовались значительныя постройки, сооруженія: въ 1842 году работа была окончена и на нее издержано до 14 милліоновъ долларовъ. Принимающій воду резервуаръ находится въ центральномъ паркѣ (1825 футъ въ длину и 836 въ ширину). На 35 акрахъ вмѣщаетъ онъ 150 милліоновъ галлоновъ * воды и раздѣленъ стѣною на двѣ половины такъ, что въ случаѣ, если бы было необходимо сдѣлать починки, можно осушить одну часть резервуара и городъ снабжать изъ другой. Изъ этихъ водохранилищъ (*receiving reservoirs*) вода течетъ въ бассейнъ (*distributing reservoir*), возвышающійся въ каменныхъ стѣнахъ надъ улицами города и безпрепятственно широкими трубами стремится отсюда вода во всѣ части Нью-Йорка. Въ настоящее время резервуаръ этотъ можетъ передать городу 35 мил. галлоновъ воды въ день; но если бы потребовалось большее количество ея, достаточно построить еще распредѣляющій бассейнъ, соединить его съ водохранилищемъ въ центральномъ паркѣ, и городъ опять обезпеченъ. Вообще управленіе этимъ водопроводомъ не оставляетъ безъ вниманія никакихъ даже случайностей и всего по городу положено 259 миль водопроводныхъ трубъ, и тогда какъ въ 1850 еще году за пользованіе водою сбиралось 458,951 долларъ, въ 1857 г. собрано изъ того же источника 687,370 дол., не смотря на то, что ничего не взимается за снабженіе водою общественныхъ, городскихъ зданій, тюремъ, равно какъ человѣколюбивыхъ заведеній. Такое увеличеніе требованія на воду заставило подумать о необходимости большихъ, сравнительно съ прежними, водохранилищъ, и рядомъ съ теперешнимъ, въ центральномъ паркѣ будетъ устроено новое. Оно получитъ форму озера (*croton lake*),

* *Gallon* равняется почти тремъ штофамъ.

и служа лучшимъ украшеніемъ парка, обезпечитъ городъ при населеніи въ милліонъ жителей вмѣщеніемъ воды на 60 дней. На пространствѣ ста шести акровъ, при глубинѣ 38 футъ, оно въ состояніи вмѣстить болѣе милліарда галлоновъ воды, но работы для него такъ значительны, что могутъ быть окончены не ранѣе двухъ лѣтъ. Доступъ къ теперь существующему резервуару открытъ ежедневно, и всякому легко подивиться массѣ чистой свѣтлой воды, которую человѣкъ умѣлъ собрать въ каменныя стѣны для пользы городскихъ жителей.

На такія огромныя предпріятія необходимы милліоны долларовъ, и сборы съ имѣній и доходовъ единственный для нихъ источникъ, а если съ разрѣшенія городскаго управленія и дѣлается заемъ, уплата капитала и процентовъ падаетъ на тотъ же источникъ.

Не менѣе стоятъ городу другія части управленія, служащія для охраненія спокойствія и безопасности жителей. Мы говоримъ о нью-йоркской полиціи. До 1857 года власть охранять городъ была въ рукахъ самихъ горожанъ; они избирали начальника полиціи и предоставляли ему право опредѣлять разныхъ помощниковъ, которые, подобно другимъ чиновникамъ, смѣнялись въ одно съ этими начальниками время. Такой порядокъ былъ совершенно согласенъ съ общимъ началомъ городскаго самоуправленія, и меръ города былъ въ такой же степени главою гражданской силы, какъ и военной, милиціи. Но оказалось, что безопасность города при этомъ не была такъ обезпечена, какъ бы слѣдовало; особенно во время выборовъ, какихъ нибудь несчастій, выводящихъ народъ изъ его обыкновеннаго тихаго состоянія, чувствуема была потребность во власти болѣе твердой и не обязанной своимъ существованіемъ народу, и несмотря на оппозицію, которую встрѣтилъ штатъ, вмѣшавшись въ

частныя дѣла города, Нью–Йоркъ въ 1857 году подчинился новому биллю полицейскаго управленія. Четыре графства, ближайшія къ Нью–Йорку и составляющія какъ бы его предмѣстья, соединены въ одинъ полицейскій округъ (*the metropolitan police district of the state of New–York*) и въ главѣ его поставлены пять полицейскихъ коммиссаровъ (*commisioners of police*). Они опредѣляются губернаторомъ штата съ согласія сената и, не подчиняясь меру города, вмѣстѣ съ нимъ образуютъ полицейское управленіе и рѣшаютъ дѣла по большинству голосовъ. Такъ какъ къ тому же округу принадлежитъ и Бруклинъ, то и его меръ сидитъ въ томъ же присутственномъ мѣстѣ въ качествѣ члена. Изъ среды себя пять коммиссаровъ (изъ нихъ трое для Нью–Йорка и двое для другихъ трехъ графствъ) выбираютъ предсѣдателя и казначея, и при нихъ находится главный секретарь (*chief clerk*) и шесть его помощниковъ. Обязанность коммиссаровъ состоитъ въ томъ, чтобы охранять общій миръ и спокойствіе, предупреждать преступленія и останавливать преступниковъ, защищать личныя и имущественныя права гражданъ, печься о народномъ здравіи, устранять всякіе безпорядки при народныхъ выборахъ, смотрѣть, чтобы соблюдался законъ о празднованіи воскресенья, чтобы не допускалось существованіе заведеній, противныхъ добрымъ нравамъ, и вообще, чтобы исполнялись предписанія городскихъ властей.

Для достиженія такихъ разнообразныхъ цѣлей необходима полицейская сила (*police force*); она состоитъ изъ главнаго начальника (*superintendent of police*), двухъ его помощниковъ (*deputy superintendent of police*), пяти второстепенныхъ чиновниковъ, называемыхъ *surgeons of police*, сорока надзирателей (*inspectors or captains of police*), 150 полицейскихъ сержантовъ (*sergeants of police*) и столь–

*

кихъ, наконецъ, патрульныхъ или часовыхъ (*patrolmen*), сколько окажется необходимымъ для каждаго графства, входящаго въ кругъ вѣдѣнія столичной полиціи. Распредѣленіе этой силы по частямъ городовъ (*stations*) зависитъ отъ главнаго полицейскаго управленія, и ему предоставлено право въ случаѣ, еслибы обыкновеннаго числа часовыхъ было недостаточно, напримѣръ во время возстанія, нападенія, заразы, выборовъ, брать изъ среды гражданъ безъ платы полицейскихъ, которые въ продолженіе своего служенія въ правахъ совершенно сравнены съ постоянно облеченными властью, и по миновании въ нихъ надобности, распускаются. Ничто не должно отвлекать лицъ, принадлежащихъ къ полицейскому управленію, отъ исполненія принятой ими на себя обязанности, и потому они освобождаются отъ общей гражданской повинности служить въ милиціи, быть присяжными, пока въ должности, не могутъ быть арестованы по гражданскимъ дѣламъ, не должны брать другихъ мѣстъ службы, и зато вознаграждаются безпримѣрно большимъ даже въ Америкѣ жалованьемъ. Казначей полицейскаго управленія получаетъ вознагражденія 3,000 долларовъ, а другіе коммиссары по 8 долларовъ за всякій день дѣйствительной службы; главный начальникъ полиціи имѣетъ жалованья также 3,000 долларовъ, всякій изъ его помощниковъ по 2000, второстепенные чиновники (въ родѣ нашихъ частныхъ приставовъ) по 1,500, надзиратель— 1,200, полицейскій сержантъ—900 и часовые 800 долларовъ въ годъ. Главный секретарь полицейскаго управленія получаетъ жалованья 2,000, а его помощники по 1,000 долларовъ, и совершенно справедливо затѣмъ требованіе, чтобы полицейскіе чиновники не брали ни отъ кого посуловъ и подарковъ. Сравнительно съ прежнимъ, часто приходилось мнѣ слышать отъ самихъ нью-йоркцевъ, полиція

въ настоящее время дѣйствительнѣе, и если для гражданъ оскорбительно вмѣшательство въ ихъ дѣла властей штата, они не должны жалѣть 825,000 долларовъ, сбиравшихся въ 1857 г. для содержанія полиціи Нью-Йорка (въ 1850 году для этой цѣли взималось всего 492,000 долларовъ).

Зато съ другой стороны Нью-Йоркъ не можетъ жаловаться на обремененіе его для содержанія постоянной арміи. Въ Америкѣ вообще для защиты болѣе трехъ милліоновъ квадратныхъ миль, на которыхъ раскинулись владѣнія Союза, несмотря на войны то съ Мехикою, то съ дикарями, то наконецъ съ мормонами въ Ютѣ, вся армія состоитъ изъ девятнадцати полковъ, изъ нихъ десять пѣхоты, четыре артиллеріи, два драгунскихъ, два кавалерійскихъ и одинъ стрѣлковый, всего 17,984 человѣка, если въ полномъ составѣ, но армія рѣдко достигаетъ и этой сравнительно ничтожной цифры. Но вмѣсто войска, въ случаѣ нападенія непріятеля, его всегда готова встрѣтить милиція въ 2,421,163 человѣка бодрыхъ, молодыхъ, разсѣянныхъ по всѣмъ концамъ союза, нестоящихъ ничего ни государству, ни отдѣльному штату, и могущихъ по распоряженію конгресса и президента, какъ начальника военныхъ силъ, быть передвинуты изъ штата въ штатъ, если того потребуетъ общая польза Союза. Служба въ милиціи составляетъ обязанность гражданъ за изъятіями, предвидѣнными законами; изъ нея образуются отдѣльные полки, команды, выдумывающія для себя однообразные мундиры, оружіе, изъ служащихъ избираются музыканты, сами роты назначаютъ своихъ ближайшихъ начальниковъ, начиная съ капитановъ; офицеры въ свою очередь выбираютъ полковыхъ и баталіонныхъ командировъ, и только генералъ-маіоровъ, начальниковъ штаба, равно какъ своихъ адъютантовъ назначаетъ, съ согласія сената, губернаторъ, но они сохраняютъ власть

только на два года, пока остается въ должности опредѣлившій ихъ губернаторъ. Какъ ни мало привержены американцы къ церемоніямъ и парадамъ, милиція часто сзывается на ученія, особенно въ свободное отъ занятій время, строго смотритъ за своими мундирами, оружіемъ, преслѣдуетъ денежными штрафами тѣхъ, кто безъ причины не явится на ученіе; а что подобное войско можетъ принесть и приносило существенную пользу Америкѣ, доказываетъ война ея съ Англіею и надежда, которую американецъ возлагаетъ на нее въ случаѣ опасности отъ врага. Такимъ образомъ мирится нерасположеніе демократа-американца къ постоянному войску, стоющему денегъ и праздному въ мирное время, съ необходимостью имѣть защитниковъ на случай нападенія отъ непріятелей. Въ Нью-Йоркѣ меръ есть глава милиціи, и въ цѣломъ штатѣ милиціи до 300,000 человѣкъ.

Еще яснѣе проявляется народный духъ во взаимномъ самосохраненіи и защитѣ въ случаѣ пожаровъ. То, что въ другихъ государствахъ дѣлается наемными силами, въ Америкѣ исправляютъ сами граждане. Стоитъ загудѣть набатному колоколу на ратушѣ одинъ, два, три до осьми разъ, всякій, причисленный къ одному изъ осьми пожарныхъ округовъ, на которые для этой цѣли раздѣленъ городъ, бѣжитъ къ сараямъ съ пожарными инструментами (такихъ сараевъ и при нихъ пожарныхъ компаній — *fire engine companies* — числомъ 51), берется за легкіе снаряды и быстро являются на пожаръ одна компанія за другою, трубы приводятся въ сообщеніе съ резервуарами воды, которые есть на любомъ перекресткѣ, и не жалѣя ни силъ, ни времени, ни здоровья, ни даже жизни, американецъ бросается спасать чужое добро. Изъ зрителей, которыхъ привлекаетъ всякое событіе, большая часть также помогаетъ, качаетъ воду, частное, личное дѣло переходитъ въ дѣло общее, и стихія нерѣдко усту-

паетъ напору неотвязчиваго американца. Пожары довольно часты въ городахъ Америки, еще есть въ отдаленныхъ частяхъ деревянныя зданія, и потому на усовершенствованіе огнегасительныхъ машинъ обращено большое вниманіе. Необходимыя ихъ качества—легкость и удобство передвиженія и какъ скоро какая нибудь компанія добудетъ себѣ усовершенствованные снаряды, или настанетъ годовщина учрежденія компаніи, она не пропускаетъ случая нарядиться въ красныя огненныя куртки, вмѣстѣ съ трубами, крючьями, лѣстницами, ведрами пройти по Бродвею съ музыкою, фонарями, фейерверкомъ, среди радостныхъ и благодарственныхъ криковъ народа, украшенныхъ балконовъ и домовъ, и затѣмъ кончить день (процессіи эти происходятъ всегда вечеромъ, когда работники, они же пожарные, освободятся отъ дневныхъ занятій) среди общаго пиршества. Каждый городъ имѣетъ свой день для праздника пожарныхъ (въ Нью-Йоркѣ это 14 іюня), на него съѣзжаются отвсюду, компаніи желѣзныхъ дорогъ сбавляютъ цѣны для проѣзда пожарныхъ, городъ получаетъ праздничный видъ, и тысячи пожарныхъ изъ разныхъ концевъ Союза принимаютъ участіе въ радостной процессіи. Впрочемъ и въ другіе дни нерѣдко движутся компаніи пожарныхъ, и почти въ каждомъ праздникѣ милиціи принимаютъ участіе и пожарные.

Для европейца непонятна обязанность каждаго бѣжать на пожаръ, но въ этомъ-то и различіе американскаго общества отъ нашего, что никто не можетъ, не долженъ и не хочетъ отказываться отъ труда для общаго блага: трудъ во всѣхъ своихъ видахъ и дѣленіяхъ почетенъ и только праздность и тунеядство преслѣдуются общественнымъ мнѣніемъ. Не могу не прибавить, что инструменты пожарныхъ компаній (командами ихъ нельзя назвать) отличаются щеголеватостью и на нью-йоркской выставкѣ въ кристальномъ

дворцѣ я видѣлъ образцы огнегасительныхъ снарядовъ, дѣйствительно роскошныхъ и щеголеватыхъ. Неохотно отстанутъ американцы отъ этого образа устройства пожарныхъ. Иначе давно были бы введены паровые огнегасительные инструменты, которые изобрѣтены въ Цинциннати на Охайо и дѣйствуютъ несравненно лучше и сильнѣе ручныхъ машинъ, но тогда необходимы лошади и вся поэзія пожарныхъ товариществъ и ихъ процессій пропадетъ. Другимъ доводомъ нельзя объяснить, отчего изобрѣтеніе, дѣйствительно превосходное, не принимается въ странѣ, любящей примѣнять паръ ко всѣмъ частямъ хозяйства и ко всякимъ работамъ. По отчету нью-йоркскаго мера видно, что для пріобрѣтенія паровыхъ пожарныхъ снарядовъ есть уже до 20,000 долларовъ въ городской казнѣ, но ничего еще для покупки ихъ не сдѣлано. Между тѣмъ видно, что страсть къ тушенію пожаровъ 2,000 нью-йоркцамъ, приписаннымъ къ разнымъ пожарнымъ командамъ, не всегда обходится даромъ.

III.

Изъ города слѣдуетъ теперь перенестись на острова Блаквелль и Рандалль, чтобы посмотрѣть, какъ употребляются сбираемые съ города милліоны для призрѣнія бѣдныхъ, сиротъ и исправленія провинившихся. Но необходимо еще остановиться на судахъ штата Нью-Йорка. Основанія ихъ тѣже, какія вообще существуютъ для судовъ союза и отдѣльныхъ штатовъ: т. е. объѣзды судей, публичность словеснаго судопроизводства, присутствіе адвокатовъ и присяжныхъ. Это древнія народныя учрежденія англосаксовъ, безъ измѣненія перенесенныя на новую почву, а вмѣстѣ

съ ними перешли и такія установленія, которыя собственно были остаткомъ феодальныхъ временъ или остались отъ римлянъ; такъ до 1847 года существовалъ въ Нью-Йоркскомъ штатѣ канцлеръ (*chancellor*) и рядомъ съ высшимъ судомъ (*Supreme court*) канцлерскій судъ (*court of chancery*), далѣе вицеканцлеръ (*vicechancellor*) и его помощникъ (*asistant vicechancellor*).

Зато съ другой стороны Америка можетъ съ гордостью указывать на то, что каждый штатъ союза имѣетъ свои статуты, напечатанные, приведенные въ систему, и въ этомъ отношеніи Новый Свѣтъ далеко оставилъ за собою Англію, гдѣ, по выраженію самыхъ опытныхъ юристовъ, законъ составляетъ тайну и для народа и для судей. Отчасти писанный, отчасти обычный законъ уважается народомъ, какъ власть, налагая узду на произволъ, но не разъ уже стѣны парламента оглашались громкими и справедливыми жалобами, что существующій въ законахъ хаосъ недостоинъ страны и народа, имѣющихъ притязаніе идти въ главѣ всемірной цивилизаціи, что изъ 50 тысячъ статутовъ, внесенныхъ въ *statut book*, есть цѣлые десятки тысячъ отмѣненныхъ или замѣненныхъ, что адвокаты какіе то жрецы, вводящіе другихъ въ тайны своего искусства за плату, и т. д. Положеніе въ этомъ случаѣ Соединенныхъ Штатовъ выгоднѣе, да и было бы неестественно, если бы народъ не зналъ своихъ законовъ, тогда какъ каждый призывается въ судьи какъ присяжный и кромѣ того можетъ быть избранъ, какъ членъ судебнаго мѣста.

Въ Нью-Йоркѣ судьи избираются на опредѣленные сроки, и избираются изъ тѣхъ, кто умѣлъ заслужить расположеніе избирателей. Невыгоды отъ такого порядка ясны: желаніе угодить народу или сохранить его расположеніе, особенно въ дѣлахъ, гдѣ замѣшана цѣлая община, весь го-

родъ, потворство сильнымъ, слабость къ общимъ недостаткамъ, напримѣръ банкротству, часто незнаніе законовъ, и если бы не адвокаты, судья иного города невсегда могъ бы добраться до истины. Зато нельзя сказать, чтобы адвокатъ всегда былъ вѣжливъ съ судьею; *attorney* какъ будто чувствуетъ свою необходимость для самаго судьи, и такъ же мало слѣдитъ за собою въ судѣ, какъ и во всякомъ другомъ мѣстѣ. Рѣчь его громка, рѣзка, и подъ часъ могла бы быть сочтена оскорбительною для судьи.

Съ 1847 года суды штата Нью-Йорка устроены нѣсколько иначе, чѣмъ прежде. Для постепенности судебныхъ инстанцій принята за начало постепенность общины, отъ перваго ея зерна *town-ship* до графства и затѣмъ до штата. Для города Нью-Йорка сдѣланы изъятія; ему оставлены особенные городскіе судьи; и только въ высшихъ инстанціяхъ они подчинены верховному суду цѣлаго штата.

Апелляціонный судъ (*the court of appeals*) имѣетъ обязанностью по жалобамъ тяжущихся разсматривать рѣшенія низшихъ судовъ. Онъ состоитъ изъ осьми судей; четыре избираются въ эту должность цѣлымъ штатомъ и остаются на своемъ мѣстѣ восемь лѣтъ; и четверо другихъ берутся изъ высшаго суда (*supreme court*) штата и должны быть тѣ, которые наидолѣе въ своихъ должностяхъ и которымъ слѣдовательно остался наименьшій срокъ для службы. Судья получаетъ жалованья 2,500 долларовъ въ годъ, клеркъ 2,000 долларовъ и, какъ всегда, сумма эта не можетъ быть ни увеличена, ни уменьшена, пока тоже лицо въ должности. Это, повторяемъ, общее правило въ Америкѣ, чтобы отнять у народа возможность выражать свое нерасположеніе къ избранному имъ лицу, и у этого послѣдняго — побужденіе льстить народу и искать его расположенія.

Штатъ раздѣленъ на 8 судебныхъ округовъ, изъ нихъ одинъ составляется городомъ Нью-Йоркомъ, и въ извѣстные сроки судьи апелляціонного суда объѣзжаютъ ввѣренные имъ округа и творятъ въ нихъ судъ и правду. Но постоянно въ округахъ есть свои высшіе суды (*supreme courts*), состоящіе изъ нѣсколькихъ, смотря по населенію, судей, которые опять не остаются безвыѣздно въ главномъ городѣ или мѣстѣ графства, но разъѣзжаютъ и учреждаютъ суды вездѣ, гдѣ въ правдѣ открывается нужда. Сюда приносятся жалобы на суды графствъ (*county courts*), и разбору ихъ ввѣрены гражданскія дѣла по закону и по совѣсти. Такимъ образомъ и въ каждомъ штатѣ и въ каждомъ его подраздѣленіи есть свой *объѣздъ* (*circuit court*). Наконецъ для каждаго графства, на которыя распадаются судебные округи, есть свои суды (*county courts*), разсматривающіе дѣла о недвижимой собственности, находящейся въ графствѣ или когда въ немъ имѣютъ пребываніе обѣ тяжущіяся стороны, и долгъ или вообще денежная претензія не превосходитъ 2,000 долларовъ, или въ дѣлахъ объ обидахъ и убыткахъ, когда взысканіе за нихъ простирается до 500 долларовъ. Судья графства (*the county judge*) избирается на четыре года.

Для разбора уголовныхъ дѣлъ есть особые суды: такъ-называемые *courts of oyer and terminer* для каждаго графства. Они состоятъ изъ судьи высшаго суда, который предсѣдательствуетъ, изъ судьи графства и двухъ мирныхъ судей. Постоянные уголовные суды, *courts of sessions*, составляются изъ судьи графства и другихъ мирныхъ судей, избираемыхъ общинами (*townships*).

Въ городѣ Нью-Йоркѣ для дѣлъ, касающихся однихъ городскихъ жителей и ихъ собственности, учреждены особые гражданскіе суды: есть свой высшій судъ (*superior*

court), своя средняя инстанція (*common pleas*) и наконецъ городскій судья (*city judge*). Замѣчу мимоходомъ, что всѣ эти судьи получаютъ жалованья по 5,000 долларовъ, а клерки при судахъ 2,500 долларовъ. Кромѣ того по множеству дѣлъ, возникающихъ въ Нью-Йоркѣ, о морскихъ аваріяхъ, убыткахъ по морской торговлѣ и т. п. есть въ городѣ свой морской судъ (*marine court*).

Нечего говорить, что производство быстро, и въ случаѣ приговора къ смертной казни, губернаторъ, также избранный народомъ управлять штатомъ въ теченіе положеннаго по конституціи времени, имѣетъ право помиловать или замѣнить наказаніе болѣе легкимъ, если представляются къ тому основанія, и этимъ высокимъ правомъ, принадлежащимъ въ другихъ странахъ монархамъ, губернаторы штатовъ пользуются по своему усмотрѣнію, кромѣ дѣлъ объ измѣнѣ, на которыя ихъ власть не распространяется.

Вообще американское судопроизводство представляетъ много сторонъ, которыя достойны подробнаго изученія и, въ случаѣ возможности, примѣненія, и если основа его англійская, писавшіе конституцію умѣли воспользоваться выгодами молодаго, несвязаннаго исторіею государства, и то, что не могло бы быть введено въ Англіи, хотя бы сознавались его польза и даже необходимость, безъ большаго затрудненія введено на новомъ континентѣ. Дешевизна, простота, скорость производства — завидныя блага, для которыхъ можно пожертвовать инымъ историческимъ анахронизмомъ, какимъ нибудь учрежденіемъ, которымъ дорожатъ только потому, что оно старо. Надобно въ этомъ отношеніи отдать честь Америкѣ, и ея выгода въ томъ и состоитъ, что законодательство у каждаго штата свое и никто не стѣсняется тѣмъ, выгодно-ли будетъ нововведеніе сосѣду или что о немъ скажутъ другіе. Будетъ оно нехорошо, найдутся

средства замѣнить его лучшимъ. Если есть зло, оно происходитъ отъ того, что судьи избираются народомъ, и хотя на восемь лѣтъ срокъ ограниченъ для такой важной должности, какова судейская. Этимъ отчасти обстоятельствомъ можно объяснить жалобы американцевъ на то, что преступленія, въ очевидности которыхъ не можетъ быть сомнѣнія, остаются иногда ненаказанными, и съ другой стороны на то, что судья не всегда остается глухъ къ деньгамъ и подкупу. Средства противъ зла, которое прямо уничтожаетъ пользу, ожидаемую отъ учрежденія судовъ, видятъ въ томъ, чтобы въ судьи выбирались люди, приготовленные для занятія этихъ мѣстъ, и чтобъ срокъ службы былъ по возможности длиннѣе. Безсрочность при выборахъ невозможна, и она была бы опаснѣе, потому что нельзя бы отвязаться отъ человѣка, можетъ быть честнаго, но недѣятельнаго или неспособнаго.

IV.

Съ уголовнымъ производствомъ тѣсно связано учрежденіе тюремъ. Въ законодательствахъ, не допускающихъ ссылки и не признающихъ тѣлесныхъ наказаній, на тюрьмы обращено всегда большое вниманіе. Такъ и должно быть: наказывая, государство не мститъ сырою, душною комнатою, гнилою пищею, а лишаетъ только провинившагося возможности вредить ближнему, и съ другой стороны не можетъ допустить, чтобы, оставаясь въ тюрьмѣ за вину, человѣкъ имѣлъ болѣе благъ, чѣмъ тотъ, кто живетъ на свободѣ и питается работою. Наконецъ народъ долженъ быть увѣренъ, что разъ удаленный изъ среды его не явится вновь безпокоить общественнаго міра. Въ Америкѣ вопросъ объ устрой-

ствѣ тюремъ не новый, напротивъ ими Америка можетъ гордиться не менѣе своихъ школъ; другія страны пользовались въ свою очередь опытами, сдѣланными за океаномъ, и Нью-Йоркъ представляетъ своими тюрьмами и богадѣльными заведеніями примѣръ, который объясняется множествомъ въ немъ бѣдныхъ и несчастныхъ разнаго рода, обиліемъ преступленій и, сдѣдовательно, частымъ употребленіемъ тюремнаго заключенія. Замѣчательно, что въ особенно важныхъ преступленіяхъ, гдѣ нагло оскорблены и попраны святыя чувства чести, гдѣ лицо скопило надъ своею головою нѣсколько преступленій и наконецъ вина доказана, народъ не хочетъ какъ бы ждать обыкновеннаго суда, опасаясь, чтобы доказательства не были найдены недостаточными и самъ присвоиваетъ право суда и наказанія. Чтобы избавить преступника отъ т. н. линча (*lynch*), его нерѣдко возятъ изъ тюрьмы въ тюрьму, желая скрыть отъ народа мѣсто его пребыванія, но таже опасность въ день суда. Бывали примѣры, особенно въ дѣлахъ о преслѣдованіи бѣглыхъ негровъ, что бѣлые преслѣдователи падали жертвами своей алчности отъ руки какого-нибудь защитника свободы, если поиски производились въ вольномъ штатѣ, недопускающемъ рабства.

При каждомъ полицейскомъ судѣ есть своя тюрьма или лучше арестантская, гдѣ пойманные въ теченіе сутокъ ждутъ себѣ предварительнаго, такъ сказать, приговора — будутъ-ли они отосланы къ уголовному суду или освобождены. Но самая замѣчательная и единственная по архитектурѣ тюрьма находится въ центрѣ города и называется *гробами*, *Tombs*. Большое квадратное пространство застроено зданіемъ изъ темносѣраго гранита, добытаго въ штатѣ Мэнѣ, массивныя колонны поддерживаютъ портикъ, ведущій въ суды, а за тѣмъ особый внутренній дворъ обнесенъ глухою,

гранитною же стѣною, въ которой довольно высоко продѣланы для свѣта и воздуха косыя отверстія, окошекъ же вовсе нѣтъ. Къ заключеннымъ до суда и свидѣтелямъ, которыхъ держатъ до отобранія отъ нихъ показаній, и которые не взяты на поруки, доступъ легокъ, и вообще, какъ всѣ заведенія въ Америкѣ, такъ и тюрьмы, открываются предъ каждымъ, особенно иностранцемъ. Въ корридоръ выходятъ рѣшетчатыя двери келій, такъ что теченіе воздуха свободно, и имѣвшій несчастіе попасть сюда можетъ безъ ущерба здоровью ждать здѣсь своей участи. Для каждаго своя келья; малолѣтные отдѣлены отъ взрослыхъ; къ работѣ никто не принуждается, такъ что до осужденія никто не предполагается виноватымъ и всякому позволяется имѣть удобства, какія онъ можетъ себѣ доставить.

Но чтобы получить высокое понятіе, къ чему способенъ американецъ, хотящій и изъ преступника извлечь пользу, давая ему хлѣбъ и употребляя его силы на благо промышленности, равно какъ, до чего простирается заботливость этого съ виду холоднаго, мало говорящаго, но глубоко чувствующаго свои обязанности къ несчастнымъ и бѣднымъ, необходимо отправиться на островъ Блаквелль (*Blackwell's Island*), находящійся въ концѣ города на Восточной рѣкѣ, и подлѣ него на островъ Рандалль. Во всѣхъ концахъ города есть свои благотворительныя заведенія, свои пріюты для бѣдныхъ и сиротъ, для бѣлыхъ и чорныхъ, для больныхъ и лѣнивыхъ, но названные острова только и назначены для призрѣнія и исправленія, и потому посѣщеніе ихъ оставляетъ отрадное чувство.

Запасшись въ Нью-Йоркѣ въ канцеляріи рабочаго дома билетомъ, который выдали безъ всякихъ хлопотъ и распросовъ, я долженъ былъ пересѣчь весь городъ, пока не добрался до берега Восточной рѣки. На другомъ ея берегу от-

крывается цѣлый рядъ тюремъ и исправительныхъ заведеній, но надобно было дождаться лодки съ острова, которая бы перевезла; она принадлежитъ управленію тюремъ, и удостовѣрившись въ томъ, что вы дѣйствительно обладаете разрѣшеніемъ посѣтить ихъ, перевозитъ чрезъ рѣку безъ всякаго вознагражденія.

Трудно выбрать лучше мѣсто для этого рода заведеній. Издали островъ имѣетъ видъ сада, среди котораго выдвигаются огромныя зданія и его положеніе таково, что стража если не совершенно излишня, во всякомъ случаѣ ея гораздо меньше, чѣмъ было бы необходимо въ другихъ случаяхъ, а между тѣмъ воздухъ всегда чистый, и исправляя нравственность преступника или призрѣвая бѣднаго и имѣющаго нужду въ работѣ, правительство не разстроиваетъ здоровья заключеннаго.

Заведенія на островѣ Блаквеллѣ расположены въ такомъ порядкѣ. Съ краю, начиная отъ нью-йоркскаго мыска, помѣщена тюрьма (*penitentiary*) и при ней больница; въ срединѣ острова богадѣльня (*almhouse*), за нею рабочій домъ, и на другомъ концѣ домъ умалишенныхъ. Здѣсь нѣтъ никакого другаго жилья, кромѣ принадлежащаго къ исчисленнымъ заведеніямъ. Острова Блаквелль и Рандалль, съ находящимися на нихъ постройками, находятся въ завѣдываніи десяти директоровъ, которые изъ себя составляютъ особое вѣдомство, и по отчету ихъ за 1857 годъ оказывается, что всего призрѣвалось на счетъ города до 8,000 человѣкъ разныхъ половъ и возрастовъ, и сборовъ (*taxes*) на содержаніе ихъ поступило 843,600 долларовъ. Само собою разумѣется, что содержащіеся въ исчисленныхъ заведеніяхъ распредѣлены по возрастамъ, степенямъ преступности, поламъ, и что бѣдные и нуждающіеся въ работѣ отдѣлены совершенно отъ преступниковъ.

Я началъ свой обзоръ съ тюрьмы. Она назначена для уголовныхъ и полицейскихъ преступниковъ, приговоренныхъ къ заключенію до двухъ лѣтъ. Обурнская система и здѣсь предпочитается такъ—называемой пенсильванской, требующей, чтобы человѣкъ, заключенный на самые продолжительные сроки, работалъ и жилъ постоянно одинъ, не видя никого и не сообщаясь ни съ кѣмъ, кромѣ тюремнаго смотрителя, духовника или пастора и нѣкоторыхъ избранныхъ посѣтителей. Всѣ обязаны работать и по общепринятому въ Америкѣ правилу работы производятся не правленіемъ самой тюрьмы, а особыми подрядчиками, которые, нанявъ силу заключеннаго, показываютъ ему, что какъ дѣлать, доставляютъ свои матеріялы, совершенствуютъ такимъ образомъ способности человѣка, который часто отъ незнанія ремесла обращается въ негодяи, и за то произведенія наняттаго труда принадлежатъ промышленнику. Требованіе на трудъ арестантовъ соразмѣряется съ требованіемъ произведеній, и замѣчательно, что торговый кризисъ 1857 года имѣлъ вліяніе и на ослабленіе дѣятельности тюремъ. Мнѣ постоянно приходилось слышать о томъ отъ смотрителей заведеній и видѣть самому, что магазины тюремъ переполнены мебелью, сапогами, замками, вяленными войлочными шляпами, и тому подобными товарами, и за недостаткомъ сбыта подрядчикъ какъ бы закрываетъ фабрику, то—есть отказывается отъ наемной работы заключенныхъ. Тогда они обращаются на домашнія занятія, строятъ разныя принадлежности для тюрьмы, роятъ канавы, и вообще большая часть мѣстъ заключенія выстроена самими же заключенными, огромный дворъ обнесенъ высокою стѣною, но изъ тюрьмы и мастерскихъ не выводится введенный въ нихъ преступникъ. Для того нужно было бы много стражи и при всемъ надзорѣ побѣги бывали бы чаще. Теперь наоборотъ

стражи не видать вовсе и побѣги, сравнительно по крайней мѣрѣ съ числомъ заключенныхъ, случаются рѣдко.

Въ двухъ отдѣльныхъ зданіяхъ нью-йоркскаго *penitentiary* на островѣ Блаквеллѣ, заключается 500 келій для мужчинъ и 240 для женщинъ. Полы совершенно разъединены. Осужденные за полицейскіе проступки отличаются и платьемъ и мѣстомъ заключенія отъ осужденныхъ за уголовныя преступленія: первые въ синемъ платьѣ, вторые въ полосатомъ, синемъ съ бѣлымъ. Работа днемъ въ небольшихъ мастерскихъ есть необходимое требованіе отъ заключенныхъ. Хотя при огромной торговлѣ Нью-Йорка нѣсколько лишнихъ произведеній не могли бы вредно дѣйствовать на вольную работу, но такъ какъ трудъ считается въ Америкѣ лучшимъ правомъ человѣка, то заставлять работать въ наказаніе было бы унизительно для честнаго и свободнаго труда, и по крайней мѣрѣ соперничество этихъ двухъ разрядовъ работъ было бы вредно. Вслѣдствіе того избираются для заключенныхъ занятія, которымъ вольный работникъ или вовсе себя не посвящаетъ, или выдѣлываются вещи, привозимыя изъ-за границы, или наконецъ предметы, которые потребляются въ такомъ количествѣ, что свободный работникъ не можетъ удовлетворить всѣмъ на нихъ требованіямъ.

Съ 6 часовъ утра заключенные—за работою, каждый въ своей мастерской; завтракъ, обѣдъ и ужинъ въ общей столовой, гдѣ для каждаго на скамейкѣ свое мѣсто и предъ нимъ на столѣ его оловянный приборъ. Утренній завтракъ состоитъ изъ кофе и хлѣба, въ 12 часовъ обѣдъ изъ супа, мяса, зелени и хлѣба, вечеромъ въ 6 часовъ дается отваренный маисъ или другая вареная зелень. На паровой кухнѣ, которая своею опрятностью сдѣлала бы честь любому заведенію и не для преступниковъ, можно видѣть, какъ американецъ, врагъ мелочной скаредности, не жалѣетъ необ-

ходимаго, и когда я пробовалъ бѣлый мягкій хлѣбъ и спрашивалъ у *officer'a*, водившаго меня по темницѣ, достаточно ли порціи для заключеннаго работника, и ждалъ отвѣта, что болѣе положеннаго давать нельзя, услышалъ совсѣмъ иное: «мало, дадимъ еще». Честность и добросовѣстность тѣхъ, кому поручена тюрьма, служитъ ручательствомъ, что ничто не пропадетъ даромъ и по отчетамъ видно, что не тратятся даже тѣ суммы, которыя собраны съ народа для содержанія мѣстъ заключенія. На ночь всякій отправляется въ свою узкую келью, которая днемъ, пока жилецъ ея былъ на работѣ, провѣтривалась. Въ корридорахъ газъ и при свѣтѣ его заключенный можетъ читать или писать. Двери на замкѣ, а черезъ рѣшетчатую дверь видно все, что дѣлается въ кельѣ. Ночная стража не отлучается изъ корридора, для предупрежденія побѣговъ, потому что цѣпи и кандалы никогда не налагаются на руки и ноги преступника, и наказанія состоятъ въ заключеніи на цѣлые дни въ темную келью, въ уменьшеніи порцій и въ холодныхъ душахъ, пускаемыхъ на голую спину и на шею провинившагося. Въ воскресенье совершается богослуженіе, на которомъ заключенные присутствуютъ также молча.

Второе на островѣ Блаквеллѣ заведеніе есть городская богадѣльня (*almhouse*). Она призрѣваетъ до 2000 мужчинъ и женщинъ, немогшихъ по недостатку работы, по старости, слабости, содержать себя, или получавшихъ за работу менѣе, чѣмъ сколько было необходимо для пропитанія себя и семьи. Всѣ эти старики и старухи призрѣваются на счетъ города, имѣютъ чистое помѣщеніе, въ просторныхъ залахъ поставлены постели, дряхлые и вообще неспособные къ работѣ не несутъ никакихъ обязанностей, могутъ гулять, грѣться на солнцѣ, не оставляя впрочемъ отведенной для нихъ части острова. Надзора или принужденія вовсе не ви-

дишь, и съ величайшимъ трудомъ могъ я отыскать надзирателя или сторожа. Болѣе здоровыя женщины работаютъ для заведенія, варятъ, шьютъ, моютъ. Въ богадѣльнѣ три большихъ залы для грудныхъ дѣтей (*babies rooms*) и больница. Но и эта помощь, щедро раздаваемая всякому, кто придетъ въ богадѣльню, оказывается недостаточною для города, въ которомъ такъ много пришлаго населенія, безъ родства и опоры отъ своихъ, и вспомоществованіе раздается также внѣ заведенія. Въ концѣ 1857 года, когда торговой кризисъ оставилъ многихъ безъ работы, число бѣдныхъ, которымъ помощь давалась на дому, простиралось до 2300 человѣкъ.

Работа становится принудительною, какъ скоро пьянство, бродяжничество, нищенство были причиной осужденія къ содержанію на островѣ Блаквеллѣ въ рабочемъ домѣ (*Workhouse*), не болѣе впрочемъ года. Планъ устройства этого единственнаго если не по цѣли, то по объему заведенія состоитъ въ томъ, что отъ центра его расходится четыре крыла. Изъ нихъ каждое, въ три этажа, можетъ помѣстить въ себѣ по 600 человѣкъ, всего слѣдовательно 2400 праздныхъ, которымъ надобно дать работу и содержаніе. Въ мое время оно не было еще кончено, но можно было и по существующему заключить о будущей пользѣ заведенія этого рода. Цѣль рабочаго дома благая: вмѣстѣ съ наказаніемъ пріучить вступившихъ въ него къ труду и нѣсколько обезпечить по крайней мѣрѣ въ первые дни по выходѣ на свободу отъ нищеты и можетъ быть болѣе тяжкаго преступленія. Часть заработной платы остается въ пользу заключеннаго и отдается ему по выходѣ изъ заведенія. Неужели, спросилъ я у надзирателя, ведшаго меня по зданію, всѣ эти и будущія мастерскія будутъ всегда полны народу? Неужели мало было для воспитанія и призрѣнія всѣхъ тѣхъ заведеній, которыя уже существуютъ въ Нью-Йоркѣ? Конечно, мало,

былъ его отвѣтъ. Впрочемъ не самое-ли множество заведеній, гдѣ о человѣкѣ хлопочутъ, гдѣ ему тепло, гдѣ онъ сытъ, способствуетъ развитію бѣдности и распространенію порока? Американецъ, конечно, не пойдетъ своею волею въ богадѣльню, онъ съумѣетъ всегда найтись и зашибить долларъ; но большая часть населенія острова Блаквелля ирландцы, нѣмцы, народъ безпомощный, пріѣхавшій изъ-за моря за долларами и нашедшій здѣсь туже бѣдность, которая не давала ему покоя въ Старомъ Свѣтѣ. Для устройства заведенія воспользовались прежними опытами, паръ примѣненъ къ кухнѣ, отопленію, рельсы положены по всѣмъ коридорамъ для распредѣленія пищи по разнымъ этажамъ, на провѣтриваніе комнатъ также обращено должное вниманіе и признаюсь, какъ ни грустно было ходить изъ одной тюрьмы въ другую, видѣть вездѣ порокъ и преступленіе, утѣшаешься мыслію, что не забыты бѣдный и несчастный, для пользы ихъ по возможности сдѣлано все, что въ силахъ человѣка, чтобы подавить дурныя наклонности въ молодости, направить волю къ добру и затѣмъ по паденіи поднять павшаго работою и необходимостію размышленія.

Главная забота въ Америкѣ при размѣщеніи виновныхъ состоитъ въ томъ, чтобы разные возрасты не смѣшивались, и особенно малолѣтные тщательно отдѣляются отъ взрослыхъ, чтобы язва порока не распространялась безпрепятственно и притомъ именно тамъ, гдѣ она наказывается. Малолѣтные преступники Нью-Йорка удалены даже на другой островъ, на островъ Рандалль. На немъ два заведенія: одно сиротское (*Nursery*), для призрѣнія и воспитанія безпомощныхъ, потерявшихъ родителей, другое для преступныхъ требующихъ исправленія посредствомъ пріученія къ порядку и труду (*House of refuge*). Въ послѣднее по приговору судовъ отсылаются дѣти, начиная отъ шести до 16-ти лѣтняго возраста, оказавшіяся виновными въ воровствѣ, обма-

нѣ, бродяжничествѣ, и остаются здѣсь до 21 года, послѣ чего отпускаются, если прежде достиженія этого возраста не взяты мальчики фермерами въ работники, на фабрики, дѣвушки для услугъ въ домахъ и вообще если остались не пристроенными до того времени. Для наблюденія за тѣмъ, чтобы благая цѣль, которая имѣется въ виду этого учрежденія, дѣйствительно достигалась, есть особое общество (*society for the reformation of juvenile delinquents*), считающее въ числѣ своихъ членовъ многихъ благотворительныхъ дамъ.

Подошедши къ прибѣжищу для малолѣтныхъ преступниковъ, не вдругъ догодаешься о назначеніи зданія: его скорѣе можно бы было принять за домъ богатаго человѣка, чѣмъ за тюрьму. Фронтонъ въ колоннахъ, длинное двухъэтажное зданіе, надъ нимъ виднѣется легкій куполъ. Вошедши въ свѣтлую чистую переднюю, я нашелъ въ ней за *office*, молодую даму, чѣмъ-то прилежно занятую, ведшую кажется, списки воспитанникамъ. Она приняла меня вѣжливо, ласково, ввѣрила надзирателю, который, овладѣвъ мною и узнавъ, что я русскій, старался блеснуть не великолѣпіемъ, не роскошью устройства, но дѣйствительною пользою, которой отъ заведенія ждетъ народъ. Устройство зданія довольно просто: изъ большой центральной залы, выходящей полумѣсяцемъ въ дворъ, идутъ на подобіе спицъ колеса четыре длинныхъ двухъ-этажныхъ флигеля. Въ срединѣ ихъ устроены кельи, обращенныя къ обѣимъ стѣнамъ зданія и раздѣленныя одна отъ другой глухими стѣнами. Противъ дверей этихъ помѣщеній окна и этимъ достигается, что воздухъ въ нихъ всегда чистой и свѣжій. Въ верхнемъ этажѣ классы; ученію посвящается по 4 часа въ день, прочее время отдано работѣ, которая и здѣсь также по найму городскими промышленниками. Въ мастерскихъ, находящихся отдѣльно отъ зданій, гдѣ помѣщаются классы и

спальни, я встрѣтилъ сапожниковъ, башмачниковъ, столяровъ, и посмотрѣли бы вы, съ какою охотою бѣлый мальчикъ, рядомъ съ чернымъ, вбиваетъ гвозди въ сапоги, плететъ изъ тростника сидѣнія для стульевъ, шьетъ, скребетъ, куетъ, такимъ образомъ самъ выплачиваетъ за попеченіе о своей нравственности, мало стоитъ государству и, привыкнувъ къ труду и работѣ, возвращается обществу полезнымъ гражданиномъ, входитъ въ общую семью и счастливъ, если, нашаливъ съ молоду, попался въ заведеніе, гдѣ его успѣли исправить, прежде чѣмъ порокъ въ немъ укоренился и выразился въ болѣе тяжкихъ преступленіяхъ, за которыя потомъ онъ долженъ бы былъ поплатиться долговременнымъ тюремнымъ заключеніемъ.

Для дѣвочекъ, уличенныхъ также въ проступкахъ, обманѣ, воровствѣ, бродяжничествѣ, предположено тутъ же на островѣ Рандаллѣ выстроить другое убѣжище (*refuge*). Пока онѣ помѣщаются въ одномъ изъ флигелей заведенія для мальчиковъ, шьютъ для нихъ бѣлье, платье, въ замѣнъ башмаковъ, мебели, которыми снабжаетъ ихъ другая половина заведенія, остальное время посвящено ученію въ классахъ и изъ испорченныхъ дѣвочекъ современемъ могутъ выйти исправныя служанки, хорошія жены и матери, и все это безъ излишняго обремененія общества и государства, все это изъ средствъ, самими же гражданами доставляемыхъ. Цѣль этого заведенія велика, и плоды, получаемые отъ него обществомъ, благодѣтельны. Со времени основанія заведенія до конца 1856 года попеченіе общества простиралось на 6884 дѣтей, и въ одинъ 1856 годъ—на 858; изъ нихъ городу Нью-Йорку принадлежала $^1/_5$ часть, и всего болѣе призрѣвалось ирландцевъ. Ученіе слову Божію и ежедневная молитва, слушаніе уроковъ чтенія (большая половина изъ присылаемыхъ въ заведеніе безграмотна) и ариѳметики, наконецъ производительная работа въ состоя-

ніи въ нѣкоторой степени совершенно измѣнить натуру дѣтей, и сколько видно изъ отзывовъ хозяевъ и фермеровъ, къ которымъ поступили воспитанники и воспитанницы, цѣль эта дѣйствительно достигается. Работниками, которыхъ при другихъ условіяхъ ждали бы бѣдность и тюрьма, довольны, и заведеніе, переписываясь съ хозяевами, не перестаетъ слѣдить за питомцами и по выходѣ ихъ изъ стѣнъ убѣжища. Въ теченіе 1856 года къ однимъ фермерамъ было отдано 145 бѣлыхъ и 13 цвѣтныхъ мальчиковъ, способныхъ къ сельскимъ работамъ, прочіе же, трудясь въ заведеніи, принесли ему дохода 13,414 дол.

Въ сиротскомъ домѣ, который также гостепріименъ и также охотно открылъ свои двери иностранцу, я засталъ дѣтей на широкомъ дворѣ въ виду Истъ-Ривера (Восточной рѣки): они бѣгали, рѣзвились, играли, на всю братью былъ одинъ надзиратель, дѣтямъ, какъ вездѣ въ американскихъ школахъ, предоставлена полная свобода. Солнце начинало уже закатываться, когда я, оставивъ дальній островъ, спѣшилъ возвратиться въ городъ, но далеко провожали меня свѣжіе дѣтскіе крики сиротъ, забывшихъ, что чужіе имъ замѣнили самыя дорогія и нѣжныя существа. Право, такъ и хочется оставить здѣсь не какую нибудь помощь, не денегъ: ихъ никто не проситъ, въ нихъ здѣсь надобности не чувствуютъ, но благословеніе Небу и тѣмъ, которые стали исполнителями Его святыхъ велѣній!

Впрочемъ было бы несправедливо ограничивать сиротскія заведенія Нью-Йорка однимъ Рандалльскимъ: въ самомъ городѣ есть подъ разными названіями пріюты для сиротъ (*orphan asyllum*), равно какъ для страждущихъ, слѣпыхъ (*institution for the blinds*), для глухо-нѣмыхъ (*deaf and dumb asylum*), для безпріютныхъ цвѣтныхъ (*the colored orphan asylum*), даже для сумасшедшихъ (*the*

Bloomingdalle asylum for the insane). Большая часть изъ нихъ учреждена обществами, содержится на частныя средства и приноситъ пользу большому городу, гдѣ такъ много безпріютнаго населенія. Впрочемъ трудно найти городъ въ Америкѣ, гдѣ бы частная и общественная благотворительность не обратила своего призрѣнія на нечастныхъ, лишенныхъ своими физическими и нравственными недостатками средствъ содержать себя. Конечно, Нью-Йоркъ щеголяетъ своими благотворительными заведеніями и въ числѣ ихъ я долженъ упомянуть еще о домѣ умалишенныхъ на островѣ Блаквеллѣ. Въ концѣ прошедшаго года здѣсь находилось 627 несчастныхъ обоего пола и къ содержанію ихъ стараются примѣнить тѣже начала свободы, которыя существуютъ для другихъ благотворительныхъ заведеній. Больные размѣщены днемъ въ большихъ залахъ, и если погода не позволяетъ гулять на воздухѣ и въ саду, принадлежащемъ заведенію, для этой цѣли устроены вокругъ всего дома крытыя галлереи. Спальни свѣтлы, просторны и обыкновенно для двоихъ. Въ нѣкоторыхъ комнатахъ стѣны разрисованы, расписаны самими содержащимися въ нихъ или оклѣены картинами. Меня провожалъ молодой докторъ, очевидно пользующійся расположеніемъ ввѣренныхъ попеченію его больныхъ; съ каждымъ онъ говорилъ, вторя, такъ сказать, его помѣшательству, и чтобы показать, на чемъ американецъ легче всего сходитъ съ ума, докторъ подвелъ меня къ одному, повидимому, совершенно здоровому человѣку. Онъ сидѣлъ, углубившись въ какіе-то разсчеты, чертилъ, поправлялъ. Докторъ представилъ меня въ качествѣ путешественника изъ Россіи, мой новый знакомый подалъ мнѣ руку, сталъ доказывать возможность переплыть Атлантическій океанъ въ 24 часа, завладѣть при помощи этого секрета Англіею, Кубою и такъ далѣе. Другой толковалъ о

долларахъ, мечталъ о богатствахъ и сошелъ съ ума оттого что раззорился.

Кромѣ воздуха, прогулокъ, кротости, снисходительности, прибѣгаютъ къ занятіямъ естественною исторіею, въ шкапахъ разставлены чучела животныхъ, есть нѣсколько рыбъ, камней, и больные интересуются ими. Отлученіе отъ другихъ, уменьшеніе порціи или непозволеніе заниматься любимымъ предметомъ служитъ наказаніемъ для непослушныхъ, и какъ ни странно видѣть, что въ крайнихъ случаяхъ прибѣгаютъ къ холоднымъ душамъ, докторъ объяснялъ мнѣ ихъ пользу тѣмъ, что при ударѣ струи холодной воды проходятъ сильные припадки сумасшествія, что такимъ образомъ средство это считается радикальнымъ и по крайней мѣрѣ не раздражающимъ подобно камзоламъ, въ которыхъ мучатъ несчастныхъ, оставляя ихъ безъ движенія, цѣпямъ и тому подобнымъ мѣрамъ стѣсненія. Лишаетъли холодная вода, употребляемая какъ наказаніе, докторовъ возможности прибѣгать къ ней, какъ лекарству, это другой вопросъ, подлежащій разсмотрѣнію врачей: во всякомъ случаѣ опыты Америки не могутъ оставаться безъ вниманія со стороны людей, которымъ дорого здоровье ввѣренныхъ имъ больныхъ.

V.

Устья Худсона и Истъ-Ривера образуютъ такое же множество острововъ, какъ наша Нева, и ими также пользуются богатые нью-йоркцы для лѣтнихъ дачъ. Ближе всего Бруклинъ на Лонгъ-Эйландѣ, порядочный, впрочемъ, самъ по себѣ городокъ съ 200,000 жителей, 80 церквами разныхъ наименованій, отелями, театрами и другими мѣстами увеселеній. Для Нью-Йорка это удобное предмѣстье, и мно-

гіе богатые негоціанты имѣтъ только одни магазины на Бродвеѣ, а постоянное жительство въ Бруклинѣ. Паровые перевозы безпрестанно снуютъ между двумя берегами Истъ-Ривера, и всякій богатый и знатный нью-йоркецъ, если не при жизни, то по смерти побываетъ въ Бруклинѣ. Здѣсь аристократическое кладбище Нью-Йорка, извѣстное Гринвудское кладбище (*Grenwood cemetery*), *Père-la-Chaise* американской столицы. Оно устроено и содержится компаніею на акціяхъ, и представляетъ одно изъ лучшихъ мѣстъ прогулки для жителей Бруклина и Нью-Йорка. Въ простой день оно постоянно открыто для всѣхъ, а въ воскресенье только для родственниковъ погребенныхъ. Кромѣ лѣсу, которымъ покрыто мѣсто, на 242 акрахъ находятся самые разнообразные пригорки, аллеи, и едва ли съ другаго пункта города представляется болѣе открытая картина на далекое море съ развѣвающимися на немъ парусами и дымящимися пароходами, на Статенъ-Эйландъ съ его зеленѣющимися садами и виллами, зданіями карантина и больницы, далѣе на Нью-Джерсей, раскинувшійся по другую сторону Худсона. Мѣста на Гринвудскомъ кладбищѣ уступаются въ собственность отдѣльнымъ семействамъ и за пространство въ 80 квадратныхъ футъ платятъ 110 долларовъ. Есть цѣлые кварталы, отведенные для моряковъ, пожарныхъ и даже для погребенія иностранцевъ, которые умрутъ въ Нью-Йоркѣ безъ родныхъ: мѣсто для нихъ пріобрѣтено на частныя пожертвованія и на могилахъ есть нѣсколько простыхъ, но краснорѣчивыхъ памятниковъ. Знатные *princes merchants* соперничаютъ между собою богатствомъ мрамора и металловъ, которыми украшаютъ памятники, и если не лучше, по крайней мѣрѣ богаче всѣхъ памятниковъ поставленъ на мѣстѣ погребенія дѣвицы Шарлоты Канда, богатой наслѣдницы, умершей въ цвѣтѣ лѣтъ отъ ушиба. Безутѣшный

отецъ старался выразить свою печаль разными мраморными изваяніями, урнами, плачущими нимфами, и всякій годъ прибавляется что-нибудь къ этому и безъ того сложному памятнику.

Нѣсколькихъ недѣль было едва достаточно для Нью-Йорка, чтобы хорошо ознакомиться съ жизнью въ немъ и безспорно это лучшій образчикъ чисто американскаго города со всѣми его добрыми и дурными качествами, чтобы ни говорили про него пуритане-янки. Здѣсь нѣтъ бостонской исключительности. Но отчего, прощаясь съ Нью-Йоркомъ, думалъ я, многое не нравится лично въ отдѣльныхъ американцахъ, многое оскорбляетъ наши чувства, а между тѣмъ отойдешь немного въ даль, посмотришь на этотъ бодрый, умный, практическій народъ и начинаешь благоговѣть предъ его дѣятельностью, смѣлостью, предъ его твердымъ воззрѣніемъ на вещи? Въ Америкѣ можно не любить частностей, но нельзя не любить общаго, не удивляться тому, до чего Европа дойти не можетъ, и это удивленіе выносишь къ народу, который управляетъ самъ собою, и къ учрежденіямъ, которыя безъ чужой помощи даютъ человѣку столько счастія и благъ, сколько онъ вмѣстить можетъ. Но на порогѣ Европы должно оставить много убѣжденій, много отличій, которыя въ Новомъ Свѣтѣ при общемъ равенствѣ не будутъ оцѣнены, какъ бы хотѣлъ ихъ обладатель, и это-то непониманіе новыхъ отношеній, это-то приносимое иностранцемъ неуваженіе къ понятіямъ новой страны, непризнающей кастъ и средневѣковыхъ феодальныхъ различій, бываетъ причиною неудовольствія. Но когда не чувствуешь боли на локтяхъ отъ ударовъ бѣгущихъ американцевъ, когда подлѣ васъ за обѣдомъ уже не сидитъ вѣчно спѣшащій американецъ, дѣло другое. Тутъ его любишь, ему удивляешься!

ГЛАВА VII.

ОТЪ НЬЮ-ЙОРКА ПО ХУДСОНУ ДО МОНРЕАЛЯ.

Рѣка Худсонъ.—Догадка объ его образованіи.—Историческое значеніе Худсона.—Сингъ-сингская тюрьма.—Клинтонъ-Пойнтъ.—Вестпойнтская военная академія.—Ольбани и правительство штата.—Троя.—Озеро Шамплэнъ.—Канадцы; языкъ и деревни ихъ.—Ренты и сеньеріи—Рѣка Св. Лаврентія.—Монреаль.—Исторія Канады.—Парламентъ и управленіе Канады.—Католическія школы.—Церкви.—Образъ жизни.—Ла-Шинъ.—Тысяча острововъ

I.

Есть имена, названія мѣстъ, рѣкъ, предъ которыми невольно благоговѣешь. Воображеніе любитъ представлять все въ громадныхъ размѣрахъ, въ величественной обстановкѣ. Неправда ли, если назвать рѣки Гудсонъ, Св. Лаврентія, Миссисипи, вы вообразите себѣ огромныя массы воды, текущія среди богатыхъ береговъ, вы видите, какъ цѣлые флоты кораблей и параходовъ движутся по этимъ волнамъ и счастливятъ народонаселеніе тамошняго края. И что же? глазъ, привыкшій къ нашимъ рѣкамъ, пораженъ дѣйствительностью того, что вдали рисовалось въ какомъ-то туманѣ. Я помню безмолвное изумленіе, въ которомъ еще въ Нью-Йоркѣ я стоялъ предъ этимъ гигантомъ Худсономъ

и не могъ налюбоваться его высокимъ берегомъ со стороны Нью-Джерсея, тихому величію, съ какимъ благодѣтель Нью-Йорка несетъ на себѣ несмѣтныя богатства изъ самыхъ отдаленныхъ краевъ союза. Худсонъ сталъ обыкновеннымъ мѣстомъ моихъ прогулокъ, и я былъ радъ, что по его водамъ совершу свое путешествіе въ Канаду.

Сказано—сдѣлано, эта поговорка какъ бы выдумана для американскихъ путей сообщенія. Случаи ѣхать въ ту или другую сторону есть всегда; затрудненіе развѣ только въ выборѣ, какое средство сообщенія лучше. По берегу Худсона вплоть до самой Трои, гдѣ рѣка перестаетъ быть судоходною, идетъ желѣзная дорога, одна изъ лучшихъ во всемъ союзѣ. Каменистый грунтъ представлялъ затрудненія, которыя преодолѣвались съ большими усиліями; близость рѣки, которой сообщается морской приливъ, заставила компанію худсонской желѣзной дороги отступить отъ общепринятаго въ Америкѣ правила, и имѣть сторожей на рельсахъ, не замѣняя ихъ коукетчерами (*cou-catcher*). Несмотря однако на такія издержки, цѣна за проѣздъ таже, какъ во всей Америкѣ, по три сента, около четырехъ копѣекъ, за милю. Лѣтомъ особенно, желѣзной дорогѣ трудно выдерживать соревнованіе съ параходами, перевозящими пассажировъ по всему Худсону за два доллара.

Несмотря на то, что было холодное сентябрьское утро, дышавшее прохладою, я выбралъ параходъ, чтобы быть въ срединѣ рѣки, видѣть оба ея берега и наслаждаться картинностью мѣстъ, о которыхъ я прежде уже слышалъ самые восторженные разсказы. Американскіе рѣчные параходы, кажется, и изобрѣтены только для прогулокъ: на палубѣ выстроены дворцы, много свѣту, много комфорту, вездѣ опрятно, все блеститъ; къ вашимъ услугамъ парикмахеръ, мелкія издѣлія разнаго рода; хотите читать, —есть

газеты, книги, альбомы. Даже еслибы не было подлѣ васъ товарища, чего почти никогда не случается, потому что американцы любятъ говорить съ иностранцами и изумлять ихъ своими чудесами, вы найдете мѣсто на палубѣ, гдѣ-нибудь за вѣтромъ и солнцемъ, и проведете пріятный день. Немудрено впрочемъ, что параходы, плавающіе по Худсону, какъ бѣлые лебеди, считаются лучшими по своей отдѣлкѣ, по своимъ удобствамъ; на этихъ же водахъ дѣлались первые опыты параходства, когда Фультонъ, не нашедши себѣ въ Европѣ сочувствія, котораго было достойно его открытіе, отправился съ нимъ въ Америку, и здѣсь наконецъ могъ дѣлать опыты, которыхъ первоначальный малый успѣхъ вовсе не обѣщалъ настоящихъ богатыхъ послѣдствій. Замѣчательно, что Худсонъ увидѣлъ на себѣ первый пароходъ въ 1807 году, ровно чрезъ два столѣтія послѣ того, какъ мореплаватель Худсонъ открылъ рѣку и описалъ ея теченіе.

Не успѣлъ параходъ пройдти мимо сотни пристаней, вдающихся въ деревянную набережную Нью-Йорка, не успѣли скрыться улицы сѣверной столицы союза, американской *эмпайръ-сити*, какъ открываются уже такъ называемые палисады на правомъ берегу Худсона, отвѣсныя скалы въ 500 футовъ вышины, тянущіяся на протяженіи почти двадцати миль. Какая сила была необходима для того, чтобы пробить этотъ скалистый кряжъ! До сихъ поръ еще загадка, какъ образовался Худсонъ, — морской ли это заливъ, питающійся приливами и отливами моря, остатокъ ли это прежней озерной системы, бывшей въ связи съ рѣкою св. Лаврентія и пятью сѣверо-американскими озерами, или это просто рѣка, образующаяся отъ стекающихъ съ горъ ручьевъ и дополняемая только морскими приливами. Можно бы и не добиваться до того, чего разрѣшить положительно

наука не можетъ; но въ Худсонѣ поражаетъ направленіе его теченія прямо отъ сѣвера къ югу, одинаковая глубина рѣки, на протяженіи 150 миль, пока Худсонъ судоходенъ, малое паденіе его водъ, вліяніе прилива на обиліе и вкусъ воды въ рѣкѣ. Неразрѣшимые впрочемъ вопросы, задаваемые человѣческою любознательностью, падаютъ передъ тою существенною пользою, которую глубина рѣки приноситъ торговлѣ, и передъ тѣми выгодами, которыя американцы во время борьбы съ Англіею за свою независимость умѣли извлечь изъ скалистыхъ береговъ своей сѣверной рѣки (*North-River*), какъ они называютъ Худсонъ въ отличіе отъ южной рѣки (*South-River*), Делавара. И тогда уже Нью-Йоркъ, если еще не пользовался такимъ значеніемъ, какимъ пользуется теперь, былъ тѣмъ не менѣе одною изъ важнѣйшихъ точекъ въ союзѣ, и понятно, почему англичане старались имѣть его въ своихъ рукахъ, чтобы заставить непокорныя колоніи Новаго Свѣта признать надъ собою власть короля и парламента. И дѣйствительно съ 1776 г. послѣ извѣстной Лонгъ-Эйландской битвы до 1783 года, слѣдовательно въ теченіе семи лѣтъ, англичане владѣли Нью-Йоркомъ, и не имѣя возможности отстоять главнаго своего города противъ превозмогавшей силы, американцы хлопотали по крайней мѣрѣ о томъ, чтобы враги не получали помощи съ сѣвера, и вообще, чтобы сообщеніе съ нимъ было отрѣзано. Палисады представлялись самымъ удобнымъ для этой цѣли мѣстомъ, и до сихъ поръ, на обоихъ берегахъ Худсона, видны остатки укрѣпленій, фортовъ Ли, Вашингтона, форта Принцъ (*Fort Lee, Fort Washington, Fort Prince*), которые однако не могли удержать напора англичанъ. Теперь эти нѣмые свидѣтели прошедшихъ дней напоминаютъ потомкамъ героевъ подвиги ихъ

праотцевъ и пожертвованія для великаго дѣла свободы и самостоятельности.

На встрѣчу намъ шли сотни парусныхъ судовъ, пароходы тащили за собою противъ теченія цѣлые флоты барокъ и кораблей, пыхтя и шумя своими машинами. По всему было видно, что мы плыли по большому пути торговли и судоходства. Между тѣмъ голыя скалы смѣнялись лѣсами, на берегу кое-гдѣ были разсыпаны коттеджи, лѣтніе пріюты нью-йоркцевъ, синее осеннее небо отражалось въ Худсонѣ, издали долеталъ свистъ отъ поѣзда желѣзной дороги. Природа обѣщала долгую, свѣтлую осень. Начавъ поѣздку въ Канаду при такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, я сулилъ себѣ много наслажденій въ новомъ краѣ. Я хотѣлъ на другой день поспѣть въ такъ-называемый *Klinton-Point*, загородный домъ, подлѣ мѣстечка Нью-Гамбурга, куда звала меня привѣтливость и любезность нашего генеральнаго консула въ Нью-Йоркѣ, И. К. Нотбека: но до этого еще я желалъ ознакомиться съ двумя заведеніями, различными между собою по цѣли, для которой существуютъ; по основаніямъ, на которыхъ учреждены; но равно замѣчательными во многихъ отношеніяхъ. Я говорю о сингъ-сингской тюрьмѣ, на лѣвомъ, и о военной академіи, на правомъ берегу Худсона.

Съ парахода хорошо видѣнъ дворъ сингъ-сингской (*Sing-Sing*) тюрьмы. Плывя мимо, можно бы подумать, что это частная мануфактура, дѣйствующая паромъ, бумагопрядильня или что-нибудь въ этомъ родѣ. Огромный пяти-этажный домъ, стоящій недалеко отъ берега, труба отъ паровой машины, стукъ колесъ, снарядовъ, дѣятельность на дворѣ, ничѣмъ неогороженномъ, ни со стороны земли, ни со стороны рѣки; а между тѣмъ это тюрьма, одна изъ самыхъ большихъ во всемъ Нью-Йоркскомъ штатѣ, тюрьма, назна-

ченная для самыхъ тяжкихъ преступниковъ. Оставивъ параходъ, я безъ труда дошелъ до нея. Билета или другаго позволенія у меня не было, но я уже такъ привыкъ въ Америкѣ къ свободному входу въ общественныя заведенія, что мало заботился о лоскуткѣ бумажки, которой бы могли потребовать отъ любопытнаго. Американецъ разсуждаетъ такъ: если что хорошо, то пусть имъ всѣ пользуются; а если что дурно, того не слѣдуетъ оставлять, и въ полномъ убѣжденіи, что все хорошо, открываетъ доступъ ко всему. Идучи по тропинкѣ, я наткнулся на будку, и вмѣстѣ съ ея жителемъ, который оказался однимъ изъ наблюдателей-сторожей, чтобы кто-нибудь изъ заключенныхъ не вздумалъ воспользоваться близостью рѣки и довѣрчивостію американцевъ, смотрѣлъ на муравейникъ, въ которомъ суетились жители темницы и, право, не вѣрилъ своимъ глазамъ.

У входа въ тюрьму стоялъ отрядъ вооруженныхъ солдатъ. Еслибъ ихъ здѣсь не было, какъ не бываетъ въ другихъ тюрьмахъ Америки, я бы подумалъ, что я опять въ Сербіи, на берегахъ Савы, въ Топчидере, опять въ томъ заведеніи (не могу назвать тюрьмою), куда осужденные на самое долговременное заключеніе сами приходятъ изъ суда, сами стерегутъ себя, работаютъ, возятъ на рынокъ свои издѣлія, овощи, добываемыя въ саду, привозятъ деньги смотрителю, и вообще ведутъ себя такъ, какъ не всегда поступаютъ неосужденные. Сингъ-Сингъ не дошелъ до того: не имѣя стѣнъ, онъ долженъ былъ окружить себя наблюдательными постами и поставить у воротъ вооруженную стражу. Значитъ, часто бываютъ побѣги; но и этого нѣтъ. Какъ же умѣли устроить такое заведеніе американцы? Заплативъ при входѣ квартеръ, четверть доллара (30 коп. сер.) и получивъ провожатаго, я пошелъ съ нимъ сперва въ мастерскія (*shops*). Американскія тюрьмы устроены на

коммерческомъ основаніи, и это правило остается безъ измѣненія, по какой бы системѣ ни были учреждены онѣ, по пенсильванской-ли, со всегдашнимъ отдѣленіемъ человѣка отъ его ближнихъ, по обурнской-ли, при которой заключенные работаютъ вмѣстѣ и только на ночь отдѣляются. Все равно, сила и дѣятельность преступниковъ не должны пропадать даромъ, и тягость содержанія ихъ не должна падать на непричастныхъ къ ихъ винѣ гражданъ. Разсужденіе это совершенно справедливо и конечно приходило въ голову каждому, кто видѣлъ препровожденіе времени въ тюрьмахъ другихъ странъ; но американцы умѣли сдѣлать работу преступниковъ производительною для нихъ самихъ, отвлекая ихъ отъ несносной скуки бездѣйствія и пріучая ихъ къ труду, полезному для прочихъ гражданъ, снимая съ нихъ заботу о тунеядцахъ; наконецъ они умѣли сдѣлать работу преступниковъ выгодною для производительности страны, заставляя ихъ производить то, что необходимо для общихъ нуждъ и потребностей. Начнемъ съ того, что сами заключенные строятъ себѣ тюрьму, магазины, мастерскія, машины, роютъ каналы, и потому, при множествѣ камня, которымъ изобилуетъ по крайней мѣрѣ сѣверная часть Союза, постройка тюремъ обходится правительству дешево. Затѣмъ, общимъ правиломъ принято не отпускать заключенныхъ на работу внѣ заведенія; въ немъ самомъ оцѣнивается трудъ каждаго человѣка и подрядчикъ (*contractor*) обязуется за извѣстную плату (обыкновенно за 40—45 сентовъ, то-есть 50—57 коп. сер. въ день) занимать ихъ работою, доставляя свой матеріялъ, своихъ надзирателей и заботясь о сбытѣ своихъ произведеній. Одно обстоятельство могло бы испортить дѣло: работа есть привилегія честнаго гражданина въ Америкѣ, слѣдовательно должно было бы наказывать именно противнымъ, то-есть бездѣй-

ствіемъ, и потому работа невольная имѣетъ-ли право вступить въ соперничество съ работою вольною? Во избѣжаніе такого невыгоднаго столкновенія, которое могло быть особенно чувствительно для рабочаго класса, въ тюрьмахъ выбираются такія производства, которыя или вовсе не могутъ повредить частной дѣятельности, напримѣръ выдѣлка вещей, привозимыхъ изъ-за границы, поярковыхъ шляпъ, ковровъ, или такихъ, которыхъ въ достаточномъ количествѣ не доставляетъ на рынокъ дѣятельность свободныхъ работниковъ, и которыя тѣмъ не менѣе требуются, напримѣръ бочки разныхъ размѣровъ для перевозки муки, картофеля, сахару и такъ далѣе. Все заведеніе можетъ вмѣстить до тысячи человѣкъ; на лицо, въ мое посѣщеніе, ихъ было не менѣе девятисотъ, и всѣ работали кромѣ немногихъ больныхъ. Молчаніе правда предписано, и его стараются наблюдать, но все-таки человѣкъ видитъ подобнаго себѣ и не умираетъ отъ безумія и совершенной тупости. За то съ ужасомъ ожидаютъ они воскресенья, когда они должны цѣлый день провесть поодиночкѣ въ кельяхъ, изъ которыхъ выпускаются только въ церковь. Понедѣльникъ, по признанію надзирателя, есть истинный праздникъ для арестантовъ.

День распредѣленъ такъ: съ утра завтракъ изъ кофе и хлѣба, потомъ работы въ мастерскихъ, причемъ окончившій свой урокъ можетъ отдохнуть, и я засталъ нѣсколькихъ работниковъ за книгами; въ 12 часовъ обѣдъ изъ супа, мяса и зелени; обѣдаютъ всѣ вмѣстѣ въ огромной столовой, гдѣ у каждаго свое мѣсто и свой оловянный приборъ. Кухня варитъ паромъ, и порціи обильны; послѣ обѣда опять работа, и наконецъ вечеромъ въ пять, шесть часовъ ужинъ. Затѣмъ, заключеннымъ дѣлается перекличка по отдѣленіямъ, и каждый отправляется въ свою келью, отдѣленную наглухо отъ кельи сосѣда и выходящую въ корридоръ рѣ-

шетчатою дверью, такъ что ночной сторожъ имѣетъ возможность слѣдить за поведеніемъ того, кто сидитъ въ ней, а между тѣмъ маленькая комната провѣтривается и освѣщается изъ корридора. Всѣ мѣры предосторожности приняты для устраненія возможности побѣговъ ночью, и главное вниманіе обращено на замки, запирающіе однимъ засовомъ до пятидесяти келій въ одномъ ряду.

Ни у кого на ногахъ я не видѣлъ цѣпей: онѣ мѣшали бы работѣ. Наказаніе состоитъ въ заключеніи въ темную комнату, въ убавкѣ порціи, и вмѣсто тѣлесныхъ наказаній въ холодныхъ душахъ, которыхъ провинившіеся особенно боятся.

Двухъ часовъ было едва достаточно, чтобы обозрѣть въ подробности мастерскія, кельи, кухню, столовую, и чтобъ ознакомиться съ системою управленія заведенія. Женщины отдѣлены отъ мужчинъ. Для нихъ заведеніе меньше, похоже не на мануфактуру, а скорѣе на частный домъ зажиточнаго человѣка, но система управленія таже, какъ и у мужчинъ. Женщины работаютъ вмѣстѣ, моютъ, гладятъ для заведенія, шьютъ, оканчиваютъ то, что сдѣлано мужчинами, подшиваютъ подкладку подъ шляпы, башмаки и такъ далѣе. Для дѣтей, которыя рождаются въ заведеніи отъ беременныхъ заключенныхъ, есть нѣсколько кроватей.

II.

Выждавъ поѣзда желѣзной дороги, я доѣхалъ до станціи Гаррисонъ, гдѣ была переправа къ Вестъ-Пойнту. Вечернее солнце золотило уже верхи горъ и спускавшійся съ небесъ полумракъ невольно переносилъ воображеніе къ временамъ перваго прибытія сюда европейцевъ, когда изумленные, озадаченные индѣйцы, охотившіеся на просторѣ,

увидѣли въ первый разъ непрошеныхъ гостей, вовсе не догадываясь, что эти новыя друзья современемъ овладѣютъ лучшими мѣстами и оттѣснятъ дикихъ далеко на западъ, въ степи и холодные лѣса. Неизмѣнною осталась только величественная, грозная скала; люди, даже природа измѣнились. Измѣнились и названія мѣстъ: они произошли отъ личныхъ именъ обитателей имѣній, или собственныхъ именахъ укрѣпленій, воздвигнутыхъ въ войну за независимость. Легко видѣть громадныя развалины ихъ даже съ парахода; благодаря имъ, Худсонъ напоминаетъ берега Рейна у Бингена и нѣкоторыя мѣста Дуная, съ раскинувшимися по берегамъ ихъ древними рыцарскими замками. На Худсонѣ другая исторія, другіе и памятники, но общій колоритъ этихъ американскихъ горъ, *Highlands*, тотъ же.

Вестъ-Пойнтъ одно изъ самыхъ любимыхъ мѣстъ для лѣтняго пребыванія богатыхъ нью-йоркскихъ семействъ, и гостинница *Kozzen*, которой садъ спускается къ самой рѣкѣ и разбитъ на живописномъ мѣстѣ, всегда полна лѣтомъ; тогда бываютъ также оживлены и домики, разбросанные вокругъ нея. Лѣтніе жары прошли, а съ нимъ исчезли и гости отеля. Я засталъ въ немъ немногихъ запоздалыхъ путешественниковъ, и какъ-то странно было собираться въ огромную столовую, когда не видишь сотенъ голодныхъ американцевъ съ ихъ блѣдными и разодѣтыми леди, когда нѣтъ общаго спѣха, общей толкотни.

На другое утро, погода какъ нельзя болѣе благопріятствовала прогулкѣ пѣшкомъ въ военную академію. Дорога идетъ по высокому берегу, въ виду Худсона, мимо прелестныхъ коттеджей, гдѣ смирно, тихо живутъ владѣльцы ихъ съ почетнымъ титуломъ *gentlemen farmers*, мимо садовъ, гдѣ рѣзвится молодое поколѣніе. На мыску, вдающемся въ Худсонъ, скоро открылись строенія военной академіи, и

показался голубой куполъ, который можно бы принять за куполъ церкви, еслибы я не зналъ, что въ Америкѣ не строятся церкви въ самыхъ зданіяхъ учебныхъ заведеній и притомъ въ такомъ стилѣ. Куполъ дѣйствительно принадлежалъ обсерваторіи, и въ томъ же зданіи помѣщается библіотека. Я обратился къ сторожу, стоявшему вовсе не по американски у дверей зданія, и былъ изумленъ отвѣтомъ, что въ библіотеку безъ позволенія войдти нельзя. По выговору я узналъ, что это не американецъ; но достаточно было и такого отвѣта, единственнаго въ теченіе всего моего пребыванія въ Сѣверной Америкѣ. *Was für ein Landsmann sind Sie?* отозвалось нѣсколько пріятнѣе въ ушахъ строгаго придверника, объявившаго мнѣ, что онъ прусакъ, что большая часть солдатъ и унтеръ-офицеровъ, обучающихъ кадетъ строевой службѣ, верховой ѣздѣ, музыкантовъ, барабанщиковъ — нѣмцы, но на вопросъ, можно-ли увидѣть заведеніе, послѣдовалъ также отрицательный отвѣтъ. Я видѣлъ, что отъ прусака и въ американской службѣ добьешься немногаго, и обратился къ шедшему мимо офицеру. «*All is open!*» (все открыто) былъ его отвѣтъ, и съ величайшею любезностію повелъ онъ меня къ заведенію, чтобы поручить меня какому-нибудь вожатому.

Я зналъ уже, что заведеніе основано въ 1802 году, что оно, будучи назначено для снабженія союзной арміи офицерами, содержится насчетъ суммъ Союза, что вестъ–пойнтская военная академія (*military academy*) также единственная въ своемъ родѣ, какъ анаполиская (въ штатѣ Мариландѣ) морская школа (*naval academy*), но мой глазъ какъ-то отвыкъ отъ военныхъ мундировъ, отъ блестящихъ эполетъ, которыхъ не увидишь ни на улицѣ, ни въ обществѣ, и я съ любопытствомъ смотрѣлъ я на давно-невиданныя выпушки и орменныя пуговицы.

Всѣхъ воспитанниковъ-юношей отъ 16 до 22 лѣтъ около 225; они содержатся насчетъ Союза, и назначаясь въ армію офицерами (подъ арміею разумѣется постоянное войско, гвардіи у президента и быть не можетъ), они изучаютъ преимущественно военныя науки, математику, химію, черченіе и такъ далѣе. Аудиторіи и музеи размѣщены въ разныхъ строеніяхъ, вездѣ много мѣста, просторно, и въ числѣ трофеевъ, взятыхъ бывшими воспитанниками академіи, указываютъ собраніе мехиканскихъ знаменъ и пушекъ, отнятыхъ въ послѣднюю войну съ Мехикою. Въ обращеніи молодыхъ людей много предупредительности, и по всему видно, что эти взрослые юноши сознаютъ свое собственное достоинство, и потому не оскорбляютъ себѣ подобныхъ.

Въ полдень мнѣ пришлось быть даже на упражненіяхъ будущихъ вождей и героевъ Америки въ верховой ѣздѣ. Впрочемъ, главную потребность въ воспитаніи этихъ молодыхъ людей составляютъ занятія науками, и любопытно, что число профессоровъ (*professors and assistant professors*), для 225 воспитанниковъ простирается до 42; изъ нихъ, для одной математики — 7. Изъ языковъ, кромѣ англійскаго, преподаются французскій и испанскій. Обученіе молодыхъ людей держится на тѣхъ же началахъ свободы, какъ и американское воспитаніе вообще; военный не забываетъ, что онъ такой же гражданинъ, какъ всякій другой и несетъ общественныя обязанности наравнѣ съ другими.

Изъ 3000 акровъ земли, принадлежащей военной академіи, часть занята строеніями, плацомъ для ученія, памятникомъ Костюшкѣ, одному изъ защитниковъ американской независимости, часть отдается въ аренду и служитъ однимъ изъ главныхъ источниковъ для содержанія академіи, на которую конгрессъ назначаетъ довольно скупо 70 тысячъ долларовъ.

Возвышенности надъ военною академіею по мѣстоположенію своему восхитительны: въ свѣтлый день видны высоты Новой Англіи, далекая панорама Худсона, и такъ какъ въ этомъ мѣстѣ рѣка узка, и страна особенно удобна для стратегической защиты, то американцы разсчитывали на ея укрѣпленія во время войны за свою независимость. Здѣсь были воздвигнуты форты (*Putnam*, *Clinton*, *Webb*, *Willys*), теперь въ развалинахъ, по которымъ вовсе нельзя заключить о ихъ прежней твердости.

Переѣхавъ Худсонъ на паровомъ *ferry*, я долженъ былъ сдѣлать нѣсколько миль по желѣзной дорогѣ до Нью-Гамбурга, подлѣ котораго лежитъ Клинтонъ–Пойнтъ. Отсюда, вмѣстѣ съ нашимъ почтеннымъ консуломъ, я поѣхалъ въ легкомъ американскомъ *боги*, въ родѣ нашего кабріолета съ высокими тонкими колесами, на его дачу. Дорогою онъ мнѣ разсказалъ про своихъ сосѣдей; въ числѣ ихъ былъ ветеранъ американскихъ писателей, Вашингтонъ-Эрвингъ, живущій круглый годъ въ своемъ солнечномъ коттеджѣ (*Sunnside*). Въ дальней сторонѣ встрѣтиться съ соотечественникомъ, говорящимъ на родномъ языкѣ, интересующимся тѣмъ же, что занимаетъ всѣхъ въ Россіи, значитъ встрѣтить на чужой сторонѣ родственника, друга, особенно если вечернія бесѣды оживляются умною и любезною дамою. Разсказы о Вашингтонѣ, его современникѣ Клинтонѣ, который былъ при немъ губернаторомъ Нью-Йорка и владѣлъ имѣніемъ, гдѣ жилъ теперь нашъ консулъ, придавали интересъ вечернимъ разговорамъ у камина. За городомъ, американскія семейства, побывавшія въ Европѣ, а тѣмъ болѣе иностранцы, живутъ по своему, и англійскій образъ жизни, со всѣмъ его комфортомъ, роскошью, со всѣми его отличіями, ливреями, преобладаетъ здѣсь вдали отъ нареканія на-

рода за нарушеніе демократическаго равенства въ общественномъ бытѣ.

Садъ въ Клинтонъ-Пойнтѣ спускается къ Худсону, отъ котораго отдѣляется только рельсами желѣзной дороги. Постоянная дѣятельность на рѣкѣ, снующіе взадъ и впередъ параходы, парусныя суда, наконецъ поѣзды желѣзной дороги оживляютъ прелестныя мѣста, въ которыхъ чувствуешь себя, несмотря на отдаленіе, близко ко всему. Здѣсь можно жить совершенно какъ въ англійскомъ замкѣ, хотя другая обстановка: фермеры воздѣлываютъ свою землю, величаются джентльменами, спокойно наслаждаются нажитыми благами, управляются сами собою и имѣютъ вліяніе на голоса при выборахъ и назначеніяхъ въ должности. Это своего рода помѣщики, начавшіе обыкновенно съ самыхъ простыхъ и дешевыхъ работъ, съ мелкой торговли, и хотя они незнакомы съ настоящими джентльменами, собственниками дачъ, эти джентльмены-фермеры — народъ препочтенный. Дѣти ихъ воспитываются въ общинной школѣ, и послушали бы вы, какой прелестный хоръ составляютъ эти дѣтскіе голоса въ воскресномъ богослуженіи англиканской церкви! Свѣжій воздухъ не остался безъ вліянія на дѣвушекъ: сохраняя ту же рѣшительность, ту же отвагу, которую даетъ независимость, онѣ здѣсь краше и, при врожденномъ желаніи нравиться, одѣты проще. На иномъ сѣренькомъ домикѣ, съ зелеными ставнями, невольно останавливается глазъ, чтобы полюбоваться довольствомъ.

Природа на Худсонѣ богата, въ саду растутъ магноліи на вольномъ воздухѣ, и тутъ же гдѣ-нибудь нашъ сибирскій темный кедръ. Въ теплый вечеръ стрекозы (*locusts*) заводятъ свой концертъ, смѣло напѣваютъ длинную, нескончаемую пѣснь и до того громко, что я долго думалъ: не птицали это какая. Наши стрекозы, хотя впрочемъ мало усту-

пающія американскимъ въ ростѣ, далеко отстали отъ нихъ голосомъ.

Одна изъ самыхъ непріятныхъ сторонъ путешествія есть неоседлость. Не успѣешь обжиться, и снова скачи; боишься засидѣться, и если встрѣтишь на пути человѣка, съ которымъ пріятно провелъ нѣсколько дней, съ которымъ было бы пріятно провести ихъ болѣе, разставаніе грустно, тѣмъ болѣе, что взаимныя обѣщанія писать, помнить, не всегда могутъ быть исполнены: новыя впечатлѣнія, новыя знакомства затемняютъ прежнія; все это предвидишь, все это напередъ знаешь. Я не описываю моихъ прогулокъ изъ Клинтонъ-Пойнта въ сосѣднія мѣста, отличающіяся своими живописными видами, Покипси (*Poughkeepsie*), Фишкиль, Нью-Бургъ; красота природы, въ связи съ добротою соотечественниковъ, у которыхъ я гостилъ, могли бы привязать меня къ восхитительнымъ мѣстамъ, о которыхъ не могу вспомнить равнодушно, но вмѣстѣ съ тѣмъ надобно было идти впередъ, и американское: *go ahead!* было тутъ какъ нельзя болѣе кстати.

Я находился на половинѣ дороги между Нью Йоркомъ и Ольбани (*Albany*), правительственною столицею Нью-Йоркскаго штата и черезъ нѣсколько часовъ былъ уже въ ней. Главный штатъ, Эмпайръ-Стетъ (*Empire State*), то-есть Нью-Йоркъ, имѣетъ столицею не городъ того же имени, но Ольбани, уступающій ему во всемъ, и въ выгодахъ мѣстоположенія, и въ населеніи, и въ торговой дѣятельности. Такъ во всѣхъ штатахъ: иной городъ главный для частной дѣятельности, иной для правительственной, чтобы наплывъ иностранцевъ не мѣшалъ дѣлу, чтобы чернь (*mob*) не имѣла вліянія на правительственныя распоряженія; кромѣ того считается необходимымъ, чтобы мѣсто, назначенное для законодательныхъ собраній штата, было около его центра, а

не на краю, какъ почти всегда бываетъ съ торговыми городами. Ольбани, впрочемъ, хотя тихъ и безлюденъ въ сравненіи съ Нью-Йоркомъ, довольно шуменъ для столицы американскаго штата; съ одной стороны здѣсь оканчивается судоходство по Худсону, съ другой вливается въ него каналъ, идущій по всему Нью-Йоркскому штату къ озеру Эри. Слѣдовательно здѣсь главный путь для торговли съ западомъ Союза, здѣсь сборъ переселенцевъ, въ тоже время здѣсь начинается другой каналъ, идущій къ сѣверу и соединяющій Худсонъ съ рѣкою Св. Лаврентія чрезъ озеро Шамплень, отчего каналъ называется Шампленовымъ (*Champlain-Canal*). Огромный бассейнъ (въ 4300 фут. длиною) построенъ въ рѣкѣ для помѣщенія судовъ, идущихъ изъ каналовъ; отсюда товары расходятся въ разные концы Союза и, чрезъ Нью-Йоркъ, за границу.

Впрочемъ Ольбани съ первыхъ временъ заселенія края пользовался большимъ значеніемъ. Нью-Йоркъ, первоначально Новый Амстердамъ, былъ, какъ извѣстно, основанъ голландцами; мореплаватель Худсонъ открылъ впервые рѣку, названную его именемъ. Чтобъ обезпечить себѣ плаваніе по этой главной жилѣ страны, остъ-индская голландская компанія, въ службѣ которой состоялъ Худсонъ, основала здѣсь укрѣпленіе — фортъ Оранскій (*FortOrange*), изъ котораго въ послѣдствіи образовался теперешній городъ Ольбани. И несмотря на то, что съ 1664 года вся эта страна въ рукахъ англичанъ, теперешнихъ американцевъ, до сихъ поръ сохранились голландскія семейства, говорящія голландскимъ языкомъ XVII столѣтія; и вообще по всему теченію Худсона слышатся названія, очевидно того же происхожденія; такъ напримѣръ многія названія мѣстъ оканчиваются на *kill* (нѣмецкое *Quelle*), источникъ (*Castkill, Normanskill, Fishkill*).

Теперешній Ольбани имѣетъ, какъ всѣ другія столицы штатовъ, капитолій съ куполомъ для помѣщенія провинціальнаго сената и законодательнаго собранія; имѣетъ свой университетъ, академію, множество низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, довольно полныя собранія по части естественной исторіи, геологіи и земледѣлія, сиротскій домъ и другія благотворительныя заведенія. Здѣсь же живетъ правительство штата; губернаторъ, то-есть полный, независимый отъ президента правитель, избираемый на срокъ народомъ, отвѣтственный только предъ нимъ и его представителями, далѣе вице-губернаторъ (*lieutenant-governor*) и его министры: статсъ-секретарь (*secretary of state*), контролеръ, казначей, генералъ-адвокатъ (*attorney general*) и др. Любопытно, что жалованье, получаемое губернаторомъ штата (4,000 долл.), ниже жалованья городскаго судьи въ Нью-Йоркѣ (5,000 дол.), и что первый министръ получаетъ 2,500 дол., менѣе начальника нью-йоркской полиціи (3,000 дол.). Мало того, что каждый штатъ составляетъ особое государство, устроивающее свои дѣла наилучшимъ для себя способомъ, по своимъ силамъ и понятіямъ, каждый городъ распоряжается своими суммами, сбираемыми съ самихъ же гражданъ. Общихъ распоряженій, которыя были бы не въ пору тому или другому мѣсту, американцы боятся больше всего.

Какъ Худсонъ широкъ, полонъ и оживленъ еще у Ольбани, такъ наоборотъ онъ тихъ, узокъ и мелокъ у Трои, въ нѣсколькихъ миляхъ выше столицы Нью-Йоркскаго штата. Еще нѣсколько выше, вливающаяся справа рѣка Мохавка смѣшиваетъ свои воды съ главнымъ источникомъ; онѣ вмѣстѣ образуютъ Худсонъ. Переходъ рѣки широкой и глубокой до того, что по ней могутъ ходить военныя суда, въ маленькій ручеекъ, поразителенъ; въ Америкѣ недаромъ были

ученые, которые поддерживали мнѣніе Худсона, что до Трои идетъ морской заливъ и здѣсь только въ него сливаются рѣчки. Какъ бы то ни было, американцы прорыли себѣ каналъ въ обходъ несудоходной рѣки, и въ память древней Трои назвали высоты, у подножія которыхъ расположена новая ея соименница, горами Идою и Олимпомъ. Какъ даются названія новымъ возникающимъ мѣстечкамъ въ Америкѣ, вещь не совсѣмъ обыкновенная. Назвать по имени лица, значило бы счесть его какъ будто-бы владѣтелемъ, основателемъ мѣстечка; этого допустить не хотятъ и дѣлаютъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ; такъ въ Аллеганахъ, напримѣръ, есть мѣстечко Голицынъ, основанное однимъ изъ нашихъ князей Голицыныхъ; но большую часть названій мѣстечекъ должно объяснять мѣстомъ происхожденія первыхъ поселенцевъ. Прибавка *New*, новый, почти неизбѣжна въ отличіе отъ стараго города, и понятно, какимъ образомъ въ разныхъ концахъ Союза повторяются одни и тѣ же названія. Тутъ вся географія Древняго Свѣта. Россія принесла свою дань не хуже другихъ странъ. Можно бы насчитать десятка два Петербурговъ, Москвъ, Варшавъ, но *New* не прибавлено, потому что основатели ихъ не изъ старыхъ городовъ; назвали же они поселенія такъ потому, что какое-нибудь названіе дать надобно: также поступали и съ древнею географіею; въ штатахъ есть свои Трои, Александріи, Мемфисы, Канры и такъ далѣе. Имена Вашингтона, Джеферсона и другихъ славныхъ сыновъ Америки также повторяются частенько. Не мудрено объяснить себѣ затрудненіе, встрѣчаемое въ наименованіи мѣстечекъ, если принять во вниманіе количество пунктовъ населенія, разсѣянныхъ по всему Союзу и образующихся безпрерывно изъ одного какого-нибудь блокгауза, къ которому, съ теченіемъ времени, присоединяются другіе, пока наконецъ населеніе мѣста не

возрастетъ до цѣлой общины (*township*), которая въ состояніи имѣть своихъ правителей, свою школу, свою церковь, свою ратушу. Община собирается разсуждать о томъ, какое дать названіе будущему мѣстечку: шумятъ, разсуждаютъ хлопочутъ, и наконецъ останавливаются на томъ или другомъ, въ честь старины или новизны, смотря потому, кто одержитъ верхъ.

Чрезъ Саратогу, которая славится своими минеральными водами и лѣтомъ служитъ мѣстомъ собранія высшаго общества американцевъ, но теперь была совершенно пуста, желѣзная дорога проходитъ въ Уайтхолъ (*Whitehall*), и здѣсь сдаетъ поѣздъ параходу. Компаніи дорогъ и параходовъ находятся между собою во взаимномъ соотношеніи. Немедленно, по прибытіи поѣзда, пассажиры перебираются сами, а багажъ и товары въ огромныхъ подвижныхъ домикахъ или ларяхъ, въ которые они уложены (такъ-называемыхъ *cars*), отправляются на параходъ и устанавливаются на отведенномъ для нихъ мѣстѣ. Точно также при переѣздѣ чрезъ большія рѣки, на которыхъ или не построили еще, или вовсе не хотятъ строить моста, перевозятся багажъ, товары, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и самые вагоны, а на другой сторонѣ рѣки прицѣпляется новый локомотивъ, и поѣздъ опять двинулся по твердой землѣ съ своею клажею и пассажирами. Такимъ образомъ за мостами остановки нѣтъ, а параходъ содержать для этой цѣля недорого, потому что онъ въ тоже время служитъ перевозомъ.

Бѣлый параходъ, подобный всѣмъ другимъ, служащимъ для плаванія по рѣкамъ и озерамъ, повезъ насъ по озеру Шамплену (*lake Champlain*), покачивая вверху палубы коромысломъ машины между двумя трубами. Тотъ же комфортъ, какъ на другихъ параходахъ, тоже обиліе мѣстъ для прогулокъ и отдыха, тѣже рукомойники, тѣже лавочки,

и мнѣ казалось, что американецъ, неуспѣвшій побриться и причесаться на сухомъ пути за другими дѣлами, нарочно поѣхалъ на этомъ покойномъ параходѣ, чтобъ исправить нѣкоторыя житейскія обязанности. Но неожиданною особенностью на параходѣ было преобладаніе между пассажирами французскаго языка: невидѣнный мною давно католическій аббатъ пестрилъ общество американцевъ; въ числѣ прислуги и даже матросовъ были французы или, какъ они здѣсь называются, канадцы, и вечеромъ на палубѣ затянули они пѣсню, которой напѣвъ ясно обличалъ ея французское происхожденіе. На вопросъ мой: давно-ли здѣсь старшій изъ пѣвшихъ, онъ отвѣтилъ мнѣ, что родился въ Канадѣ, что родители его вовсе не говорятъ по англійски, а онъ разумѣетъ нѣсколько, хотя для дѣлъ было бы выгоднѣе знать больше. И здѣсь тоже, что вездѣ: французъ неохотно учится чужому языку, оттого-ли, чтъ родной языкъ его вездѣ распространенъ или, наоборотъ, языкъ распространился отъ необходимости говорить на немъ, не знаю. Во всякомъ случаѣ французъ никогда не отказывается отъ своей національности и въ этомъ отношеніи составляетъ рѣзкій контрастъ съ нѣмцемъ, который вездѣ свой, гдѣ хорошо и гдѣ онъ пріютился. Въ Америкѣ нѣмецъ также назоветъ себя американцемъ, какъ въ Россіи русскимъ, перемѣнитъ свой языкъ, подмѣтитъ любимыя выраженія американца, а второе поколѣніе забудетъ родной языкъ, и пожалуй оскорбится, если напомнятъ ему старый Брауншвейгъ или какое-нибудь княжество, гдѣ родились и жили его предки.

Плаваніе по Шампленеву озеру было одно изъ самыхъ удачныхъ: начавъ его въ Вайтхоллѣ, когда солнце было еще довольно высоко, мы прибыли къ другому концу озера поздно вечеромъ, когда луна обливала матовымъ своимъ свѣтомъ то врѣзывавшіяся въ озеро, то расходившіяся отъ

него горы, съ одной стороны штата Вермонта, съ другой Нью-Йорка. Вообще берега озера чрезвычайно прихотливы и разнообразны, и если перенестись мыслію къ первоначальнымъ вѣкамъ, здѣсь можно предположить морской проливъ, начинавшійся отъ рѣки Св. Лаврентія и кончавшійся у Нью-Йорка. Не даромъ штаты Новой Англіи долго считались островомъ; подтвержденіемъ такого предположенія служитъ недавно откопанный на берегу Шампленова озера остовъ кита, давнишняго обитателя здѣшнихъ водъ. До сихъ поръ еще ловятъ въ озерѣ морскихъ тюленей. Исторія застаетъ здѣсь, какъ на всѣхъ ближайшихъ пунктахъ, индѣйскихъ дикарей, которые долго отстаивали свою независимость, не хотѣли стать рабами бѣлыхъ, не пріучались къ работѣ и владѣя лучшими землями, оставляли ихъ невоздѣланными и питались охотою въ первоначальныхъ лѣсахъ. Французы вообще поступали всегда мягче и снисходительнѣе съ туземцами, чѣмъ англичане; тогда какъ теперь, чтобъ увидѣть въ штатѣ Нью-Йоркѣ нѣсколько оборванныхъ индѣйцевъ, надобно ѣхать къ Ніагарѣ, въ Канадѣ деревни дикихъ видны близь самаго Монреала. Наиболѣе впрочемъ усмирили дикихъ подвиги противъ нихъ географа Шамплена, бывшаго губернаторомъ Канады въ началѣ XVII столѣтія. По его же имени названо озеро. Вообще мѣста, близь которыхъ плылъ нашъ параходъ, видѣли долго борьбу между французами и англичанами, потомъ между англичанами и сѣверо-американцами, и до сихъ поръ на берегу Шампленева озера замѣчаешь остатки укрѣпленій, нѣкогда грозныхъ, теперь въ развалинахъ. Оружіемъ и побѣдами хотѣли сдѣлать то, что теперь на тѣхъ же мѣстахъ дѣлаютъ параходами и паровозами: взаимныя выгоды страны, убѣжденіе, что благо народа вовсе не въ обладаніи огромнымъ кускомъ земли, а въ правильномъ устройствѣ отношеній граж-

данъ между собою и къ правительству, стремленіе жителей увеличить свое благосостояніе, имѣли послѣдствіемъ, что народы стали уступчивѣе для взаимныхъ выгодъ. При этомъ выигрываютъ обѣ стороны. Битва у Шампленева озера въ 1814 году должна была рѣшить вопросъ о границахъ между англійскими и американскими владѣніями въ Сѣверной Америкѣ. Теперь граница начинается у устья озера, у Росъ-Пойнта (*Rouse's Point*). Здѣсь я на время попрощался съ Соединенными Штатами и съ очаровательнымъ озеромъ, которое невольно переносило мысль въ Швейцарію на какое нибудь Тунское или Люцернское озеро.

Еслибы не камни и пороги и вслѣдствіе того быстрины въ рѣкѣ С. Джонсѣ или Ришелье, которою Шампленево озеро истекаетъ въ рѣку Св. Лаврентія, можно бы доплыть на параходѣ до этой послѣдней рѣки. Теперь въ объѣздъ сдѣлана желѣзная дорога. Англійская таможня недолго смотрѣла нашъ багажъ; весь досмотръ ограничился вопросомъ: нѣтъ-ли чего-нибудь у насъ лишняго, на что, разумѣется, послѣдовалъ обычный отвѣтъ: нѣтъ! И мудрено было бы устроить это иначе двумъ торговымъ націямъ, понимающимъ цѣну времени и невыгоды отъ всякихъ остановокъ въ торговлѣ, когда сообщенія такія частыя и безпрерывныя, когда устье водъ, текущихъ по территоріи штатовъ, находится въ англійскихъ владѣніяхъ, и границу составляетъ прямая условная линія.

III.

Опять вокругъ насъ заговорили про фунты и шиллинги, форма билетовъ на желѣзной дорогѣ иная, нѣтъ американскихъ чековъ (*checks*), марокъ, которыя американцы такъ

аккуратно вставляютъ за ленточку на шляпѣ, чтобъ избѣгнуть докучливыхъ разспросовъ кондуктора. Большинство говорило по французски. Какъ-то странно, едва вы проѣхали одну милю, нѣтъ никакихъ естественныхъ границъ, а вокругъ васъ уже другая народность, другое нарѣчіе, другой характеръ: общество веселѣе; оно вѣжливо, предупредительно, на лицахъ нѣтъ этой всегдашней думы американца о долларахъ и сентахъ, рядомъ съ мужчинами сидятъ лэди, что было бы противно этикету въ штатахъ, тутъ же священники и сестры (*soeurs grises*), ѣдущія съ какой-то миссіи и по дорогѣ читающія молитвенники, канадскіе фермеры, говорящіе по французски.

Ѣдучи мимо деревенекъ, состоящихъ почти исключительно изъ деревянныхъ избъ, я былъ пораженъ тѣмъ, что заборами, изъ довольно большихъ шестовъ, были раздѣлены незначительные по ширинѣ, но безмѣрно длинные участки земли, очевидно принадлежавшіе разнымъ владѣльцамъ. У кого было мнѣ лучше спросить объясненія этого явленія, какъ не у сосѣда, стараго плантатора или, какъ онъ говорилъ, *habitant*, который уже объявилъ мнѣ, что онъ родился въ Канадѣ, что подлѣ рѣки Св. Лаврентія у него участокъ земли, разспрашивалъ меня про теперешнюю Францію, кое-что зналъ объ императорѣ Наполеонѣ, и доказывалъ, что еслибы не ничтожный нормандскій акцентъ, который сюда принесли первые переселенцы, канадское нарѣчіе было бы чище современнаго парижскаго, а между тѣмъ въ самомъ слогѣ Канада онъ три раза повторялъ букву *o*. Дѣйствительно собесѣдникъ мой объявилъ мнѣ, что со времени перваго поселенія здѣсь французовъ, короли, за заслуги или для распространенія здѣсь колонизаціи, давали разнымъ сеньйорамъ такъ-называемыя *seigneuries*, огромныя пространства земли, которыя помѣщики раздавали въ

вѣчное ленное владѣніе, съ обязанностію платить ежегодную ренту (*cens et rentes*). Такъ какъ наилучшая земля, луга (*prairies*) раскинулись по берегу Св. Лаврентія, а дальше къ горамъ климатъ холоднѣе и почва менѣе производительна и камениста, то всякій желалъ имѣть хотя самый маленькій клочекъ земли у рѣки, и затѣмъ черезъ дробленіе между наслѣдниками образовались тѣ мелкія полосы, которыя приводили меня въ смущеніе. А такъ какъ лѣса до того много, что его не знаютъ куда дѣвать, хотя имъ топятъ параходы, паравозы, строятъ изъ него дома, то понятно, отчего такъ много заборовъ. Я зналъ, что ренты, которыя были введены первыми голландскими патронами (*patrons*) въ Нью-Йоркѣ и платились ленниками за владѣніе землею, существовали въ демократической Америкѣ до 1847 года. Меня не могло поразить существованіе до настоящаго времени древнихъ сеньйерій въ Новомъ Свѣтѣ; но въ штатахъ постоянно сознавали невыгоды учрежденія, которое стояло на пути свободнаго усовершенствованія и процвѣтанія, часто поднимались противъ него голоса, пока наконецъ не одолѣла партія *антирентеровъ*, противниковъ рентъ. Въ Канадѣ земледѣлецъ платитъ незначительную ренту за землю; онъ вообще не промышленъ и не богатъ, и потому не ищетъ права взнесть капиталъ за землю вмѣсто ежегодной ренты; такимъ образомъ на новомъ континентѣ продолжаютъ существовать ленныя отношенія, которыя въ самой Франціи пали со времени революціи 1789 года. Впрочемъ въ 1854 году канадскій парламентъ рѣшилъ измѣнить отношенія землевладѣльцевъ, но новыя начала принимаются какъ-то медленно. Къ прежнему порядку вещей привыкли земледѣльцы, и такъ какъ съ ними поступаютъ недурно, ренты не увеличиваются, между тѣмъ земля ростетъ въ своей цѣнности пропорціонально населенію, то безъ особаго

выкупа, безъ содѣйствія банка, учрежденнаго компаніею или правительствомъ, дѣло не обойдется. Кстати скажу, въ послѣдствіи мнѣ случилось читать * грамоты французскихъ королей, которыми они жаловали здѣсь владѣнія своимъ приближеннымъ по четыре, по пяти квадратныхъ льe и болѣе, и права, предоставленныя имъ, были совершенно феодальныя: кромѣ права взимать ренту съ такъ–называемыхъ *tenants* или мелкихъ владѣльцевъ, помѣщики имѣли надъ ними права юрисдикціи высшей, средней и низшей, и аппелляція на судъ сеньйера приносилась въ *cour royale de Montreal*; далѣе помѣщикамъ принадлежало исключительно право рубить лѣсъ, охотиться, торговать съ индѣйцами, заводить мельницы, имѣть свою часть сбора при переходѣ участка отъ одного леннаго владѣльца къ другому (такъ–называемыя *lods et ventes*) и т. д. Я думаю, что мелкопомѣстность потому не вредитъ интересамъ канадскихъ земледѣльцевъ у Св. Лаврентія, что французы любятъ селиться деревнями, *chacun veut entendre la cloche du village*, а для новыхъ переселенцевъ изъ Англіи, Ирландіи, Германіи остаются еще цѣлыя царства по рѣкѣ Оттавѣ и ея притокамъ. Сколько–нибудь населены лишь береговыя мѣста у Св. Лаврентія и большихъ озеръ, составляющихъ границу между штатами и Канадою. Сеньйеріальное право распространялось только на озеро Шампленъ, ближайшія къ теперешнему Монреалу мѣста и на берега Св. Лаврентія до Квебека.

Рельсы, по которымъ мы ѣхали, были положены по совершенно ровной мѣстности, по такъ–называемой *prairie*, прекрасно воздѣланной и хорошо населенной. Вотъ вдали однакоже показалась гора, которая сама по себѣ не велика,

* «*Documentary History of the State New-York*» *by hon. Christopher Morgan, Albany. Vol. 1, p. 539.*

но стояла гигантомъ среди плоскости. Скоро открылся и городъ, и остановившись на берегу Св. Лаврентія, гдѣ дымился уже паровой перевозъ, я могъ ясно различить зданія, церкви, флотъ кораблей на противоположномъ берегу. Не пройдетъ двухъ, трехъ лѣтъ, черезъ широкую рѣку будетъ брошенъ трубчатый мостъ, который превзойдетъ размѣрами Конвейскій въ Валлійскомъ княжествѣ мостъ Британія (*the Britannia tubular bridge*). Мнѣ разсказывали, что на канадскомъ мосту, который строится для такъ–называемой *grand trunk railroad* (этимъ означается, что дорога пересѣкаетъ какъ бы туловище, тѣло Канады), одного камня для быковъ понадобилось болѣе, чѣмъ на три милліона фунтовъ стерлинговъ, то-есть до восьмнадцати съ половиною милліоновъ рублей серебромъ. Матеріалъ конечно близко, но масса необходимо страшная, чтобъ удержать потокъ, соединяющій въ себѣ воды всѣхъ пяти озеръ Сѣверной Америки и ихъ притоковъ.

Перевозъ высадилъ насъ на каменную набережную, въ которой, какъ въ чашѣ, покоится пышный Св. Лаврентій. Помня устройство гостинницъ во Франціи и Англіи, я былъ пораженъ тѣмъ, что въ Монреалѣ они содержатся на американскій манеръ, тотъ же *office*, контора въ передней, таже книга для записыванія себя пассажирами, тѣже парлоры, разсѣянные по всѣмъ этажамъ, и общій обѣдъ со множествомъ кушаньевъ всякихъ кухонъ, тѣже два съ половиною доллара за день, тоже отдѣленіе лэди отъ мужчинъ, какъ въ Америкѣ. Впрочемъ не мудрено: преобладающіе путешественники по Канадѣ американцы, а они не захотятъ измѣнить своимъ обычаямъ. Да и содержатели гостинницъ американцы, какъ и вообще множество механиковъ, инженеровъ, купцовъ изъ штатовъ имѣютъ свои дѣла и заведенія въ Канадѣ. Американскимъ гражданамъ при-

своены здѣсь тѣже преимущества, какія имѣютъ англійскіе подданные. Жители Новой Англіи, собственно янки, здѣсь, какъ бы у себя дома.

Познакомившись съ нѣкоторыми французско-канадскими семействами, къ которымъ имѣлъ письма, я желалъ уяснить себѣ вопросъ: не можетъ-ли повредить англійскому правительству излишнее поселеніе здѣсь американцевъ? не захотятъ ли они современемъ округлить свои штаты англійскими владѣніями въ Сѣверной Америкѣ? Большіе гарнизоны, содержимые въ англійскихъ крѣпостяхъ въ Галифаксѣ, въ Новой Шотландіи (*Nova-Scotia*), и въ Квебекѣ, въ Канадѣ не служатъ-ли, говорилъ я, доказательствомъ, что англичане опасаются вторженія американцевъ, но почти единогласный отвѣтъ былъ, что насчетъ Канады Англіи опасаться нечего, что американская партія, хотя существуетъ, но не велика и лишена значенія, а что большинство, напротивъ, и французы и англичане сходятся въ понятіяхъ, особенно съ 1837 года, когда расширены муниципальныя права поселенцевъ и уравнены преимущества обѣихъ народностей. Прежде, и очень естественно, отношенія были другія, и симпатіи канадцевъ были на сторонѣ американцевъ, союзъ съ которыми могъ всегда улучшить ихъ положеніе. Теперь дѣло иное: не потому, чтобъ американцы представляли своими учрежденіями и понятіями меньше гарантій для независимости и благосостоянія Канады, но потому, что англійское правительство, помня, до чего довели его упрямство и близорукость въ отношеніи къ своимъ прежнимъ колоніямъ, теперешнимъ Сѣверо-Американскимъ Штатамъ, стало иначе смотрѣть на просьбы и требованія страны, населенной людьми, достаточно развитыми для того, чтобы понимать свои нужды и потребности.

Честь открытія и перваго заселенія Канады принадлежитъ французамъ: ее открылъ въ 1497 году Себастіянъ Кабо; но первое поселеніе для торговли съ индѣйцами и добыванія мѣховъ завелъ черезъ полстолѣтія, въ 1541 году, французъ же, Жакъ Картье, вошедшій въ рѣку Св. Лаврентія и давшій ей теперешнее имя ея. Но не раньше 1608 года основано другое поселеніе, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится Квебекъ, представлявшій по своему положенію прекрасный стратегическій пунктъ обороны. Только берега Св. Лаврентія были, собственно говоря, заселены и воздѣланы; все прочее лежало втунѣ. Французы съ своими аристократическими и феодальными учрежденіями оказались на берегахъ Св. Лаврентія такъ же мало способны къ колонизаціи, какъ въ Сѣверной Африкѣ или въ Южной Америкѣ. Оружіемъ нельзя привлечь мирныхъ поселенцевъ, и во всей теперешней Канадѣ, носившей тогда названіе Новой Франціи, было не болѣе шестидесяти тысячъ жителей, которымъ, разумѣется, стоило величайшихъ пожертвованій добраться до новаго материка, а тѣмъ болѣе до мѣста, удобнаго для поселенія. Колонія не отличалась особенною дѣятельностію и страдала отъ безпокойныхъ сосѣдей — дикихъ индійцевъ и англичанъ. Съ первыми кое-какъ еще жили французы: вели торгъ, усмиряли ихъ оружіемъ, но англичане не могли простить французамъ, что въ ихъ рукахъ остается такая огромная часть материка, которую населять считала себя призванною англо-саксонская раса. Окончательно Канада подпала подъ власть Великобританіи въ 1759 году и теперь, уже цѣлое столѣтіе она находится подъ скипетромъ королей англійскихъ.

Привыкнувъ считать англичанъ своими врагами въ Европѣ, французы не могли не перенести этой ненависти въ Америку, и когда возникла война за независимость амери-

канскихъ колоній, французы въ Канадѣ столько же благопріятствовали американцамъ, сколько ихъ соотечественники въ Европѣ. Взаимныя отношенія французовъ и англичанъ страдали отъ того; гарнизонъ крѣпости Квебека грозилъ подавить малѣйшее движеніе народа, правительство держало въ уздѣ мѣстное правленіе, и совѣтники королей думали управлять отдаленною колоніею изъ Лондона. Восточная, прежняя французская, католическая Канада была въ правахъ своихъ поставлена ниже другой половины, западной или верхней (*upper*), населенной по преимуществу англійскими выходцами. Столкновенія случались часто; они становились тѣмъ опаснѣе, что съ увеличеніемъ сообщеній Стараго Свѣта съ Новымъ и съ проложеніемъ желѣзныхъ дорогъ число переселенцевъ изо всѣхъ странъ Европы возрасло, канадецъ поневолѣ сравнивалъ себя съ сосѣдомъ по ту сторону Св. Лаврентія и оставался недоволенъ тѣмъ, что ему какъ бы изъ милости оставляла завистливая метрополія. Въ 1837 году Канада наконецъ возстала. Порядокъ былъ возстановленъ новымъ устройствомъ управленія обѣихъ половинъ Канады, которыя слились. Теперь нѣтъ сомнѣнія, что Канада, съ ея двумя милліонами обитателей, не захочетъ присоединиться къ американцамъ, которые такъ же чужды французамъ, какъ и англичане, но за то послѣдніе обязались оставить неприкосновенными ихъ вѣрованія и обычаи. Пока Англія будетъ хранить обѣщаніе, населеніе Канады будетъ расти, и живыя силы будутъ переливаться сюда изъ Европы. Часто, говоря съ переселенцами, я слышалъ объясненіе, почему они предпочитаютъ Канаду: земли здѣсь плодородныя, говорятъ они, лѣса нетронутые, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы здѣсь безопасны отъ индійцевъ, мы недалеко отъ Св. Лаврентія и его притоковъ; желѣзныя дороги уже пересѣкаютъ здѣсь дикія страны, а ме-

жду тѣмъ, по малому населенію, земли дешевы, отъ шиллинга до $1^1/_2$ шиллинга за акръ. Съ своей стороны англичане основали компаніи параходныхъ сообщеній между пристанями Великобританіи и устьями Св. Лаврентія. Со всякимъ годомъ ростутъ промышленность и торговля новаго края. Сырыя произведенія, хлѣбъ, лѣсъ, доски, везутся въ Англію, которая шлетъ сюда свои мануфактурные товары.

Управленіе Канадою то же самое, какое Англія вводила повсюду въ своихъ колоніяхъ. Исполнительная и законодательная власти совершенно отдѣлены одна отъ другой. Первая сосредоточена въ генералъ-губернаторѣ, которому подчинены и остальныя владѣнія Великобританіи въ Сѣверной Америкѣ, то-есть Новый Брауншвейгъ, Новая Шотландія и островъ принца Эдуарда, но въ каждой провинціи есть при исполнительной власти совѣтъ, состоящій въ Канадѣ изъ начальниковъ отдѣльныхъ управленій: генералъ-адвоката (*attorney general*), генералъ-почтмейстера (*postmaster general*), предсѣдателя законодательнаго собранія, коммиссара казенныхъ земель, и другихъ лицъ, опредѣляемыхъ высшимъ правителемъ провинціи.

Въ законодательныя распоряженія провинціи англійскій парламентъ не вмѣшивается и предоставляетъ эту заботу попеченію провинціяльнаго парламента, который на подобіе парламента метрополіи состоитъ изъ двухъ собраній: верхняго, члены котораго выбираются королевою, и нижняго по выбору народа. Генералъ-губернаторъ и его мнѣніе имѣютъ на положенія, прошедшія черезъ оба собранія (*legislatif council* и *legislative assembly*), такое же вліяніе, какое королева на парламентскіе билли, и только въ дѣлахъ, касающихся не одной Канады, но и отношеній ея къ метрополіи или къ другимъ областямъ, постановленіе провинціяльнаго парламента посылается на утвержденіе королевы и

ея министровъ. Въ той и другой канадской палатѣ засѣдаютъ съ равными правами и французы и англичане, законодательное собраніе сходилось поочередно то въ Монреалѣ и Квебекѣ, главныхъ городовъ Восточной или Нижней *(lower)* Канады, то въ Торонто, столицѣ Западной или Верхней Канады; но въ послѣднее время, когда сгорѣлъ назначенный для того въ Монреалѣ домъ, парламентъ имѣетъ свои собранія въ Торонто, и только въ послѣдніе мѣсяцы прошедшаго года общею столицею всей Канады правительство избрало Байтоунъ (*Bytown*) или Оттава-Сити, на рѣкѣ того же имени. Кромѣ довольно выгоднаго положенія этого города, правительство очевидно желало удалить офиціяльную столицу отъ границъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и выбрало мѣсто почти центральное. Но ни та, ни другая половина Канады не довольны распоряженіемъ исполнительной власти; провинціяльный парламентъ, какъ представитель народа, не утвердилъ предположенія генералъ-губернатора, и его министры сочли, что народъ потерялъ къ нимъ довѣріе. Въ канадскомъ кабинетѣ повторилось то же, что такъ часто бываетъ въ лондонскомъ.

Что касается наконецъ до судебной власти, то устройство судовъ различно въ Верхней, чисто-англійской, и Нижней, болѣе французской Канадѣ. Въ первой сохранились всѣ англійскіе суды; рядомъ съ апелляціоннымъ судомъ *(court of error and appeal)* и судомъ королевиной скамьи *(court of queen's bench)* существуетъ канцлерскій судъ (*court of chancery*) съ своимъ канцлеромъ и вице-канцлеромъ, для дѣлъ объ убыткахъ по совѣсти, *equity*, далѣе судъ обыкновенныхъ гражданскихъ дѣлъ *(common pleas)*, затѣмъ много другихъ спеціяльныхъ судовъ для разныхъ особенныхъ дѣлъ, для разбора завѣщаній *(court of probate)*,

для разсмотрѣнія споровъ о земляхъ и границахъ *(heir and devise court)*, и др. Въ графствахъ есть свои суды (*county courts*), и для уголовныхъ дѣлъ свои ассизы *(courts of quarter sessions)*. Въ Восточной Канадѣ, съ преобладающимъ французскимъ устройствомъ, приняты во вниманіе прежніе мѣстные обычаи *(coutumes)*, при которыхъ переселенцы оставили свой край, но въ то же время для дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ требуются присяжные, и многія черты французскаго судопроизводства усовершенствованы примѣсью англійскаго, напримѣръ вопросъ о томъ, должно ли начинать судебное преслѣдованіе, рѣшается чрезъ обвинительныхъ присяжныхъ (*grand jury*), что устраняетъ всякое вліяніе произвола чиновниковъ и даетъ адвокатамъ большее вліяніе на допросъ свидѣтелей. Такія усовершенствованія могли бы пригодиться французскому процессу. Адвокаты являются въ судъ безъ париковъ, правда, которые составляютъ отличіе ихъ въ Англіи, но въ широкихъ форменныхъ хламидахъ, судья засѣдаетъ одинъ, производство совершается или по-англійски или по-французски, смотря по народности тяжущихся или подсудимыхъ. Сообразно тому избираются и присяжные. Судьи владѣютъ обоими языками, англійскимъ и французскимъ, и это необходимо. Адвокаты также образованы и въ состояніи вести защиту на обоихъ языкахъ равносильно.

Вообще высшіе классы по воспитанію или по богатству считаютъ два эти языка, теперь оба родные, необходимыми, и только низшіе слои населенія въ Восточной Канадѣ мало подвигаются въ англійскомъ языкѣ, и французскій преобладаетъ вмѣстѣ съ прежними привычками и съ образомъ жизни, привезенными изъ Франціи. Войдите въ домъ горожанина-канадца, и если онъ не успѣлъ принять чуж-

дыя привычки, вы подумаете, что это семейство французскаго буржуа, съ его маленькими претензіями, съ ласковою веселостью, съ тою же кухнею, которую и теперь можно встрѣтить въ отдаленномъ углѣ Парижа и во всякомъ провинціяльномъ городѣ Франціи. Есть правда исключенія, и нѣкоторые канадцы, которые долго вели дѣла съ Американскими Штатами и Англіею, теряютъ природный французскій типъ и принимаютъ чужой, но это только въ общественной жизни и въ торговлѣ, а въ частной жизни французскій канадецъ не забываетъ своего языка и своихъ привычекъ. По крайней мѣрѣ исключенія рѣдки; таковъ общій отзывъ, и если правда, что католическая вѣра есть одна изъ причинъ необразованности низшаго класса въ Восточной Канадѣ, за то школы, содержимыя католическимъ духовенствомъ, богослуженіе и проповѣдь связываютъ воедино французское общество: англійское правительство Канады оставляетъ, разумѣется, католическія учрежденія такъ же неприкосновенными, какъ и учрежденія другихъ вѣроисповѣданій.

Впрочемъ, надобно отдать справедливость французскому духовенству: когда люди, какъ Картье, Шампленъ, шли открывать новыя страны или очищать ихъ отъ дикихъ, за ними тянулись религіозные монашескіе ордена учить слову Божію. Просвѣщеніе внесено сюда впервые французами. Ревность миссіонеровъ была оживляема дикостью страны и опасностями, которымъ подвергались здѣсь проповѣдники, а школы, заводимыя монахами и сестрами милосердія разныхъ орденовъ и названій, утверждали за европейцами то вліяніе, котораго бы они безъ того не имѣли. Понятно, отчего духовные монашескіе ордена владѣютъ здѣсь огромными имѣніями, пожалованными имъ вскорѣ по основаніи города. Монреалъ былъ и до сихъ поръ продолжаетъ быть

центромъ, изъ котораго дѣйствуютъ миссіонеры въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ Канады; монреальская семинарія снабжаетъ безлюдные и дикіе края Канады проповѣдниками слова Божія и учителями.

Большая часть католическихъ орденовъ имѣетъ въ Монреалѣ свои учебныя заведенія и больницы; іезуиты посвятили себя обученію юношества и содержатъ здѣсь огромную гимназію Св. Маріи. Такъ-называемые *frères des écoles chretiennes* также имѣютъ свои школы, въ которой даютъ образованіе 2000 мальчикамъ. Но какъ на образецъ указываютъ на *séminaire de St. Sulpice* (семинарія св. Сюлпиція), которая располагаетъ огромными средствами и имѣетъ въ своемъ распоряженіи школы и учебныя заведенія въ большей части городовъ Канады. Женскіе монастыри, разсѣянные подобно мужскимъ по всѣмъ частямъ города, также не остались въ долгу предъ призваніемъ, которому посвятили свои труды и свою жизнь; такъ-называемыя *soeurs grises*, *filles de Providence* и наконецъ *sœurs de charité* разнесли по всѣмъ угламъ Канады свои школы и свои больницы. Вліяніе ихъ здѣсь такъ же благодѣтельно въ смыслѣ просвѣщенія Словомъ Божіимъ и воспитанія, какъ на Востокѣ, въ далекихъ городахъ Малой Азіи, въ Африкѣ: вездѣ та же кротость служенія, и гдѣ мнѣ ни приходилось осматривать школы, заведенныя французскими сестрами милосердія, вездѣ та же система воспитанія, та же предупредительность, та же снисходительная доброта къ дѣтямъ, которыхъ они хотятъ заставить полюбить себя, полюбивъ добро. Но Канадою не ограничиваются труды католическихъ проповѣдниковъ; они идутъ далѣе въ Американскіе Штаты; ихъ трудамъ и попеченіямъ обязана своимъ существованіемъ не одна уже школа въ западныхъ штатахъ, гдѣ много като-

ликовъ переселенцевъ. Я не знаю, правы ли американцы, когда они съ опасеніемъ смотрятъ на возникающую въ штатахъ, гдѣ преобладаетъ католическое населеніе, власть католическаго духовенства и папы. Собственно говоря, это не болѣе, какъ опасеніе, чтобъ аристократическій элементъ іерархіи не нарушилъ демократическаго равенства народа: ни ирландское, ни германское населеніе не можетъ вступить въ борьбу съ англо-саксонскою расою, которая ищетъ силы и первенства производительною дѣятельностью и трудомъ.

Какъ бы то ни было, Монреалъ чисто-католическій городъ, и церкви, которыми онъ усѣянъ, придаютъ ему красивый видъ. Несмотря на то, что ихъ такъ много, еще строятся новыя, и кажется, всѣ существующія до сихъ поръ далеко оставятъ за собою соборъ при жилищѣ епископа. Въ настоящее время, лучшая церковь — *Eglise de la paroise* или *l'Eglise de la Notre Dame*, построенная въ 1829 году. Самый городъ посвященъ Пресвятой Дѣвѣ Маріи. Онъ назывался до прибытія сюда основателя его Мессонера (*Mr. de Maissonneure*) въ 1642 году по-индійски Ногелага, а имъ переименованъ въ *Ville Marie; Mont-royal* же собственно было названіе горы, возвышающейся за городомъ, и лишь въ послѣдствіи времени этимъ же именемъ названъ самый городъ. При населеніи отъ 60 до 70 тысячъ, церковь *de la paroise* устроена для помѣщенія 10 и даже 12 тысячъ человѣкъ; огромные хоры могли бы образовать особую церковь. Архитектура средневѣковая, готическая: двѣ большія четыреугольныя башни по краямъ фасада, верхи ихъ въ шпицахъ, стѣны зубчатыя, фасадъ также въ родѣ крѣпостной стѣны, входы и окна готическіе. Чтобы получить вѣрное и точное понятіе о мѣстоположеніи Монреаля,

надобно въ ясный солнечный день взобраться на одну изъ башень этой церкви, и если глазъ вашъ не будетъ ослѣпленъ отраженіемъ лучей отъ бѣлыхъ жестяныхъ крышъ, на высокихъ зданіяхъ Монреаля, то вы увидите картину, которая надолго останется въ памяти. Монреаль лежитъ на островѣ; легко различить съ одной стороны широкій рукавъ Св. Лаврентія, съ другой устье рѣки Оттавы, образующей въ разлитіи своемъ при впаденіи въ рѣку Св. Лаврентія много мелкихъ острововъ, и если бы не гора, которая высится надъ городомъ, нѣтъ сомнѣнія, что островъ не устоялъ бы отъ напора волнъ съ двухъ сторонъ. На этомъ-то островѣ, который въ свѣтлый день можно обозрѣть весь съ башни церкви, расположенъ городъ; на противоположномъ берегу мощной рѣки тянется рядъ домиковъ канадскихъ земледѣльцевъ, за ними простирается безпредѣльная равнина, кладъ и сокровище канадцевъ.

Городъ пересѣченъ прямыми и широкими улицами, почти всѣ обозначены именами святыхъ, въ честь которыхъ названы; главная изъ нихъ *rue Notre-Dame*, усѣянная магазинами, блестящая выставками, на которыя французы такіе мастера, привлекающая народъ своими кафе и ресторанами. Вечеромъ на этой улицѣ гульбище, и здѣсь оживаетъ далекая Франція, съ ея пѣснями, веселыми шутками и врожденною непринужденностью. А зайдите въ театръ, тотъ же нетерпѣливый стукъ, какъ въ любомъ парижскомъ театрѣ, но здѣсь онъ еще рѣзче и откровеннѣе, здѣсь никто не страшится неотвязчиваго *commissaire* или жандарма. И если французы сохранили свой природный характеръ даже въ мелочахъ, тѣмъ болѣе не могли они измѣнить его въ отношеніяхъ болѣе важныхъ и жизненныхъ. Значительная торговля и промыслы, требующіе большихъ средствъ, риска и

пожертвованій, находятся въ рукахъ англичанъ или американцевъ; на долю французовъ остались промыслы, не требующіе большихъ издержекъ и слѣдовательно не оставляющіе надежды на большіе барыши, заведеніе лавокъ, магазиновъ и парикмахерскихъ салоновъ. Американцы и англичане заняли и скупили лучшіе кварталы въ городѣ, французскія семейства отошли въ дальніе: здѣсь вы идете мимо деревянныхъ приземистыхъ домиковъ, по деревяннымъ мосткамъ, на улицахъ роются свиньи, дѣти бѣгаютъ безъ надзора и также необузданны, какъ во Франціи. Тоже повторяется и въ другихъ странахъ и городахъ при столкновеніи или сожитіи французовъ съ англичанами или американцами, и преобладаніе послѣднихъ такъ же поразительно въ Новомъ Орлеанѣ, какъ и въ Монреалѣ, хотя въ томъ и другомъ населеніе и по числу жителей и по характеру страны французское. Это-то природное различіе характеровъ двухъ расъ заставляетъ думать, что онѣ не сольются, но тѣмъ не менѣе, живя одна подлѣ другой не безъ взаимнаго вліянія, каждая изъ нихъ будетъ развивать ту сторону дѣятельности, которая ей по сердцу, и ни одна не будетъ имѣть основанія жаловаться на законъ, который напротивъ остается такъ-сказать нейтральнымъ и покровительствуетъ всякой народности одинаково.

Въ Монреалѣ есть свой университетъ, существующій съ 1821 года, есть среднія и нижнія, приходскія и воскресныя школы, и вообще городъ можетъ щеголять своими общественными заведеніями, постройками разнаго рода, рынками, устройствомъ водопроводовъ, газовымъ освѣщеніемъ, памятникомъ Нельсону и быстрыми успѣхами, которые проявляются въ увеличеніи его населенія, торговли и промысловъ.

На Марсовомъ полѣ (*champs de Mars*) внутри самаго города бываетъ ежедневно разводъ съ музыкою. Въ мое тамъ пребываніе привезены изъ Англіи наши пушки, отбитыя въ Крыму и подаренныя на память англійскимъ колоніямъ въ Америкѣ, за помощь, которую они своими пожертвованіями принесли метрополіи. Любопытные постоянно толпились около нашихъ орликовъ, залетѣвшихъ такъ далеко...

Изъ ближайшихъ къ Монреалу окрестностей самая интересная и самая пріятная для прогулокъ, есть такъ называемая Королевская гора, *Mont-royal*. Дорога сюда ведетъ по отдаленнымъ улицамъ, черезъ сады и огороды. Въ сторонѣ на возвышеніи лежатъ бассейны, изъ которыхъ вода разливается по городу и домамъ, немного далѣе священническая или церковная ферма (*Priestfarm*, какъ ее зовутъ на мѣстѣ), собственно школа для духовныхъ, прежде монастырь, съ двумя бойницами у воротъ. Я упоминаю о нихъ, потому что онѣ сохранили старое свое названіе *les forts des messieurs du seminaire*, въ память того, что у духовныхъ была здѣсь своя сеньйерія, и преданіе говоритъ или по крайней мѣрѣ повторяется здѣшними, что башни эти вмѣщаютъ въ себѣ бренные остатки двухъ дикихъ, обратившихся въ христіанство и проводившихъ здѣсь святую жизнь. Прежняго зданія семинаріи вовсе не видно за огромными флигелями новаго, которое ростетъ очень быстро. Въ одномъ изъ флигелей дома будетъ церковь въ готическомъ стилѣ.

Отсюда собственно, то-есть отъ семинаріи, начинается подъемъ на Королевскую гору, и чѣмъ далѣе взбираетесь вы на нее, тѣмъ поразительнѣе становится картина текущаго среди плоскихъ зеленыхъ береговъ Св. Лаврентія. Наконецъ вы видите блестящія на солнце волны Оттавы.

Mont–royal возвышается одинъ среди равнины, и имеонн потому, онъ кажется такъ великъ. Бока горы въ густомъ лѣсу; осень произвела не него свое обычное вліяніе: красный и желтый листъ побитыхъ морозомъ деревьевъ и среди нихъ уцѣлѣвшая зелень деревъ болѣе твердыхъ и менѣе чувствительныхъ придавали лѣсу видъ, какъ будто эти громадныя деревья были окрашены гигантскою кистью, не пожалѣвшею пурпура во всѣхъ его видоизмѣненіяхъ. Гора назначена для кладбища, но на немъ еще немного памятниковъ, и они разсѣяны кое–гдѣ въ густомъ лѣсу.

Разлитіе Оттавы среди плоскости, по которой она течетъ, вливаясь въ рѣку Св. Лаврентія, образуетъ множество острововъ подлѣ острова Монреала. Самый большой изъ нихъ называется *Ile Jesus*. Отмели, находящіяся подъ водою, могли бы мѣшать плаванію судовъ вверхъ отъ Монреаля, и морской торгъ не шелъ бы далѣе этого пункта. Для устраненія такого неудобства сдѣланы каналы съ обходъ быстринъ и мелей, и по этимъ искуственнымъ путямъ ходятъ большія суда изъ озера Онтаріо, даже прямо въ Европу; параходы же рискуютъ и проходятъ среди стремнинъ. Меня увѣряли, что влекомые силою потока они дѣлаютъ въ часъ отъ 25 до 30 миль вмѣсто обыкновенныхъ 10 миль. Начинаясь отъ Монреала, каналъ этотъ доходитъ до мѣстечка Ла–Шинъ (*Lachine*). Сюда же на 10 миль проведена желѣзная дорога. Чтобы увидѣть настоящую старую французскую деревню съ ея *bons–vieux*, я ѣздилъ сюда, и эта поѣздка была тѣмъ пріятнѣе, что пространство, проходимое желѣзною дорогою, хорошо воздѣлано и чрезвычайно плодоносно. Множество фруктовыхъ деревьевъ въ садахъ и канадскіе яблоки развозятся отсюда въ Квебекъ и далѣе. Странность названія Китаемъ (*la Chine*) мѣста столь от–

даленнаго отъ настоящаго Китая, могла бы поразить меня, еслибы жители тѣхъ же мѣстъ не носили другаго, также мало приличнаго имъ наименованія—индійцевъ. Думали ли въ самомъ дѣлѣ Картье и его спутники, что нашли путь въ Китай и отъ радости воскликнули — *la Chine!* чему повѣрить трудно, или это была злая шутка кого нибудь, кто хотѣлъ посмѣяться надъ словомъ индійцы? Извѣстно только, что названіе остается со времени Картье. Мѣсто это до сихъ поръ есть главный постъ Худсонъ-Бейской компаніи, занимающей цѣлыя неизмѣримыя царства на сѣверъ отъ большихъ американскихъ озеръ. Главная контора компаніи въ Лондонѣ, но отсюда, по распоряженіямъ ея, посылаются такъ-называемые *voyageurs*, прикащики къ разнымъ дикимъ племенамъ, живущимъ на земляхъ компаніи и ведущимъ съ ними исключительный торгъ мѣхами. Изъ Ла-Шина везутся подарки, одѣяла, одежды, порохъ, огнестрѣльное оружіе въ замѣнъ шубъ и звѣриныхъ шкуръ, которыми промышляетъ компанія.

На другомъ берегу Св. Лаврентія осталось еще поселеніе Ирокезцовъ, деревня Каунавага (*Caunawaga*), дикихъ, страшныхъ только по имени, но теперь вовсе ничѣмъ не отличающихся отъ французскихъ земледѣльцевъ или *habitants*. Канадцы-Ирокезцы католическаго исповѣданія; они имѣютъ свою школу, церковь, поля, одѣты какъ всѣ, называютъ себя подобно другимъ канадскимъ Индійцамъ, *savage*, саважами (*sauvage*), промышляютъ тѣмъ, что долбятъ изъ стволовъ толстыхъ деревьевъ легкія лодки, занимаются рыбною ловлею и охотою, ведутъ незначительный торгъ съ Монреалемъ, а зимою выдѣлываютъ мокасины, мягкія туфли и лыжи. Нельзя сказать, чтобы съ виду по крайней мѣрѣ жители отличались довольствомъ, или чтобы

ихъ жилища были особенно опрятны, но остатки прежняго происхожденія сохранились только въ жесткости черныхъ волосъ на головѣ и темно-мѣдной кожѣ на лицѣ.

Мнѣ было интересно взглянуть на такъ-называемыя тысячи острововъ (*the thousand islands*), разсѣянныхъ въ рѣкѣ Св. Лаврентія при выходѣ ея изъ озера Онтаріо. Вообще рѣка эта, окончательный истокъ сѣверо – американскихъ озеръ, чрезвычайно разнообразна и прихотлива въ своемъ теченіи: то она суживается отъ давящихъ ее съ боковъ горныхъ кряжей, то разливается на три, на четыре мили въ ширину, образуя отмели, острова; то она течетъ незамѣтно, то наоборотъ образуетъ стремнины. Отъ Монреаля напримѣръ до Кингстоуна, у сѣвернаго берега озера Онтаріо, попадаются озера Св. Луи (*lake St. Louis*), Св. Франциска, и они какъ будто предвѣстники тѣхъ огромныхъ озеръ, которыя истекаютъ рѣкою. Параходъ долженъ былъ безпрестанно мѣнять направленіе, чтобы не попасть на островъ, но затрудненія стали гораздо болѣе, когда параходъ дошелъ до тысячи острововъ, раскинувшихся въ руслѣ Св. Лаврентія въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и группахъ. Только самые большіе изъ этихъ острововъ имѣютъ особыя названія и населены: они ближе къ озеру Онтаріо; другіе же—собственно небольшія точки, поросшія лѣсомъ и въ свѣтлый день блестятъ какъ изумрудъ на свѣтлой синей поверхности Св. Лаврентія. Въ Кингстоунѣ оканчивается эта прелестная группа острововъ, параходъ пристаетъ къ городку, и я воспользовался поѣздомъ желѣзной дороги по берегу Св. Лаврентія, чтобы возвратиться въ Монреаль, и отсюда ѣхать далѣе на сѣверъ. Надобно было торопиться. Осень здѣсь также холодна, какъ у насъ, наступало время, такъ называемое здѣсь *Indian Summer*

въ родѣ нашего бабьяго лѣта, съ утренниками, теплыми солнечными днями; деревья покрылись пурпурною листвою. Чтобы не остаться зимою въ холодномъ сѣверѣ, когда манила къ себѣ Куба, я не хотѣлъ еще разъ останавливаться въ Монреалѣ и въ день прибытія сюда взялъ себѣ мѣсто на параходѣ, шедшемъ внизъ по теченію, и отправился въ Квебекъ.

ГЛАВА VIII.

ОТЪ КВЕБЕКА ДО НІАГАРСКАГО ВОДОПАДА.

Рѣка Св. Лаврентія. — Квебекъ. — Бриллантовый мысъ. — Крѣпость. — Суды. — Семинарія. — Водопадъ Монморанси. — Деревня Бо-поръ. — Индѣйцы деревни Лоретъ. — Рѣка Оттава. — Байтоунъ или Оттава-Сити. — Его окрестности. — Канадскій лѣсъ и его обитатели. — Лѣсная промышленность. — Сплавъ лѣса. — Дикіе и ихъ характеръ. — Прескотъ и Огденбургъ. — Кингстонъ. — Озеро Эри. — Торонто. — Ніагарскій водопадъ и его окрестности.

I.

Я могъ бы отправиться отъ Монреаля до Квебека по желѣзной дорогѣ, *Grand-Trunk-Railway*, но предпочелъ плыть по рѣкѣ Св. Лаврентія, чтобъ еще болѣе ознакомиться съ дальнѣйшимъ его теченіемъ. Цѣна на параходѣ за *state room* (спальню для двоихъ), съ большимъ окномъ для воздуха и свѣта, съ прислугою и кушаньемъ на все время проѣзда, ничтожна сравнительно съ цѣнами на европейскихъ параходахъ: за три доллара (около 4 руб. сер.) васъ везутъ и кормятъ около 16 часовъ, если нѣтъ препятствій отъ тумана или вѣтра. Въ одинъ и тотъ же часъ отправляется нѣсколько параходовъ съ товарами и пассажирами, и всякій параходъ старается взять какъ можно

больше грузу и перегнать всѣ другіе. Признаюсь, хоть я и привыкъ къ быстротѣ американской ѣзды, я не могъ никогда равнодушно сидѣть на параходѣ въ то время, какъ онъ перегонялся съ другимъ. Капитанъ парахода, который начинаетъ отставать, забываетъ всякія предосторожности и мѣры благоразумія, и гонитъ, что есть мочи; дать побѣдить себя значитъ потерять славу хорошаго капитана, особенно если параходы одинаковой конструкціи, одинаковыхъ размѣровъ, и несутъ одинаковый грузъ. На этотъ разъ, капитанъ нашего парахода былъ англичанинъ, много говорилъ противъ опрометчивости американцевъ, а въ доказательство того, до чего можетъ довести американское *авось*, то-есть *go-ahead*, онъ разсказалъ о крушеніи въ прошломъ году парахода, везшаго переселенцевъ въ Квебекъ. Параходъ загорѣлся отъ раскалившейся машины; пассажиры, видѣвшіе опасность, требовали, чтобы параходъ плылъ скорѣе къ берегу, начали тушить пожаръ, но быстрота движенія только раздувала пламя, и стимеръ, дурно направленный, разбился о скалу. Изъ оставшихся живыми болѣе ста человѣкъ спасены нашимъ капитаномъ. Сколько погибло, неизвѣстно; во всякомъ случаѣ жаль, что суды смотрятъ черезчуръ снисходительно на подобныя ошибки или недосмотры, имѣющіе столь плачевныя послѣдствія.

Нашъ капитанъ, впрочемъ, былъ не изъ опрометчивыхъ. Туманъ остановилъ его къ утру, и онъ свистѣлъ ежеминутно, чтобы кто-нибудь не наѣхалъ на него.

Берега Св. Лаврентія, почти по всему теченію его отъ Монреаля, представляли рядъ мелкихъ, воздѣланныхъ фермъ, съ ихъ деревянными домиками, заборами и шумною дѣятельностью. Мѣстами возвышались большія зданія, *manoirs* (барскія мыза, помѣстья), или дачи зажиточныхъ канадцевъ. Все суетилось, копошилось по берегамъ; поля были

покрыты рожью, овсомъ, ячменемъ, рѣже пшеницею, и еще рѣже маисомъ или кукурузою; за полями вдали чернѣлся лѣсокъ, видны были каменоломни. Ни въ чемъ нѣтъ недостатка, все извлекаетъ изъ своей почвы радушный канадецъ, и веселъ и спокоенъ онъ, и радъ, когда его назовутъ *l'heureux Canadien*, не различая въ шутку или въ правду величаютъ его такимъ образомъ,

Почти на половинѣ дороги между Монреалемъ и Квебекомъ, рѣка Св. Лаврентія разливается въ озеро Св. Петра, покрытое въ срединѣ островками; и чѣмъ дальше, тѣмъ берега рѣки становятся круче, лѣсистѣе; при малѣйшемъ ея изгибѣ образуются естественныя пристани, гдѣ собираются корабли для того, чтобы нагрузиться лѣсомъ, досками, за тѣмъ отправиться къ общему складочному мѣсту, Квебеку, а оттуда въ Европу на англійскія верфи.

Утромъ рано показались верхи квебекской крѣпости и на шпицахъ квебекскаго собора заигралъ лучь восходившаго солнца. Городъ раздѣляется на верхній, правительственный, и нижній, коммерческій. Приходилось выбирать себѣ гостинницу въ той или другой части города. Я предпочелъ верхній городъ, чтобы быть ближе къ эспланадѣ и укрѣпленіямъ, съ которыхъ открывается прелестный видъ на всѣ окрестности, къ судамъ, собору и вообще мѣстамъ, наиболѣе интереснымъ для путешественника. Изъ моего окна въ гостинницѣ разстилался живописный видъ на теченіе рѣки Св. Лаврентія и на противоположный ея берегъ и я могъ наслаждаться этимъ видомъ, не покидая своей комнаты. Осмотрѣвшись нѣсколько, я пошелъ поближе взглянуть на скалу, на которой возвышается страшная квебекская крѣпость, ключъ англійскихъ владѣній въ Сѣверной Америкѣ. Крѣпость эта поражаетъ не столько своею высотою, сколько тѣмъ, что стоитъ уединенно среди равнинъ, какъ будто нарочно бро-

шена она сюда для того, чтобы служить оплотомъ отъ нападеній и стратегическимъ пунктомъ. Скала почти отвѣсно опускается къ морю, оставляя только узкую полосу земли для улицы прибрежнаго предмѣстья; внизу расположена прекрасная пристань, въ которой сосредоточена вся торговля Канады съ Европою, такъ какъ до Квебека могутъ безпрепятственно доходить большія морскія суда. Какъ же было не назвать мыса, который образуетъ эта скала, *Брилліянтовымъ мысомъ* (*Cap aux diamants*, или по выраженію англичанъ *Cap Diamond*), какъ-то сдѣлалъ географъ Шампленъ, основавшій здѣсь въ 1608 году городъ. За то англичане очень хорошо всегда понимали, что для обладанія Канадою имъ необходимо господствовать на брилліантовой скалѣ; при всякомъ удобномъ случаѣ они нападали на нее и старались овладѣть крѣпостью. Въ 1619 году Квебекъ былъ въ рукахъ англичанъ, но потомъ отданъ французамъ. Въ 1759 году Англія стала обладать Квебекомъ и вмѣстѣ всею Канадою. За то теперь англійское правительство бережетъ эту крѣпосгь не менѣе Гибральтара или укрѣпленій Мальты. Форты вооружены, въ горѣ есть замаскированныя батареи, и всякаго, кто рѣшился бы теперь взять городъ приступомъ, постигла бы та же участь, какая постигла въ 1775 году американскаго генерала Монтгомери, когда онъ въ войну за независимость, желая выбить англичанъ изъ послѣдняго ихъ притона, поплатился за свою смѣлость жизнію. Впрочемъ подобный неуспѣхъ можно было предвидѣть, и когда англичане брали Квебекъ въ 1759 году, генералъ Вольфъ поступилъ иначе: онъ умѣлъ обойдти скалу, на которой стоитъ страшная крѣпость и вызвалъ французовъ на бой на равнинѣ за крѣпостью, на такъ называемой *Plaine d'Abraham*. Французскій генералъ Монкальмъ, которому была ввѣрена защита крѣпости, проигралъ

сраженіе, но ему, точно также какъ и храброму генералу Вольфу, не суждено было видѣть покореніе Канады англичанами. На томъ мѣстѣ, гдѣ палъ Вольфъ, поставленъ ему памятникъ, и кромѣ того въ небольшомъ саду, разбитомъ подъ цитаделью, возвышается другой, воздвигнутый обоимъ героямъ вмѣстѣ: онъ построенъ на деньги, пожертвованныя сообща французами и англичанами.

На эспланадѣ устроено мѣсто для прогулки; можно пожалѣть только, что оно не велико, и что гуляющій ни однимъ деревцомъ не защищенъ отъ лучей солнца. Чтобы вполнѣ насладиться картиною, которая не можетъ не восхитить самаго холоднаго и прозаическаго туриста, надобно взобраться на вершину цитадели, гдѣ развѣвается англійскій флагъ. Взгляните оттуда на широкую рѣку Св. Лаврентія, на лежащій среди нея Орлеанскій островъ *(l'Ile d'Orleans)*, за нимъ, на другой сторонѣ, на скалу Луи и далѣе на покрытыя лѣсомъ горы! Внизу, у вашихъ ногъ, какъ муравьи, хлопочутъ жители, корабли грузятся, лѣсъ свозится отовсюду, въ городѣ каждый спѣшитъ за своимъ дѣломъ, а наблюдатель какъ будто волшебствомъ какимъ поставленъ выше всѣхъ этихъ треволненій обыденной жизни. Я часто взбирался на любимый пунктъ, и всегда сходилъ оттуда совершенно очарованный.

Преобладающій въ Квебекѣ языкъ — французскій. Едва ли здѣсь не болѣе французовъ, чѣмъ въ Монреалѣ. Земледѣлецъ и здѣсь сохранилъ тотъ же старый провинціяльный типъ, какой имѣетъ въ Монреалѣ; на немъ сѣрый армякъ въ холодное время, на головѣ шапка въ родѣ колпака, и вообще платье примѣнено къ климату. Подходя къ дому, гдѣ помѣщаются суды, я увидѣлъ большое стеченіе канадцевъ, ожидавшихъ повидимому очереди для вступленія въ залу засѣданій. Полисмены, одѣтые подобно англійскимъ, сновали

то взадъ, то впередъ, какъ будто отыскивая кого–то. Въ судѣ я нашелъ толпу народа; по списку вызывали присяжныхъ; горячій адвокатъ, очень осторожно соглашавшійся на выборъ того или другаго лица въ присяжные, отвергалъ многихъ, пока наконецъ составилось узаконенное число. Выбранные такимъ образомъ были приведены къ присягѣ, и началось дѣло о какомъ-то незначительномъ воровствѣ; свидѣтели допрашивались одинъ за другимъ, адвокатъ, въ жилахъ котораго текла навѣрно не англійская кровь, выходилъ изъ терпѣнія при всякомъ отвѣтѣ свидѣтеля не въ пользу его кліента, кричалъ сколько могъ, и все-таки присяжные нашли вину доказанною. Но въ залѣ суда не кончился судъ: вышедши изъ нея, присяжные должны были защищать передъ своими согражданами произнесенный ими приговоръ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ обычаѣ заключается большая гарантія для справедливости. Жаль, что зала засѣданій мала, особенно при постоянномъ движеніи любопытныхъ и принимающихъ участіе въ дѣлопроизводствѣ, и увѣщательные крики джентльмена въ форменной черной хламидѣ, безпрестанно кричавшаго *silence!* то по англійскому, то по французскому произношенію, не производили никакого дѣйствія. При судѣ есть переводчики. Прежде британское правительство хотѣло ввести въ Канадѣ исключительное употребленіе англійскаго языка, но это не удалось, и теперь даже законы печатаются на обоихъ языкахъ; адвокаты употребляютъ тотъ или другой, смотря по тому, чье дѣло. Можетъ случиться такъ, что одинъ изъ присяжныхъ не понимаетъ языка, на которомъ производится дѣло, и если самъ участвующій въ дѣлѣ или, что все равно, его адвокатъ не захочетъ замѣнить одинъ языкъ другимъ, то для одного человѣка переводятся всѣ судебныя пренія.

Въ квебекскомъ соборѣ, отличающемся своими размѣрами, ничего замѣчательнаго я не нашелъ. Но онъ принадлежитъ къ древнѣйшимъ зданіямъ города и освященъ въ 1666 году. Къ собору примыкаетъ одно изъ самыхъ древнихъ учебныхъ заведеній не только Канады, но и всей Сѣверной Америки: это квебекская семинарія, существующая съ 1663 года, какъ для образованія духовныхъ лицъ, такъ и для лицъ другихъ сословій. Средства этого заведенія такъ же велики, какъ и монреальской семинаріи; для содержанія его собиралась долго одна тринадцатая часть всего того, что производила земля и что человѣкъ пріобрѣталъ трудомъ, и хотя въ послѣдствіи сборъ этотъ уменьшенъ на половину, тѣмъ не менѣе заведеніе и теперь богато: оно обладаетъ огромнымъ домомъ и воспитываетъ до 500 юношей, не только изъ Квебека, но и изъ Англіи и Соединенныхъ Штатовъ.

Не видавъ еще Ніагары, я любопытствовалъ посмотрѣть на одинъ изъ самыхъ большихъ послѣ ніагарскаго водопадовъ, на Монморанси и разсчитывалъ въ тотъ же самый день побывать въ индійской деревнѣ Лореттъ. Съ самаго утра отправился я за городъ. Крѣпость мѣшала правильно распланиpоваться лежащему у подножія горы нижнему, торговому городу: улицы въ немъ кривы и узки, городъ отстраивался по мѣрѣ того, какъ наростало населеніе, мостовыя дурны, и легкая коляска тряслась по нимъ немилосердно, пока черезъ мостъ и рѣку *Saint-Charles* мы не выѣхали въ поле. Изъ первыхъ выраженій моего возницы, на отборномъ французскомъ языкѣ, и изъ вѣжливыхъ до чрезвычайности манеръ его я замѣтилъ, что имѣю дѣло не съ обыкновеннымъ извощикомъ; дѣйствительно, онъ мнѣ разсказалъ, что отецъ его нотаріусъ, а онъ учился въ семинаріи, потомъ самъ училъ въ какой-то коллегіи, имѣлъ ферму, а теперь, по любви къ лошадямъ, въ будни занимается изво-

зомъ и трясется на облучкѣ своего нехитростнаго экипажа, а по воскресеньямъ поетъ въ приходской церкви. Къ разказу о своемъ прошедшемъ собесѣдникъ мой прибавилъ, что онъ совершенно доволенъ судьбою, и обѣщалъ мнѣ познакомить меня съ своею женой и показать своихъ дѣтей въ деревнѣ, черезъ которую мы должны были ѣхать. Я, разумѣется, не отказался и очень былъ радъ случаю посмотрѣть поближе на бытъ канадскихъ земледѣльцевъ, да и собесѣдникъ мой былъ радъ не менѣе меня: солнце не очень-то грѣло и осенній вѣтеръ пронизывалъ до костей. Деревня называлась *Beau-Port*. Мы остановились у одного изъ приземистыхъ ея домиковъ. Семья моего возницы занималась какою-то работою, я былъ представленъ ей, какъ представляютъ въ гостиныхъ. Хозяинъ съ сожалѣніемъ, которое раздѣлялъ и я, объявилъ мнѣ, что онъ принадлежитъ къ обществу трезвости, и что кромѣ *soupe à l'ognon*, слѣланнаго наскоро его гостепріимною женой, онъ не можетъ угостить меня ничѣмъ. Мнѣ не хотѣлось терять время, но нечего было дѣлать, пришлось ждать, за что я былъ вознагражденъ разваренною въ водѣ луковицею и размоченнымъ въ ней хлѣбомъ; но лучшею приправою къ этому незатѣйливому кушанью было то радушіе, съ которымъ канадская поселянка подчивала меня этою похлѣбкой. У нея была коровка, былъ свой домикъ, огородъ, и, кажется, она, точно такъ же какъ и ея мужъ, была въ восторгѣ отъ своей участи. Желая ознакомить меня поближе съ деревенскимъ бытомъ другихъ жителей Бо-Пора, мой руководитель разсказывалъ мнѣ, что у каждаго изъ этихъ сѣрыхъ армяковъ съ колпаками на головахъ есть своя усадьба, свои поля, свой домъ, выгонъ, что здѣсь земли превосходныя, но продаются дорого и рѣдко, а что дальше внутрь страны еще есть незанятыя земли, и на нихъ въ послѣднее время много селит-

ся новыхъ выходцевъ изъ Европы, особенно ирландцевъ. И здѣсь, какъ вездѣ, они остаются по большей части бѣдными, и извѣстны съ невыгодной стороны своимъ раздражительнымъ и безпечнымъ характеромъ.

Отъ деревни было уже не далеко до водопада Монморанси. Онъ находится въ частномъ помѣстьѣ, куда за входъ платятъ шиллингъ. Какъ ни предупреждаетъ противъ водопада мысль о возможности запереть его на ключъ, я былъ пораженъ красотою бѣлой пѣнящейся полосы воды, которая, низвергаясь со скалы въ 250 ф. вышиною, немного ниже впадаетъ въ рѣку Сентъ-Чарльсъ совершенно тихимъ ручейкомъ, въ которомъ нѣтъ и слѣда бурнаго его начала. Прежде черезъ водопадъ, на верхней скалѣ, съ которой онъ свергается, былъ мостъ; теперь отъ моста остались одни столбы. Снизу Монморанси представляется какимъ-то великаномъ въ бѣломъ саванѣ, гнѣвнымъ и дымящимся среди темной обстановки скалъ и деревьевъ. Зимою, слышалъ я, картина хотя не такъ пышна и величественна, но за то замерзшія на скалахъ брызги и причудливыя формы, которыя принимаютъ обледенѣлыя скалы, дѣлаютъ изъ Монморанси одно изъ самыхъ любимыхъ мѣстъ прогулки, и цѣлыя вереницы саней съѣзжаются сюда въ теплые зимніе дни. Въ былыя времена, впрочемъ, водопадъ былъ несравненно величественнѣе: теперь часть воды его отведена для лѣсопильнаго заведенія, что значительно ему повредило.

Теченіе Св. Лаврентія вообще изобилуетъ водопадами; нѣсколько ихъ находится выше Квебека. Не будь Ніагара такъ близка, и раздѣли природа свои красоты между разными странами, каждый изъ этихъ водопадовъ возбуждалъ бы изумленіе. Теперь невольно сравниваютъ Монморанси съ гигантомъ-водопадомъ, и сравненіе это, конечно, невыгодно для него.

Отъ Монморанси я направился къ индійской деревнѣ Св. Лоретты *(S–te Lorette)*. Я думалъ найдти здѣсь дикихъ въ первоначальномъ ихъ состояніи, то–есть съ расписанными, тетюированными лицами, раковинами и бусами въ ушахъ и ноздряхъ, съ перьями на головѣ, съ какими–нибудь одѣялами на плечахъ вмѣсто всякаго иного одѣянія. Пріѣхавъ на мѣсто, я не хотѣлъ вѣрить, что я уже въ индійской деревнѣ. Индійца ничѣмъ не отличишь отъ французскаго земледѣльца, поселившагося въ Канадѣ; онъ заимствовалъ отъ него одежду, домашнее устройство, и еслибы не черные щетинистые волосы и не темный цвѣтъ лица, трудно было бы различить ихъ съ виду. Живя столько вѣковъ вмѣстѣ, и французы или вѣрнѣе канадцы кое–что заимствовали отъ индійцевъ. Отъ нихъ они взяли, напримѣръ, кушанье сагамите *(sagamité)*, кашу изъ маиса, сваренную на молокѣ. Но за то французы воздали индійцамъ сторицею. Стоитъ указать только на школы, заведенныя для потомковъ дикихъ гуроновъ. Учитель былъ также гуронъ, принадлежалъ слѣдовательно къ нѣкогда страшному племени, теперь же и самъ онъ образованъ и передаетъ плоды образованія своимъ соплеменникамъ, которые уже будутъ заниматься не одною охотой и рыбною ловлей, а и земледѣліемъ. Впрочемъ здѣсь, какъ и въ Соединенныхъ Штатахъ, мѣдная раса бѣжитъ и вымираетъ отъ приближенія бѣлой, и недаромъ индійцы носятъ амулеты, знаютъ травы и камешки, которые спасаютъ ихъ отъ опаснаго прикосновенія бѣлаго человѣка. Никакъ нельзя однако сказать, чтобъ обращеніе съ ними французовъ было жестоко; не ихъ винѣ, а естественному ходу вещей слѣдуетъ приписать, что отъ цѣлыхъ племенъ, нѣкогда страшныхъ для европейцевъ, теперь остаются нерѣдко деревушки съ сотнею людей.

За Квебекомъ, по теченію Св. Лаврентія, не прерываются поселенія французовъ. Образъ жизни ихъ въ этихъ мѣстахъ еще проще, чѣмъ по близости большихъ городовъ: никогда домъ канадца не запирается на замокъ, онъ открытъ для всѣхъ, даже для индійца. Католическая вѣра здѣсь распространена между дикими повсемѣстно, и въ этихъ малонаселенныхъ странахъ такъ много еще простора для охоты, что индіецъ можетъ жить безъ нужды, даже не мѣняя своихъ привычекъ и прежняго образа жизни. Настанетъ, разумѣется, пора иная, когда и здѣсь образуются деревни въ родѣ Св. Лоретты и Лашинъ, но дикіе уже приготовились къ этой перемѣнѣ, и переходъ будетъ для нихъ нетруденъ и нечувствителенъ.

II.

Назадъ въ Монреалъ поѣхалъ я по желѣзной дорогѣ, и остановился тамъ не болѣе, какъ сколько было необходимо, чтобы навести справки объ отправленіи пароходовъ вверхъ по рѣкѣ Оттавѣ. Впрочемъ справки оказались излишними. Пароходы отправлялись ежедневно утромъ, и въ самомъ Монреалѣ можно было запастись билетомъ для плаванія по Оттавѣ. Несмотря на осень, движеніе по этому пути нисколько не убавлялось; напротивъ спѣшили сплавить лѣсъ къ Квебеку во время, чтобъ онъ могъ прибыть на мѣсто до наступленія зимы.

Пріѣхавъ по знакомому пути въ Лашинъ, мы нашли уже ожидавшій насъ пароходъ, такого же точно устройства, какъ тѣ, которые ходятъ по рѣкѣ Св. Лаврентія. Большая часть пассажировъ были переселенцы въ Верхнюю Канаду, то-есть страну, лежащую между Оттавою и сѣверо-американ-

скими озерами. Тутъ были ирландцы, были французы, которые и до сихъ поръ охотнѣе селятся въ Канадѣ, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ, были также нѣмцы. Цѣль у многихъ изъ нихъ была поселиться или на самой Оттавѣ, или по линіи желѣзной дороги, соединяющей ее съ рѣкою Св. Лаврентія. Земель здѣсь много, и такъ какъ пустопорожнія земли разбиты на участки опредѣленной мѣры, съ статистическимъ описаніемъ положенія и выгодъ каждаго изъ нихъ, то желающему пріобрѣсть ихъ легко напередъ знать, гдѣ ему лучше поселиться. Къ тому же легко пріобрѣтаются подробныя свѣдѣнія отъ особенныхъ агентовъ, имѣющихъ ландкарты, описанія, и могущихъ отвѣчать на всѣ вопросы самымъ положительнымъ образомъ.

Главный врагъ переселенцевъ въ этомъ краю—лѣсъ, который надобно предварительно вырубить или выжечь. Ирландскіе переселенцы объясняли свое предпочтеніе Канадѣ господствомъ въ этомъ краю католическаго вѣроисповѣданія, и кромѣ того любовью, которую они питаютъ къ лѣсамъ и рѣкамъ. Но можетъ быть главная и болѣе прозаическая причина въ томъ, что лѣсъ не требуетъ постояннаго ухода и такого терпѣливаго труда, какой необходимъ для пахатнаго поля; лѣсъ можно рубить по мѣрѣ потребности. Къ тому же Оттава и ея притоки—самая лѣсистая страна во всей Канадѣ, и она-то преимущественно снабжаетъ лѣсомъ Квебекъ и европейскіе рынки. Теперь движеніе населенія въ эту сторону сильнѣе, чѣмъ когда нибудь, ибо сношеніе съ отдаленными частями Верхней Канады, благодаря параходамъ, довольно легко и дешево. А было время, и даже не такъ давно, когда по самой Оттавѣ, ея порогамъ и быстринамъ, и по рѣкамъ, втекающимъ въ нее, могли плавать однѣ лодки, сдѣланныя изъ бересты, пропитанной жирными веществами и сшитой крѣпко. Береста эта растя-

гивается на деревянныхъ легкихъ ребрахъ; и мягкая кора этихъ берестовыхъ скорлупъ легко уступаетъ при напорѣ камня, пролѣзетъ всюду, при поврежденіи легко чинится, а когда нѣтъ возможности плыть далѣе, берется на плечи, и, какъ ничтожная ноша, перетаскивается до другаго мѣста, гдѣ плаваніе можетъ быть продолжено. На такихъ—то утлыхъ ладьяхъ, среди страшныхъ дикарей, приходилось плыть первымъ просвѣтителямъ здѣшняго края, іезуитамъ, которые не боялись лишеній и часто смерти для служенія слову Божію. Этими же ладьями пользовались и до сихъ поръ пользуются предпріимчивые агенты Гудсонъ-бейской компаніи для торга съ индійцами отдаленныхъ краевъ пушнымъ товаромъ, который вымѣниваютъ на ткани, шерстяныя издѣлія, оружія, утвари и разныя бездѣлки для туалета дикихъ, ихъ женъ и дочерей.

Теперь дѣло иное: мы плыли на роскошно—убранномъ большомъ параходѣ, на палубѣ были свѣтлыя залы, уставленныя мягкими диванами, въ извѣстные часы давали завтракъ, обѣдъ, чай, и сидя въ этомъ уютномъ домѣ, въ бесѣдѣ съ сосѣдомъ или за газетою, можно было забыть, что ѣдешь по рѣкѣ, вовсе негостепріимной.

Вышедъ изъ озера *St.-Louis*, образуемаго рѣкою Св. Лаврентія на югъ отъ острова Монреаля, параходъ нашъ обогнулъ островъ и вошелъ въ рукавъ Оттавы. Скоро показалось мѣсто, гдѣ мутныя воды ея, не смѣшиваясь съ свѣтлою водою С. Лаврентія, текутъ одно время рядомъ, пока не соединяются вмѣстѣ въ дальнѣйшемъ теченіи къ сѣверу. Между тѣмъ поѣздъ большой канадской желѣзной дороги промчался по висячему мосту, перекинутому черезъ рукавъ Оттавы. Какъ, для кого и для чего въ этой малонаселенной странѣ израсходываются милліонныя издержки, это былъ бы вопросъ неразрѣшимый, еслибы на все смо—

трѣть только съ точки зрѣнія настоящаго. Напротивъ, только то достойно вѣчности или по крайней мѣрѣ долгаго существованія, что сдѣлано для будущаго, которымъ, можетъ быть, воспользуются другіе. Теперь, правда, дорога проходитъ по пустыннымъ и безлюднымъ мѣстамъ, среди вѣковыхъ лѣсовъ, но именно по этимъ-то рельсамъ и для этихъ-то рельсовъ разовьется современемъ населеніе. Притомъ въ настоящее время, при обиліи лѣсовъ, желѣзная дорога обходится, сравнительно по крайней мѣрѣ, *дешево; никакія* поселенія не мѣшаютъ проложенію прямыхъ линій; хозяева фермъ, попадающихся на дорогѣ, охотно уступаютъ компаніи желѣзной дороги пространства земли, въ которыхъ она можетъ нуждаться, и компанія получаетъ въ собственность полосу земли, по обѣимъ сторонамъ рельсовъ, такъ что отъ проведенія дороги столько же выигрываетъ компанія, ее учредившая, сколько и цѣлая провинція: цѣны на земли возвышаются, а населеніе стремится къ нимъ, потому что указанъ путь, по которому идти. Разсчетъ вѣрный, и вотъ въ Сѣверной Америкѣ давно уже не строятъ никакихъ дорогъ, кромѣ желѣзныхъ, и онѣ-то служатъ первыми проводниками цивилизаціи въ края еще вовсе пустые и ждущіе населенія.

Оттава такъ же прихотлива и разнообразна, какъ рѣка Св. Лаврентія: какъ скоро является низменное мѣсто, она разливается въ озеро, рукавами своими образуетъ острова, покрытые лѣсомъ, затѣмъ русло рѣки опять суживается. Нерѣдко попадаются отмели и стремнины, препятствующія судоходству; въ такихъ мѣстахъ, для безопасности судовъ, проведены каналы. Исчислить всѣ озера на Оттавѣ трудно, такъ ихъ много. Одно изъ самыхъ красивыхъ и большихъ называется Озеромъ Двухъ Горъ (*Lake af the two Mountains*), и дѣйствительно, когда входишь въ него изъ узкаго

русла рѣки, глазъ поражается въ дальнемъ углу озера двумя горами и индійская деревня далеко растянулась по берегу живописнаго озера. Домики ея смотрятся въ Оттаву, и жители ихъ такъ же мало напоминаютъ своихъ дикихъ предковъ, какъ и въ другихъ индійскихъ деревняхъ по Св. Лаврентію и его притокамъ.

У Карильйона Оттава прерывается стремнинами (*rapids*); параходъ пройдти черезъ нихъ не можетъ; пассажиры сходятъ въ вагоны, а ихъ багажъ и грузъ также ставятся на рельсы. Поѣздъ мчится среди лѣса. Мѣстами тутъ попадаются избы, сколоченныя кое-какъ, на живую нитку; часть земли расчищена изъ подъ лѣса, жилье огорожено, для скота устроена временная защита отъ дикихъ звѣрей, на пашняхъ навалены цѣлыя груды камней, которые надобно было вырыть, чтобъ очистить мѣсто подъ пашню. Но сколько еще пройдетъ времени, пока топоръ будетъ въ состояніи срубить весь этотъ вѣковой лѣсъ, въ который прежде заходили развѣ звѣрь и гнавшійся за нимъ дикарь! Лѣсу здѣсь, разумѣется, не жалѣютъ; дровами топятъ локомотивы, сучья жгутъ для удобренія полей, и вездѣ лежатъ огромныя строевыя бревна, какъ никому ненужное добро.

Мѣстечко Карильйонъ есть французское поселеніе и притомъ одно изъ самыхъ старыхъ. Далѣе идутъ другія, получившія значеніе уже въ позднѣйшее время. Въ Гранвилѣ, гдѣ окончилась желѣзная дорога, ждалъ насъ другой параходъ. Картина береговъ Оттавы нисколько не измѣнялась, темная полоса лѣса смотрѣлась въ рѣку, поселки были рѣдки.

Холодъ и сырость загнали насъ въ общую залу, и за чаемъ я разговорился съ своимъ сосѣдомъ, молодымъ католическимъ священникомъ, который былъ въ гостяхъ недалеко отъ Гранвиля и возвращался теперь домой.

Разговоръ начался съ жалобы, что въ Верхней Канадѣ

католическое вѣроисповѣданіе вытѣсняется протестантскимъ, что американскіе и англійскіе миссіонеры, особенно методисты, проникаютъ далеко въ лѣса, и что плоды первоначальныхъ французскихъ миссіонеровъ, просвѣтившихъ этотъ край, сохранились теперь только въ Нижней Канадѣ, а въ верхней большая часть народа принадлежитъ епископальной церкви. Слова моего собесѣдника подтверждались слѣдующими оффиціальными цифрами: тогда какъ въ Нижней Канадѣ 84% всего населенія были католическаго исповѣданія, а протестантскаго только 5%, пресвитеріанскаго 3%, и епископальной церкви вовсе не было; въ Верхней Канадѣ совершенно наоборотъ: католиковъ было 18%, протестантовъ 24, а епископальныхъ 48. Тѣмъ не менѣе среди новыхъ поселенцевъ Верхней Канады изъ Франціи и Ирландіи возникаютъ католическія общины, которыя снабжаются священниками изъ канадскихъ семинарій. Къ одной изъ такихъ общинъ и ѣхалъ собесѣдникъ мой, приглашавшій меня сопутствовать ему въ лѣсъ, въ которомъ онъ жилъ. Обѣщаніемъ показать мнѣ жизнь лѣсныхъ промышленниковъ (*lumbermen*) и вмѣстѣ съ тѣмъ бытъ дикихъ индійскихъ племенъ онъ такъ увлекъ меня, что я поддался довольно охотно на его приглашеніе. Положено было одинъ день провесть въ Бай–тоунѣ или, какъ его теперь начинаютъ называть, въ Оттава-сити, куда мы прибыли вечеромъ довольно поздно.

Названіе *Бай–тоунъ* было дано мѣсту въ честь и память англійскаго полковника Бая (By), основавшаго здѣсь поселеніе; не прошло еще четверти столѣтія съ тѣхъ поръ, какъ начали расчищать здѣсь лѣсъ, а ужь титулъ *town* не удовлетворяетъ города, который по выгодамъ своего мѣстоположенія умѣлъ сосредоточить въ себѣ болѣе десяти тысячъ жителей, провелъ широкія, еще впрочемъ немощен–

ныя улицы, раскинулся на огромномъ пространствѣ, освѣщенъ газомъ, имѣетъ хорошія гостинницы, и въ добавокъ питаетъ поддерживаемое правительствомъ притязаніе стать столицею всей Канады. Для такого города, очевидно, было мало названія *town*, и онъ переименованъ въ *city*, съ муниципальными правами, съ своими городскими властями, и нѣтъ сомнѣнія, что современемъ, и можетъ быть скоро, это новое сити будетъ въ отношеніи лѣсной торговли то же, что Шикаго западныхъ штатовъ Америки для торговли хлѣбомъ, или Новый Орлеанъ на южномъ Миссисипи для хлопчатой бумаги. Теперь это мѣсто ждетъ еще, какъ говорятъ американцы, разнаго рода *improvements*, усовершенствованій. Собственно нѣтъ еще города; есть улицы огромныхъ зданій, а подлѣ нихъ пустыри или деревянныя лачуги первыхъ промышленниковъ лѣсомъ и охотою. Выгода мѣста, избраннаго для города, состоитъ въ центральномъ его положеніи между Верхнею и Нижнею Канадою и въ томъ, что онъ находится на большомъ пути торговли лѣсомъ, который гонится сюда по притокамъ Оттавы, а отсюда можетъ быть сплавляемъ съ одной стороны внизъ по Оттавѣ до Монреаля или по такъ-называемому каналу Ридо (*Rideau-canal*) въ озеро Онтаріо. Такимъ образомъ древній (если только умѣстно здѣсь такое слово) Бай-тоунъ станетъ узломъ торговыхъ сношеній новаго края, ожидающаго себѣ свѣжаго населенія.

Въ предѣлахъ будущаго города и не далеко отъ теперешнихъ границъ его находится величайшая достопримѣчательность его — водопады Оттавы или, какъ называли ихъ іезуиты, впервые посѣтившіе эти мѣста, *la chaudière*, котловина. Названіе это какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ мѣстности: попавъ на скалы, которыхъ мощная рѣка не могла сдвинуть, она разбилась о нихъ, раздѣлилась на рукава, пѣнится въ безчисленныхъ стремнинахъ и за тѣмъ

клубясь и дымясь, свергается со скалы въ котелъ, гдѣ кипитъ и мещетъ брызги. Нѣмыми свидѣтелями этой дикой картины природы остаются темныя скалы, высовывающія свои верхи изъ бѣлой пѣны водопада; но человѣкъ умѣлъ воспользоваться этою водою для своихъ цѣлей. Однимъ рукавомъ Оттавы приводится въ движеніе лѣсопильная мельница, въ которую брусья сплавляются сверху по теченію, а распиленныя доски нагружаются ниже катарактовъ. Говорятъ, отъ этого ослабѣла сила водопада, но за то выигралъ человѣкъ. Впрочемъ водопадъ красивъ даже и теперь, особенно если смотрѣть на Шодіеры съ перекинутаго черезъ него висячаго моста. Вообще вся здѣшняя природа богата паденіемъ рѣкъ и во многихъ мѣстахъ представляются явленія, которыя не объяснены еще наукою; такъ въ Шодіерахъ, напримѣръ, одинъ массивный рукавъ Оттавы низвергается въ каменную пропасть и неизвѣстно, выходитъ ли онъ гдѣ наружу или теряется въ землѣ.

Въ дальнѣйшемъ пути вверхъ по Оттавѣ параходы смѣняются желѣзною дорогою, а желѣзная дорога параходами, и наконецъ дурными экипажами и не совсѣмъ безопасными лодками. Тѣмъ не мѣнѣе я рѣшился ѣхать съ католическимъ патеромъ, чтобы взглянуть на его лѣсное жилище и на тѣхъ людей, среди которыхъ онъ живетъ и дѣйствуетъ. Первыя мили надобно было ѣхать по шоссе мимо катарактовъ и стремнинъ, образуемыхъ Оттавою. За ними рѣка становится тише, и по ней ходитъ небольшой бѣлый параходъ такого же устройства и комфорта, какъ его старшіе братья. Отъ деревни Айльмеръ (*Aylmer*) спокойно можно доѣхать на протяженіи тридцати миль до озера *Chats* (кошки), заваленнаго при входѣ камнемъ. За нимъ желѣзная дорога въ двѣ мили, а далѣе параходъ до *Portage du Fort*. Тутъ опять на короткомъ пространствѣ желѣзная дорога,

за нею параходъ, опять смѣна, и за тѣмъ можно подниматься еще выше уже на берестовой лодкѣ. Вообще стремнины мѣшаютъ до сихъ поръ опредѣлить съ достовѣрностью теченіе верхней Оттавы. А между тѣмъ, посредствомъ впадающихъ въ нее рѣкъ, она составляетъ ближайшій путь къ озеру Гурону и слѣдственно къ западнымъ штатамъ. У агентовъ Гудсонъ-бейской компаніи есть свои карты, но онѣ не совсѣмъ вѣрны.

У *Portage du Fort* мы оставили Оттаву. Чтобы добраться до поселенія, гдѣ жилъ мой спутникъ, надобно было ѣхать еще миль десять. Его ждала одноколка, въ которой была запряжена маленькая, быстрая канадская лошадь и на ней то мы отправились среди лѣса по дорогѣ, на которой одноколка ударялась то о пни деревьевъ, то о камни. Но можно ли было обращать вниманіе на эти толчки, когда съ обѣихъ сторонъ возвышаются громадные платаны, наши клены (*mapletrees*), дубы, сикоморы, безконечныя березы, ели и сосны, до которыхъ еще не дотрогивалась рука человѣка. Какъ я ни люблю лѣсъ, какъ въ самыхъ дальнихъ странахъ поэтическій шорохъ его ни переносилъ мысль и воображеніе мое къ нашимъ сѣвернымъ лѣсамъ, я не могъ не спросить однако у моего спутника, не скучаетъ-ли онъ здѣсь въ одиночествѣ, особенно во время продолжительныхъ зимъ, когда снѣга прерываютъ сообщенія даже со многими членами его паствы, живущими подалѣе въ лѣсу. Но патеръ, казалось, свыкся съ лѣсомъ не хуже тѣхъ іезуитовъ, которые проводили въ немъ прежде цѣлые годы, не видя никого, кромѣ дикихъ индійцевъ. Теперь по крайней мѣрѣ тутъ живутъ христіане, которые сочувствуютъ своему пастырю: съ ними можно вести разговоръ, и часто проходятъ партіи дровосѣковъ, которые принесутъ то новость, то газету, то письмо. Возникающее поселеніе не отдѣлено те-

перъ отъ остальнаго міра. Зимою и осенью, правда, природа усыплена, индійцы приходятъ издалека на охоту, поселенцы рубятъ лѣсъ и готовятъ его для сплава; но истинный праздникъ наступаетъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда теплый лучь солнца ударитъ на деревья, когда кленъ, просыпаясь изъ своей дремоты, начнетъ дарить человѣка сладкимъ сокомъ. На сборъ кленоваго сока выходятъ всѣ какъ на жатву; старъ и младъ несутъ корзинки и ведра, сплетенныя изъ бересты, и возвращаются, нацѣдивъ въ нихъ сахарнаго сока; потомъ они вываривaютъ его и обращаютъ въ патоку. По мѣрѣ того, какъ снѣга таютъ, дикій звѣрь уходитъ отъ жилья и опушки лѣса въ чащу, прилетаетъ птица, начинаютъ цвѣсти лѣсные цвѣты; дикая слива, вишни, дикій виноградъ обѣщаютъ къ осени богатый плодъ, цвѣтутъ и зрѣютъ ягоды самыхъ разнообразныхъ названій и описаній, въ которыхъ я узнавалъ то нашу ежевику, то морошку, то клюкву, наконецъ малину, смородину, и если полюбишь эти безконечные лѣса любовью дровосѣковъ, какъ краснорѣчивъ станетъ говоръ этихъ илимовъ, тополей, дубовъ, какъ почтененъ трудъ дровосѣковъ, этихъ *gens de chantier*, или *lumbermen*, по выраженію американцевъ!

Восторгъ молодаго патера при разсказѣ о дѣвственномъ лѣсѣ, въ которомъ ему пришлось жить и дѣйствовать, я совершенно раздѣлялъ, хотя многаго, о чемъ онъ разсказывалъ, я уже не видѣлъ. Ближе къ жилью лѣсъ какъ будто рѣдѣлъ, наконецъ показались и срубленныя наскоро хижины переселенцевъ, и такая же утлая, сколоченная изъ досокъ церковь, на которой стоялъ крестъ. Тутъ нельзя даже сказать, что деревня слышитъ церковный колоколъ: его еще не было, но есть надежда, что поселеніе разростется, и будущая деревня построитъ не одинъ храмъ. Силы, впрочемъ, поселенцевъ и теперь уже разъединены: не-

много дальше другая церковь, протестантская какого–то наименованія, потому что нѣсколько разновѣрцевъ. Въ бѣдномъ жилищѣ священника едва было мѣста для двоихъ, но что сталъ бы я дѣлать безъ него! Фермеры вообще гостеприимны; близость къ природѣ располагаетъ человѣка къ добротѣ и состраданію. Но надобно имѣть, чтобы можно было дать. На этотъ разъ, впрочемъ, я былъ обезпеченъ и пошелъ бродить по возникающему селенію. Стукъ топора раздавался отовсюду, я пошелъ на него и набрелъ на нѣсколько десятковъ человѣкъ, работавшихъ усердно около какой-то избы и забора. Никто повидимому не распоряжался, и всѣ усердствовали, какъ будто каждый работалъ для себя. Послѣ первыхъ привѣтствій ирландецъ, очевидно обрадовавшійся случаю поговорить, разсказалъ мнѣ, что изъ Европы, старой страны, *old country*, прибылъ ихъ землякъ, и что они всѣ собрались, чтобы ему помочь и въ одинъ день сдѣлать хотя первое жилье, что лѣсу–де много, а помощь необходима, да при случаѣ то же сдѣлаютъ сосѣди для каждаго изъ нихъ. И дѣйствительно къ вечеру было готово незатѣйливое, правда, жилище, но достаточное для того, чтобъ укрыться отъ непогоды и дикихъ звѣрей. На первый разъ помогаютъ также скотомъ, посудою, а тамъ всякій живи, какъ знаетъ.

Во время пребыванія моего въ Нижней Канадѣ, въ деревняхъ подлѣ Монреаля мнѣ не разъ приходилось слышать отъ жителей, что сыновья ихъ живутъ гдѣ–нибудь въ дальнихъ лѣсахъ уже нѣсколько лѣтъ, что они живы, здоровы, но пріѣдутъ домой еще не скоро; мнѣ хотѣлось поближе узнать, какъ и на какихъ условіяхъ человѣкъ рѣшается уйти въ дебри на цѣлые годы и заниматься вырубкою лѣсовъ. Впрочемъ, когда мы были одни и я завелъ объ этомъ рѣчь съ своимъ хозяиномъ, онъ остановилъ меня на первомъ

словѣ *abnégation*, которое я употребилъ, говоря объ этихъ дровосѣкахъ. Онъ никакъ не хотѣлъ допустить такого слова, въ примѣръ приводилъ себя, и разсказалъ, что партіи или артели дровосѣковъ, если этимъ словомъ можно передать американскихъ *lumbermen* или французскихъ *gents de chantier* (изъ чего англійскіе переселенцы сдѣлали своихъ *shantymen*), организованы совершенно правильно, подобно отрядамъ, и что ихъ промыселъ одинъ изъ самыхъ выгодныхъ.

Болѣе 175 милліардовъ акровъ, такъ началъ мой собесѣдникъ, земли еще не населено и находятся въ распоряженіи Правительства. Почти вся эта земля покрыта непроходимымъ, никогда еще нетронутымъ лѣсомъ, гдѣ мачтовыя и строевыя деревья ростутъ, никѣмъ не посаженныя, никѣмъ не хранимыя. Въ ожиданіи населенія, которое, впрочемъ, будетъ очень радо увидѣть землю не подъ лѣсомъ, лѣсные участки отдаются на срубъ промышленникамъ за извѣстную ренту. У агента правительства, завѣдывающаго лѣсомъ (такъ называемаго *crown timber agent*), есть свои планы и карты, на которыхъ намѣчено, гдѣ какой лѣсъ, что изъ него роздано, и что еще свободно. Всякій выбираетъ себѣ мѣсто и беретъ «*license*» на право рубки; но чтобы лѣсъ этотъ не оставался безъ пользы въ частномъ владѣніи, взявшій позволеніе рубить его долженъ дѣйствительно привезть на рынокъ извѣстное его количество, если не хочетъ, чтобы рента была удвоена или позволеніе рубить взято назадъ. Первые промышленники, занимавшіеся вырубкою лѣсовъ, были французы, и работники называли ихъ *bourgeois*, изъ чего англичане сдѣлали своего *boorshaw*. Эти-то промышленники, выбравъ по близости судоходныхъ рѣкъ удобное мѣсто для сплава срубленнаго лѣса, посылаютъ туда партіи изъ 10, 12 человѣкъ, давая имъ въ вожатые *con-*

ducteur или *foreman*, человѣка посмышленнѣе и посильнѣе. Піонеры эти, если не разносятъ за нѣсколько сотъ миль отъ всякаго жилья свѣтъ просвѣщенія, потому что просвѣщать еще некого, по крайней мѣрѣ вносятъ дневный свѣтъ въ непроходимые лѣса и дебри: они строятъ себѣ блокгаузы, близь какого-нибудь ручья, по большей части бѣдныя жилья въ которыхъ дымъ и свѣтъ проходятъ черезъ отверстіе въ крышѣ. По стѣнамъ такого жилища расположены койки работниковъ; гдѣ-нибудь по близости спрятаны запасы. Ружье и топоръ — неразлучные спутники этихъ предпріимчивыхъ людей, которые въ лѣсной чащѣ, глуши и дичи, проводятъ лѣтомъ цѣлые дни на работѣ, а зимою стаскиваютъ по снѣгу срубленныя бревна къ рѣчкѣ, чтобы удобнѣе было сплавить ихъ въ Оттаву при наступленіи полноводья. Они до того привязываются къ своему уединенному жилью, что оставляютъ его не прежде, какъ вырубивъ весь участокъ, который взялъ на срубъ буржуа. Вожатые бываютъ почти всегда изъ шотландцевъ: шотландцы отличаются трезвостію, любятъ порядокъ, сильны, трудолюбивы и легко переносятъ лишенія. Всѣ эти качества какъ нельзя болѣе необходимы для человѣка, который примѣромъ и словомъ долженъ управлять одинъ въ лѣсу, безъ чужой помощи, работами цѣлой партіи людей, изъ которыхъ каждый считаетъ себя вполнѣ самостоятельнымъ и независимымъ человѣкомъ. Рѣшившись на общій трудъ подъ руководствомъ одного артельщика, партія работаетъ дружно, и, по увѣренію моего собесѣдника, вовсе не слышно о безпорядкахъ или ссорахъ между ними. Дикіе, на которыхъ въ поискахъ своихъ наталкиваются дровосѣки, не враждуютъ, а стараются жить съ ними въ мирѣ, продаютъ имъ убиваемую ими дичь, иногда обувь, и за это берутъ порохъ или какія-нибудь бездѣлки. Для разговора съ индійцами шот-

ландцы знаютъ нѣсколько самыхъ употребительнымъ словъ и смѣшиваютъ ихъ съ своимъ горнымъ нарѣчіемъ. Вотъ отчего—повѣрье у индійцевъ, что изъ европейскихъ языковъ всего ближе къ языку дикихъ—шотландскій.

По окончаніи всей работы, съ дровосѣками дѣлается общій разсчетъ; заработать, за исключеніемъ всѣхъ издержекъ, въ годъ 250 и 300 долларовъ—дѣло очень обыкновенное. Такъ какъ при этомъ человѣкъ хотя и лишенъ многихъ удобствъ, но живетъ на свободѣ, то онъ наконецъ свыкается съ лѣсомъ, сдружается съ окружающею его природою, и труднѣе бываетъ найдти работниковъ на всякую другую работу, чѣмъ на рубку лѣса.

Этимъ впрочемъ не оканчивается лѣсная промышленность: вырубленный лѣсъ надобно сплавить по рѣкамъ, впадающимъ въ Оттаву, и затѣмъ доставить его Оттавою въ Квебекъ, откуда его на корабляхъ отправятъ въ Старый Свѣтъ. Будь Оттава тихая рѣка, безъ стремнинъ и пороговъ, сплавъ по ней лѣса не представлялъ бы затрудненій, но теперь недостаточно сдѣлать остовъ плота, связать его крѣпко-на-крѣпко, наполнить его брусьями, досками и сцѣпить ихъ между собою. Надобно умѣть провести его среди стремнинъ, разбить его на отдѣленія, когда цѣлый плотъ не можетъ пройдти черезъ пороги, съ величайшею находчивостію лавировать между тысячами острововъ, изъ которыхъ иныя чуть видны изъ–подъ воды. Смѣлостію всего болѣе славятся при сплавѣ лѣса французы, но отъ нихъ не отстаютъ въ этомъ отношеніи и Американцы,

Я былъ очень радъ, что отъ человѣка, привыкшаго къ лѣсамъ, могъ услышать подробный разсказъ о томъ, какъ вообще производится лѣсная промышленность въ Канадѣ. Но мнѣ хотѣлось еще познакомиться съ индійцами, и дѣйствительно на другой день я увидѣлъ вигвамы, т. е. жилья

бродячихъ индійцевъ, пришедшихъ въ здѣшній лѣсъ на охоту. Навѣсы изъ сучьевъ, древесной коры и тряпья защищали этихъ бѣдныхъ обитателей отъ сырости и непогодъ. Въ вигвамахъ были одни жены (*squaws*) и дѣти, а мужья и отцы ушли въ лѣсъ на охоту. По общему отзыву, люди эти смирны, даже любезны, но горды и нетерпятъ чужаго господства; индійскія племена дружатся скорѣе вообще съ бѣлыми, чѣмъ между собою: одно племя не вступаетъ въ родственныя связи съ другимъ. Понятно почему дикій, до прибытія сюда бѣлаго человѣка, всегда считалъ необходимою принадлежностію своего костюма оружіе и лучшимъ украшеніемъ—трофеи, взятые съ бою у убитаго врага. Жены этихъ индійцевъ некрасивы, приземисты, грязны и бѣдны. Гордость и убѣжденіе, что индіецъ есть лучшій человѣкъ на землѣ, что онъ свободенъ, независимъ, удерживаютъ его отъ низкихъ поступковъ. Но убить человѣка въ бою или ограбить на большой дорогѣ, подвергая себя также опасности, не только не считается грѣхомъ, но скорѣе признается за доблесть. На западѣ Сѣверной Америки, гдѣ дикіе еще находятся въ своемъ первоначальномъ состояніи, нерѣдко встрѣтишь дикаго, который возьметъ васъ за руку не хуже инаго джентльмена и, закутавшись въ одѣяло, разскажетъ про свои похожденія, про исторію навѣшенныхъ на него трофеевъ, про свою охоту, но никогда не скажетъ ни слова про свою нужду.

Ѣхать дальше вверхъ по Оттавѣ я не могъ одинъ, а товарища не было, къ тому же, по увѣренію людей, бывавшихъ выше и доходившихъ до истоковъ рѣки, ни сама она, ни берега ея не представляютъ ничего особеннаго: первобытные лѣса возвышаются на обоихъ ея берегахъ, пороги препятствуютъ плаванію на порядочныхъ судахъ, и для

употребленія остаются одни выдолбленные стволы деревьевъ, или *каное*, лодки изъ бересты.

Тѣмъ же путемъ, то-есть на параходѣ и по желѣзнымъ дорогамъ, я возвратился въ Оттава-сити. Оттуда я долженъ былъ спуститься къ озеру Онтаріо и переѣхать въ Соединенные Штаты. Для этого представлялось два пути: одинъ по каналу Ридо, другой по желѣзной дорогѣ. Я предпочелъ второй путь, и Боже мой! что за глушь вокругъ этой желѣзной дороги! Станціи не что иное, какъ деревянные, кое-какъ сколоченные бараки. Мѣстами, впрочемъ, уже слышенъ стукъ топора, рубятся деревья для жилищъ, и будущее сулитъ много жизни.

Городъ Прескоттъ, у рѣки Св. Лаврентія, куда привезъ насъ паровозъ, также не представляетъ ничего замѣчательнаго, и такъ какъ не было никакой возможности оставить его въ тотъ же вечеръ, то я рѣшился переѣхать черезъ рѣку Св. Лаврентія на паровомъ ферри и провесть ночь въ Огденсбургѣ, въ Нью-Йоркскомъ штатѣ.

Несмотря на то, что границу двухъ государствъ образуетъ линія, проведенная по срединѣ рѣки Св. Лаврентія, тамъ не находится однако ни таможни, ни ея скучныхъ досмотрщиковъ, нѣтъ ни полиціи, ни паспортовъ. Вези что хочешь и куда хочешь, до тѣхъ поръ, пока нарушеніе постановленій не будетъ доказано точнымъ образомъ: тогда начинается судъ. Такъ понимаютъ американцы свою свободу: дѣйствуй какъ знаешь, *help yourself*, но нетрогай сосѣда, не нарушай его интересовъ! Такое полное свободное употребленіе каждымъ своихъ силъ и способностей далеко отъ своевольства, которое, какъ злоупотребленіе свободы, преслѣдуется всюду. А между тѣмъ въ Европѣ многіе не представляютъ себѣ американской свободы иначе, какъ съ кулаками и револьверами. Правда, эта свобода об-

ходится безъ опекуновъ и опеки, но она порождаетъ многія великія и добрыя явленія. Если порою она оскорбляетъ человѣка, который вмѣстѣ съ паспортомъ, старыми аристократическими привиллегіями, захватилъ съ собою изъ Европы притязанія на общее уваженіе къ его гербу и знатности, то это вина не Америки и не ея обитателей, а тѣхъ, кто не за тѣмъ поѣхалъ въ Новый Свѣтъ, что можно тамъ найдти. И взгляните, какъ, благодаря этой свободѣ, растетъ благосостояніе американцевъ, какъ пустыри обращаются въ обработанныя земли, огромные города возникаютъ какъ бы внезапно въ тѣхъ мѣстахъ, куда только недавно проникнулъ человѣкъ. Хоть напримѣръ тотъ самый Огденсбургъ, гдѣ нынѣ сходится нѣсколько линій желѣзныхъ дорогъ, городъ, вмѣщающій въ себѣ не одинъ десятокъ тысячъ жителей, ровно за сто лѣтъ передъ симъ былъ не болѣе, какъ ничтожная крѣпость, построенная іезуитами для защиты отъ дикихъ. По описанію одного изъ нихъ, на пути отъ Нью-Йорка къ Ніагарѣ были непроходимые лѣса и болота. Теперь это роскошно воздѣланныя земли. На какой ни взглянешь изъ расположенныхъ здѣсь городовъ, вездѣ одна и та же картина. Повсюду газовое освѣщеніе, повсюду проведена здоровая и свѣжая вода въ частные дома и улицы, вездѣ школы, свое муниципальное управленіе, городъ самъ заботится о собственныхъ своихъ выгодахъ и пріискиваетъ средства осуществить ихъ. Всякій городъ имѣетъ обыкновенно не одну газету, а нѣсколько разныхъ партій и направленій. Благодаря этимъ повсемѣстнымъ органамъ гласности, всякій американецъ узнаетъ, что дѣлается въ самыхъ отдаленныхъ краяхъ его страны, горожане знакомятся съ нуждами своихъ братьевъ и съ образомъ воззрѣнія ихъ общины на событія въ цѣломъ мірѣ или въ Соединенныхъ Штатахъ.

Изъ Прескотта отправился я по желѣзной дорогѣ до Кингстона, соединеннаго посредствомъ канала Ридо съ Оттава-сити. Во времена французовъ, когда для защиты отъ дикихъ строили вездѣ крѣпости, здѣсь былъ маленькій фортъ Фронтиньякъ или Катараки (этимъ именемъ называлась рѣка Св. Лаврентія на пространствѣ отъ озера Онтаріо до Монреаля); теперь здѣсь воздвигнуты англичанами укрѣпленія противъ болѣе опаснаго сосѣда, Сѣверо-Американцевъ. Кингстонъ принадлежитъ между прочимъ къ числу тѣхъ городовъ, которые домогались титула столицы всей Канады, щеголяя своимъ выгоднымъ мѣстоположеніемъ, на одинаковомъ разстояніи отъ Монреаля и Торонто. Онъ обстроился большими правительственными зданіями, церквами, обзавелся университетомъ, но болѣе всего занимала меня здѣсь тюрьма для преступниковъ, заключенныхъ на долговременные сроки и за тяжкія преступленія. Въ каждомъ графствѣ есть своя темница (*jail*) для наказанія за маловажные проступки, но какъ въ Америкѣ цѣлый штатъ, такъ въ Канадѣ цѣлая провинція имѣетъ по крайней мѣрѣ по одной *state-prison*, и я остановился въ этомъ городѣ главнымъ образомъ для того, чтобы познакомиться съ ея устройствомъ.

Подобно сингъ-сингской тюрьмѣ на Худсонѣ, кингстонская выстроена изъ сѣраго твердаго камня, которымъ изобилуетъ вся здѣшняя страна; она обнесена крѣпкою оградою съ башнями по угламъ, и всего замѣчательнѣе то, что и здѣсь сами же заключенные выстроили для себя и для своихъ преемниковъ твердыни, за которыми они не опасны для своихъ согражданъ. Семьсотъ мущинъ и пятьдесятъ женщинъ изъ числа заключенныхъ работаютъ въ особомъ зданіи: они на откупу у промышленника, который поставляетъ для нихъ весь необходимый матеріялъ. Тутъ есть мебель-

щики, слесаря, сапожники, башмачники, и если можно о чемъ жалѣть здѣсь, такъ только о томъ, что дѣти не отдѣлены отъ взрослыхъ. Хотя при работахъ предписано строгое молчаніе, тѣмъ не менѣе недостатокъ тюрьмы для малолѣтныхъ объясняется лишь недостаткомъ средствъ, и мысли о ея необходимости никто не отрицаетъ. На ночь всѣ запираются въ особыя кельи: онѣ продолговаты и не широки. Еслибы не сквозной вѣтеръ, нельзя было бы не похвалить устройства рѣшетчатыхъ оконъ, выходящихъ въ корридоръ, освѣщаемый днемъ лучами солнца, а вечеромъ газомъ. Эти окна должны быть очень полезны для освѣженія воздуха въ тѣсныхъ кельяхъ. Но такъ какъ при этомъ трудно было бы надзирателю остаться незамѣченнымъ, когда онъ дѣлаетъ обзоръ ввѣренныхъ ему арестантовъ, то устроена особая стѣнка, за которою онъ ходитъ. Чрезъ отверстія въ этой стѣнкѣ надзиратель слѣдитъ за заключеннымъ, спитъ-ли онъ или нѣтъ. Такого рода потаеннаго дозора я не встрѣчалъ еще въ другихъ тюрьмахъ, которыя приходилось мнѣ видѣть, и отмѣчаю эту особенность именно потому, что въ Америкѣ всякая новая тюрьма чѣмъ нибудь да отличается отъ прежнихъ.

Къ вечеру отходилъ параходъ по озеру Онтаріо, я не хотѣлъ пропустить его и распрощался съ блестѣвшими жестяными куполами общественыхъ зданій Кингстона. Опять бѣлый параходъ, большихъ размѣровъ, повезъ меня по озеру до города Торонто. Первое время параходъ шелъ мимо острововъ и полуострововъ, въ узкихъ и тѣсныхъ заливахъ, и только къ ночи мы потеряли изъ виду берега. Погода была тихая, озеро стояло ровно, какъ стекло, и любо было смотрѣть, какъ лебедь нашъ покачивался на водѣ; пассажиры разговаривали за общею трапезой или гуляли по [illegible]

*

лубѣ. Я выразилъ американцу изъ Кингстоа, съ которымъ вмѣстѣ ждалъ прибытія парахода, нѣсколько опоздавшаго за туманами, что не желалъ бы быть на этомъ плоскодонномъ параходѣ во время бури. *Nevermind!* толковалъ онъ: правда, параходъ иногда сильно качаетъ, но если случаются на озерахъ несчастія, если погибаютъ и корабли и грузъ, и люди, такъ это отъ столкновенія съ другими, а не отъ бури, потому что озеро на срединѣ такъ же глубоко и удобно для плаванія, какъ море. Впрочемъ въ крайнемъ случаѣ для каждаго изъ пассажировъ есть по нѣскольку *лейфъ-презервовъ*, всегда доступныхъ для всеобщаго употребленія. Къ бокамъ парахода привязаны лодки изъ жести съ пустою серединой, не тонущія и тогда даже, когда ихъ наполнить водою, есть круги изъ пробки и даже стулья въ кабинахъ устроены такъ, что за нихъ можно, въ случаѣ опасности, уцѣпиться: они жестяные и наполнены воздухомъ, и потому при ихъ помощи можно плыть, пока есть сила, и даже потомъ оставаться на водѣ бездыханнымъ. Перспектива, признаюсь, не привлекательная: я зналъ уже по прежнимъ разговорамъ съ американцами, что ихъ невозможно убѣдить въ необходимости плавать потише; они утверждаютъ, что невозможно класть узду на дѣятельность человѣка, какіе бы она ни принимала размѣры.

Впрочемъ въ настоящемъ случаѣ опасенія были излишнія; ночь была прекрасная, лунная, на встрѣчу шедшіе параходы обмѣнивались свистками и расходились; до поздняго вечера большая часть пассажировъ была на палубѣ, пока вечерняя сырость незагнала каждаго въ свою *state-room*, гдѣ всѣ и расположились въ покойныхъ кельяхъ. Какъ бы я обрадовался такому параходу, еслибы встрѣтилъ его на нашихъ рѣкахъ, и удивляюсь, отчего такихъ плоскодон-

ныхъ дворцовъ, сидящихъ мелко въ водѣ, не заведутъ вездѣ гдѣ плаваютъ параходы.

Какъ ни покойно на параходѣ, всѣ какъ-то встаютъ раньше въ этомъ маленькомъ царствѣ. Не успѣетъ солнышко блеснуть въ вашу *state-room*, и ее хочется уже оставить, чтобы полюбоваться утромъ, узнать, что дѣлается на палубѣ. Когда я вышелъ на палубу, американцы давно уже привѣтствовали другъ друга обычнымъ: *very fine, beautiful day*, и дѣйствительно день стоилъ такой рекомендаціи: утренняя свѣжесть уступала передъ лучами солнца, и мой вчерашній американецъ изъ Кингстона предвѣщалъ видѣніе, которое, говорилъ онъ, европейца должно поразить. Онъ указалъ мнѣ на горизонтъ, гдѣ виднѣлась полоса розоваго цвѣта, точно будто заря; но пора зари давно уже прошла. Не пожаръ ли это въ лѣсу, спросилъ я у американца, не зарево ли это? Нисколько, это американское «*pink-haze*», собственно розовый туманъ, спутникъ такъ-называемаго *индійскаго лѣта*, *indian summer*, когда бываютъ уже утренники, а дни теплы, какъ лѣтомъ, отъ палящихъ лучей солнца. Дѣйствительно горизонтъ разгорался все болѣе и болѣе, отъ него къ центру сходились розовые лучи, и посреди всего этого свѣтло-розоваго пространства во всемъ блескѣ сіяло солнце. Подобная картина была для меня нова, и я былъ отъ нея въ не меньшемъ восторгѣ, чѣмъ когда въ первый разъ совершенно въ другомъ краю свѣта увидѣлъ сѣверное сіяніе при лунѣ. Оба явленія одинаково мало объяснены, но оба поражаютъ воображеніе и глазъ того, кто видитъ ихъ въ первый разъ. Американцы не очень восторгались при этомъ розовомъ сіяніи, они къ нему привыкли, а меня поражало не только небо, но и вода, въ которой оно отражалось: озеро какъ бы горѣло. Лишь къ полдню горизонтъ началъ блѣднѣть и принялъ обыкновенный цвѣтъ.

Къ вечеру параходъ высадилъ насъ въ Торонто, резиденціи, въ настоящее время, генералъ-губернатора и провинціальнаго парламента обѣихъ Канадъ. Странно, сколько городовъ въ Канадѣ оспариваютъ другъ у друга честь быть главнымъ мѣстомъ управленія: по старинѣ, право на такое преимущество имѣютъ Монреаль и Квебекъ; по мѣстоположенію, болѣе центральному, его присвоиваютъ себѣ Оттава-сити и Кингстонъ, и наконецъ Торонто, по своему совершенно британскому характеру и отсутствію въ немъ Французовъ. Въ Канадѣ, на главный административный городъ провинціи смотрятъ слѣдовательно нѣсколько иначе, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ Канадѣ спорятъ о томъ, чего въ Штатахъ никто себѣ и не присвоиваетъ. Быть главнымъ городомъ штата значитъ быть осужденнымъ на очень ничтожную роль, значитъ лежать вдали отъ торговыхъ путей, находиться сколь возможно въ центрѣ штата, а тамъ гдѣ-нибудь у большой рѣки или моря цвѣтетъ своею торговлей растетъ въ богатствѣ и населеніи другой городъ, но завести въ немъ сенатъ, законодательное собраніе, поселить въ немъ губернатора и его министровъ, значило бы подчинить ихъ излишнему вліянію партій и страстей. Большіе города, какъ Нью-Іоркъ напримѣръ, очень рады, что оффиціальная столица подальше отъ нихъ; чрезъ то они самостоятельнѣе съ своими муниципальными учрежденіями, управляются сами собою, большую часть денегъ, *taxes* собираемыхъ съ гражданъ, тратятъ на свои же нужды и, богатѣя, нисколько не завидуютъ чести, которая присвоена столицамъ. Въ Канадѣ другія понятія, другія стремленія, потому что другія потребности и нужды.

Торонто уже нѣсколько лѣтъ пользуется преимуществомъ быть столицею Канады; послѣ того, какъ въ Монреалѣ и

Квебекѣ сгорѣли дома, гдѣ сбирался парламентъ, засѣданія его бываютъ въ Торонто. Въ извѣстныя эпохи, именно тогда, когда собирается парламентъ, Торонто бываетъ такъ же шуменъ, какъ Вашингтонъ въ Соединенныхъ-Штатахъ. Вообще на немъ есть своя печать правительственнаго города: видно много огромныхъ домовъ, устроенныхъ для общественныхъ цѣлей, улицы широки, магазиновъ много. Меня увѣряли, что если бы не былъ этотъ городъ правительственнымъ центромъ, онъ никогда не поднялся бы изъ маленькаго Йорка, какимъ былъ за 20 лѣтъ, до той высоты, до которой дошелъ теперь. Правда, озеро плещется въ самый городъ, но онъ слишкомъ въ сторонѣ, онъ не можетъ быть важнымъ торговымъ пунктомъ, и за нимъ на западъ, къ озерамъ Гурону и Симкое, слишкомъ ничтожно еще населеніе. Не мудрено по этому, что Торонто держится за свое теперешнее значеніе.

Торонто-совершенно англійскій городъ; онъ, какъ вообще вся Верхняя Канада, носитъ на себѣ очевидные слѣды вліянія метрополіи: учрежденія здѣсь безъ измѣненія англійскія, господствуетъ языкъ англійскій же, французскій слышенъ лишь рѣдко, законъ также англійскій, тогда какъ въ Нижней-Канадѣ оставлены гражданскіе законы французскіе (уголовные и коммерческіе законы — англійскіе), измѣняемые по мѣрѣ надобности статутами провинціальнаго парламента. *Attorney general, sollicitor general* и вообще представители казны имѣютъ въ Нижней Канадѣ, подъ вліяніемъ французскаго дѣлопроизводства, большее значеніе, нежели въ Верхней Канадѣ. Судейскія мѣста не по выборамъ, какъ въ Американскихъ Штатахъ, а по опредѣленію отъ королевы, и судьи остаются безсрочно; выборами назначаются только представители народа въ законодательномъ собраніи

(*legislative assembly*). Права на избирательный голосъ имѣютъ только тѣ, которые владѣютъ недвижимою собственностью по крайней мѣрѣ въ пятьдесятъ, или доходомъ съ нея не меньше пяти фунт. стерл. При канадскихъ выборахъ бываютъ такіе же споры между партіями и такія же хитрости и уловки, чтобы пересилить другъ друга, къ какимъ прибѣгаютъ и въ Соединенныхъ Штатахъ; но сверхъ того въ Канадѣ спорятъ еще вѣроисповѣданія и народности, ирландская—католическая и англійская—протестантская, тогда какъ въ Америкѣ преобладаютъ споры за политическія воззрѣнія и за принципы.

Религіозные споры въ Канадѣ, раздѣляя народъ на партіи въ политическомъ ихъ быту, въ то же время имѣютъ пагубное вліяніе и на такія стороны народной жизни, которыя должны бы быть внѣ всякаго вліянія партій, чтобъ успѣшно и равномѣрно распространялось просвѣщеніе. Я говорю о воспитаніи. Хотя плоды его и въ настоящее время велики и обильны, хотя частные споры не могутъ ослабить коренныхъ убѣжденій народа, видящаго въ воспитаніи незамѣнимое ничѣмъ благо и залогъ общаго счастія и спокойствія, тѣмъ не менѣе, когда силы дѣлятся, когда суммы, употребляемыя на училища, безъ нужды дробятся, и главное, разрывается существующая по необходимостя между будущими гражданами связь, благая цѣль не можетъ быть достигаема въ томъ объемѣ, который былъ бы возможенъ, еслибы не было подобныхъ препятствій. Оттого въ Торонто такой огромный рядъ колледжей разныхъ наименованій, разныхъ *separate schools*, въ отличіе отъ смѣшанныхъ, *mixed schools*. Но минуя всѣ эти невыгоды, неизбѣжныя впрочемъ тогда, когда воспитаніе въ рукахъ самого же народа, я долженъ остановиться на учрежденіи, ко—

торое заслуживаетъ всеобщаго подражанія, тѣмъ болѣе, что оно не требуетъ большихъ издержекъ. Въ Торонто существуетъ публичное депо книгъ—*a public library book-depository*, заключающее въ себѣ болѣе 100,000 экземпляровъ книгъ разнаго содержанія, по всѣмъ отраслямъ человѣческаго вѣдѣнія, искусствамъ, наукамъ и т. д. Библіотека есть необходимый спутникъ ученія, необходимое пособіе для воспитанія, и потому какъ скоро заводится школа, въ возникающей еще общинѣ является потребность въ библіотекѣ: но гдѣ, какъ, кому пріобрѣсть ее, даже если на покупку ея есть средства? Кому наконецъ предоставить выборъ? Скорѣе сдѣлается подписка, скорѣе на общее дѣло соберутся деньги, чѣмъ явится возможность пріобрѣсть то, въ чемъ есть настоятельная потребность. Вывести изъ этого затрудненія берется торонтское книжное депо; ему посылается списокъ книгъ, которыя понадобились для той или другой школы и сумма, собранная для ихъ пріобрѣтенія. Депо это, имѣя въ своемъ распоряженіи большія средства, которыя ввѣрены ему правительствомъ, посылаетъ требуемыя книги 25% дешевле, чѣмъ ихъ продаютъ книгопродавцы, и кромѣ того отправляетъ отъ себя книгъ даромъ на такую сумму, какая собрана на мѣстѣ, но послѣднія уже по своему собственному выбору. Такимъ образомъ вездѣ, въ самыхъ ничтожныхъ, вновь заводимыхъ еще школахъ, есть свои библіотеки, музеи натуральной исторіи и мѣстныхъ достопримѣчательностей, и по отчету, помѣщенному въ канадскомъ альманахѣ за 1857 годъ, видно, что къ началу года существовало въ Верхней Канадѣ 300 библіотекъ съ 124,184 волюмами.

Окрестности Торонто ничѣмъ особеннымъ не отличаются. За городомъ начинаются огромные лѣса; дальше на озерѣ Симкое поселено индійское племя Шиппева.

Путь мой лежалъ въ другую сторону, на югъ отъ Торонто къ Ніагарѣ. Здѣсь я хотѣлъ закончить свое странствіе по Канадѣ, посѣщеніемъ знаменитыхъ водопадовъ. На этотъ разъ переѣздъ былъ коротокъ: надобно было пересѣчь одинъ уголъ озера Онтаріо, чтобы чрезъ два-три часа прибыть въ устье рѣки Ніагары, впадающей въ озеро Онтаріо съ юга, почти противъ Торонто, лежащаго на сѣверномъ берегу озера. Опять американскій параходъ былъ наполненъ многочисленною компаніей, и не успѣли мы хорошенько пересмотрѣть картины, которыя были развѣшены въ общей залѣ, не успѣли прочитать утреннюю газету, которую, при отъѣздѣ, за сентъ ($1\frac{1}{4}$ коп. сер.) навязали крикливые *newboys*, мальчики, продающіе газеты, какъ свистокъ далъ намъ знать, что мы входимъ въ Ніагару. Здѣсь какъ вообще на всемъ теченіи Ніагары, англійскія и американскія владѣнія сходятся всегда ближе, и съ той и другой стороны стоятъ два укрѣпленія, крѣпостцы теперь нѣмыя, но когда-то видѣвшія много огня и крови.

Параходъ однако не остановился при входѣ въ Ніагару, направился далѣе по рѣкѣ, пока начинающіяся стремнины не заставили его передать пассажировъ ждавшему насъ паравозу. Берега Ніагары на пройденномъ нами пространствѣ были высоки, отвѣсны, и вода до того спокойна, что вовсе нельзя было и подумать, что мы были такъ близко отъ водопада. По прямизнѣ теченія, скорѣе можно было подозрѣвать, что это каналъ, прорытый рукою человѣка; нѣтъ ни отмели, ни островка. Перешеекъ между озерами Эри и Онтаріо, соединяемыми Ніагарою, простирающійся почти на 30 миль, имѣетъ въ разныхъ мѣстахъ совершенно различную высоту: на пространствѣ 8—10 миль, это высокая скала, которая, будучи почти въ уровень съ озеромъ Эри,

отъ 300 до 400 футъ выше Онтаріо и оканчивается обрывомъ, съ котораго стремится водопадъ. Была-ли первоначально и когда именно была вся эта скала одинаковой высоты, вливалась-ли Ніагара съ скалы прямо въ озеро Онтаріо, ископалъ-ли себѣ потокъ русло въ скалѣ, продалбливая ее въ своемъ паденіи? Не должно ли предположить, что подрытая въ основаніи скала, по которой рвался потокъ, обрушившись, образовала тѣ стремнины, которыми усѣяна Ніагара на нѣсколько миль ниже водопада? Невозможнаго тутъ нѣтъ ничего, если сообразить, какая масса воды должна спуститься Ніагарою изъ четырехъ озеръ, лежащихъ выше озера Онтаріо, и какой слѣдовательно долженъ быть напоръ ея. Въ одну минуту изъ теперешнихъ ніагарскихъ водопадовъ стекаетъ 170,156, или въ часъ 102,073,750 тоннъ воды, при средней высотѣ воды въ Эри. Знаменитѣйшіе американскіе и англійскіе геологи, Галль, Лейель, Гиткокъ, Агассисъ и другіе посвящали этому предмету свои изслѣдованія, и послѣдній результатъ науки тотъ, что потокъ силою своею дѣйствительно вырылъ себѣ въ скалѣ ложе, что, слѣдовательно, водопадъ постепенно отступаетъ назадъ отъ озера Онтаріо къ озеру Эри, и что форма его постоянно мѣняется. Ученный Лейель даже исчислилъ, что водопадъ отступаетъ не менѣе, какъ на одинъ футъ въ годъ. Что общепринятая теорія объясненія ніагарскихъ водопадовъ не только правдоподобна, но и несомнѣнна, тому доказательствомъ служатъ даже тѣ перемѣны, которыя постигли водопадъ со времени перваго описанія его миссіонеромъ Геннепиномъ, во второй половинѣ XVII столѣтія, около 1678 года. Даже въ послѣднее время обвалы скалъ измѣняютъ видъ водопада

Что было здѣсь прежде, когда дикій Ирокезъ, молясь этому богу громовъ и чудесъ, гонялся за буйволами, когда

рѣзкіе неистовые крики воевавшихъ между собою племенъ оглашали здѣшніе дѣвственные лѣса? Любовались ли Индійцы невѣдомымъ міру феноменомъ? Непроходимость здѣшнихъ мѣстъ, дикое ихъ населеніе, лѣса, тянувшіеся по южному берегу Онтаріо, имѣли послѣдствіемъ, что Ніагара и ея берега были долго неизвѣстны бѣлымъ, и очень можетъ быть, что обитавшіе здѣсь дикіе, разсчитывая на свою неприступность за шумнымъ потокомъ, хранили о немъ тайну отъ европейцевъ. Можетъ-быть, и очень вѣроятно, что миссіонеры до патера Геннепина знали о существованіи водопадовъ, но добравшись до устьевъ Ніагары, не продолжали своихъ изслѣдованій. Трудно даже предположить, чтобъ и самъ Шамплень, бывшій въ этихъ странахъ въ началѣ того же XVII столѣтія, не обратилъ вниманія на этотъ общій истокъ американскихъ озеръ; но во всякомъ случаѣ описанъ водопадъ въ первый разъ Геннепиномъ, и за нимъ остается, въ этомъ по крайней мѣрѣ смыслѣ, честь открытія его.

Теперь, разумѣется, съѣздить на Ніагарскій водопадъ ничего не значитъ; всякій поѣздъ желѣзныхъ дорогъ, сходящихся къ этому пункту съ американской и съ канадской стороны, всякій параходъ привозитъ сюда ежедневно сотни любопытныхъ, выражающихъ, каждый по своему, свое изумленіе передъ чудомъ, которому ничего подобнаго не представляетъ никакая страна міра. Теперь нечего бояться дикихъ Ирокезовъ, являющихся сюда не въ качествѣ обладателей, отстаивающихъ свою свободу, а въ качествѣ бѣдныхъ промышленниковъ, переставшихъ даже оплакивать, за давностью лѣтъ, свое прежнее величіе, свое могущество. За два, за три столѣтія дѣло было иное, и не всякій, кто слышалъ о существованіи водопадовъ, рѣшился бы самъ по-

дивиться имъ. Въ этомъ смыслѣ велика заслуга Генненина. Даже и послѣ него европейцы не бросились въ эти дебри смотрѣть на водопадъ, и надобно было довести средства сообщенія до теперешней легкости и дешевизны, чтобы за 500 миль отъ Нью-Йорка стали ѣздить на него. Можно-ли упрекать францисканскаго монаха за то, что, въ изумленіи предъ великаномъ, онъ описалъ его въ громкихъ фразахъ и тройныхъ размѣрахъ? Гораздо позже, въ нашъ просвѣщенный вѣкъ, не то же ли сдѣлалъ поэтъ, описывая въ своей *Атала* великое дѣло природы? Можно ли упрекнуть Шатобріана, что онъ, не будучи въ состояніи срисовать то, что не ложится ни подъ кисть, ни подъ перо, прибѣгнулъ къ поэтическимъ картинамъ, желая перенести воображеніе наше въ невѣдомый край, въ среду его красотъ, въ среду его первоначальнаго населенія? Я приходилъ читать *Атала* на такъ-называемый Козій островъ (*Goat-Island*) на мѣстѣ и еще болѣе чувствовалъ красоты этой книги, чѣмъ въ Европѣ. Но это не описаніе съ аршиномъ въ рукѣ, и можно ли отъ поэзіи ожидать чего-нибудь, кромѣ нравственнаго наслажденія? Мнѣ кажется, что стараніе описать Ніагару выходитъ всегда такъ же неудачно, какъ если снимать съ нея фотографическій видъ. Въ виду водопада есть нѣсколько подвижныхъ мастерскихъ, для снятія фотографій, но эта живая пелена воды, брызжущая на небо и въ преисподнюю, является на бумагѣ бѣлымъ безжизненнымъ пятномъ.

Подъѣзжая къ водопаду въ вагонѣ желѣзной дороги съ канадской стороны, за стукомъ машины скорѣе видишь облако тумана, стоящаго столбомъ надъ Ніагарою, чѣмъ слышишь шумъ отъ паденія воды. Но пройдешь нѣсколько шаговъ далѣе, услышишь громъ и свистъ, и задаешь себѣ вопросъ: неужели это Ніагара, неужели про этотъ-то водопадъ намъ говорятъ отъ колыбели, какъ о чудѣ, и къ это-

му-то водопаду стремишься воображеніемъ? Какъ будто жаль прежняго очарованія. Я не думалъ о сравненіяхъ, но въ головѣ сами собою тѣснились картины далекой Швейцаріи, и странно, даже Шафгаузенскій водопадъ, даже Рейхенбахъ казались краше. Ніагара какъ бы хочетъ изумить сама собою; со скалы, которой не видно подъ потокомъ, спускается стѣна воды; ея много, это правда, но и только. Такое невыгодное впечатлѣніе впрочемъ остается не долго, пока не скинешь съ себя дорожнаго мѣшка, пока не отведутъ комнаты въ гостинницѣ, пока наконецъ не подойдешь къ окну *Clifton-House*, отеля, находящагося нѣсколько вдали отъ водопада, но на такомъ пунктѣ, что можно обозрѣть однимъ взоромъ обращенный къ Канадѣ полукругомъ водопадъ и всѣ стремнины подъ нимъ. Что же это? Совсѣмъ другая картина? Да, эта Ніагара превосходитъ и то, что когда-либо грезилось во снѣ, и я готовъ былъ восхвалять ее не хуже патера Геннепина или поэта Шатобріана. А дѣло между тѣмъ было очень просто: когда стоишь въ уровень съ водопадомъ, его вовсе не видишь, глазамъ является масса сѣро-зеленой воды, которая поражаетъ своею громадностію, но не болѣе. Но когда стоишь выше него, когда видишь адъ, клокочущій внизу, когда посмотришь, какъ волны, разбившись въ брызги, поднимаются къ небесамъ, или когда спустишься внизъ по лѣстницѣ у *table rock* и оттуда посмотришь на верхъ, досадуешь самъ на себя, что одну минуту могъ усомнится въ величіи Ніагары. И въ какую погоду ни пойдешь полюбоваться на этого великана, отъ котораго содрогаются и небо и земля, стоитъ-ли сзади него черная туча, и на ней рисуется бѣлый столпъ паровыхъ брызговъ, сіяетъ-ли солнце и отражается въ немъ тысячью радугъ, взойдетъ-ли луна, темно-ли, холод-

но или тепло,—водопадъ всякій разъ поразитъ чѣмъ-нибудь особеннымъ. Недѣли, проведенной мною здѣсь, было едва достаточно, чтобы хорошенько ознакомиться съ обѣими сторонами водопада, съ канадскою и американскою, пройдти по всѣмъ обрывистымъ тропинкамъ у стремнинъ, подъѣхать почти къ самому гиганту на пароходикѣ *Дѣва Тумановъ* (*The Maid of the mist*), досыта накачаться на скачущихъ водахъ стремнинъ, быть облитымъ брызгами, и все-таки ничего положительнаго не узнать объ этомъ великанѣ: онъ подпускаетъ къ себѣ именно на столько, чтобы заманить, не болѣе.

Но человѣку было этого мало: онъ забрался за водопадъ и хотѣлъ посмотрѣть, что дѣлается по ту сторону этой неизмѣримой массы воды. Откровенно говоря, здѣсь человѣкъ видитъ еще менѣе. Съ ногъ до головы на васъ надѣваютъ каучуковыя платья, и подъ надзоромъ и покровительствомъ негра идешь между дугою водопада и скалою, съ которой онъ скатывается. Англичане живописно называютъ такое путешествіе прогулкою за занавѣсью (*under the sheet*), Эта занавѣсь прозрачна, темно-зеленаго цвѣта, и если вы успѣли насладиться картиною преломленія солнечныхъ лучей въ этой жидкой массивной занавѣси при самомъ входѣ занее, то можете считать себя награжденнымъ за дальнѣйшее шествіе среди вѣтра и воды. Съ обѣихъ сторонъ бездна; напрасно ищешь точки опоры; лѣпишься по стѣнѣ, знаешь, что подъ ногами смерть, зовешь на помощь негра, но онъ глухъ и нѣмъ; разъяренная волна плещется на васъ, возвращенія нѣтъ; органъ зрѣнія перестаетъ дѣйствовать, дыханіе замираетъ. Что испытываешь, выходя на американскій берегъ, можетъ понять развѣ тотъ, кто заживо похороненъ и вдругъ услышитъ стукъ молота и голосъ друга,

открывающаго мрачную темницу. Великое благо свѣтъ Божій, и когда выйдешь изъ ада, скинешь платье эскимосовъ, тогда съ особенною охотою вносишь свое имя въ книгу, гдѣ уже встрѣчаешь имена другихъ смѣльчаковъ, сдѣлавшихъ то же путешествіе подъ водною занавѣсью. Въ числѣ ихъ впрочемъ есть и лэди. Когда въ послѣдствіи времени я видѣлъ какую-нибудь американку или англичанку на верху египетской пирамиды или на верблюдахъ въ степяхъ Сахары, я не рѣдко улыбался и старался узнать въ ней закутанную въ каучукъ эскимоску, которая прогуливалась подъ мокрою занавѣсью Ніагары.

Форма скалы, съ которой скатывается главный потокъ, ея вогнутость со стороны Канады, дала этому водопаду названіе *подковообразнаго* (*horse-shoe-fall*). Образованіе его вполнѣ объясняется большимъ напоромъ массы воды на средину, чѣмъ на края скалы. Какъ глубока въ этомъ мѣстѣ вода, разумѣется, измѣрить невозможно, но пускали изъ озера Эри сидѣвшее глубоко судно; оно проходило благополучно черезъ скалу, но затѣмъ погружалось въ вѣчность и въ видѣ щепъ выбрасывалось къ нижнимъ стремнинамъ. Тишина воды за нѣсколько сотъ шаговъ выше водопада не даетъ вовсе возможности предчувствовать его близость. Я видѣлъ, какъ сонныя утки стадами подплывали на обманчивыхъ волнахъ до самой пропасти, скользили въ преисподнюю и платились жизнію за свою довѣрчивость. Воды Ніагары впрочемъ вообще имѣютъ притягательную силу, къ нимъ влечетъ какая-то русалка, и гуляя по Ніагарѣ, частенько слышишь объясненіе мѣстныхъ названій разсказами о томъ, что любовники, не надѣясь на прочность любви на землѣ, погребли ее въ волнахъ пѣны, или что красавица, наскучивъ одиночествомъ, отдалась волнамъ.

На краю Ніагары и теперь можно бы было распѣвать баллады не хуже балладъ шварцвальдскихъ, еслибы только народъ, здѣсь живущій, былъ такъ же поэтически настроенъ, какъ человѣкъ тѣхъ благословенныхъ краевъ Германіи.

Канадская сторона, на которой я жилъ, представляетъ много удобствъ. Здѣсь по берегу Ніагары раскинулся цѣлый рядъ кафе, разныхъ панорамъ, фотографическихъ мастерскихъ, а вечеромъ здѣсь бываютъ иллюминаціи. Климатъ лѣтомъ прохладнѣ, зимою теплѣе, чѣмъ въ сосѣдствѣ; вообще подковообразный водопадъ больше принадлежитъ Канадѣ, чѣмъ Штатамъ, хотя средина его составляетъ границу. Съ американской стороны впрочемъ водопадъ представляетъ красоты, которыми нельзя насладиться съ противуположнаго берега. То на лодкѣ или на маленькомъ пароходѣ, то черезъ висячій мостъ, который послѣ столькихъ опытовъ и неудачъ наконецъ успѣли утвердить, я отправлялся чуть не всякое утро на американскую сторону. На ней уже раскинулся городокъ Найагара-Фоллсъ (*Niagara-Falls*), черезъ него уже тянется двѣ желѣзныхъ дороги и въ его гостинницахъ любятъ селиться иностранцы, потому что съ этой стороны больше разнообразныхъ прогулокъ.

Меня сильно занималъ мостъ, одно изъ чудесъ новаго искусства, — не потому, чтобъ онъ былъ длиненъ, — напротивъ скалы противоположныхъ береговъ сходятся здѣсь ближе, чѣмъ на всемъ теченіи Ніагары, именно на 100 футовъ, — но по прочности, которую умѣли дать ему: по немъ ходятъ цѣлые поѣзды желѣзной дороги; между тѣмъ снизу нельзя было утвердить никакой подпоры и все держится на однихъ верхнихъ прутьяхъ. Дѣлались сотни опытовъ разнаго рода и разныхъ размѣровъ: порывистый вѣтеръ, дующій въ глубокой долинѣ Ніагары, разрушалъ въ

одну ночь то, надъ чѣмъ трудились цѣлые мѣсяцы; а между тѣмъ мостъ былъ необходимъ, чтобы соединить линіи желѣзныхъ дорогъ, направлявшихся въ разныя стороны по краямъ неугомонной рѣки. Въ томъ мѣстѣ, которое было выбрано для моста, какъ самое удобное, нельзя было даже пройдти на лодкѣ; чтобы перевезть первую проволоку, ее надобно было направить по вѣтру въ видѣ змѣя, и первой связи обрадовались такъ же, какъ въ недавнее время подводному атлантическому телеграфу. Есть проволочная связь — будетъ мостъ; и дѣйствительно по тонкой проволокѣ пересылались болѣе прочныя связи; наконецъ можно пустить по нимъ корзину, и въ ней человѣка; на берегахъ утвердили машины, которыми подвижный экипажъ двигался взадъ и впередъ, и надъ пропастію установилось правильное сообщеніе, которое было предоставлено въ пользованіе частныхъ людей. По этому же пути пересылались матеріалы, и наконецъ успѣли утвердить мостъ для пѣшеходовъ; но его снесло вѣтромъ, и работа началась снова. Выиграли только опытность; стали строить вновь, и теперешній мостъ, по прочности, легкости и красотѣ, есть одинъ изъ лучшихъ въ мірѣ. Онъ совершенно воздушный и возвышается на 250 футовъ надъ поверхностію воды. Желѣзные прутья, толщиною въ мачту, спускаясь съ столбовъ къ срединѣ моста, удерживаютъ его на этой высотѣ; по верхней настилкѣ смѣло мчится поѣздъ желѣзной дороги, а внизу устроена другая галлерея для пѣшеходовъ и экипажей. Желѣзные канаты укрѣплены въ скалахъ, ближайшихъ къ мосту, и теперь совокупная работа англичанъ и американцевъ, обошедшаяся въ полмилліона долларовъ, не боится ни бурь, ни непогодъ.

Съ моста прекрасный видъ на всю массу ніагарскихъ водопадовъ, отъ перваго ихъ паденія до послѣднихъ стрем—

нинъ. Картина самая полная, и компанія, построившая мостъ, поступила хорошо, что положила взимать по 25 сентовъ съ каждаго, проходящаго по мосту; иначе здѣсь толпились бы всегда любопытные. Впрочемъ плата и теперь удерживаетъ немногихъ. Немудрено: можно любоваться этою картиной, не уставая, цѣлые часы. Проѣзжему хочется увезть отсюда глубокое впечатлѣніе, и желаешь напечатлѣть въ памяти то, на что нельзя насмотрѣться. Американцы, правда, садятся иногда спиною къ своему чуду, но они или приглядѣлись, какъ можно приглядѣться ко всему, или хотятъ насладиться однимъ лишь шумомъ и трескомъ, который подъ конецъ обращается въ своего рода музыку.

Сѣверо-Американскимъ Штатамъ принадлежитъ кромѣ половины подковообразнаго водопада еще цѣлая партія стремнинъ и нѣсколько острововъ, которые дали возможность построить мостъ и башню, эти необходимые, какъ извѣстно, спутники всѣхъ изображеній Ніагары. Заплативъ опять 25 сентовъ за право пройти по этому мосту и во все время пребыванія своего въ этомъ мѣстѣ гулять по Козьему острову (*Goat island*), вы входите съ невольнымъ трепетомъ на мостъ, подъ которымъ клокочутъ разъяренныя волны, разбиваясь о черные камни. На нихъ-то утверждены бревна. Виденъ сильный скатъ къ главному бассейну; какъ бы предчувствуя свое скорое паденіе въ преисподнюю, вода пѣнится здѣсь и въ судорожныхъ мученіяхъ все-таки летитъ на встрѣчу своей несчастной участи. Когда долго смотришь на водопадъ, невольно придаешь ему душу, сознаніе, невольно оживляешь его воображеніемъ, и всякій изгибъ водопада, всякое напряженное его состояніе хочешь объяснить человѣческими чувствами и желаніями. Воображеніе невольно

слѣдитъ за струею, которая цѣлыя столѣтія борется съ препятствіями, пока не преодолѣетъ ихъ, или наоборотъ разбивается о нихъ и сердито клокочетъ. Болѣе практическій человѣкъ впрочемъ воспользовался силою воды для приведенія въ движеніе колесъ фабрики писчей бумаги, и устроилъ теплыя и холодныя ванны, которыя и предлагаетъ во всеобщее употребленіе. А посмотришь на того же человѣка, когда онъ идетъ по мосту черезъ стремнины, куда какъ онъ малъ и безсиленъ! Одинъ невѣрный шагъ, и его нѣтъ!

Еще небольшой мостъ, и вы на Козьемъ островѣ. Не даромъ мѣсто это называется *Indian Emporium*, вывѣски представляютъ цѣлыя группы и исторіи изъ быта дикихъ Ирокезовъ, обитавшихъ здѣсь до прибытія бѣлыхъ; на полотнѣ выведены звѣрскія лица враждующихъ племенъ, и если американскій артистъ не пожалѣлъ красокъ, чтобы придать дикій колоритъ своимъ дикимъ, то хозяинъ магазина, на которомъ красуется вывѣска, ждетъ, что вы, соблазнившись ею, войдете въ лавку, и любуясь не-безвкусными работами изъ разноцвѣтной щетинки по берестѣ, зададите себѣ совершенно естественный вопросъ: какимъ образомъ зашла въ дикіе лѣса Сѣверной Америкѣ промышленность, которой образца напрасно стали бы искать гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ? Рисунки взяты прямо изъ природы, это плоды, ягоды, птицы, цвѣты, животныя, рѣже группы. Для изображенія выпуклости формъ, особенно ягодъ, искусно насаживаютъ бусы, которыя дикіе пріобрѣтаютъ у бѣлыхъ. Разрисованныхъ нитокъ щетины по блеску и тонкости нельзя иной разъ отличить отъ шелка. Съ какимъ трудомъ вышивается этотъ пестрый узоръ въ индійскихъ вигвамахъ, среди грязи, холода, сырости женщиною, которая обречена

на всѣ домашнія работы, на всѣ хлопоты о хозяйствѣ и дѣтяхъ, когда ея воинственный мужъ гоняется за дикимъ звѣремъ или дерется за свою свободу! Попадаются и сами дикіе, предлагающіе свои издѣлія: но большая часть издѣлій скупается, и изъ магазиновъ перепродается за довольно дорогую цѣну.

На Козьемъ островѣ, окруженномъ бушующими стремнинами и водопадами, есть своего рода диковинки. Можно спуститься такъ же, какъ и на канадской сторонѣ, къ самой рѣкѣ и подивиться массѣ воды, низвергающейся въ пропасть; и здѣсь можно войти въ пещеру (*cave of the winds*), смотрѣть изъ нея на водопадъ и на образуемыя имъ радуги, и повторить впечатлѣнія, ощущаемыя подъ занавѣсью. На каждомъ шагу новая неожиданная картина: то новый спускъ, то новый подъемъ, то новая башня на обрывистомъ берегу, и со всякаго пункта открываются свои красоты водопада. Повторяю еще разъ, я не знаю, можетъ ли когда надоѣсть созерцаніе источника такихъ разнообразныхъ впечатлѣній. Я любилъ быть одинъ, чтобы лучше бесѣдовать съ природою; всего чаще цѣлью одинокой прогулки была башня, лежащая посреди всѣхъ ужасовъ и стремнинъ американскихъ водопадовъ.. Называя эту башню, воздвигнутую на обломкѣ скалы, *prospect-tower*, американцы хотѣли тѣмъ означить, что отсюда видны и канадская страна, и подковообразный водопадъ, и наконецъ дальнія стремнины, и знаменитый водоворотъ (*whirlpool*), посылающій сюда вырванныя съ корнемъ деревья и брусья, оторванныя отъ берега. Стоя у балюстрады на верху этой башни, я сочувствовалъ индійцамъ, назвавшимъ это мѣсто Онгакаррою, могучимъ и гремящимъ потокомъ. Бѣлые передѣлали это картинное названіе въ Ніагару, но хорошо, что не замѣнили его новымъ.

Я радъ, что попращался съ Канадою именно у Ніагарскаго водопада: въ Соединенные Штаты я переносилъ пріятныя впечатлѣнія, изумленіе предъ чудесами природы, и ѣхалъ дальше, чтобы дивиться уму и дѣятельности человѣка, умѣвшаго поработить себѣ эту могучую природу и обратить въ полезныхъ дѣятелей разрушительныя силы ея.

КАРТА
СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКИХЪ
СОЕДИНЕННЫХЪ ШТАТОВЪ,
КАНАДЫ
И
ОСТРОВА КУБЫ.
ДЛЯ
ПУТЕШЕСТВІЯ ПО СѢВЕРНОЙ
АМЕРИКѢ
АЛЕКСАНДРА ЛАКІЕРА.
1859 года.
Каналъ.
Рѣка.
Желѣзная дорога.
ОЗЕРО ВЕРХНЕЕ
ВОСТОЧНАЯ ИЛИ НИЖНЯЯ
КАНАДА
ЗАПАДНАЯ ИЛИ ВЕРХНЯЯ КАНАДА
МИНЕССОТА
ВИСКОНСИНЪ
МИЧИГАНЪ
ОЗЕРО МИЧИГАНЪ
ОЗЕРО ГУРОНЪ
О. ОНТАРІО
ОЗЕРО ЭРИ
АЙОВА
КАНЗАСЪ
МИССУРИ
ИЛЛИНОЙСЪ
ИНДІАНА
ОХАЙО
ПЕНСИЛЬВАНІЯ
НЬЮ-ЙОРКЪ
ВЕРМОНТЪ
МЭНЪ
МАРИЛАНДЪ
ВИРГИНІЯ
КЕНТУККИ
ТЕНЕССИ
СѢВЕРНАЯ КАРОЛИНА
ЮЖНАЯ КАРОЛИНА
ГЕОРГІЯ
АЛАБАМА
МИССИСИПИ
АРКАНЗАСЪ
ЛУИЗІАНА
ТЕХАСЪ
ИНДІЙСКАЯ ТЕРРИТОРІЯ
ФЛОРИДА
МЕКСИКАНСКІЙ ЗАЛИВЪ
ОСТРОВЪ КУБА
Квебекъ
Монреаль
Торонто
Кингстонъ
Мадисонъ
Мильвоуки
Шикаго
Дюбукъ
Айова Сити
Перу
Наувоо
Толедо
Клевеландъ
Буффало
Питсбургъ
Бостонъ
Ольбани
Нью-Йоркъ
Филадельфія
Балтиморъ
Вашингтонъ
Ричмондъ
Петербургъ
Норфолькъ
Индіанаполисъ
Цинциннати
Портсмутъ
Лексингтонъ
Луисвиль
С. Луи
С. Чарльсъ
Джеферсонъ Сити
Желѣзная гора
Каиръ
Мамонтова пещера
Мемфисъ
Вильмингтонъ
Чарльстонъ
Саванна
Монгомери
Мобиль
Батонъ-Ружъ
Новый Орлеанъ
Джексонъ
Хавана
Матанзасъ
М. Св. Антонія
С. Яго ди Куба
Лит. А. Беггрова

2024387956

N 34/57